

КИР БУЛЫЧЕВ

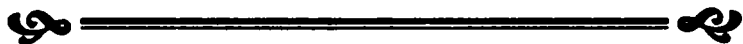
ПРИШЕЛЫЦЫ В ГУСЛЯРЕ

КИР
БУЛЫЧЕВ

ПРИШЕЛЫЦЫ
В ГУСЛЯРЕ

КИР БУЛЫЧЕВ

ПРИШЕЛЬЦЫ В ГУСЛЯРЕ

Москва 1995

**ББК 84Р7
Б90**

**Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

Пришельцы в Гусяре

Составитель А.В. Алексеев

Художник К.А. Сошинская

Ответственный редактор Т.В. Бобрынина

Технический редактор А.Н. Анисеев

Корректор Л.М. Гусева

ЛР № 061445 от 17.07.92

**Сдано в производство 20.01.94 г. Подписано в печать 25.02.94 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Объем 14,5 печ. л. Уч.-изд. л. 22,00. Печать оф-
сетная. Бумага офсетная. Тираж 25 000. Заказ 5459.**

**При участии МП «Энтальпия»
Москва, ул. Делегатская, 9.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.**

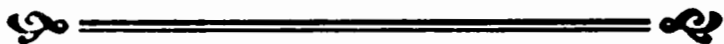
Булычев Кир
Б90 Полное собрание сочинений. Серия «Взрослая фантастика». Т. 4: Пришельцы в Гусяре.— М.: «Хронос», 1995.— 464 с.

ISBN 5—85482—009—9

В настоящий том серии «Взрослая фантастика» полного собрания сочинений Кира Булычева включены написанные в разные годы фантастические рассказы и повести, действие которых происходит в обыкновенном городе Великий Гусяр, в том числе «Глубокоуважаемый микроб», «Нужна свободная планета», «Разум в плену», «Повесть о контакте», «Соблазн», «Спонсор!»

ISBN 5—85482—009—9

**ББК 84Р7
© «Хронос», 1995
© Кир Булычев**

РАССКАЗЫ

..

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Было это в августе, в субботу, в жаркий восточный день.

Николай Ложкин, пенсионер, уговорил своих соседей профессора Минца Льва Христофоровича и Корнелия Удалова провести этот день на озере Копенгаген, отдохнуть от городской суеты, от семьи и работы.

Озеро Копенгаген лежит в двадцати километрах от города, туда надо добираться автобусом, потом пешком по тропинке, через смешанный лес.

Название озера объясняется просто. Когда-то там стояла усадьба помещика Гуля (Гулькина), большого англомана, который полагал, что Копенгаген — английский адмирал. Название прижилось из-за странного для окрестных жителей звучания.

Корнелий Удалов притащил с собой удочки, чтобы порыбачить, профессор Минц — чемоданчик со складной лабораторией, хотел взять воду на пробу: он задумал разводить в озере мидий для народного хозяйства. Николай Ложкин желал загорать по системе йогов. Для начала они выбрали место в тени, под коренастой сосной, устроили там лагерь — расстелили одеяло, положили на него припасы, перекусили и завели разговор о разных проблемах. На озере был еще кой-какой народ, но из-за жары никто рыбу не ловил, отдыхали.

— Давно не было событий, — сказал Удалов. Он разделся, был в синих плавках с цветочком на боку и в газетной треуголке; чтобы не обжечь солнцем лысину.

— Обязательно будут события, — заверил старик Ложкин. — Погода стоит хорошая. Такого в наших местах не наблюдалось с 1878 года. — Для наглядности он нарисовал дату на песке, протянул стрелочку и написал рядом другую: 1978. — Столетие.

В этот момент над ними появился космический корабль. Он беззвучно завис над озером, словно облетел всю Галактику в поисках столь красивого озера, а теперь не мог налюбоваться.

— Глядите, — показал Удалов. — Космические пришельцы.

— Я же говорил, — сказал Ложкин.

— Такие к нам еще не прилетали, — сказал Удалов, поднимаясь и сдвигая назад газетную треуголку. Вид у него был серьезный.

Профессор Минц, который еще не раздевался, лишь ослабил галстук, также встал на ноги и расставил пальцы на определенном расстоянии от глаз, чтобы определить размеры корабля.

— Таких еще не видели, — подтвердил Ложкин. — Это что-то новенькое.

— Издалека летел, — определил профессор Минц, закончив измерения. — Пю-мезонные ускорители совсем износились.

Удалов с Ложкиным пригляделись и согласились с Минцем. Пю-мезонные ускорители требовали ремонта.

Корабль медленно снижался, продвигаясь к берегу, и наконец завис над самой кромкой воды, бросив тень на песок.

— Скоро высадку начнут, — сообщил Удалов.

«Да, — подумал Ложкин. — Сейчас откроется люк, и на песок сойдет неизвестная цивилизация. Вернее всего, она дружественная, но не исключено, что могла пожаловать злобная и чуждая нам космическая сила с целью покорения Земли. А ведь никаких действий не предпримешь. До города двадцать километров, к тому же автобус ходит редко».

Из корабля выдвинулись многочисленные щупы и анализаторы.

— Измеряют условия, — произнес Удалов.

Минц только кивнул. Это было ясно без слов.

Анализаторы спрятались.

И тут случилось неожиданное.

Открылся другой люк снизу. Вместо космонавтов на берег, словно из силосной башни, вывалился ком зеленой массы, похожий на консервированный шпинат, такие консервы были недавно в гастрономе и шли на приготовление

супа. Люк тут же захлопнулся. Зеленая масса расплзлась по песку густым киселем и приблизилась к воде. Корабль взвился вверх и исчез.

— Похоже, — сказал Минц, — на водную цивилизацию.

Ложкин, который уже про себя отрепетировал приветственное слово, так как обладал жизненным опытом и опытом общественной работы, молчал. Зеленая масса не имела никаких органов, к которым можно было бы обратиться с речью. Поэтому Ложкин сказал шепотом, чтобы кисельный пришелец не подслушал:

— Хулиганство в некотором роде. Все озеро загадит, а люди купаются.

— Купаться пока не придется, — ответил Корнелий Удалов. — Возможно, у пришельца нежные части и можно их повредить.

— Плесень он, а не пришелец, — пришел к окончательному выводу Ложкин.

— Может, он радиоактивный? — спросил Удалов.

— Сейчас проверим.

Минц раскрыл чемоданчик, в котором находились складной микроскоп, спектрограф, счетчик Гейгера, пробирки, химикалии и другие приборы.

Старик Ложкин, проникшись недоверием к зеленому пришельцу, который уже частично вполз в воду и расплылся по ее поверхности зеленой пленкой, достал химический карандаш и на листе фанеры написал печатными буквами:

Купаться,
ловить рыбу,
стирать белье
ЗАПРЕЩАЕТСЯ.
ОПАСНО!

Потом он прикрепил фанеру к сосновому стволу, и люди, сходявшиеся к месту происшествия с других участков берега, останавливались перед объявлением и читали его.

Минц спустился к воде и нагнулся над зеленой жижей. Счетчик радиации молчал, что было утешительно.

— А не исключено, — сказал он Удалову, который

стоял над ним, страховал сзади, — что это — космический десант.

— Жалко, — огорчился Удалов. — Я всегда стою за дружбу между космическими цивилизациями.

— Если эта зеленая плесень начнет быстро размножаться, покроет слоем всю нашу планету, то инопланетным агрессорам нетрудно будет взять нас голыми руками.

— Можно попроще способ придумать.

— Что мы знаем об их психологии? — спросил Минц. — А если они всегда так покоряют чужие планеты?

Один из рыболовов сказал:

— Поседу домой. Мне с огорода надо помидоры снять. А то пришельцы все потравят.

За ним последовали некоторые другие из купальщиков и рыболовов. Но основная масса осталась, потому что для среднего горожанина нет большего удовольствия, чем встреча с *неведомым*, прикосновение к тайнам космоса.

— Теперь, — заявил профессор Минц, — надо исследовать поведение плесени в водной среде.

Он начал брать пробы и смотреть на пришельца в микроскоп.

Удалов также не терял времени даром. Он сначала нарисовал в воздухе круг и треугольник, вызывая к общему для всех разумных существ знанию геометрии, а затем достал из-под сосны свои брюки, чтобы наглядно объяснить пришельцу теорему Пифагора о штанах. Плесень не обратила внимания на усилия Удалова, но тут были обнаружены выводы Минца:

— Совершенно безопасная субстанция. Микроскопические водоросли, примитивные организмы, встречаются на Земле. Разумом не отличаются.

— Это еще не факт, — возразил Удалов, но штанами махать перестал, а надел их. — Может, если сложить их вместе, получится коллективный разум.

— Если даже целое поле капусты сложить вместе, получится большая куча капусты, но никакого разума, — возразил Минц.

— А если она размножится и покорит Землю? — спросил Ложкин. — Вы же сами предупреждали, Лев Христофорович.

— У нее было много времени, чтобы это сделать в

далском прошлом. Миллиарды лет эта водоросль обитает на Земле.

— Она рыбу всю поморит, — высказал предположение молодой человек в тельняшке.

— Рыба ее уже кушает, — сказал Минц.

Так рухнула теория о космическом десанте, пропала втуне заготовленная Ложкиным речь и провалились усилия Удалова по поводу теоремы Пифагора. Минц свое дело знал. Если он сказал, что космический корабль вывалил на берег озера Копенгаген просто кучу мелких водорослей, значит так оно и есть.

Разочарованные зрители разошлись по берегу, а Минц с соседями сел под сосну у запретительной надписи и стал думать, что бы это все значило. Не может быть, чтобы из космоса прислали корабль только для того, чтобы привезти кучу водорослей.

Водоросли, оставшиеся на берегу, быстро сохли под солнцем, чернели, впитывались в песок.

— Нам поставили логическую загадку, — предположил Удалов. — Нас испытывают. Испугаемся или нет.

— А сами наблюдают? — спросил Ложкин.

— Сами наблюдают.

Минц поднялся и пошел по берегу, чтобы определить границы выпадения водорослей. Озеро жило своей мирной, тихой субботней жизнью, и ничто не напоминало о недавнем визите космического корабля. Минц споткнулся обо что-то твердое. Полагая, что это камень, он ударил носком по препятствию, но препятствие не поддавалось, зато Минц, который был в легких сандалиях, ссадил большой палец.

— Ой! — сказал он.

Удалов уже спешил к нему на помощь.

— Что такое?

— Камень. Он водорослями покрыт.

Интуиция подсказала Удалову, что это не камень. Он быстро опустился на корточки, разгреб водоросли, еще влажные и липкие. И его старания были вознаграждены. Небольшой золотистый цилиндр, верхняя часть которого выступала из песка, медленно ввинчиваясь, уползал вглубь.

— А вот и пришелец, — сказал Удалов, по-собачьи разгребая обими руками песок, чтобы извлечь цилиндр.

Цилиндр был невелик, но тяжел. Минц живо достал из чемоданчика ультракоротковолновый приемник, который оказался там только потому, что в чемоданчике было все, что могло пригодиться, настроил его и сообщил:

— Так я и думал. Цилиндр издает сигнал на постоянной волне.

— И на нем что-то написано, — сказал Удалов.

И вправду, на нем было что-то написано.

Цилиндр развинтили. Внутри обнаружили свернутый в трубочку свиток металлической фольги с такими же буквами, как и на его оболочке.

— Похоже на эсперанто, — размышлял Минц, разглядывая текст. — Только другой язык. И неизвестная мне графика. Но ничего, окончания и префиксы просматриваются, знаки препинания угадываются, структура проста. Дайте мне десять минут, и я, как и любой на моем месте лингвистический гений, прочту этот текст.

— Вот и хорошо, — заключил Удалов. — А я побегу колбасу порежу и пиво открою.

Удалов приготовил пищу, Минцу тоже дали бутерброд, и через десять минут расшифровка была закончена, ибо Минц использовал в своей работе опыт Шампольона — Кнорозова и других великолепных мастеров, специалистов по клинописи и письменности майя.

— Вниманис, — сказал Минц. — Если вы заинтересованы, я прочту перевод космического послания. Оно не лишено интереса. — Минц тихо хихикнул. — Сначала надпись на цилиндре: «Вскрыть через четыре миллиарда лет».

— Чего? — спросил Ложкин.

— За точность перевода ручаюсь.

— Тогда зря мы это сделали, — сказал Удалов. — Они надеялись, а мы нарушили.

— Мне столько не прожить, — сказал Ложкин. — Поэтому раскаиваться нечего. Кроме того, мы сначала вскрыли, а потом уже прочли запрещение.

— А теперь текст, — напомнил Минц. — «Дорогие жители планеты, названис которой еще не придумано...»

— Как так? — удивился Ложкин. — Наша планета уже называется.

— И это в космосе многим известно, — поддержал его Удалов.

Минц переждал возражения и продолжал:

— «Сегодня минуло четыре миллиарда лет с того дня, как автоматический корабль-сеялка с нашей родной планеты Прекрупидан совершил незаметный, но принципиальный шаг в вашей эволюции. Будучи адептами теории и практики панспермии, мы рассылаем во все концы Галактики корабли, груженные примитивной формой жизни — водорослями. Попадая на ненаселенную планету, они развиваются, так как являются простейшими и неприхотливыми живыми существами. Через много миллионов лет они дадут начало более сложным существам, затем появятся динозавры и мастодонты, и наконец наступит тот счастливый в жизни любой планеты день, когда обезьяно-человек возьмет в лапы палку и начнет произносить отдельные слова. Затем он построит себе дом и изобретет радио. Знайте же, что вы, наши отдаленные во времени-пространстве родственники по эволюции, благодаря изобретению радио, поймали сигнал нашей капсулы, захороненной четыре миллиарда лет назад на берегу необитаемого и пустынного озера, потому что мы засеяли его воду примитивными водорослями. Мы не оставляем нашего обратного адреса — срок слишком велик. Мы подарили вашей планете жизнь и создали вас совершенно бескорыстно. Если вы нашли капсулу и прочли послание — значит, наша цель достигнута. Скажите нам спасибо. Счастливой эволюции, друзья!»

— Вот и все, — закончил Минц, не скрывая некоторой грусти. — Они немного опоздали.

— Я же говорил, что они разумные, — сказал Удалов. — И никакой враждебности.

Удалов верил в космическую дружбу, и записка в цилиндре лишь укрепила его в этой уверенности.

Микроскопические водоросли плавали по озеру, и их ели караси. Но Ложкин вдруг закручинился.

— Ты чего? — спросил Удалов. — Чем недоволен? Адреса нету? Адрес мы узнаем. Слетаем к ним, вместе посмеемся.

— Я не об адресе. Я думаю, может, поискать еще одну капсулу.

— Какую еще?

— Ну, ту самую, которую кто-то оставил на Земле четыре миллиарда лет назад.

СВОБОДНЫЙ ТИРАН

Хоть горячее было на исходе, приземлился Удалов удачно: ничего не разбилось и сам не пострадал.

Удалов поглядел в иллюминатор — дождя не было, температура плюс семнадцать. Удалов надел пиджак, проверил, не забыл ли бумажник с документами, и спустился по трапу на незнакомую планету.

Корабль стоял на пустоши, в кустах, засеянное поле удалось не повредить, и это Удалова порадовало. Он зашагал по пыльной дорожке к городу.

В городе у крайнего дома копался пожилой мужчина в серой куртке и серых штанах.

— Простите, — обратился к нему Удалов на космолингве, языке, понятном во всей цивилизованной Галактике. — Вы не скажете, где у вас продают топливо для космических кораблей?

— Нет у нас космических кораблей, — ответил местный житель.

— А керосин у вас есть? Мне в крайнем случае керосин подойдет.

— Керосин есть, — ответил местный житель. — Только вам не продадут.

— Почему?

— Потому что вы нарушили. В зону спустились.

— Я с мирными целями, — сказал Удалов. — Пролетом. У меня все документы в порядке.

— Мое дело маленькое, — ответил местный житель. — Я просто заключенный.

И он снова принялся копать огород. А Удалов только тут заметил, что на груди и на спине поселянина нашит черный семизначный номер.

Эта новость несколько встревожила Удалова, но он

продолжил путь. Встречались редкие прохожие. На Удалова они смотрели с любопытством, но вопросов не задавали. И он молчал. Все прохожие были в сером и с черными номерами.

Тут Удалов увидел человека со стопкой книг под мышкой. Удалов смело подошел к нему, полагая, что с интеллигентом всегда легче договориться. Он задал ему вопрос о керосине. Человек ответил, что керосин достать трудно — в стране нет автомобильного и подобного транспорта. Еще три года назад по приказу тирана все двигатели были уничтожены, чтобы злоумышленники не убежали, воспользовавшись ими, из зоны.

— Надо ли ваш ответ понимать так, будто я нечаянно опустился на территорию концлагеря, а вы все тут заключенные?

— Вы правильно рассуждаете, инопланетянин, — ответил интеллигент.

— За что же вы арестованы? — спросил Удалов.

— Кто за что! — уклончиво ответил интеллигент.

— А есть ли автомобили за пределами зоны?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал интеллигент, — так как я не знаю, что делается в остальном мире.

— Неужели без права переписки? — удивился Удалов. Интеллигент кивнул.

— А как же семья?

— Нет у меня семьи, — вздохнул интеллигент и поспешил прочь.

Возможно, потому, что к Удалову приближался полицейский. Его можно было отличить по фуражке, палке в руке и высоким сапогам. В остальном он был одет, как заключенный, и номер у него был тоже семизначный.

— Что происходит? — спросил полицейский.

Удалов сразу во всем признался и был арестован.

Полицейский повел его по главной улице лагерного города. Тот мало чем отличался от обыкновенного, лишь вместо названий улиц на углах висели номера блоков или зон, а вместо номеров домов — надписи «Барак № 456» или «Карцер № 24». Но это не мешало работать парикма-

херским и извозчикам. Правда, даже на лошадях были лагерные номера.

В помещении лагерной комендатуры Удалов попросили подождать. Удалов уселся на лавку в узком коридоре. По одну сторону от него сидел оживленный подросток, по другую — девица легкого поведения. Ее профессию можно было угадать по укороченной серой юбке и глубокому вырезу в лагерной робе.

— Удивляет меня ваш лагерь, — сказал Удалов. — Все занимаются своими делами, и никто не перевоспитывается специфическим трудом.

Подросток угодливо засмеялся, а девица схватила мальчишку за вихры и принялась трясти. Она трясла подростка до тех пор, пока он не выплюнул часы Удалова. Как и многие проститутки, та девица в обыденной жизни была сердобольным человеком.

Вернулся полицейский и отвел его к коменданту.

— Как? — удивился Удалов. — Вы тоже заключенный?

— Разумеется, — ответил комендант.

— И давно сидите?

— Давно, — ответил комендант. — Но вам припаяют куда больше.

— За что?

— За бегство.

— Но я никуда не бегал.

— Границу зоны пересек? Значит, бегал.

— Но я же внутрь пересек, а не наружу!

— Не все ли равно, в какую сторону?

— А что же теперь делать?

— После обеда суд соберется. А пока пойдите перекусите. Направо за углом неплохое кафе. Сам там питаюсь. У вас деньги есть?

— Межпланетные кредиты и советские рубли.

— Лучше рубли, — сказал комендант. — Устойчивей. Давайте разменяю.

— Но если я арестованный, — сказал Удалов, пока комендант разменивал деньги, — как же вы меня в кафе отпускаете?

— Я вас не отпускаю, — резонно ответил комендант. — Вы уже в заключении. И ваш срок уже идет.

Девушка легкого поведения ждала Удалова у комендатуры.

— Накормишь, кавалер? — спросила она.

Удалов не мог отказать доброй девушке. Она вела себя пристойно, а кафе оказалось чистым и кушанья добротными.

Говорили о пустяках. Удалов поведал о своих проблемах, а девушка рассказала о неудачно сложившейся судьбе.

Только Удалов, допив чай, собрался узнать побольше о заключенном городе, как в кафе вошел генерал в эполетах, пришитых к тюремной робе.

Он сразу направился к Удалову и сказал:

— Инопланетного пришельца ждут в резиденции.

— Счастливый, — сказала девушка, — на свободе бываешь.

Заключенный генерал посадил Удалова в карету с зарешеченными окошками, выглядывать наружу запретил, и они поехали в резиденцию.

Карета остановилась перед высокой решеткой, разделявшей надвое обширный газон. Два часовых по приказу генерала отперли калитку в решетке, обыскали Удалова и запустили на свободную территорию.

Посреди газона под небольшим балдахином стоял письменный стол. За ним — золотое кресло. В кресле сидел тиран, разительно отличавшийся от всех, кого пришлось здесь увидеть Удалову. Он был облачен в пышный муидир, украшенный орденовыми звездами и аксельбантами.

— Простите, — сказал тиран, — что не приглашаю вас сесть. Не выношу, когда сидят в моем присутствии.

Удалов возражать не стал.

— Мне сказали, что вы ищете керосин, — сказал тиран. — Но вас задержали при нарушении границы лагеря. Теперь вам грозит длительное заключение. Я правильно излагаю?

С тиранами не спорят. Удалов кивнул.

Тиран поднялся с кресла, обошел стол и протянул Удалову руку.

— Я вам сочувствую, - сказал он. — Мне приходится иметь дело с наивными людьми. Если они сами попали в лагерь, то они считают, что и наши гости тоже должны там сидеть.

Тиран захохотал и принялся трясти руку Удалова:

— А меня зовут Тиран-справедливый. Смешно, правда?

Потом они стали гулять по газону, и тиран упросил Удалова рассказать подробно о галактической обстановке, о новостях на других планетах, куда тирану давно хотелось слетать, но дела не пускали.

Установилась непринужденная атмосфера, и Удалов спросил:

— Зачем же так много людей держать в лагере?

— К этому приводит логика жизни, — печально ответил тиран.

— Простите, но я не понимаю.

— Когда я победил в борьбе за власть, мне пришлось изолировать оппозицию. Не мог же я всех убить? Вскоре обнаружилось, что содержание лагерей для врагов очень дорого обходится моему любимому народу. Все им подавай — и парикмахеров, и поваров, и палачей, и всем плати зарплату... — Тут тиран встал в позу, звякнул орденами и воскликнул: — Но недаром же я гений! Я арестовал нужное число парикмахеров, поваров и палачей. И всех посадил в лагерь. Пускай исполняют обязанности бесплатно. Ясно?

Удалов неопределенно наклонил голову. Тирану было достаточно такой похвалы. Он продолжал:

— Но чем их всех кормить? Во что одевать? Пришлось посадить в лагеря крестьянство и рабочих, инженеров и даже писателей вместе с типографиями... — Тиран удовлетворенно вздохнул. — Проблема была решена, — закончил он.

Они еще немного погуляли. Потом тиран доверительно сообщил гостю:

— Дорого нам обходится правительство...

И тут же светлая идея пришла в голову тирану. Он кинулся к письменному столу и принялся писать указ. Дописав, вызвал заключенного генерала и рявкнул:

— Правительство арестовать! Зону расширить на соответствующий блок. А моего личного гостя отведите в зону и найдите ему койку в приличном бараке. Завтра я с ним продолжу беседу.

Генерал вывел Удалова в зону, запер калитку и тут же велел подбежавшим охранникам арестовать министров.

Затем отвез Удалова обратно в центр и высадил у трехэтажного здания, по фасаду которого протянулись черные буквы: «Барак № 21». А внизу помельше золотом и с финтифлюшками: «Отель «Каторга».

Администратор в лагерной одежде велел охраннику проводить Удалова на второй этаж. Там ему открыли дверь «одиночки № 45». Карцер был уютный, с двухспальной кроватью.

На рассвете Удалова разбудили. В карцере стоял заключенный генерал. Через руку у него висела серая одежда.

— Тиран-справедливый требует к себе заключенного номер 6789421, — гаркнул он. — Переодевайтесь.

Удалов послушно переоделся. Наверное, тиран забыл, что Удалов еще свободный, придется напомнить.

Когда Удалов с генералом проходили через холл, из-за колонны выскользнула девица легкого поведения.

— Здравствуй, — сказала она. — Наша фирменная одежда тебе к лицу. А я достала керосину. Тридцать гекалитров. До Альдебарана должно хватить.

Она была славной девушкой. И бескорыстной. Удалов пожелал ей скорейшего освобождения и счастья в личной жизни.

Договорились, что керосин девица подвезет к кораблю. Потом Удалов вернулся к генералу, и они поехали в резиденцию.

— Как вчера прошли аресты? — спросил Удалов. — Удачно?

— Как положено, — сухо ответил генерал.

Они вышли на знакомый газон.

Середина его была обнесена решеткой. Внутри нес размещались письменный стол и золотое кресло. За столом сидел тиран в красивом мундире и что-то писал. На остальной территории газона, отошедшей теперь к концлагерю, резвились дети и загорали заключенные няни.

Удалов остановился у входа в клетку.

— Заходи, — узнал его тиран. — Почувствуй себя свободным человеком. Ты уж прости, но мне пришлось тебя осудить. Все-таки нарушение границы зоны — серьезное преступление.

— Что же получается? — спросил Удалов. — Вы теперь один на свободе остались?

— Да! — твердо ответил тиран.

— Тогда я пошел, — сказал Удалов.

Тиран сильно гневался вслед, но покинуть свободную клетку не решился.

Лагерную одежду с номером 6789421 Удалов оставил себе на память.

1988 г.

ТИТАНИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Последняя по времени серия гуслярских историй была написана в 1988 году, за относительно короткое время, и в них изменилось не только настроение, но даже и адрес изданий, для которых они предназначались.

Как и положено добропорядочному фантасту, я всю жизнь печатался в тонких научно-популярных изданиях и журналах, а мои возможности определялись зачастую вкусами милейших людей, которые в этих журналах работали, а также их пристрастиями или беспристрастностью. Прорыв гласности заставил меня (и весь Гусляр) двинуться на освоение новых полей деятельности. Новые же поля деятельности также оказывались открытыми для фантастики. Так что гуслярские истории последних лет переместились на страницы газет.

Преимущество этих рассказов над теми, что печатались в течение двадцати предыдущих лет, заключается в их гражданственности. Недостаток в том, что фантастика в них отступает на второй план перед фельетонной (в широком смысле этого слова) тематикой.

Любители фантастики чаще всего были этим недовольны и в очередной раз во мне разочаровывались. Мне пришлось выслушать жестокую критику в адрес рассказа «Звездное небо», в котором из политических соображений на какой-то отдаленной планете решено считать небо твердым и потому властителя планеты — уникальным. Критики уловили сходство персонажа рассказа с академиком Лысенко и правильно сделали. Меня же интересовало не сходство и не различие, а проблема отношений власти и людей науки.

Далеко не все рассказы последних лет я осмелился включить в этот сборник, но познакомить читателя с

их образцами было интересно. В конце концов, Великий Гусляр расположен не в созвездии Кита, а в Вологодской области, так что перестройка на него распространяется, а заботы гуслярцев мало чем отличаются от наших с вами забот. Тем более теперь летающие тарелочки стали приземляться не только в Великом Гусляре, но даже в Воронеже. А завтра их станет больше. Чем хуже с колбасой, тем лучше с мистикой и тарелочками, как частным ее выражением.

Удалов вошел в кабинет к Николаю Белосельскому. Вернее ворвался, потому что был вне себя.

— Коля! — воскликнул он с порога. — Я больше не могу.

Предгор Белосельский отложил карандаш, которым делал пометки на бумагах, пришедших с утренней почтой, ласково улыбнулся и спросил:

— Что случилось, Корнелий?

Когда-то предгор учился с Удаловым в одном классе, и их дружеские отношения, сохранившиеся в зрелые годы, не мешали взаимному уважению и не нарушали их принципиальности.

— Я получил сегодня утром восемь новых форм отчетности, четыре срочные анкеты по шестьсот пунктов в каждой, не считая сорока трех прочих документов и инструкций.

С этими словами Удалов поставил на стол предгора объемистый портфель, щелкнул замками, наклонил, и гора бумаг вывалилась на стол.

— Ну чем я могу тебе помочь, — вздохнул Белосельский, который сразу все понял. — Я сам завален бумагами — работать некогда.

— Так мы перестраиваемся или не перестраиваемся? — спросил Удалов. — Неужели ты не понимаешь, Коля, что бюрократы нас скоро погребут под бумагами? Бумаги нужны им для того, чтобы оправдать свое бессмысленное существование. А мы терпим.

— Мы боремся, — сообщил Белосельский. — Три дня назад мы уговорили Горагропром сократить на шесть процентов квартальную отчетность. После долгого боя они согласились.

— Ну и что?

— А то, что оставшиеся девяносто четыре процента они увеличили втрое в объеме.

— Надо разогнать.

— Мы не можем разогнать, — сказал Белосельский. — Все наши организации подчиняются вышестоящим организациям, а все вышестоящие организации подчиняются очень высоко стоящим организациям, и так до министерств...

— Тогда подаю заявление о пенсии, — заявил Удалов. — Я уже три дня не был на стройплощадке. У меня рука сохнет.

— Так не пойдет, — сказал Белосельский. — Своим капитулантским шагом ты лишаешь меня союзников. Мы должны думать, а не плакать.

— Тогда думай! — закричал Удалов. — Тебя же для этого сделали городским начальником.

— Если бы я знал! — с тоской произнес Белосельский и, подойдя к окну, вжался горячим лбом в стекло. Ему хотелось плакать.

— Простите, друзья, — раздался голос от двери.

Там стоял незаметно вошедший в кабинет профессор Лев Христофорович Минц.

— Заходите, Лев Христофорович, — откликнулся Белосельский. — Беда у нас общая, хоть от вас и далекая.

— Я все слышал, — сказал Минц. — Но не понимаю, почему такая безысходность?

— Бюрократия непобедима, — ответил Белосельский.

— Вы не правы. К этой проблеме надо подойти научно, чего вы не сделали.

— Но как?

— Отыскать причинно-следственные связи, — пояснил профессор. — К примеру, если я собираюсь морить тараканов, я первым делом выявляю круг их интересов, повадки, намерения. И после этого бью их по самому больному месту.

— Так то ж тараканы! — воскликнул Удалов.

— А тараканы, должен вам сказать, Корнелий Иванович, не менее живучи, чем бюрократы.

— Что же вы предлагаете? — спросил Белосельский.

— Я предлагаю задуматься. В чем сила бюрократа?.. Ну? Ну?

Друзья задумались.

— В связях, — произнес наконец Белосельский.

— В нежелании заниматься делом, — сказал Удалов.

— Все это правильно, но не это главное. Объективная сила бюрократии заключается в том, что она владеет бумагой. А бумага, в свою очередь, имеет в нашем обществе магическую силу. Особенно если она снабжена подписью и печатью. При взгляде на такую бумагу самые смелые люди теряют присутствие духа, цветы засыхают, заводы останавливаются, поезда сталкиваются с самолетами, писатели вместо хороших книг пишут нужные книги, художники изображают на холстах сцены коллективного восторга, миллионы людей покорно снимаются с насиженных мест и отправляются в теплушках, куда велит бумага...

— Понял, — перебил профессора Удалов. — Нужно запретить учить будущих бюрократов читать и писать. Оставим их неграмотными!

— Они уже грамотные, — сказал Белосельский.

А Минц добавил:

— К тому же бюрократами не рождаются, ими становятся. И опять же по велению бумаги. Потому я предлагаю лишить нашу бюрократию бумаги!

— Как так лишить? — удивился Белосельский.

— Физически. Не давать им больше бумаги. А не будет бумаги, им не на чем будет писать инструкции и запреты, а вам не на чем будет составлять для них отчетность.

— Но как?

— Вы не можете закрыть все учреждения, вы не можете выгнать бюрократов на улицу. Но в вашей власти отказать им в бумаге. Вся власть Советам!

Слова мудрого Льва Христофоровича запали Белосельскому в душу. Не сразу, а собрав вокруг себя сторонников, обдумав процедуру, он издал указ, радостно встреченный всем населением.

«Отныне и навсегда ни одно учреждение города Великий Гусляр не имеет права держать в своих стенах никакой бумаги, кроме туалетной и предназначенной для написания заявления об уходе (по листку на каждого чиновника)».

Мы не будем описывать здесь, как сложно было перекрыть доступ бумаге в учреждения и конторы, как хитри-

ли и изворачивались руководители этих контор, как пришлось ставить добровольцев на городских заставах, чтобы пресечь контрабанду бумаги из области и даже из Москвы. Но если народ решил, то народ справится!

Бумажный поток был перекрыт. Город вздохнул свободно. Бравые патрули перехватывали врывающийся в город поток бумаги и тут же сдавали в макулатуру. Уже через две недели на эту макулатуру каждый житель города получил по книге Дюма и собранию сочинений писателя Пикуля.

С каким наслаждением шли утром на работу Корнелий Удалов, а также все его сограждане! Они были уверены, что никто не будет отвлекать их от созидательного труда. А производительность этого труда между тем резко возросла.

Учреждения затаились. В их недрах шли бесконечные совещания, но так как протоколы приходилось вести на туалетной бумаге, они оказывались недолговечными, и наутро приходилось совещание повторять, так как совещание, не оформленное протоколом, считается недействительным.

Удалов с Белосельским со дня на день ждали светлого момента, когда откроются двери Горснаба, Горстата, Горотчета, Горпромплана и других контор, откуда выйдут сотрудники и сотрудницы, чтобы сдать на милость победителей и перейти наконец к станкам, больничным койкам, классным доскам и прочим местам, где так не хватает людей. Но двери не открывались.

Прошла неделя. И вдруг Удалов, проходя по Пушкинской, увидел скромное объявление. Оно звучало так: «Горотчету на постоянную работу требуются каменщики, ткачи, вышивальщики, граверы и чеканщики. Оплата по ставкам ведущих экономистов, тринадцатая зарплата гарантирована».

Сердце тревожно забилось, но еще тревожней стало Удалову, когда он на следующей улице увидел такое же объявление, вывешенное Горпромпланом.

Худшие подозрения Удалова подтвердились в тот же день. Примерно за час до обеда к нему в контору вошли три дюжих молодца. Они волокли большую гранитную плиту. На плите были тщательно выбиты буквы:

ИНСТРУКЦИЯ

по учету использования арматуры
в пересчете на погонные метры и кубические сантиметры.

Для служебного пользования.

Срочно.

Ответ предоставить в течение 24 часов
под личную ответственность.

Молодцы поставили плиту к стене. Солнце, заглянувшее в комнату, осветило своими теплыми лучами глубоко выбитые строчки.

— Распишитесь в получении. — Один из молодых протянул Удалову медный лист и молоток с долотом. — Вот тут выбейте свою фамилию.

До обеда Удалов выбивал по меди свою фамилию. А из соседних фабрик, контор, магазинов и учебных заведений ответно постукивали молотки — руководители и директора расписывались в получении инструкций.

Вместо обеда Удалов кинулся к Белосельскому.

Тот был в трауре: стены его кабинета были заставлены разного рода каменными плитами, медными и железными листами, на столе лежали грудой шелковые и хлопчатобумажные свитки с вышитыми на них запросами, жалобами, анкетами и рекомендациями.

Посреди кабинета стоял профессор Минц и сдержанно улыбался.

— Ну что вы улыбаетесь! — завопил Удалов с порога. — Они нас победили! Лучше я буду расписываться на бумаге, чем, как египетский раб, выбивать свою фамилию на твердых предметах.

— Не падайте духом, Корнелий, — произнес Лев Христофорович. — И вы не падайте, товарищ Белосельский. Враг пошел на последние, крайние меры. Значит, он слабеет.

— Да вы посмотрите в окно, — сказал Николай. — Отсюда видно — они беспрерывно куют и вышивают! Они все при деле! Они расширяют штаты.

— А мы хитрее, — возразил Минц. — На прошлом заседании вы отказали в создании кооператива гранильщиков, кооператива вышивальщиц, артели чеканщиков?

— Мы не отказали. Мы перенесли вопрос на будущее, потому что не были подготовлены нужные бумаги.

— Вот именно! Бумаги! А теперь у нас нет бумаг!

— А как же...

— И ты туда же, Коля? — строго спросил Удалов.

Лицо Белосельского озарила лукавая усмешка.

— Верочка! — позвал он секретаршу. — Вы можете вызвать ко мне представителей всех кооперативов? Сейчас. Спасибо.

Через час, без единой бумаги, оперативно и решительно в городе были организованы кооперативы чеканщиков, гранильщиков, каменщиков, вышивальщиц и прочие добровольные организации, готовые внести свой вклад в развитие экономики и заработать при этом больше, чем могли заплатить городские учреждения, даже с учетом тринадцатой зарплаты.

Бюрократия лишилась рабочих рук.

Прошло еще пять дней. Жизнь в городе текла спокойно. Новые инструкции не появлялись.

Утром во вторник Удалов сказал жене Ксении:

— Ксюша, наша титаническая борьба с бюрократией кончилась в нашу пользу. Бюрократия потерпела поражение!

Тут из другой комнаты вышел сын Удалова, подросток Максимка.

— Папа, — сообщил он, — мы в поход не пойдем.

— Почему же? — удивился Корнелий. — Ты же так готовился.

— Вчера приходил к нам один дядя из Горпромплана и всем нам предложил заработать.

— Вам? На каникулах?

— Папа, ты совершенно не следишь за дискуссиями о просвещении. Пора, наконец, приблизить школу к жизни. Наше образование находится в критическом положении. Я не хочу быть недорослем! Мой сверстник в Соединенных Штатах зарабатывает на каникулах сотни и даже тысячи долларов, разнося молоко и газеты!

— Остановись! — закричал Удалов. — Все стали образованные! Иди, зарабатывай. Но честным трудом!

— Я понял, папа. Если мне предложат что-то бесчестное, я откажусь, даже если на эти деньги я мог бы купить мотороллер.

Вечером они встретились с сыном за ужином.

— Ну что, сынок? — спросил Удалов.

— Очень интересная идея, — ответил Максимка. — Все мы будем работать курьерами.

Удалов искренне рассмеялся.

— Какими же вы будете курьерами, если бумаг нету?

— А мы и будем бумагами. Каждый из нас получает номер. Я, например, исходящий 18-24 от 14 июня. Состою из шестидесяти пунктов и завтра с утра направляюсь в область.

— Не выйдет, — ответил Удалов, все еще не в силах поверить в дьявольскую выдумку Горпромплана. — Ты не запомнишь все пункты.

— Запомню, — улыбнулся подросток.

Он вытащил из кармана длинную тонкую веревку, от которой отходили короткие веревочки со множеством узелков.

— Письмо туземцев майя, — пояснил он отцу. — Докладывая мое содержание, я пользуюсь этим письмом как подсказкой. Показать?

— Ну... — неуверенно сказал Удалов.

Максимка встал в позу, потянул пальцами конец веревки и монотонно заговорил:

— Исходящий 18-24 от 14 июня. В областное управление Главпромпланстройкомплекта заместителю подзаведующего сектором вторичного учета товарищу Богаткину Гы Мы...

— Хватит, — махнул рукой Удалов. — Сдаюсь. Боюсь только, что они там тебя заприходуют, пришьют к делу, положат на полку и забудут покормить.

Сын только отмахнулся. Он ходил по комнате, перебирал пальцами веревочки и тихо бубнил.

Наутро Удалов, проходя мимо открытых окон Горучетинспекции, услышал доносящееся оттуда бормотание. Он остановился, заглянул внутрь. Перед начальственным столом стояла девчушка лет десяти и послушно повторяла за начснабом Лапкиным, которого Удалов давно знал:

— Пункт третий: поручить руководителям нижних управленческих звеньев...

— Не упадочнических, а управленческих, девочка! Если не запомнишь до обеда — лишишься компота.

На автобусной остановке, в ожидании машины в об-

ласть, томились два десятка школьников с веревочками в руках...

Трое юношей и первоклассник в очках ждали Удалова в конторе.

Они были вежливы, но настойчивы. Удалову пришлось выслушать их тексты и послания соответствующих организаций. Затем Удалов покорно спросил:

— А где расписываться в получении?

— Если есть круглая печать, — ответил один из ходячих документов, — ставьте мне на лоб.

— На лоб?

— Разумеется, чтобы видно было.

Удалов улыбнулся. Он достал из стола круглую печать, густо намазал ее чернилами и злорадно припечатал круглые лобики детей.

— Пускай теперь вас папы с мамами отмывают! — сказал он.

Но когда подошел к очкастому первокласснику, рука его не поднялась.

— А еще куда можно? — спросил он.

Мальчик протянул ему ладошку. И Удалов припечатал ладошку.

Весь день по городу шастали входящие и исходящие. У некоторых детишек на лобиках стояло уже по три-четыре печати. А на щеках были подписи фломастерами.

Удалов перестал улыбаться.

А когда вечером вернулся из города усталый Максика, лоб и щеки которого были густо разукрашены штампами и печатями, он собственноручно, несмотря на громкие вопли мальчика, который лишился честно заработанных денег, отмыл его в ванной так, что только кожа не слезла.

Впрочем, та же сцена повторилась во многих домах, что сильно обесценило детей в качестве документов.

А на следующий день после короткого и бурного совещания в Гордоме все дети города были отправлены в палаточный лесной городок, который мгновенно выстроили родители.

— Ну вот, вроде и все, — сказал Удалов еще через день.

Ему только что позвонил Коля Белосельский, который сообщил, что к нему прорвались курьеры из области. Один принес инструкцию, вырезанную из березовых листьев.

второй прямо в кабинете снял майку и показал письмо, написанное на его животе. Следовательно, в других городах и даже в области почин великогуслярцев был подхвачен.

— Титаническая борьба подошла к концу, — сообщил Удалов жене, уходя на службу.

— Ты мне это уже говорил, — ответила Ксения. — Погоди, они еще не сдались.

Удалов только отмахнулся от пророческих слов супруги. Светило солнце, пели птицы, впереди гудели автомобили.

На центральной площади города, обширной и заасфальтированной, что-то происходило.

Машины и автобусы, которые намеревались было пересечь площадь, вынуждены были остановиться.

Туда, на площадь, чиновники из различных учреждений, здания которых окружали площадь, выносили свои столы. Сотни столов, тысячи столов...

Руководители учреждений и контор, руководствуясь планчиками, нарисованными на клочках туалетной бумаги, указывали, где ставить столы.

Удалов остановился на краю площади среди зевак, стараясь понять, что же замыслила гибнущая бюрократия.

Постепенно стал вырисовываться рисунок, согласно которому устанавливались столы. В сумме они составили три громадные буквы:

«SOS»

Затем по команде сотрудники уселись за столы и стали смотреть в небо.

Удалов тоже посмотрел в небо. Небо было голубым и пустым.

— Чего вы хотите? — спросил он у ближайшего чиновника.

— Нам не объясняли, — ответил тот. — Сказали, чтобы сидеть и ждать. Начальству виднее.

Начальство с Удаловым разговаривать не стало.

Удалов поднялся к Белосельскому. Белосельский был встревожен. Они стояли у окна, и буквы «SOS» были отлично видны.

Подошел Минц.

— Глупо, — сказал он. — Если они надеются на область, то там идут те же процессы.

— Знаю, — сказал Белосельский. — По всей стране идут процессы. Но все равно на сердце тревожно.

И в этот момент сверху послышался ровный нарастающий гул.

Темные быстрые тени мелькнули над площадью.

Одна за другой между буквами тревожного послания опускались летающие тарелочки. На них были опознавательные знаки которые были Удалову знакомы.

— Это с Альдебарана, — произнес он, глядя, как открывается люк, и из первой тарелочки выходят треногие зсленные пришельцы с портфелями. — А это с Альфы Водолея.

Из второй тарелочки выползли крабовидные существа в черных костюмах.

Вот открываются люки в третьей, пятой, двадцатой тарелочках...

Один из пришельцев, крупного размера, с четырьмя щупальцами, вынул из-за пазухи микрофон, и его голос раскатился над площадью:

— Дорогие братья! Узнав о том, в каком катастрофическом положении вы находитесь, и увидев ваш сигнал бедствия, мы по зову сердец откликнулись на вашу беду. Мы, представители могучих организаций и учреждений Альдебарана, Сириуса, Паталипутры и многих других разумных миров, доставили нашу скромную помощь. Вы не одиноки, друзья и коллеги!

Под аплодисменты гуслейских чиновников пришельцы стали выносить из тарелочек толстые стопки бумаги, копирки, ксероксы, новенькие печатные машинки...

Чиновники смиренно и деловито выстраивались в очередь, и каждый из них получил достаточно бумаги, чтобы завалить Удалова с головой.

— Да, — сказал Минц, — мы потерпели поражение.

— Титаническое поражение, — добавил Удалов.

Белосельский не выдержал. Он заплакал.

— Коля, — сказал Удалов, кладя руку на плечо другу. — Не падай духом. И на Альдебаране мы с тобой отыщем союзников.

— А они... они... из соседней Галактики...

— Мы и до соседней Галактики доберемся.

СПОНСОРА!

В последние годы, видно, обеспокоенные нашими земными событиями, пришельцы осмелели. Мало им Великого Гусляра, принялись кружить над Брюсселем, Бангладешем и Выхино — Владыкино.

В западном, зажавшемся мире многие относятся к пришельцам без интереса, а нам они внушают надежды. Нам нужна валюта, нам нужен ширпотреб, нам нужны спонсоры. Например, вчера по телевизору передавали объявление: «Уважаемые дамы, господа и товарищи! Ассоциации матерей-одиночек и девушек-идеалисток ищут спонсоров, обладающих скромными запасами конвертируемой валюты. Предложения инопланетян рассматриваются с интересом. Отечественных рублей или купонов не предлагать».

...Корабль пришельцев опустилс я якобы отдохнуть и для мелкого ремонта на старой лесосеке за озером Копенгаген, как раз когда Корнелий Удалов собирал там лисички. Удалов поздоровался, а пришельцы предложили ему сыграть с ними в карты, для отдыха. Играли в дурака; они втроем, а Корнелий — один. И, надо сказать, Удалову при том подливали.

Сначала Удалов проиграл корзинку с лисичками, но это еще полбеды. Потом Удалов проиграл пиджак, хороший, почти новый. К тому времени Удалов вошел в азарт, достал бумажник и выгреб из него все свои деньги, которые откладывал на спиннинг, но все не мог купить — то спиннингов нет, то снова подорожали. Но пришельцы на деньги играть не согласились.

— Что мы с твоей мелочью на Альдебаране делать будем? — спросили они. И даже засмеялись. — Давай играть на твои брюки.

Тут уж Удалов заартачился. Он человек солидный, ему домой через весь город идти.

— Тогда, — сказал главный пришелец, — сыграем на недвижимость.

— Ну какая у меня недвижимость, — вздохнул Удалов.

— Давай играть на Землю. Ты Землю ставишь на кон, а мы — наш космический корабль.

Удалов вошел в азарт. И согласился.

Ему бы подумать, зачем пришельцам Земля со всеми ее людьми и природными ресурсами. А он:

— Раздавай карту!

Ну и проиграл.

Потом опечалился и спросил:

— Зачем вам наша родная Земля?

— А она нам нужна, чтобы ее поработить. Мы заставим вас гнуть на нас спину, мы обесчестим ваших женщин, мы подчиним себе вашу экономику и вывезем ваши природные богатства, завалив вас в ответ дешевым, никому не нужным ширпотребом.

— А выкупить назад ее у вас можно? — спросил Удалов.

Пришельцы посчитали на своем компьютере и ответили:

— Если ты к завтрашнему вечеру достанешь сто сорок три тысячи рублей с копейками, возвратим тебе Землю. А нет — не обессудь. У нас все по-честному.

Тут начало темнеть, пришельцы улетели, чтобы за светом успеть на свою базу на обратной стороне Луны, а Удалов поехал домой. Без грибов, без пиджака и еще проиграл Землю в карты.

Приехал домой туча-тучей. А Ксения учуяла запах спиртного и увидела отсутствие пиджака. Ей бы догадаться, что произошла трагедия, а она говорит:

— Опять вместо рыбалки бегал к этой Римке? Лысый уже, а как был козлом, так и помрешь.

— Нет, — отвечал Удалов. — Дело куда хуже. Я Землю пришельцам в карты проиграл.

Ксения рассердилась на такую ложь, стала бить посуду, но Удалов понимал: Ксюша-то побуйствует и успокоится, а ему надо завтра сто сорок три тысячи рублей достать.

— Ксюша, — спросил Удалов. — А что у нас на книжке?

— А ты не знаешь? — сказала Ксюша и саркастически расхохоталась. — Ветер гуляет у нас на книжке, не на что ребенку велосипед купить. Так что неоткуда взять нам денег ей на драгоценности!

— Ты все о том же, — вздохнул Удалов и пошел к соседу, профессору Льву Христофоровичу Минцу, великому изобретателю.

Профессор отдыхал, давал сам себе сеанс одновременной игры в шахматы на двенадцати досках.

— Погоди, — сказал он Удалову. — Кажется, наметился вечный шах.

— Некогда годить, — сказал Удалов. — Над планетой нависла беда. Я проиграл Землю в карты.

— Кому? — спросил профессор.

— Пришельцам.

— Откуда?

— Черт их знает. Зеленые, в военной форме.

— Ну что ж, — сказал Минц, ставя себе мат на шестой доске. — Я давно хотел тебя спросить, Корнелий, ты кто будешь по национальности?

— Местный.

— Странно. Если бы ты был евреем, я бы понял: сначала продали Христа, потом Россию, теперь — Землю. Но от русского человека я такого не ждал.

— Я в азарт вошел, — признался Удалов. — Если я завтра к вечеру сто сорок три тысячи не наберу, они нас поработят.

— Значит, это не пришельцы, — сказал Минц и поставил себе мат на восьмой доске. — Пришельцы умеют считать. Они отлично знают, что Земля стоит дороже, чем сто сорок три тысячи. Во много раз.

— А кто же они?

— Переодетые хулиганы. Из Вологды.

— Настоящие, — возразил Удалов. — Метр ростом, три ноги, глаз посреди лба, ну как в такого переоденешься?

— Нет. Это авантюра. И не вмешивайся ты в нее.

— Так не дадите взаймы? Я верну при первой возможности.

— Не из чего тебе такую сумму отдавать. Лучше иди спать.

— Неужели вам Землю не жалко?

— Мне ее еще вчера жалко было. Может быть, к лучшему, если ее захватят пришельцы?

— Что вы говорите, Лев Христофорович! Ведь они же не скрывают, что поработят нас, обесчестят наших женщин, расхитят наши природные ресурсы.

— Что-то не вижу разницы, — сказал профессор и сыграл с собой вничью на третьей доске.

Удалов попрощался и пошел на первый этаж, к Саше Грубину. Все-таки хороший человек Минц, образованный, думал он, а еврейская национальность сказывается. Ему все равно — поработят нас или нет. А русскому сердцу порабощение недопустимо!

Так он и сказал Саше Грубину, когда отвлек его от изобретения вечного двигателя.

— У меня денег нет, — сказал на это Саша, запустил пальцы в свои патлы и начал бегать по комнате, сшибая приборы. — Но если бы были... не знаю, дал ли бы я их тебе.

— И ты тоже?

— Нет, тут не национальная проблема, — сказал Грубин. — Евреи и татары тоже бросались на дзоты. Тут вопрос в том, что у нас в магазине совсем электрические лампочки кончились.

— А разве что не кончилось? — удивился Удалов.

— Резиновые сапоги были, — сказал Грубин. — Сорок шестого размера.

— Это вчера были, — ответил Удалов. — Сегодня утром и они кончились. Значит, не дашь денег?

— А может, пускай поработят? — вопросом на вопрос ответил Грубин. — Хоть какая надежда...

Удалов ушел от Грубина. У Корнелия были принципы, и ему невозможно было от них отказаться. Его любимым героем в детстве был Иван Сусанин.

Ночью Удалов спал плохо. Ему снились эротические кошмары про то, что делают с нашими девушками инопланетяне. Проснулся он на рассвете полный решимости погибнуть, но спасти Землю от порабощения.

Он взял письменный стол сына Максимки, вынес его на Советскую площадь, на газон у памятника Первопро-

ходцам, рядом вбил в землю лопату, к черенку которой было прикреплено:

«СБОР СРЕДСТВ НА СПАСЕНИЕ ЗЕМЛИ ОТ ИНОПЛАНЕТНОГО ПОКОРЕНИЯ»

Вскоре стали появляться первые прохожие. Они останавливались, задавали вопросы, и всем без исключения Удалов честно отвечал: так-то и так, проиграл Землю в карты, нужно сто сорок три тысячи, чтобы спасти ее от порабощения.

Нельзя сказать, чтобы сильно осуждали, хотя, конечно же, и не одобряли. «Сегодня ты Землю в карты проиграешь, а завтра еще за что возьмешься — проигрывал бы собственную жену!» Тут все начинали смеяться. Понимали, что далеко не каждый пришелец захочет выигрывать Ксюшу с ее характером.

Подавали немного, Ложкин положил в банку из-под растворимки несколько монет, потом, возвращаясь из магазина, взял одну монету обратно. Школьники пробегали — сложились на сто рублей. Проходил Пупыкин, он теперь работает в малом предприятии «Удавка» — собирается разводить удавов на шкуры. Он вложил в благородное дело пожелание успехов.

Больше интересовались — какие условия порабощения, когда сдавать Землю, как обещали угнетать. Римма, старая приятельница Удалова, которую не любит Ксения, все пыталась узнать, как пришельцы ее обесчестят. А если обесчестят, то будет компенсация или только для удовольствия.

К обеду накопилось тысячи две пожертвований, а паники в городе все не было. Удалов, который нервничал, относил это спокойствие за счет фатализма: ведь куда убежишь — Земля круглая и проиграна целиком.

Тогда Удалов пошел в горсовет, но там было закрыто — все уехали в Вологду на курсы менеджеров. В горвоенкомате сочувствие выразили, бывший полковник Иван Потапыч решил пожертвовать собой, взял учебный автомат, с дыркой, вызвался сопровождать Удалова на последний бой.

В последний момент присоединился Пупыкин. Принес с собой недопитую бутылку. Выпили и втроем пошли в лес.

Шли пешком до самого озера Копенгаген. Любопытных, что увязались следом, Удалов шуганул обратно — в предстоящем бою может задеть случайной пулей. В шесть сорок добрались до старой лесосеки.

Тут и спустилось летающее блюдо. Медленно и зловеще открылся люк. В нем появился главный пришелец. В руке он держал бластер. За его спиной еще пришельцы, тоже вооруженные, так что наши оказались в меньшинстве, но не отступили.

— погоди стрелять, — сказал пришелец. — Может, договоримся. Мы согласны на денежную компенсацию.

Удалов показал банку из-под растворимки. Пришелец пересчитал деньги.

— Мало, — обиделся пришелец.

— Я сам понимаю, что мало, — сказал Удалов. — Но вот мы решили сопротивляться до последней капли.

Он показал на спутников. Спутник был один, Иван Потапыч с учебным автоматом. Пупыкин уже убежал.

— Так мы не согласны, — сказал пришелец. — Давай сюда сколько есть, автомат и живите, как хотите. Мы к таким больше прилетать не будем.

И пришелец повернулся, чтобы уйти.

И в этот момент раздались громкие крики и топот многих тысяч ног. Удалов понял — народ поднялся на борьбу, хоть и поздно, но бежит сопротивляться.

— Не надо, граждане, — закричал Удалов, обращаясь к толпе сограждан. — Они улетают! Мы победили!

Но тут случилось непредвиденное. Ревущие толпы гуслярцев отрезали пришельцев от корабля. Девушки размахивали плакатами: «Обесчести меня, пришелец!» и еще «Я готова, я все отдам!» Пенсионеры кричали: «Унизьте нас пенсией, оскорбите нас сыром и колбасой!» Кооператоры волокли торты, на которых кремом было выведено: «Кушай нас, угнетатель, мы вкусные и дешевые!»... Вся эта толпа громко, утробно, зловеще скандировала:

— Спон-сора! Спон-сора! Спон-сора!

Люди начали хватать пришельцев и кидать в воздух. Некоторые качали и Удалова с криками:

— Спасибо, что ты нашел нам спонсоров!

Удалов взлетел в небо рядом с главным пришельцем.

— Странные люди! — крикнул пришелец.

— И я не ожидал! — согласился Удалов.

Когда их снова подкинули, Удалов крикнул:

— Мне обидно!

— Почему?

— Мы, русские, очень свободолюбивый народ.

— Я и вижу! — крикнул в ответ пришелец, но тут их с Удаловым уронили на землю и забыли, потому что в корабле открылся товарный люк и землян начали унижать жалкими подачками ширпотреба.

— А я не возьму! — сказал Удалов, поднимаясь с травы. — Умру с голода, босой и голый, но не продам свободу.

— Это ты брось, — рассердился пришелец. — Ты теперь поработанный. Забудь о воле.

И Удалов, последний свободный человек в Гусяре, глотая слезы, сдался и унизил себя банкой черной икры.

1990 г.

ОТВЕТНОЕ ЧУВСТВО

Мише Стендалю было стыдно таиться под окнами Алены Вишняк, но он ничего не мог с собой поделать. Уже вошла луна и беззвучно кралась над Великим Гусляром, ныряя в полупрозрачные облака, отбрасывая их назад, словно шлейф, и представая перед миром в серебряной наготе. Перекликались собаки. Рядом, по другую сторону забора, мерно дышала Антарктида, злобная сука, принадлежащая Алениной тетке. Антарктида не лаяла. Она пыталась просунуть морду в штакетник и откусить Мишу руку.

Окно отбрасывало на кусты тревожный оранжевый свет. Причиной тому был абажур, висевший низко над столом. Тетка сидела спиной к окну и пила чай. Алена читала. Когда она переворачивала страницу, то поправляла упавшую на лоб прядь волос, и Миша любовался движением руки и цветом пряди. Один раз Алена задумчиво обернулась к окну, и Мише показалось, что глаза их встретились. Он сразу ослаб и ухватился за забор. Но успел отдернуть руку — Антарктида лишь щелкнула зубами.

Тетка зашевелила головой. Видно, сказала что-то Алене. Алена провела ладонью по книге, чтобы не закрылась, поднялась и пошла к двери. Миша отступил на шаг. Хлопнула дверь, Алена вышла на крыльцо и звякнула ручкой ведра. Антарктида взвыла и в три прыжка очутилась у крыльца. В собачьем подвывании Миша различил сплетню и жалобу. Но Алена не поняла. Она сказала:

— Пойдешь со мной до колонки?

Глядя на силуэт Алены, Миша связывал себя с ней крепкими нитями горячего чувства. Он понял даже, что в настроении его наступил настолько критический момент,

что он готов подойти и объясниться. Мешала злая собака, от которой трудно избавиться.

И пока Миша размышлял таким образом, Алена подошла к калитке, отодвинула щеколду, и тень ее обозначилась в прямоугольнике оранжевого света. Антарктида, не дожидаясь, пока калитка растворится, выскочила на улицу, в прыжок достигла Стендаля и, схватив за рукав, подтащила к Алене. Собака урчала сквозь тесно сдвинутые зубы. Миша сопротивлялся. Алена сказала, рассмотрев, кого привела Антарктида:

— Это вы, Миша? Я чуть было не испугалась. Что вы делаете здесь в такое позднее время?

Миша счел неудобным открыто бороться с собакой. Он ответил, подергивая рукой так, чтобы не разорвать пиджак:

— Я проходил мимо.

Собака заурчала громче, обличая Мишу во лжи.

— Куда же вы ходили? — спросила Алена.

— Тут, в соседний дом. Я просто гулял.

— Отпусти его, Анка, — сказала Алена собаке. — Он просто гулял.

Алена пошла к колонке. Собака не отпускала Мишу, а повела за хозяйкой. Тогда Миша решил продолжить разговор.

— Я хотел вас увидеть, — признался он. — Я остановился под вашими окнами.

— Вы же ведете себя неприлично, — заявила Алена. — Вы и вчера днем меня смущали своими взглядами.

— Извините. Я не нарочно. Я не мог глаз отвести.

— Я не давала вам никакого повода, — сказала Алена. Она повесила ведро на крюк колонки и принялась качать воду.

— Разрешите, я помогу вам, — предложил Миша, забыв про собаку.

— Как хотите.

Алена выпрямилась, уступая Мише место. Миша качал воду, а собака мешала ему, повисая на руке, так что приходилось качать и воду, и собаку. Алена смотрела на луну.

— Вы хотели бы попасть туда? — спросила она.

— Скажите, пожалуйста, собаке, чтобы она меня отпустила.

— Ой как смешно, — сказала Алена. — Анка, сколько раз тебе надо повторять одно и то же? Видите, она меня не слушается. Придется мне закончить за вас.

— Ведро уже давно полное. Я качаю, чтобы вы не уходили домой.

— Чудак, — сказала Алена. — Спокойной ночи. И, пожалуйста, ко мне не приставайте. Если тетя узнает, она добьется, чтобы вас сняли с работы.

— Пустяки. Я думаю не об этом.

Они шли обратно к калитке. В одной руке Миша нес ведро, на другой висела собака.

— Еще раз спокойной ночи, — сказала Алена. — И запомните, что хоть Анка и дворняга, у нее мертвая хватка. В следующий раз она может схватить вас за горло.

— Мне грустно без вас, — ответил Стендаль.

Собака отпустила Мишу и юркнула в калитку.

Миша подождал, пока Алена не скрылась в двери, и пошел домой. Он решил, что немедленно пойдет к Глумушке.

Глумушка жила за лесопилкой, на краю старой выруб-ки, в доме, который когда-то, до революции, принадлежал леснику. С годами лесник вслед за лесом переехал километров на десять от города, и в доме менялись случайные хозяева, пока не бросили его на произвол судьбы. И тогда в нем поселилась Глумушка.

Откуда она пришла, что делала раньше, никто не знал. Жила она в развалюхе второй год, питалась скудно, в церковь, на кладбище не ходила, подбирала бутылки, оставленные в лесочке после субботних пикников, и сдавала их в пункт на базаре.

Вначале на Глумушку никто не обращал внимания. Как-то зашла женщина из собеса узнать о пенсии, но оснований для пенсии у Глумушки не было, и Глумушка сказала, что ежемесячно получает переводы из Вологды, от племянницы, что было неправдой. Глумушка любила бродить по лесу, забиралась далеко, за Конопатовку и даже на Сидоровские болота. Собирала травы и грибы. Однажды вылечила Миловидовым корову, от которой уже отступился ветеринар. Потом был такой случай, что она пришла в контору лесопилки и сказала сторожу, что ночью будет сделана попытка вывезти на грузовике доски. Сторож не поверил, но все-таки немного взволновался, не

спал и полуторку с досками задержал. За это он получил благодарность, а про Глумушку рассказал жене, и та как-то, встретив Глумушку на дороге, спросила ее, кто родится у дочери — сын или дочь. Глумушка попросила два дня сроку для ответа и сказала, что сын. Сына назвали Юрой, а жена сторожа отнесла Глумушке десяток яиц.

Так росла слава. Слава была неровной и ненадежной, ибо с поклонниками Глумушкиного таланта умножались и враги, завистники и скептики. Особенно усилились противоречия, когда Глумушка, по слухам, склонила к браку со Столыпинам приезжую женщину, имевшую в Архангельске жениха. Столыпин, шофер с лесопилки, отрицал, что получил от Глумушки приворотное зелье, и чем более он отрицал, тем менее ему верили. А молодая жена была от него без ума.

К Глумушке бегали девчата из универмага, школьники десятого класса, отдельные старухи и домашние хозяйки. Под покровом ночи в окошко к ней стучались мужчины. Глумушка понемногу опутала город Великий Гусляр своим тайным колдовством, но поймать ее с поличным не удавалось никому. Когда к старухе пришли два активиста из атеистического кружка и потребовали, чтобы Глумушка приготовила им за вознаграждение средство избавиться от местного священника, она ответила им так:

— Зря стараетесь. Я не волшебница и тем более не знахарка. Даже стыдно слышать такие предложения от внешне культурных людей. Идите, а то я сообщу о вас по месту работы.

Активистам пришлось уйти.

Миша Стендаль, естественно, относился к рассказам о способностях старухи скептически. Он даже как-то обратился к редактору городской газеты с предложением сделать разоблачительный материал о шарлатанке, но редактор поднял над столом красивую массивную голову и отсоветовал. Объяснял, что социальной опасности старуха не несет, а газета не может опускаться до разбора бабьих сплетен. Влекомый любознательностью, Миша опросил по-дружески знакомых и даже встретился с одной женщиной средних лет, которая уверяла, что Глумушка помирила ее с мужем. Женщина работала библиотекарем

в речном техникуме, и ее нельзя было заподозрить в излишних суевериях.

Глумушка забылась. Отошла в глубь сознания. И может быть, Миша Стендаль, литсотрудник газеты, не скоро бы вспомнил снова о ней, если бы в гости к тетке не приехала Алена Вишняк, мастер спорта по теннису, финалистка первенства Союза в женском парном разряде, блондинка с карими глазами, в которую Стендаль быстро и безнадежно влюбился. Стендаль был неспортивным мужчиной и даже не любил ходить на пляж, потому что стеснялся своей белой кожи и мягкого белого живота. Кроме того, он носил очки и был похож на молодого Грибоедова.

Миша сделал несколько попыток приблизиться к Алене Вишняк, даже прочел книгу о теннисе и подписался на журнал «Теннис». Миша взял у Алены интервью, которое в газете не прошло, потому что надвигались прополка и косовица, а также первенство мира по футболу. Миша преследовал Алену на улицах и в общественных местах, плохо ел и путал очевидные факты в своих корреспонденциях.

Миша, человек интеллигентный, выпускник Ленинградского университета, лишенный всякий потусторонних мыслей, исписал толстую тетрадь плохими стихами, исхудал, пришел в отчаяние и решил, наконец, пойти к Глумушке, понимая, насколько это стыдно и нелогично. Но в жизни наступает такой момент, когда соображения разума отступают. У Миши они отступили.

В последний раз обернувшись на оранжевое окно, Миша снял очки, протер их платком, нервно оглянулся и пошел к лесопилке, делая вид, что гуляет, и подогревая себя воспоминаниями о лице Алены, озаренном серебряным светом луны. По лицу пробегали тени облаков, глаза казались черными и бездонными, а зубы светились, будто были сделаны из лунного света.

У самой лесопилки кончился асфальт, и далее дорога была неровной, с глубокими, еще весной, в дожди, пробитыми колесами. В них застыла вода, и в каждой луже поблескивала луна. Крайние домики города уже спали и слепо таранились темными окнами на путника. Фонари

были далеко расставлены один от другого, и тень Миши вырастала до немыслимой длины, затем двоилась, перерачивалась и сокращалась по мере того, как он приближался к следующему фонарю. Собаки просыпались за заборами, брехали яростно, провожая Мишу до границ своей территории. Было чуть жутко, и не столько от одиночества, сколько от возможной случайной встречи в это время в этом месте с кем-то из дневных, обычных знакомых.

За последними домами пришлось свернуть с дороги к соснам. Луна все не заходила, тропинка к дому Глумушки была видна отчетливо, и Миша каждый раз успевал перешагнуть через корень, подставленный деревом. Незаметно для себя Миша прибавил шаг и последние метры перед избушкой колдуньи протрусил, словно за тронувшимся поездом. И остановился.

Он стоял на прогалине. Дом Глумушки покосился и осел на один угол. Дранка на крыше, седая от старости, поблескивала под луной. Забор из неровных кольев казался рядом копий, оставленных улегшимися спать дружинниками. Ставни были закрыты, но сквозь них пробивался тусклый свет. Глумушка не спала. Но примет ли она его? А вдруг у нее клиент? Мише представилось даже, что клиентом может оказаться некто из редакции. И тогда последствия будут ужасны. Миша переступил на месте, как переступает прыгун в высоту, прежде чем выверенными шагами, наращивая скорость, броситься к планке. Но он не бросился, а пошел на цыпочках, желая вначале заглянуть в щель ставни, убедиться, что войти можно.

У окна росли густой бурьян, крапива, под ногами оглушительно хрустнула палка, затем Миша провалился по колено в невидимую яму и застыл в неудобной позе.

Дверь открылась.

— Заходите, — сказал голос. — Зачем стоять под окном?

Миша выбрался из бурьяна и вступил на крыльцо. Чувствовал он себя препогано. В конце концов, почему он должен шастать ночью у подозрительной избушки? Кто его заставляет? И чувство это было постыдным, потому что задевало чистоту его стремлений к Алене Вишняк.

За приоткрытой дверью никого не было. Лишь низкие

пустые сени, слабо освещенные голой лампочкой под потолком.

— Вытирайте ноги, — сказал голос.

Миша послушно потер подошвами о половик.

Больше указаний не последовало, и Миша толкнул дверь в горницу. Дверь растворилась мягко и беззвучно. Оттуда ударил в лицо яркий свет медицинского учреждения. Миша очутился в сравнительно большой комнате с белыми аккуратными стенами и скамейками вдоль них. На скамейках сидели люди, обернувшиеся при виде вновь пришедшего.

— Добрый вечер, — сказал человек с завязанной щечкой, в котором Миша узнал Кориелия Удалова, начальника стройконторы. — Какими судьбами? Садитесь рядом, тут место есть. У вас какая очередь?

— Я... у меня никакой. Я, наверно, пойду. Я завтра зайду.

— И не мечтайте, — сказал Удалов. — Завтра не принимают. Я и так три дня стоял по записи.

Удалов раскрыл ладонь, на которой химическим карандашом был изображен крупный номер двадцать восемь.

— Садитесь, — сказал он. — Если дверь была открыта, то примут. Нас уже мало осталось.

И так как Стендаль был последним и никому из присутствовавших не был конкурентом, то к Удалову присоединились прочие пациенты.

— Садитесь, — неслось со скамеек. — Она быстро принимает.

И Миша сел на край скамейки.

В приемной Миша насчитал шесть человек. Были они различны, и, видно, различны были причины, приведшие их сюда. У Удалова болел зуб.

— У вас тоже? — спросил Удалов Мишу.

— Нет, — сказал Миша.

— А я три ночи не спал. Пошел в поликлинику, а врачиха говорит — надо удалять. А жена мне тогда сказала: «Корнелий, Глумушка может заговорить. Она Погосяну в нашем дворе заговорила. И нерв даже извлекать не пришлось». Вот я и пришел.

— А что с этим? — спросил Миша тихо.

— Не узнаете? С метеостанции.

— С метеостанции?

— Чего шепчетесь? — сказал человек напротив в низко надвинутой шляпе и плаще с поднятым воротником. — Я попрошу без разглашения.

— Ясное дело, — согласился Удалов. — Мы здесь все без разглашения. Какой дурак сознается? Просто мой знакомый вами заинтересовался. Я и говорю, что вы с метеостанции. Даже фамилию не назвал.

— Ваш знакомый работает в городской газете и, возможно, пришел сюда по заданию, — ответил человек в надвинутой шляпе. — Мы ему доверять не можем.

— Из газеты? — спросил толстяк с козлом на поводке. — Вы лучше тогда уйдите. Нам в фельетон попадать не с руки. И без вас горя много. У меня репутация.

Козел задрал бородатую морду к толстяку, легко поднял передние ноги, уперся копытом в колени и лизнул толстяка в подбородок.

— Пусть уходит, — поддержала его маленькая женщина в сером платке, пока толстяк отталкивал козла.

— Я не от газеты, — сказал тогда Стендаль. — Даю честное слово. Я по собственной инициативе.

Обитая черной клеенкой дверь в горницу распахнулась, и оттуда вышел бородатый мужчина с рюкзаком за плечами. Он счастливо улыбался, не замечая окружающих.

Человек с метеостанции вскочил, засуетился, подбежал к двери и спросил:

— Можно заходить, или вы пригласите?

— Снимите шляпу, — сказал в ответ из горницы старушечий голос. — И заходите. Не могу же я до утра вас принимать.

— Так что же он? — спросил снова Миша Удалова, как только в приемной наступила тишина.

— Прогноз делает, — ответил Удалов. — Он уже жаловался. Десять ошибок за две недели. Климат в настоящее время жутко испортился — никакой надежности, несмотря на метеорологические спутники.

— А она при чем?

— Говорят, может. А то у него никакой надежды. Его крестьянство замучило — косить или подождать? А что он может ответить?

— Странно, — сказал Миша.

— А все-таки, — настаивал Удалов. — У вас-то какое дело? Не задание, надеюсь, чтобы разоблачить?

— У меня личное дело. И сильно зуб болит?

— Сейчас ничего. У меня всегда, как приду в поликлинику, боль унимается.

— Это нервы, — сказал человек с козлом. Козел тянул за поводок, хотел уйти на улицу.

— А зубы вообще нервная болезнь, — поддержала его женщина в сером платке. — Язва тоже.

— А у вас язва? — спросил Миша.

— Нет, — сказала женщина. — У меня дочка замуж собралась. А ему в армию осенью уходить. Какая уж там семья! Так вы не из газеты?

— Вообще-то из газеты, но сейчас не из газеты, — объяснил Миша.

— Если вам нужно приворотное зелье, — сказал человек с козлом, — то советую быть крайне осторожным.

— Нет, что вы.

Миша покраснел.

— Ясно, что не от газеты, — сказал молчавший до того мужчина с выгоревшими бровями и ресницами, в высоких охотничьих сапогах и ватнике. — Влюбился. Смотри, Иван, он влюбился.

Сосед его, пожарник, дремавший, прислонивши каску к бадье с фикусом, проснулся и согласился.

— Спокойный, черт, — сказал мужчина в ватнике про пожарника. — Пятый раз приходит. Привык уже. А я вот нет, не могу.

— Пятый раз? — подивился Удалов. — А что такое, что такое?

— Шланг потерял, — сказал мужчина в ватнике. — Часто теряет всякие предметы пожарного обихода.

— И она находит?

— Обязательно, — ответил мужчина в ватнике. — В прошлый раз три огнетушителя ему отыскала. Хороший она человек. Душевный. А меня браконьеры замучили. Тропу знают. Вот и хочу старуху про тропу спросить. Из рыбоохраны я.

Вышел метеоролог, быстрыми движениями свертывая в рулон синоптическую карту.

— Ну как? — спросил его человек в ватнике.

— С завтрашнего дня без осадков! И до конца недели.

Что я им говорил! — Шляпа у метеоролога перекачивалась со лба на затылок, лицо его блестело от пота. — Сегейда антициклон у Антильских не учитывал. Я ему говорил — заденет. А он — далеко. А надо было учесть!

Следующей исчезла за дверью женщина в сером платке. И лишь скрылась, как из кабинета донеслось бормотание, быстро повысившееся до отдельных резких возгласов. За дверью ссорились, спорили. Через минуту женщина выскочила наружу, прижимая к груди узелок с дарами Глумушке.

— И не приставайте ко мне с непристойными предложениями! — кричала ей вслед колдунья. — Вы хотите лишить людей счастья? Да? Так вам это не удастся.

— Я мать! — крикнула женщина, уходя. — Я буду жаловаться.

— Следующий, — пригласила Глумушка.

Мише никак не удавалось увидеть ее — дверь раскрывалась в его сторону, и лишь сварливый голос доносился до него.

— Иван, тебе, — сказал человек в ватнике.

— Что потерял? — спросила Глумушка, не закрывая двери.

— Шланг куда-то задевался. Лейтенант говорит: ты, Сидоренков, последним шланг в руке держал. Ты, говорит, и отыскивай.

— Завтра зайдешь до восьми тридцати, — велела Глумушка. — Следующий.

— Ну, тогда моя очередь, — сказал человек в ватнике. Пожарник снова задремал у фикуса.

Неожиданность увиденных сцен отвлекла Стендаля от мыслей о возлюбленной. Вместо темной избушки, черного кота на печке, тяжелого и пряного запаха снадобий была приемная с фикусом. И синоптик. И Иван со шлангом. Уходя к колдунье, Стендаль презирал себя и клял Алену, заставившую его опуститься до отчаянных действий. Но именно порочность, неестественность похода к колдунье сливались в его сознании с безответной любовью, у которой не было выхода. А здесь была поликлиника. Неофициальная, но будничная, отличавшаяся от районной только жалобами пациентов. И, к ужасу своему, Стендаль вдруг понял, что ему могут здесь помочь, и он уже не знал, хочет ли, чтобы ему помогли.

— И тогда я ей говорю... — донесли до Стендаля слова толстяка с козлом. — Или она меня полюбит, или я буду вынужден обратиться в суд. Безвыходное положение.

— Да, — сказал Удалов. — Положение безвыходное.

— Я получаю от нее приворотное зелье...

— Наконец-то, — вырвалось у Стендаля.

— Что?

— Я так, про себя.

Стендаль думал: наконец-то нашелся человек, который не терял шланга, не интересуется путями циклонов и не ловит браконьеров. Человек, который полюбил и ждет взаимности.

— Получаю я от нее приворотное зелье — и сразу туда. А она меня уже ждет с угрозами. Тогда встает проблема, как мне ее этим зельем напоить?

Из двери вышел человек в ватнике, задумчиво насвистывая песню. Растолкал пожарника, они ушли, а их место в кабинете занял Удалов. У толстяка не осталось слушателей, кроме Стендаля, и он обратился к Мише с вопросом:

— Продолжать ли мое повествование?

— Да, конечно, — сказал Миша. — У меня такая же проблема.

— Тоже она?

— Тоже. Только я не слышал начала вашей истории. И если вы не возражаете...

— Конечно, я повторю. Тем более если у вас та же беда. Уйди! Уйди в сторонку! Не терплю!

Последние слова относились к козлу, который по-собачьи терся о колени толстяка.

— Значит, есть у меня соседка. Аида. Стерва, каких свет не видывал. Старая дева, сухая как палка и тому подобно. Ненавижу ее, а меня довести до ненависти не так легко. Дважды за последний месяц ломала общий забор, помой выплескивает только под моими окнами и еще изводит меня презрением. Змея.

— Так вы о ней? — спросил Стендаль.

— Конечно, о ней, пропади она пропадом. Я понял: еще день таких измышлений, и я или попадаю в сумасшедший дом, или подаю на нее в суд, или даже иду на физические действия. И к тому же этот проклятый козел!

Толстяк указал пальцем на козла, и козел ухитрился изогнуть шею и длинным шершавым языком ласково лизнуть указательный палец.

— Этот козел регулярно, будучи подпускаем в мой огород, съедает все плоды моего досуга. Все. Причем в первую очередь слабые, нежные ростки ценных растений. И тогда я иду к этой Глумушке и получаю от нее приворотное зелье. Возвращаюсь домой и думаю, как бы мне соседку приворотным зельем накормить, заставить относиться к себе по-человечески и кончить этим долгую распрю...

Из двери вышел Корнелий Удалов, сжимая в руке повязку, из которой вываливалась смятая вата.

— Спасибо, доктор, — сказал он колдунье. — Я боялся, что придется рвать. А у меня и так уже три моста.

Вслед за Корнелием Удаловым в приемную вышла маленькая сморщенная старушка в сером домотканом платье и шлепанцах. Старушка держалась прямо, и острые глаза ее блестели ярко и целенаправленно. Серые волосы были убраны под голубой платочек.

— Двое осталось?

— Двое, — ответил Миша, холодея от ближайшего будущего.

— Тогда оба и заходите. Проблема у вас схожая, — сказала Глумушка.

— Я тебя здесь, Миша, подожду, — сказал Удалов вслед. — Мне не к спеху, а то идти одному скучно.

Первым в горницу вошел козел, за ним толстяк. Потом Миша.

— Садитесь, — сказала старушка. — Уморилась я за сегодняшний день. Скоро доберется до меня фининспектор. Вот до чего доброта доводит.

Колдунья села за старый канцелярский стол, измазанный чернилами, с нацарапанными на крышке различными словами и узорами. Толстяк занял место напротив, усевшись на стул. Миша пока примостился у печки.

Горница была чисто выметена и почти пуста. Лишь потертый половик пересекал ее наискось, да окно загоразживали два горшка с геранью. У окна стоял шкафчик с застекленными дверцами. В шкафчике были банки, бутылки с наклеенными бумажными этикетками. На печке сушились травы.

— Вы у меня, друг милый, уже были на днях, — сказала Глумушка. — Чего не так вышло?

— Не так, — сознался толстяк.

— Рассказывайте, — приказала Глумушка. — Только короче.

— Я домой пришел. А она меня уже поджидает. С криками, будто я ее нижнее белье с веревки украл. Я думаю: ну как мне выдержать такое нервное напряжение, как мне ей в пищу подсунуть приворотное зелье? И не вижу пути. А она неиствует. Я до вечера промытарился...

— Короче, — сказала Глумушка.

Козел топнул ногой. Ему не понравился тон колдуньи.

— Я короче. Я, как стемнело, к ее окну подкрался и тогда ей в чайник для заварки зелье выплеснул. Чайник на подоконнике стоял. А потом вижу, она собралась чай пить, открыла крышку, понюхала и говорит вслух: «Чай-то старый, спитой. Надо новый заварить». Ну вот, она все зелье в ведро с помоями выплеснула, а ведро на улицу выставила. Прежде чем я принять меры успел, будучи в полном отчаянии, ее вредный и ненавидящий меня козел к этому ведру подошел и помоев похлебал. А утром уже у моей двери меня поджидал, чтобы любовь выказать. Вот с тех пор и ходит за мной как привязанный. Я уж от него скрыться пытался, на автобусе ездил, запирался в доме, а он через окно лезет, а Аида кричит на всю улицу, а я... Господи, ну что я за несчастный человек!

— Любопытно, — удивилась старушка. — Говорите, козел вас полюбил?

— А разве не видно?

— У него метаболизм другой, — сказала колдунья. — И не знаю уж, чем вам помочь... А вы, молодой человек, перестаньте хихикать. Ничего смешного нет. Человеку не повезло.

— Я не хихикаю, — ответил Миша, не в силах согнать с лица идиотскую улыбку. — Это нервное.

— Нет, я понимаю, я смешон, — произнес толстяк со слезами в голосе. — Мне нужна была любовь этой женщины не ради корысти, а ради покоя и сохранности слабых ростков на моем огороде.

— Росткам теперь ничего не угрожает. Козел вас не обидит.

— Ах, еще этот козел! — в горле толстяка забулькало, и он положил голову на канцелярский стол.

«Действует, — думал Миша. — Действует приворотное зелье! И я завтра его испробую». Было страшно и весело. И снова виделось лицо Алены таким, как было под лунным светом. Но губы ее шептали нечто ласковое, и пока Стендаль пытался разобраться в видении, мимо топтал толстяк с припрыгивающим восторженно козлом, и Глумушка обратилась к Мише с вопросом:

— Вы в кого влюбились, молодой человек?

— В девушку, — сказал Миша. — В Алену. Она к нам приехала, у тетки своей живет. Вы извините, пожалуйста, за беспокойство.

— Ничего, ничего, это мой долг, — ответила Глумушка. — Вы что кончали?

— Ленинградский университет. Филологический факультет. А тут в газете работаю литсотрудником, имею благодарность.

— Очень приятно. А не стыдно вам, молодой человек, ходить за снадобьем к отсталой старухе? Вы пересядьте сюда, за стол, а то через всю горницу разговаривать приходится.

Миша пересел и от близости старушечьих пронзительных глаз чувствовал себя неловко, словно на экзамене или в отделе кадров.

— Вы похожи на молодого Грибоедова, — сказала задумчиво старушка.

— Мне говорили, — согласился Стендаль.

— Страсть вас схватила неожиданно или была подготовлена какими-то событиями?

— Пожалуй, неожиданно, — сказал Стендаль. — Я ее увидел — и все.

— Я хочу предупредить вас. Ответное чувство, вызванное искусственными средствами, может со временем изгладиться, что приведет к трагическим результатам.

— Я понимаю. Но не могу более выдерживать презрения и невнимания. Вы, наверное, никогда сами не влюблялись.

— Я? Влюблялась, — ответила Глумушка.

— Извините. Я не хотел вас обидеть.

— И все-таки, может быть, вы обратитесь к более консервативным средствам? — сказала колдунья. — Мо-

жет, вы будете проявлять к девушке внимание, заботу, проявите себя мужественным, честным человеком? И она вас полюбит.

— Когда? — возразил Стендаль. — Через десять дней она уезжает на сборы в Калугу. И я ее больше не увижу.

— Воля ваша, — сказала Глумушка. — Я предупредила. Для начала придется вас сфотографировать и сделать анализ крови.

— Нет, не надо формальностей. Дайте мне приворотное зелье.

— Ох-ох-охо, — вздохнула старушка. — Неужели вы, культурный человек, верите в такую чепуху?

— А то как же? Ведь я видел результаты.

— Чепуху мелете, Стендаль. Вы что, хотите сказать, что в двух километрах от города Великий Гусляр живет действующая колдунья, ведьма, другими словами?

— А как же вас еще назвать?

— Как хотите — экспериментатором, филантропом, гостем из соседней звездной системы, отставшим от своего корабля, наконец, лауреатом Нобелевской премии по генетике.

— Но вы же не отрицаете, что вы, Глумушка, колдунья?

— Я ни на что не претендовала. Встаньте к стенке, сейчас я включу освещение. Вот так, чуть левее. Я ни на что не претендовала. Тихо жила, вела отдельные наблюдения, собирала в лесу пустые бутылки и сдавала их по двенадцать копеек за штуку. Дальнейшее произошло совершенно случайно. Все, можете садиться. Дайте мне левую руку, мизинец. Куда спирт запропастился? Вы не знаете, в аптеку вату не подвезли? Да, на чем я остановилась? Так вот, дальнейшее произошло совершенно случайно. Я полюбила жителей этого города. И не смогла отказать им в некоторых маленьких услугах. Если я знаю больше их, умею больше их, могу помочь в беде, неужели я имею моральное право отказать? Не дергайте пальцем. Я вынуждена буду вас уколоть еще раз. Как не стыдно, взрослый человек, влюбился безнадежно, а боится простой иглы.

— И зачем вам моя кровь? — спросил Стендаль.

Колдунья отжала несколько капель в пробирку, заткнула пробирку ватой и потрясла, глядя на просвет.

— Вторая группа, — определила она. — Вторая группа и повышенный лейкоцитоз.

— Ничего не понимаю, — сказал Стендаль.

— И не надо ничего понимать. Люди поверили, что я темная личность, ведьма, может быть. Я не стала спорить. А кровь ваша мне нужна для того, чтобы изготовить то, что вы называете приворотным зельем. Зелье это, несущее в себе ваши генетические характеристики, будучи подмешано в пищу объекту ваших притязаний, перестроит несколько его нервную систему. Другими словами, вы станете в чем-то единокровными близнецами — нет, неточная формулировка. Вы станете близки по духу. У вас, то есть у нее, возникнет к вам симпатия того же рода, что и вы испытываете к ней. Я бы могла объяснить это подробнее, с помощью формул, но вы в них ни черта не поймете с вашим гуманитарным образованием. Боже мой, как я истосковалась по интеллигентному, образованному человеку! Даже перед вами начинаю открывать душу. Нет, пора мне отсюда уходить. Пора.

— Так это все-таки волшебство?

— Вот те раз. Объясняешь ему, объясняешь, а он опять за свое. Волшебства нет и не бывает. Это химия. Хи-ми-я. А почему у вас лейкоцитоз повышен? Зубы не беспокоят?

— Почти нет. Ну а как же история с ворами на лесопилке? Или поиски вещей пожарника? Или зуб Удалова? Как же это? Тоже химия?

— Вы мне не верите. Конечно, не верите. С пожарниками — обычный детектор. Он у меня на печке стоит. С ворами — телепатический локатор. Он, правда, уже сломался. Нет запчастей. Все это так просто, что даже разговаривать стыдно. Кстати, без телепатолокатора труднее работать. Я взяла себе за правило помогать лишь тем, чьи намерения чисты и благородны. До определенной степени. А как я могу быть уверена, что не ошибусь без локатора?

— Но у меня самые чистые намерения.

— Сомнительно. Хотите замутить голову невинной девушке. Ну ладно, я все равно от вас уеду.

Глумушка расставила на столе различного размера и

вида пузырьки, смешивала что-то, вызывала в пузырьках шипение и изменение цвета.

— Я бы заставила вас еще разок прийти, да боюсь, вы не посмеете. Застыдились. Вы ведь не ожидали увидеть у меня такую клиентуру? Не беспокойтесь. Получите средство через пять минут.

Почти до самого дома Мишу провожал Удалов, боявшийся в одиночестве идти по ночному городу. Удалов был одержим болтливостью человека, неожиданно избавившегося от неприятностей.

— А этот, с козлом, — говорил он. — Ну просто удивительно. Такая любовь со стороны вонючего животного. А она мне даже в рот не залезала, а только что-то к щеке приложила и говорит — канал прочищен, полоסקайте рот два раза в день теплой водой с содой. Понимаешь, с содой, говорит, а я соду совершенно не выношу. У меня воображение богатое...

Луна зашла, фонари горели вполнакала. Когда они проходили мимо дома Алены, Стендаль старался не смотреть на ее окна. Бутылку с приворотным зельем он сжимал в кармане потной рукой, чтобы случайно не вывалилась или не разлилась.

— Вот, — продолжал между тем Удалов, заглядывая снизу в лицо Стендаля. — Удивительная история, что обитает мы во второй половине двадцатого века, в период ракет и электроники. И тут же рядом, словно остаток далекого прошлого, живет старушка, которая может творить подобные чудеса. Никогда бы не поверил, если бы сам не посетил. С одной стороны, суеверие, а с другой — еще необъяснимые явления человеческой психики. Ведь не зря люди верили в колдовство. В прошлом, при царской власти. И теперь еще некоторые верят. В век электроники.

— Может, она вас с помощью электроники и вылечила, — сказал Миша.

— Ха-ха, смешно. С помощью электроники. И вам приворотное зелье дала? Я-то понимаю. И козла тоже с помощью электроники?

— Во что только это выльется? — сказал Стендаль.

— Вы про себя? Полюбит. Как миленькая полюбит. Уже есть несколько случаев.

— Я про старушку. Ей не место в нашем городе.

— Вот тебе и благодарность, — обиделся за колдунью Удалов. — Фельетон писать будете?

— Какой уж там фельетон.

— То-то. Вот и ваш дом. Желаю счастья в любви.

Удалов поспешил к своему дому, кварталом дальше. Стендаль осторожно достал свободной рукой ключ и медленно сунул его в замочную скважину, чтобы не разбудить хозяйку квартиры, где он снимал комнату.

Ночь он провел тревожно, часто просыпался, мучился кошмарами, в которых Глумушка заставляла его пить всякую дрянь и угрожала персональным делом.

Утро выдалось солнечным, ясным, и Стендаль долго смотрел на бутылочку с зельем, прежде чем все подробности ночного визита восстановились в памяти.

— Быть того не может, ибо это нереально и похоже на бред, — сказал он вслух и намеревался уже выбросить бутылочку за окно, но тут внезапно взглянул в окно и увидел Алену, идущую к рынку с хозяйственной сумкой в руке. Алена источала такое сияние, что Стендаль сжал бутылочку в руке и бросился в закуток к умывальнику, чтобы скорее покончить с утренними формальностями туалета и поспешить на рынок вслед за Аленой.

Он разминутся с ней, пронскал ее по улицам, отчаялся, собрался уже ринуться к ее дому, рискуя встретить злую Антарктиду, но тут силуэт Алены мелькнул за витриной провольственного магазина. Стендаль влетел в магазин и оробел.

Больше всего народа стояло в винном отделе. Стендаль метнулся туда, затесался в очередь и, прячась за спиной какого-то большого человека, подобрался к самому прилавку. Алена тем временем покупала сыр и масло и Стендаля не замечала.

— Вам что, молодой человек? — спросила продавщица.

— Банку мангового сока, — сказал Стендаль.

— Во фруктовом отделе, — ответила продавщица с

удивлением. — Не видите, что ли, торгую алкогольными напитками, будь они прокляты.

— Да, да, вижу. Отлично вижу.

Алена поглядела в его сторону, и Стендаль чуть присел.

— Ненормальный какой-то, — сказали сзади в очереди.

— Нормальнее вас, — ответила с неожиданным раздражением продавщица. — Потому что хочет пить натуральный продукт.

Стендаль на полусогнутых ногах перекочевал к фруктовому отделу. Алена вышла из магазина, и ему удалось наконец купить манговый сок без осложнений.

Стакан Стендаль украл в столовой самообслуживания, спрятал его под рубашку, и, как назло, в этот момент к нему приблизился с утренним приветствием сослуживец по редакции из отдела писем. Рубашка оттопыривалась на животе, и сослуживец здороваться не стал. Вздохнул сочувственно и деликатно отвернулся.

«Ну вот, — подумал сокрушенно Стендаль, спеша к выходу, лавируя между подносами, — ко всему прочему мне еще не хватало, чтобы на работе распространился слух, что я алкоголик, да еще нечист на руку».

И тут, на улице, Стендаль понял, что все его усилия пропали даром. Алены нигде не было видно. Да и почему бы она должна его ждать?

Стендаль метнулся вверх по Пушкинской, заглянул на Красноармейскую, прижался на мгновение к витрине книжного магазина. Алена как сквозь землю провалилась.

И тогда Стендаль, сжимая в одной руке банку мангового сока, в другой украденный стакан, пошел куда глаза глядят.

Ноги сами привели его в городской парк. Утренние аллеи были залиты солнцем, исчерчены тенями старых лип и пустынны. Стендаль отыскал лавочку под раскидистым деревом, уселся на нее и закручинился. Так все хорошо начиналось и так бесславно кончилось. Надо было идти в столовую и возвращать стакан, рискуя встретить там еще одного сослуживца.

Хотя нет, сначала следует его использовать по назначению. Все равно пить хочется.

Стендаль достал из кармана перочинный ножик, проткнул в банке две дырочки и только собрался напоить себя экзотическим соком, как услышал шаги.

Он поднял голову.

К скамейке подходила Алена Вишняк. Она легко несла тяжелую сумку с продуктами и глядела на Стендаля карими спокойными глазами.

— Пить захотелось? — спросила она, и рука Стендаля попыталась спрятаться за спину вместе с банкой, словно его поймали на чем-то постыдном.

— Что же вы?

Алена возвышалась над Стендалем, словно греческая богиня, и солнечные лучи пронзали ее пышные волосы, золотили пушок на щеках. И тут к Стендалю вернулось самообладание. Он понял, что не боится прекрасной Алены, что сегодня же она перестанет над ним издеваться, смотреть на него свысока...

— Я сумку поставлю на скамейку, — сказала Алена. — А где вы взяли стакан? Принесли из дома?

— Украл.

— Как нехорошо, — заметила Алена. — Вы угостите меня соком? Жутко умоталась.

— Конечно, — обрадовался Стендаль. Добыча сама шла в руки. — Я вас ведь и ждал.

— Да?

Наступило неловкое молчание. Алена, прищурившись, смотрела на солнце, будто в любой момент могла встать и уйти, но не находила сил, таким добрым и ласковым было утро. Стендаль забыл о снадобье, он глядел на очаровательный профиль и не дышал.

— Пожалуй, я пойду, — сказала вдруг Алена. — Вы обо мне забыли.

— Погодите, — воскликнул Стендаль. — Почему? Я о вас помню.

— Тогда выполняйте свое обещание.

— Обещание?

— Послушайте, Стендаль. Вы ведете себя странно. Я хочу пить, а вы держите банку в руке, словно жалеете для меня глоток самого обыкновенного мангового сока.

— Да-да, — сказал Стендаль и наклонил банку. Желтая густая струя пролетела мимо стакана, и Алена

протянула руку, помогла Стендалю. Рука у нее была теплая.

Стендаль вспомнил о снадобье. Надо было налить его в стакан. Чтобы Алена не заметила.

— Ну хватит, — остановила его Алена. — Мне хватит. А то вам ничего не останется.

— Сейчас, — сказал Стендаль, ставя банку с соком на скамейку и отводя руку со стаканом подальше от Алены. Освободившейся рукой он старался в кармане открыть пузырек.

Глядя на его неловкие движения, Алена расхохоталась, и весь парк зазвенел серебряными колокольчиками.

— Глядите! — сказал Стендаль, глядя поверх ее плеча. — Скорее!

Алена обернулась.

Стендаль выхватил пузырек и опрокинул его над стаканом.

— Что случилось? — Алена снова посмотрела на Стендаля.

Но пузырек уже улетел за спинку скамейки. Стендаль перевел дух.

— Очень смешной голубь, — сказал он. — Уже улетел.

Напившись, Алена передала стакан Стендалю. Он долил в стакан остаток сока и пил, не спуская глаз с Алены. Сок стекал на рубашку, но он не замечал этого, он спешил, он боялся, что Алена уйдет, обидится и тогда не подействует средство, в которое Стендаль уже не верил.

— Хватит, — сказала Алена. — Сюда идут. Вы молодец, Миша. Только не бойтесь меня. Я к вам отношусь совсем не так, как вы думаете.

«Началось», — с сотрясением в сердце подумал Стендаль.

— Я в душе очень стеснительная. Только теперь набралась смелости сказать вам. Я, когда вы вчера ушли, написала вам письмо. Вы не рассердитесь?

— Вчера? — глупо спросил Миша.

— А почему вы удивляетесь?

— Вчера, — тупо повторил Миша.

— Я вдруг подумала... Дайте мне еще сока. Я веду себя как девочка...

Алена допила сок, поставила стакан на скамейку. Стендаль подвинулся, банка упала, и остатки сока вылились на землю.

— Возьмите, — сказала Алена, протягивая Мише голубой конверт.

Она схватила сумку и убежала по аллее.

Миша раскрыл конверт.

«Миша, извините, что я беспокою вас, но, наверное, я глупая и слишком откровенная. Такие вещи нельзя писать малознакомым мужчинам. Но когда я вас увидела в первый раз, такого умного и похожего на молодого Грибоедова, я вдруг поняла, что уже несколько лет именно вас хотела увидеть... Вы не сердитесь, что я вела себя с вами так грубо и даже пренебрежительно, но я стеснялась, что вы догадаетесь о моих истинных чувствах...»

Миша читал письмо, покрываясь мурашками и даже вздрагивая от счастья и стыда. Слепой болван!.. Воробьи и другие птицы стайкой собрались у ног Стендаля и подбирали остатки пролитого сока. Миша сказал себе: а вдруг плюс на плюс даст минус? И она после этого сока меня разлюбит?

Миша вскочил со скамейки и бросился бежать по аллее, стараясь догнать Алену и во всем признаться. Он бежал так быстро, что люди на улицах шарахались в разные стороны и укоряли его громкими голосами, а птицы, уже влюбленные в Мишу, резвились над его головой и старались сесть на плечи, чтобы выразить чувства.

Миша догнал Алену у самого ее дома, у колонки.

Они долго стояли там, и собака Антарктида бесновалась за забором. Ее раздражал не только Миша, но и птицы, одурманенные соком и любовью. Миша говорил и говорил. Алена смотрела на него добрыми карими глазами, забыв, как тяжела сумка в ее руке.

Вечером Миша уговорил Алену пойти погулять за лесопилку. Его, словно убийцу, тянуло на место преступления. И хоть Алена знала о ночном походе Стендаля к колдунье, она не обижалась, смеялась и пугала Мишу тем,

что он, гоже выпив сока с зельем, полюбит себя больше, чем всех остальных, включая Алену. Миша отрицал такую возможность и отчаянно боролся с любовью к самому себе. Любовь эта была, она крепла и звала приблизиться к зеркалу и посмотреть на свое приятное лицо.

— Ничего, — сказала Алена, — по крайней мере вы теперь не будете таким робким, как раньше. Это вам поможет в жизни.

— В нашей жизни, — поправил ее Стендаль.

Они пошли в лесок за лесопилкой. Снова светила луна, и снова лицо Алены казалось втрое прекрасней и загадочней.

— Вот и избушка, — сказал Стендаль. — Там, наверно, опять очередь. Надо бы поблагодарить Глумушку.

— За что? — удивилась Алена.

— За все. За доброту. Вы могли бы меня и не заметить.

— Негодяй, — произнесла Алена без особой злости. — Хотели украсть мои чувства, одурманить меня волшебным ядом.

Нет, она не сердилась. Ей даже было лестно, что молодой журналист ради нее ходил к колдунье.

— Что-то не видно света, — сказал Стендаль. — Неужели она не принимает?

Они стояли на краю полянки, в тени сосен. Дверь бесшумно раскрылась, и Глумушка все в том же платье и платочке выскользнула наружу и резво побежала направо, к речке. Стендаль открыл было рот, чтобы окликнуть старуху, но Алена толкнула его локтем.

— Молчи, — прошептала она.

Колдунья остановилась на берегу, вынула из-за пазухи черный предмет, и острый луч света ушел в небо.

— Странная бабушка, — прошептала Алена.

Прошла минута, вторая... Что-то вспыхнуло в небе, и оттуда мягко снизилась громадная летающая тарелка. Она зависла над землей. Из люка внизу вывалилась, раскручиваясь, веревочная лестница.

Глумушка сбросила с себя платье, платочек и парик, превратилась в двуногое изящное существо, точно такое же, как и те, что спускались по веревочной лестнице на землю.

— Наконец-то! — сказала Глумушка.

Пришельцы затарабанили что-то в ответ, торопя ее погрузиться в корабль.

— Нет.

Глумушка показала в направлении домика.

Двуногие существа побежали туда и помогли Глумушке перенести к кораблю несколько ящиков и свертков.

— Спасибо, — сказал Глумушке один из пришельцев. Язык их не был схож ни с одним из земных языков, но Алена с Мишей отлично понимали его: слова звучали внутри головы. — Спасибо. Оказавшись в тяжелых условиях, одна на чужой планете, вы не забыли об интересах науки. И за два года собрали неоценимый этнографический материал. Надеюсь, вы никому не выдали своей действительной сущности? Ничем не проявили своих сверхчеловеческих способностей и знаний?

Глумушка ответила не сразу. Но ответила твердо:

— Нет, капитан.

Корабль улетел к своей звезде так же беззвучно, как и появился. Алена взяла Мишу за руку, и они пошли обратно к городу.

1970 г.

КЛАДЕЗЬ МУДРОСТИ

Явился Корнелию Удалову во сне пришелец.

— Корнелий, послушай, — сказал пришелец. — Мы, в Галактике, знаем, что ты очень расположен к космической дружбе.

— Да, — согласился Корнелий. — Верю в возможность контактов и по мере сил...

— Погоди, — перебил его пришелец. — Времени у меня в обрез.

Пришелец был окружен чем-то голубым, и за сиянием трудно было различить его формы. Корнелий понимал, что встреча происходит во сне, но просыпаться не торопился, любил поговорить с новым человеком.

— Мы в Галактике посоветовались, — продолжал пришелец, подлетая ближе и заключая Удалова в пределы своего сияния, — и решили, что ты нам подходишь. Сам понимаешь.

— Понимаю, — сказал Удалов.

— И вот в благодарность за твои прошлые и будущие заслуги мы тебе даем дар. Космического масштаба. Одновременно должен тебя предупредить, дар этот — испытание всей планете, всему человечеству. Сможешь подарком распорядиться — значит, человечество доросло. Нет — придется подождать.

— А почему ваш выбор пал на меня? — спросил Удалов из скромности.

— Я же сказал — за заслуги. И к тому же ты самый что ни на есть средний и обычный человек в Гусляре.

— Я-то? — спросил Удалов с некоторой обидой.

— Неважно, — ответил пришелец. — Спешу я. Энергия на исходе. За то время, пока я с тобой нахожусь в телепатической связи, пришлось выключить свет на двадцати трех планетах. Так что принимай дар — и до свиданья.

ния. В случае если не справишься, только скажи вслух: «Игра закончена». И все вернется на свои места.

Не успел Удалов ничего ответить, не успел даже руки протянуть за даром, как сверкнула молния, и Удалов проснулся.

Было раннее утро. За окном шел дождь. Рядом спала Ксения и вздыхала во сне. «Интересно, — подумал Удалов, — она наш разговор слышала?» Где-то за тремя стенами зазвонил будильник. Пять тридцать, старик Ложкин встает делать зарядку и кормить птичек. А может, сон как сон? Может, и не было пришельца?

Удалов выпростал из-под одеяла руки. Руки были пусты. Никакого дара.

— Чепуха, — сказал Удалов и снова заснул.

Вторично он раскрыл глаза в половине восьмого. Сын Максим собирался в школу, Ксения хлопотала на кухне.

— Уроки выучил? — спросила она сына. — Опять вчера с Сашкой мяч гонял до темноты?

— А нам ничего не задали, — ответил Максим Удалов, очень похожий на своего отца курносый носом, цветом пшеничных волос и склонностью к излишнему фантазированию.

— Как так не задали? — сердилась Ксения. — Я в дневник смотрела. По истории про бунт стрельцов кому задавали?

— Я про бунт знаю, — сказал Максим.

— Господи, если бы я проверить могла, — говорила Ксения. — Я бы тебя по урокам гоняла как сидорову козу. Все дела, хозяйство.

— Ксения, разбудила ты меня, — произнес Удалов. — Мне сегодня только к одиннадцати в контору. Вчера говорил.

— Все равно вставай, — ответила Ксения, которая легко переносила свое раздражение с одного члена семейства на другого. — Сколько раз просила — почини замок в прихожей. В один прекрасный день всех нас унесут, ты даже не заметишь. Сын опять уроков не выучил. Опять двойку принесет. Про стрелецкий бунт ничего не знает.

— Ничего не знаю, да больше вас, — ответил грубо Максимка. — Если вам сказать, что Суворов его подавлял, даже не удивитесь.

— Историю я крепко подзабыл, — сознался Удалов.

И тут что-то щелкнуло у него в мозгу. Будто открытая страница учебника возникла перед глазами. Удалов просмотрел страницу и сказал совершенно спокойно:

— Плохо вас учат, сынок, если Суворов стрелецкое восстание подавлял. Особенно если учесть, что за спинами стрельцов стояла царица Софья, старшая сестра Петра Первого, и князь Голицын, ее основной полководец. Суворов, кстати, родившийся лишь в 1730 году, никакого участия в этом принимать не мог.

Сказав так, Удалов спустил ноги с постели, нащупал шлепанцы и поднялся во весь рост. Сын Максимка как стоял у двери, так и замер. Ксения выглянула из кухни с крышкой от кастрюли в руке и спросила:

— Ты это сам или заглянул куда?

— Сам, — ответил Удалов. — Спешу, Максимка, в школу и в будущем не обманывай папу. Скажет тоже, Суворов...

— Иди к столу, — сказала Ксения, подобрев. — Каша остынет.

— Сон я удивительный видел, — начал Удалов, заливая кашу молоком. — Будто явился ко мне космический пришелец и говорит: «Получай, товарищ Корнелий Удалов, за твои передовые дела необыкновенный подарок».

— Рехнешься ты со своими пришельцами, Корнюша, — пожалела его Ксения. — А подарок какой?

— Вот в том и беда, что не знаю. Проснулся я, а подарка нет.

— То-то и оно. Мне вчера, например, танк приснился. А на нем соседское белье висит. Тоже, наверное, чего-нибудь значит.

— Наверное, — произнес Удалов разочарованно. Ему было жалко такого редкого сна.

— Между прочим, — продолжила Ксения, — вчера нам счета принесли. Опять за электричество два сорок два. Это надо только подумать, сколько энергии холодильник жрет!

— Два сорок три, — автоматически поправил ее Удалов. — А пришельцу для того, чтобы к моему разуму проникнуть, пришлось без света несколько планет оставить.

— Два сорок два, — сказала Ксения. — Я смотрела.

— Ну да, два сорок три.

— Ты что, шутить со мной вздумал? Ведь я, как счет получила, сразу его в шкатулку спрятала. Когда залезть успел?

— Не видел я твоего счета, — искренне обиделся Удалов. — Просто так показалось мне, что два сорок три.

— Ну уж погоди.

Ксения вынула из комода под зеркалом расписную шкатулку федоскинской работы с изображением тачанки, подаренную к свадьбе удаловскими соучениками по школе, раскрыла ее и сверху достала голубой листок — счет за электроэнергию.

— Вот. Полюбуйся.

Но листок мужу не отдала, потому что увидела, что на нем написано: «2 руб. 43 коп.»

— Лазил, — сказала она убежденно.

— Не лазил, а догадался, — ответил Удалов.

— Лазил. Ревнуешь. Проверяешь, где письма храню.

— Нужна ты кому-то.

— Вот-вот, была нужна, Семенской мне какие предложения делал!

— Так этот Семенской тебя двадцать лет как забыл.

— А почему забыл? Потому что я лучшие годы на тебя потратила. Все тебе отдала, что было во мне свежего, нераспустившегося. Как березка в весеннем наряде...

Ксения провела руками по широким бедрам и заплакала.

— Ну-ну, — сказал Удалов, собираясь на службу. — Ну не надо, чего уж там...

Удалов шел на работу не спеша. Пришлось покинуть дом раньше, чем рассчитывал; и он выбрал дальний путь — по набережной, мимо собора, мимо дома купцов Анучиных восемнадцатого века, через рынок, сентябрьский, разнообразный, веселый.

По пути Удалов думал о событиях, приведших к власти Петра Первого. Раньше ему об этом думать не приходилось, все недосуг. А сейчас он понял, что, к сожалению, знает мало, крайне мало, в объеме школьного учебника. И очень хотелось разобраться в роли боярина Шакловитого, но учебник об этой роли сообщал крайне мало.

Впереди Удалова спешили в школу дети. Корнелий догнал одну девочку, поглядел на ее тонкий блестящий портфельчик из искусственной кожи и произнес вслух:

— Афга морнинг ти ай гоу ту скул.

Причем произнес с более-менее правильным произношением.

— Что? — спросила девочка, обернувшись. — Вы тоже этот урок проходите?

— Прохожу, — признался Удалов. И покраснел от нечаянной лжи. В школе он учил немецкий, а потом языками не занимался. И странно было не то, что он сказал английскую фразу и знал притом, что она английская. Фразу можно было случайно подслушать и запомнить. Беда заключалась в другом: Удалов знал весь учебник английского языка для пятого класса средней школы. Весь, целиком и мог по первому требованию процитировать любую страницу, включая выходные данные книги, помещенные на последней странице: тираж, имя корректора и дату сдачи учебника в печать.

Потом, думая о событиях, Удалов даже удивлялся, как он не догадался к тому времени, что это и есть космический дар. Но он не догадался. Удивился и пошел дальше.

На скамейке у техникума сидели будущие речники и зубрили тригонометрию. В голову Удалова хлынули тангенсы и прочие функции и тут же перемешались с исчерпывающими сведениями о приготовлении мучных блюд, потому что из соседнего дома вышла крайне толстая женщина с поваренной книгой в руке.

«Дела, — подумал Удалов. — Чего только не взбредет в ум».

У входа на рынок на шатком столике лежала стопка белых книжек. Рядом — мелочь в розовой мыльнице. На белой книжке была изображена древняя царица и имелась надпись: «Тайна золотого гроба». Многие люди, выходя с рынка, останавливались у столика и приобретали книжку, надеясь, что она просто про шпионов. Знакомый Удалову работник местной газеты Миша Стендаль тоже купил книжку про золотой гроб и, поздоровавшись с Корнелием, спросил:

— А вы чего же?

— Я археологией не интересуюсь, — громко ответил Удалов. — Скучно вато изложено.

— Граждане! — перебила Удалова продавщица. — Покупайте новый роман о тайнах Египта! Кто убил Не-

фертити? Загадка старого дома на берегу африканской реки Нил!

— Вот, — сказал поучительно Стендаль. — Мало читаете, Корнелий Иванович.

— Читаю, сколько могу, — произнес Удалов с достоинством. — Не меньше других. А этот труд имеет специальный характер. Для специалистов.

— Он знать не может, — возразила продавщица. — Мы эту книгу сегодня в ночь получили. Да и стою я здесь всего минут пятнадцать. Бывают же люди, придумывают что угодно, только чтобы настроение испортить.

— Ах так! — возмутился Удалов, теряя контроль над собой. — Откройте вашу тайну на странице... допустим, на странице сто тридцать. Открыли? Начинаю с одиннадцатой строчки сверху.

Стендаль шелестел страницами. Вокруг останавливались любопытные.

— Тут же, на севере столицы, — полуприкрыв глаза, барабанил Удалов, — были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Аменхотпе IV, в большом количестве Семнох-ке-ре, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йот-та, его жены Анес-эм-ийот. Однако вместе с щитками Нефр-эт...

— Стой! — вскричал Стендаль. — Вы фокусник?

— Миша, — ответил Удалов укоризненно. — Вы же меня знаете. Меня каждая собака в городе знает.

Удалов обернулся за поддержкой к населению. Многочисленные люди стояли вокруг, держа в руках раскрытые на сто тридцатой странице белые книжки, и шевелили губами, проверяя Удалова.

— А ну-ка, — сказал лысый дядя в гимнастерке. — Ты читай нам со страницы сто двадцатой. И с самого верха. Может, ты сто тридцатую специально заучил.

— Сколько угодно, — сказал Удалов. — Только дело не в том...

— Читай-читай.

Люди принялись искать сто двадцатую страницу.

— Вы бы за книжки платили, а то обложка белая, хватают все, кто потом купит? — говорила продавщица, но ее не слушали.

— «Го», — сказал Удалов. — Это перенос со страницы

сто девятнадцать. «Го для Рэ. Кийа» с добавлением многолетия «жива она!»

— Правильно, так тебе перстак! — пришел в восторг человек в гимнастерке, достал из кармана галифе большое красное яблоко и протянул Удалову. — Ешь, не стесняйся. С твоими талантами учиться надо.

— Спасибо, — сказал Удалов, застенчившись.

Ему вдруг представился собственный вид со стороны. Стоит начальник ремстройконторы у входа на рынок и бормочет про древний Египет. Стало стыдно.

— Корнелий Иванович, — сказал Стендаль, догоняя кинувшегося наутек Удалова. — Мне с вами надо поговорить.

Вслед неся голос опомнившейся продавщицы:

— Покупайте новый детектив о тайнах саркофагов! Кто убил Нефертити и ее мужа? Сегодня получено из Москвы!

Стендаль не успел схватить Удалова за локоть, как новые события отвлекли его внимание. По улице, задрав единодушно головы к маковкам церкви Параскевы Пятницы, шла группа иностранных туристов, довольно редких в Великом Гусляре. Группа состояла по большей части из пожилых дам с хорошо завитыми седыми буклями, в шляпках, украшенных бумажными и нейлоновыми цветами. Мужья этих женщин, заокеанские пенсионеры, были увешаны фотоаппаратами «поляроид» и «кэнон» и имели бодрый вид.

Туристы оживленно переговаривались друг с другом. Удалов ел красное яблоко и не мог сдвинуться с места, потому что все понимал. До последнего слова. И даже знал слово в слово содержание англо-русских разговорников в руках интуристов. Туристы говорили между собой с восклицательными знаками:

— Это же черт знает что за порядки!

— Великолепная варварская архитектура!

— Боже мой, какая сырость в этом городишке!

— Это похоже на Тадж Махал!

— Миссис Генри, вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту. Как он уморителен! Какая слаянская непосредственность!

— Черт знает что за порядки! Пора завтракать, а переводчица куда-то делась!

— Эта церковь изумительно бы гляделась на фоне Нотр-Дам де Пари!

— Что за безобразие! Мы платим полнокровную валюту, а переводчица куда-то делась!

— Вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту!

Тут Удалов понял, что туземец — это он. Тогда его охватило негодование, смешанное с жалостью к этим далеко оторвавшимся от родины людям, потерявшим переводчицу и завтрак. Он сделал шаг вперед и сказал с приятным бруклинским акцентом:

— Извините необразованного туземца, но, очевидно, вам следует сейчас повернуть налево, и вы выйдете непосредственно к гостинице «Великий Гуслер».

— Ах! — удивилась миссис Генри. — Простите, что вы сказали?

— Джентльмен выразился ясно, — сказал ее муж. — Послушаемся его и пойдем налево. Простите, сэр.

Вся группа туристов послушно повернулась за мужем миссис Генри, и лишь небольшого роста турист с напояженными курчавыми волосами остался на месте.

— А вы чего стоите? — спросил его по-английски Удалов. — Ах да, конечно, вы пуэрториканец и не все поняли.

Удалов небрежно перешел на испанский язык и повторил инструкции на родном языке пуэрториканца.

— О спасибо, сеньор! — воскликнул турист. — Я не всегда понимаю, когда говорят по-английски так быстро, как вы.

И, взмахнув фалдами длинного песочного цвета пиджака, турист бросился догонять спутников.

Миссис Генри, сворачивая за угол, сказала мужу в надежде, что Удалов не услышит:

— Здесь прохода нет от агентов ГПУ. По-моему, я видела его около «Националя» в форме генерал-лейтенанта.

Удалов услышал и улыбнулся горькой, снисходительной улыбкой.

Наконец Стендаль пришел в себя настолько, что смог открыть рот и спросить:

— Корнелий Иванович, почему вы никогда не говорили...

— А что тут говорить... — Удалов махнул рукой и быстро зашагал к конторе, чтобы в пути обдумать события и принять решение.

Быстрое воображение уже представило его, Корнелия, главным интуристским переводчиком. Вот он встречает самолет на Шереметьевском аэродроме, и оттуда выходят высокие негры.

«Здравствуйте», — говорит им Удалов на языке суахили.

За неграми следуют жители республики Мальдивских островов.

«Добро пожаловать», — приветствует их Удалов на родном языке островов.

Сбегают по трапу японские дети с белыми журавликами в ручках.

«С прибытием вас», — говорит им Удалов на языке Страны восходящего солнца.

А сзади уже бежит большой начальник из международного отдела. «Товарищ Удалов! — кричит он не своим голосом. — Товарищ Удалов. Вот ваш дипломатический паспорт. Срочно садитесь на самолет. Вы нужны в Аддис-Абебе. Там найдена надпись на непонятном науке языке. Организация Объединенных Наций настаивает на вашей кандидатуре».

Летит Удалов к Аддис-Абебе. Черная Африка разворачивается под крылом. Слоны, носороги поднимают любопытные взоры и провожают самолет мычанием и дружественными криками. А на аэродроме ждут эфиопские академики.

«Как долетели?» — спрашивают они Корнелия.

«Спасибо», — отвечает он на безукоризненном эфиопском языке.

А там назначение послом или даже советником в одну африканскую страну, национального языка которой не знает никто, кроме Удалова...

«Диметилфталат — восемь граммов, — появилась мысль в мозгу Удалова, — водный раствор аммиака...» Нет, при чем здесь водный раствор аммиака?

Удалов поднял глаза и увидел в открытом окне аптеки провизора Савича, писавшего что-то в толстом провизорском блокноте.

— Лекарства изобретаете? — спросил Удалов.

— Да, вспоминаю кое-что.

— А водный раствор аммиака, — пошутил Удалов, — это как по-нашему?

— Нашатырный спирт, — сообщил Савич, и глаза его стали круглыми от удивления. — Я что, вслух разговаривал?

— Как сказать, — ответил Удалов и поспешил дальше.

К тому времени голова его была полна знаниями, приобретенными походя, за два часа. И Корнелий уже начал понимать, что его личная память здесь совершенно ни при чем. Ситуация складывалась куда более сложная. По какой-то причине он обрел способность моментально впитывать как губка любую письменную информацию, возле которой он оказывался. И для этого ему совсем не надо было раскрывать книгу или заглядывать в чужие блокноты. Можно было, к примеру, положить возле себя несколько учебников или справочников, и через секунду Удалов знал, что в них написано, до последней запятой.

— Любопытная чертовщина, — сказал Удалов. — А если голова лопнет?

К счастью, в этот момент Удалов прошел мимо киоска Союзпечати.

Он вобрал в себя содержание всех газет и журналов, даже старых, что лежали на прилавке и были развешаны по бокам. В том числе и того самого номера «Здоровье», где говорилось, что нормальный человек использует свой мозг, дай Бог, на один процент. Остальные клетки лежат без движения и дармоедствуют, зря потребляют пищу и витамины.

— Ага, — сообразил Удалов и остановился посреди улицы. — Все понятно. Это и есть дар. Значит, был не сон, а фантастическая очевидность. Как же я с моими новыми способностями до такой очевидной штуки не додумался? Это стыд и позор.

А если сияющий пришелец сказал правду, то подарком надо уметь распорядиться. Его надо направить на пользу человечеству и способствовать таким образом межзвездной дружбе и взаимопониманию.

Какой следующий шаг должен предпринять разумный человек, который, если захочет, завтра станет академиком или, по крайней мере, членом-корреспондентом Академии наук? Пойти в библиотеку? Нет, не стоит. Там

нечаянно впитаешь столько всякой чепухи, что даже девяносто девять процентов мозга не справятся. Отдать себя в руки медицины? Жалко свободы.

А ноги между тем независимо от мыслей несли и несли Удалова вперед и привели к дверям стройконторы. Руки сами собой открыли дверь, а язык сам по себе поздоровался с присутствующими сотрудниками. А так как голова Удалова была занята посторонними мыслями, то в ответ на вопрос бухгалтера, закрывать ли ведомости третьему участку, Удалов ответил туманно: «Академии наук виднее» — и проследовал за перегородку, в кабинет.

Там он опустился на стул, положил локти на кипу сводок и, все еще не сознавая, где находится, продолжал размышлять.

Прельщала дипломатическая карьера. Черная машина «Волга» у подъезда резиденции, уважительные иностранцы с коктейлями из виски в холеных пальцах и их секретарши в платьях декольте. Хотелось также попробовать себя в космической программе. «Только вы, профессор Удалов, можете подсказать нам, стоит ли подключать к этой ракете третью ступень». А вокруг стоят герои-космонавты и ждут ответа. Ведь от решения Удалова зависит, лететь им на Марс или погодить. Или еще можно разгадать тайны древних цивилизаций и знать, была ли Атлантида или только померещилось. Такой путь вел к тихому академическому кабинету и бесплатным путевкам в дом отдыха для ведущих мыслителей. Ну и, конечно, к международным конгрессам...

«Нет, — решил наконец Удалов. — Спешить с опубликованием не будем. Не исключено, что завтра все пройдет и окажешься в дураках. В обеденный перерыв зайду в техникум и впитаю в себя высшую математику. Никогда не помешает. Потом в музей, узнаю, что там есть про Петра Первого. Вот так-то».

— Вы ко мне? — спросил он, поднимая голову.

— Мы уж пятнадцать минут стараемся добиться вашего внимания, Корнелий Иванович, — сказал мужчина с шоколадными глазами, боксерским носом и желтым импортным портфелем.

— Даже больше, — поддержал его маленький старичок.

Старичок был в очках, и линзы очков были такими

толстыми и сильными, что в них помещался лишь вдесятро увеличенный значок голубого цвета с прожилками. Старичок тоже держал в руках желтый импортный портфель.

— Ага, явились, — сказал Удалов. И в тот же момент он знал до последней строчки содержимое толстых портфелей. Там лежали в основном ведомости, справки, накладные и чистые бланки артели, поставившей стройконтуре скобянку, замки, ключи и всякую мелочь.

Гости уселись напротив Удалова, и мужчина с боксерским носом произнес:

— День сегодня хороший, Корнелий Иванович.

День был плохой, ветреный, сумрачный, пасмурный. Слава Богу, что хоть дождь перестал. Удалов молча согласился с гостем и изучил между тем все бумаги, лежавшие у того в карманах. И понял, что может стать величайшим ревизором современности, исключительным ревизором, которого ввиду знания языков будут приглашать в командировки в союзные республики, страны социалистического содружества, может, даже на Запад. И на двери его кабинета будет скромная табличка: «Комиссар милиции первого ранга, заведующий специальным отделом по особо важным ревизиям К.И.Удалов».

— Да, день неплохой, — сказал старичок, и увеличенные жилки под очками заметно покраснели. — А вы на нас, говорят, в претензии. Незаслуженно и обидно.

— Так, — проговорил Удалов загадочно и постукал пальцами по столу.

— Нет, Корнелий Иванович, так дальше не пойдет, — сказал мужчина с боксерским носом и повел широкими плечами. — Артель старается, выполняет и перевыполняет план, бесперебойно снабжает вашу контору высококачественным товаром, а в ответ никакой благодарности. Я дойду до горсовета.

— А хоть до Вологды, — отрезал Удалов. Содержание одной из бумажек в правом верхнем кармане пиджака человека с боксерским носом его очень заинтересовало. Подчистка на накладной была сделана грубо, невооруженным глазом видно.

— Зачем так, товарищ Удалов, — огорчился старичок. — У нас все документы с собой. Лучший металл мы

пустили на те задвижки. Опытных мастеров привлекли. Дней и ночей не спали. И все, получается, впустую?

— Погоди, — прервал его спутник. — Если чем недоволен — зачем по официальным каналам? Скажи мне, я скажу Порфирьичу, Порфирьич сделает.

— Сделаю, — сказал старичок. — Всегда полюбовно.

— А задвижки от ветра гнутся, — сказал Удалов. — Замки вилкой вскрыть нетрудно. Строительство дома отдыха сорвано. А товар вы налево пустили. Разве не так?

— Не так, — убежденно возразил Порфирьич.

— А три тысячи восемьсот нечестных рублей поделили между собой?

— Какие деньги? — возмутился старичок.

А у его спутника неожиданно выступил пот на лбу.

— Сколько? — спросил он.

— Три тысячи восемьсот как одна копеечка. Ведь до сих пор все ваши преступные расчеты у вас в кармане лежат. Карандашом написано: «Порфирьичу выделить семьсот двадцать. Шурову — триста. Удалову, если будет артачиться, сто в зубы». Разве не правда?

Человек с шоколадными глазами потерял присутствие духа. Он вскочил со стула, схватился толстыми дрожащими пальцами за карман.

— Продали! — воскликнул он.

Порфирьич со стула не встал. Порфирьич побледнел. Даже глаза побледнели.

— Три тысячи восемьсот? А мне семьсот двадцать? Так... Не будет тебе, бесчестный жулик, никакой пощады от народа ни на этом, ни на том свете, — сказал он тонким суровым голосом.

— И заявление в милицию напишем сейчас же, — закончил Удалов, куя железо, пока горячо.

— Я ничего не знаю, — сказал человек с боксерским носом; пытаясь сжевать вытащенную из кармана записку.

Записка была на хорошей, толстой бумаге и не жевалась.

— Не поможет, — заметил Удалов. — В правом верхнем кармане пиджака Порфирьича лежит подчищенная накладная на листовую сталь.

— Лежит, — подтвердил Порфирьич. — Лучше я сам сяду как невинный сообщник, но эту змею на много лет укатаю.

— Правильно, — одобрил Удалов. — Он вас и раньше за нос водил.

— Фи не шмеее! — прокричал с набитым ртом директор артели. — Я путу шалофаться!

— Жалуйся, жалуйся, — сказал мстительно Порфирьич.

— Некуда ему деваться, — согласился Удалов. — У вас же в портфеле неотразимая бухгалтерия.

И видя, что надо нанести последний удар и повергнуть противника в нокаут, Удалов постарался вспомнить, что говорят в таких случаях следователи в кино. Недавно слышанные слова крутились в голове... «Ваша ставка бита!» Нет, не то... «Руки вверх...» Нет. Близко, совсем близко. Ага! И Удалов произнес страшным голосом, так что у самого встали дыбом на затылке редкие золотистые волосы:

— Игра закончена! Садитесь и пишите заявление. Чистосердечное покаяние — вот единственное, что может облегчить вашу участь!

Сверкнула молния, запахло озоном, бледный как полотно директор артели опустился на стул, достал шариковую ручку и с помощью Порфирьича стал писать признание.

А Удалов вдруг ощутил страшную пустоту в голове. Первозданную, нелепую пустоту. Он не помнил содержания ни единой из бумажек, лежавших в портфелях у артельщиков. Он забыл английский и испанский языки, он не мог вспомнить ни одной тригонометрической функции. Он даже запомнил чеканные рифмы поэмы, напечатанной в последнем номере журнала «Огонек».

— Но почему? — воскликнул он. — За что?

Артельщики метнули на него перепуганные взоры и еще быстрее стали писать признание.

— Сами отнесите в милицию, — приказал им Удалов и, более не сознавая ничего, бросился к выходу.

Снова крапал дождик по пожелтевшим листьям. Было тихо и обыкновенно. И с ясностью отдаленного ночного грома прозвучали в ушах Удалова слова пришельца: «В

случае, если не справишься, скажи вслух: «Игра закончена», — и все вернется на свои места».

— Я же не хотел! — взмолился, простирая к небу руки, Корнелий Удалов. — Это ошибка. Это случайная ошибка!

...Удалов вернулся домой и до вечера не промолвил ни слова. Он отказался говорить с Мишей Стендалем, который поджидал его у ворот, он не стал есть любимого супа с клецками. Он лежал на диване в брюках и переживал свою оплошность, не только закрывшую перед ним путь к дипломатическому будущему, но и лишившую все человечество немедленной дружбы с развитой Галактикой. И лишь вечером, выпив для успокоения сто граммов перцовки и сказав непонятные домашним слова: «Может, разберутся, отменят решение», Удалов подошел к столу сына и спросил его:

— Где у тебя учебник истории?

— А что, папа? У нас завтра истории нет. Не задавали.

— Глупый, — ответил отец. — Я просто хочу почитать про Петра Первого. И тригонометрию не прячь... Век живи, век учись... В Галактике с нашей серостью появляться стыдно.

1970 г.

НАДО ПОМОЧЬ

Корнелий Удалов сидел дома один, смотрел телевизор. Погода стояла паршивая, дождь, ветер, мокрые листья носятся по улицам, хороший хозяин собаку не выгонит. Жена Ксения взяла детей, ушла через улицу, к подруге, а Удалов отказался. Передача была скучная, хоть выключай и иди спать. Но выключать было лень. И когда Удалов собрался все-таки с духом, нажал на кнопку, в комнате возникло существо с тремя ногами, красными глазами и в очках.

— Здравствуйте, — сказала существо с сильным акцентом. — Извините мой произношение. Я учил ваш язык в спешке. Не беспокойтесь моим внешним видом. Я можно сесть?

— Садитесь, — предложил Удалов. — Как на улице, еще моросит?

— Я прямо из космос, — ответило существо. — Летел в силовое поле, и дождь не попадает.

— И чего пожаловали? — спросил Удалов.

— Я вам есть помешал?

— Нет, все равно делать нечего. Рассказывайте. Чай пить будете?

— Это для меня есть быстродействующий яд. Нет, спасибо.

— Ничего, если вредно, то не пейте.

— Я умирать от чай в судорогах, — признался гость.

— Ладно, обойдемся без чая.

Существо подобрало все три ноги под себя, забралось в кресло и вытянуло вперед лапку с сорока коготочками.

— Удалов, — сказала оно с чувством. — Надо помочь.

— Хорошо. Чем можем, будем полезны. Только чтобы на улицу не выходить.

— Придется выходить на улицу, — ответило существо.

— Жалко.

— Я прошу извинений, но сначала давайте нас слушать. — Существо выпустило изо рта клуб розового, остро пахнущего дыма. — Простуда, — сказала оно. — Очень есть далекий путь. Три тысяча световой год и восемьсот лет туда-обратно. Большой неприятность. Помирай крупики.

— Жалко, — произнес Удалов. — Родственниками вам приходится?

— Я объясняю? — спросило существо.

Удалов кивнул, взял лист бумаги, шариковую ручку, чтобы, если надо, записывать.

— У меня есть восемь минута. Меня зовут Фыва. Я есть с одна планета в констеласьон весьма отдаленный, ваш астроном знает, а вы не знает.

Удалов согласился.

— Мы есть давно прилетали к вам на Земля, брали опыты и экземпляры. Немножко помогай строить пирамиды Хеопса и писал Махабхарата, индийский эпос. Очень относились с уважением, чужой не трогали. Один раз взяли ваши крупики и повезли на нашу планету.

— Погодите, — прервал его Удалов. — Кто такие крупики?

— Я забывай ваш слово. Маленький, серый, с ушами, сидит под елочкой, прыгает. Крупики.

— Заяц? — спросил Удалов.

— Нет, — возразило существо. — Заяц я знай, кролик знай, кенгуру знай. Другой зверь. Не очень важно. Генетика пробовали, большого вырастили, новую породу. Вся планета в крупиках. Очень важно в хозяйстве. Крупики подошли — начинается экономический кризис. Каждый день кушаем крупика.

«Кто же такие крупики? — мучился Удалов. — Может, тушканчики?»

— Нет, — ответило существо на мысль Удалова. — Тушканчики нет. Много лет проходит, три день назад крупики начинают болеть. И подыхать. Все ученые делают опыт, средство нет. Средство только у вас, на Земле. Сегодня утром меня вызывают и сказать — лети, Фыва, спаси наш цивилизация. Я понятно сказал?

— Понятно, — ответил Удалов. — Только вопрос: когда, говорите, к нам полетели?

— Сегодня. Завтрак кушай и полетел.
— И сколько, говорите, пролетели?
— Три тысячи световой год.
— Чепуха, — сказал Удалов. — Таких скоростей наука не знает.

— Если прямо лететь — не знает, — согласился гость. — Только другой принцип: я лечу во времени.

— Ну-ка, расскажите, — попросил Удалов. Он был очень любопытен и тянулся к новому.

— Одна минута рассказал, очень коротко. Время мало. Мы путешествуем во времени. Одно мгновение — тысячу лет назад.

— Ну и приземлитесь на своей планете тысячу лет назад.

— Какой наивность! Не смей читать фантастическая книжка! Фантастический писатель наука не знает, друг у друга списывает. Неужели твой Земля на месте стоит?

— Нет, летает вокруг Солнца.

— А Солнце?

— Тоже летит.

— Вот, простой директор стройконтора, а знает. Писатель Уэллс не знает, писатель Парнов не знает. Какой стыд! Ты прыгни в завтра, прыгни в один час вперед — выскочил из камеры — нет под тобой никакой Земли — ты уже в космос, а Земля улетел дальше — из-под тебя улетел. Так просто. А если я на сто лет вперед или назад прыгну, Земля за это время далеко-далеко улетел. А другой планета или звезда на то место прилетел. Ты выскочил — уже на другой планете. Только надо считать. Очень много расчет делать. А то промахнулся — и задвига.

— Крышка, — поправил гостя Удалов. Ему понравилось, что он оказался умнее известных писателей. — И вперед тоже прыгать можно?

— Нет, — ответило существо. — Время как океан. Что было — есть, чего не было — еще нет. Ты можешь в океан прыгай, ныряй, снова выныряй. Очень хорошо считал — на сто лет назад прыгай — одна планета. Еще пятьдесят лет в другой сторону — еще планета. Три раза прыгай — вынырнул на верх океана, уже на Земля. Только очень сложно. Каждый день нельзя прыгай. Иногда раз в сто лет

совпадет. Иногда три раза в один час. У меня три минуты остался. А то не смогу домой идти.

— Ладно. Все мне ясно. А крупики — может, это мыши?

— Нет, мыши нет, — сказал гость. — Помогать будешь?

— Обязательно, — ответил Удалов.

— В твой город, есть один средство. Красный цветок. Растет на окно одна бабочка.

— Бабушка?

— Бабушка. Дом три, улица Меркартова. Цветок надо сорвал и давал мне. Я сказал спасибо от имени вся планета. Крупики тоже живут. Тоже спасибо. Один час время у тебя есть. Я обратно лечу и цветок взял.

— А чего же сам не купил цветок?

— Нельзя, бабушка очень пугайт. Три нога из меня растут. Не получают. На тебя вся надежда есть...

И тут пришелец растворился в воздухе, потому что его время истекло. И он, видно, начал свои прыжки во времени, чтобы вернуться домой и там доложить, что нащупал контакт с Корнелием Удаловым и Корнелий согласился помочь.

Удалов протер глаза, посмотрел еще на кресло, в котором только что беседовал пришелец. Кресло сохранило примятость в середине. Все это не было сном, а раз так, то придется помочь братьям по разуму. Но кто же такие крупики? Может, лисица? Или песец?

Удалов затянул плащ, взял зонт и вышел на улицу. Пришельцу хорошо было в его силовом поле. А на Удалова обрушились бешеный ветер, дождевые брызги и скрип деревьев. Под ногами таились черные лужи, а путь на Меркартовскую улицу хоть и не очень далек, пролегает в стороне от центра Великого Гусляра.

Пока Удалов добрался до дома три, он изрядно промок, в ботинках хлюпало, затекло за уши и под воротник. Домик был мал, выходил на улицу двумя окошками, в заборе виднелась калитка. Но прежде чем войти во двор, Удалов деликатно постучал в освещенное окно. Занавеска отодвинулась в сторону, и круглое румяное старушечье лицо приблизилось в окно. Удалов улыбнулся ему и пошел к калитке. Открыл мокрый холодный крючок и прислушался. В доме было тихо. В соседнем дворе забрехала

отчаянно собачонка. Удалов подошел к шаткому крыльцу и поднялся на три ступеньки. Собачонка суежилась у забора, захлебывалась, словно охраняла два дома по совместительству.

Удалов толкнул дверь, и та отошла тяжело, со вздохом и скрипением.

— Есть кто живой? — спросил Удалов вежливо и шагнул в темноту. В тот же момент что-то тяжелое упало ему на голову и отключило его сознание. Последней мыслью Удалова было: «Наверное, крупики — это белки».

Удалов пришел в себя в горнице. Здесь было светло. Он сидел на скамье, прислонясь спиной к печке, чуть теплой, топленной утром. Напротив стоял грузный человек в пижаме и ватнике. В руке у человека была скалка. У человека были красный нос и грустные глаза.

«Все-таки крупики — это белки», — подумал Удалов, возвращаясь к действительности, и пощупал затылок. На затылке была шишка.

— Вы простите, если что не так, — сказал мужчина. — Меня тетя Ньюша на помощь позвала. Я думал, что тот самый возвратился. В черных очках. Пристал, в окно стучится, угрожает: отдай, говорит, цветок. Иностранец, наверно. Бандит. А в дом не вошел. Тетя Ньюша его шуганула, а меня на помощь позвала. Все-таки мужчина в доме. Я ее сосед, из соседнего дома.

Тут Удалов, разогнав из глаз разноцветные круги, заметил в стороне смущенную бабушку с румяными щеками.

— Я женщина одинокая, — объяснила бабушка. — Меня просто и ограбить можно.

— Правильно, — ответил Удалов и разозлился на скрытного пришельца.

Значит, тот не сразу к Удалову, а сначала побывал здесь, попытался цветок раздобыть. И все испортил. Ну хоть бы проинформировал Удалова об этом заранее. Теперь голова болеть будет. Может, даже сотрясение мозга. Это бывает. От скалки.

— Воды, — сказал Удалов.

— Ньюша, дай воды.

Мужчина положил скалку на стол.

— А ты, Иннокентий, смотри за ним, — сказала

Нюша, уходя в сени, где стала греметь кружкой, зачерпывая воды.

— Вы ее извините. Женщина одинокая, подозрительная. Я-то знаю, что взять у нее нечего. А она думает, что представляет интерес.

Удалов покосился на окно. Там стояли горшки с цветами. Одно из растений было осыпано красными бутонами.

— Вот-вот, — заметил его взгляд мужчина. — Из-за этих ничего не стоящих цветов вся катавасия вышла.

Бабушка принесла кружку с водой. Пока Удалов пил, она оглядела его с головы до промокших ног, и неизвестно, осталась ли довольна осмотром. В глазах ее не пропадало подозрение.

— Зачем пожаловали, батюшка? — спросила она Удалова.

В ином случае Удалов оставил бы разговор до завтра. Не время было приобретать цветок. Но теперь, судя по часам, до возвращения пришельца оставалось чуть больше получаса. Из них пятнадцать минут уйдет на обратную дорогу.

— Я мимо проходил. Заглянул в окошко и решил зайти.

— Зачем? — спросила бабушка.

— Ну, я пойду, тетя Нюша, — сказал грузный мужчина.

— Нет, Иннокентий, погоди, — возразила бабушка. — Меня одну не оставляй.

Мужчина вздохнул, развел руками, словно извиняясь перед Удаловым.

— Чудесные цветы вы разводите, — сказал тогда Удалов.

— Опять? — спросила бабушка.

— Так разве я виноват, что такое совпадение случилось?

— Может, и виноват.

— Жена у меня любительница растений, — заспешил Удалов. Время шло. Пришелец уже торопится обратно, минуя звездные скопления и облетая метеорные потоки. — У нее день рождения завтра. Вот я и решил — куплю ей что-нибудь необычное. Как-никак шестнадцать лет вместе прожили. Ксенией мою жену зовут. Ксения

Удалова. Я здесь, в Гусяре, работаю, директором строй-конторы.

— Как же, слышал, — сказал мужчина. — В случае чего поможет тебе, тетя Ньюша, стройматериалами.

— Если в пределах законности, помогу, — подтвердил Удалов.

Тетя Ньюша чуть оттаяла.

— И шифер есть? — спросила она.

— И шифер, — сказал Удалов, хотя с шифером были трудности.

— А цветок не продается. Вы к моей соседке ходите. У нее герань чудесная.

— Герань у меня самого есть, — объяснил Удалов. — Три горшка.

— Да чего ты человека мучаешь, — сказал мужчина. — Продай ему цветок. Он не забудет.

— Не забуду, — сказал Удалов. — Вот этот красный цветок продайте. Сколько нужно — заплачу. Ведь не зря я по голове скалкой получил. Ведь тоже увечье. Пожаловаться можно.

— Жаловаться он имеет право, — сказал грузный мужчина. — У него шишка, не меньше, на затылке.

— Есть шишка.

— А ведь я, тетя Ньюша, твое задание выполнял. Тебя защищал. — Грузному мужчине хотелось поскорее домой.

Тетя Ньюша пригорюнилась.

— Вот, думала, помру, буду перед смертью цветком любоваться. Он у меня единственный, больше такого во всем городе нету. А кроме того, я к дочке собиралась съездить. В Архангельск. Дорога не дешевая.

— Дорогу оплачу, — сказал Удалов. — Сколько надо?

— Сто рублей, — произнесла бабушка и зажмурилась. Ждала, что скажет Удалов на такую наглость.

— Сто рублей нельзя, — ответил Удалов.

— Тетя Ньюша, постыдись, — произнес сосед.

— Лучше я отсюда прямо в дежурную поликлинику, — сказал Удалов. — Пусть меня медицински освидетельствуют, что мне нанесены побои.

— Тридцать пять, и ни копейки меньше, — сбавила цену бабушка.

— Ой, ты же, тетя Ньюша, самоубийца.

— Придется идти, — решил Удалов.

— А сколько дашь? — спросила быстро бабушка.
— Десять рублей дам.
— Десять мало. Десять один горшок стоит.
— А я горшок оставляю.
— А мне горшок без цветка не нужен.
— Двенадцать рублей — больше у меня денег с собой нету.

— А в поликлинику не пойдешь?

— Не пойду.

— А шифер достанешь?

— Постараюсь.

Тетя Ньюша вздохнула.

— Бери, Бог с тобой.

Удалов вытащил из кармана деньги. Хорошо еще, что захватил с собой. Отсчитал две пятерки, рубль и девяносто копеек мелочью. Тетя Ньюша взяла с него обещание занести завтра гривенник, и Удалов обхватил пыльный тяжелый горшок.

Вышли во двор вместе с соседом. Сосед кутался в ватник, подбирал по-птичьи ноги в шлепанцах. Проводил Удалова до калитки, otvorил ее. Бабушка загремела в сенях щеколдой.

— Послушай, — сказал грузный мужчина на прощанье, — ты про жену все врал. Почему двенадцать рублей за простой цветок отдал? Скажи, я никому ни слова.

— Да что там, — ответил Удалов, отклоняя головой ветви, чтобы не мешали смотреть вперед. — Все равно не поверите. На одной планете крупикидохнут. Их вылечить можно только этим цветком. Так что ко мне обратились за помощью.

— Ага, — сказал мужчина. — Вот это уже больше похоже на правду.

И когда Удалов уже отошел, ступая в лужи, он крикнул:

— А кто такие крупики?

— Не знаю! — крикнул в ответ Удалов. — Серые, говорят, пушистые, сидят под кустом.

— Наверное, кролики, — сказал мужчина.

— Может быть, — ответил Удалов и поспешил к дому, скользя по глине и прижимая к груди тяжелый горшок.

Пришелец ждал его возле дома, на улице, под деревом.

— Достал? — спросил он, выходя из тени. — Спасибо тебе огромного размера. Давай сюда. Домой я не мог. Твой жена пришел.

Удалов поставил горшок с цветком на землю.

— Не узнали там у себя, кто такие крупики? — спросил он.

— Нет, не успел, — ответил пришелец. — Такой трагедия. На нас с вами вся надежда.

Он принялся быстро обрывать с веток красные бутоны.

— А весь горшок брать не будете?

— С горшком мне сквозь пространственно-временной континуум не прорваться. Нет такая возможность.

— Я бы знал, сам оборвал. А скажите, крупики — это не белки?

— Нет. Я полетел. Большой спасибо. Знаете что, наш планета будет ставить вам один большой памятник. В три роста. Я уже делал фотографий. Вы идете сквозь дождь и буря, а в руке у вас красный цветок.

— Спасибо. Одна деталь только, если вы не возражаете. Понимаете, какая история получилась: я все свои деньги на этот цветок истратил, а мне завтра взносы платить.

— Ой, какой есть позор для наша планета! Конечно, все деньги я тебе давай. Совсем забыл. Вот, держи. Доллар. Три тысячи доллар.

— Да вы с ума сошли, — возразил Удалов. — На что мне доллары? Мне нужно двенадцать рублей. Точнее, одиннадцать рублей и девяносто копеек. Если считаете, что я много заплатил за цветок, сами понимаете — такая срочность. А красная цена ему — рубля четыре с горшком.

— Красный цена ему — сто миллион ваши рублей.

— Мне лишнего не надо. Мне хотя бы рублей восемь.

— Бери доллары, — суеился пришелец. — Другой деньги со мной нет. Через три года снова удачный положение планеты, и я приеду и тебе даю рублей. А сегодня бери доллар.

Удалов хотел было возразить, но пришелец сунул ему в руку пачку хрустящих бумажек, крикнул:

— Спасибо! Фотографий памятник привезу со следующим визит!

И исчез.

Удалов вздохнул и пошел домой.

Ксения ждала его, не ложилась спать. Она встретила его упресками и не дала раздеться, требовала, чтобы со-
знался, с кем ходил на свидание.

— Да не было никакого свидания, — сказал Удалов, думая при этом: «А может, крупики — это вовсе слоны или леопарды? Ведь неизвестно, под каким деревом этот серенький, ушастенький сидит. Может, под баоба-
бом?»

— Стоит из дома уйти, — волновалась Ксения, — тебя уж и след простыл.

— Не волнуйся, — ответил Удалов, все еще думая о крупиках.

— А что у тебя в руке? — спросила Ксения, глядя на пачку долларов.

— Это так, доллары.

Удалов протянул жене деньги.

— Дожили, — сказала Ксения и заплакала.

1968 г.

РАЗУМ В ПЛЕНУ

Если говорить о невезении, то мне ужасно, трагически не повезло. Если говорить о везении, то меня можно считать счастливымчиком.

Не повезло мне в том, что уже на втором витке я понял, что придется садиться. Двигатель, беспокоивший меня уже давно, отказывал. И не может быть ничего хуже, чем отказавший двигатель, когда между тобой и домом распростерлась добрая половина Галактики.

Повезло мне, и сказочно повезло, в том, что на планете обнаружилась пригодная для дыхания атмосфера. А это вселяло надежду на то, что я когда-нибудь, если смогу исправить двигатель, вновь поднимусь в космос и увижу близких.

Лик планеты был страшно изуродован катаклизмами. Глубокие трещины разрывали ее кору, невероятной высоты пики и горные хребты поднимались над атмосферой, и вершины их овевались космическим холодом.

Но у меня не было времени спокойно изучать мое временное, а может быть, и постоянное пристанище. Для этого наступит свой час. Я был занят одним — найти удобное для посадки и по возможности безопасное место. И я нашел его на поверхности обширного плато и решил уже, что опущусь там на следующем витке, но именно в этот момент двигатель совсем отказал.

Тогда я пролетел над темной стороной планеты, над горным плоскогорьем, громадным плато, которое так высоко поднималось над поверхностью планеты, что упасть там — значило обречь себя на верную смерть: атмосфера, вернее — остатки ее, таилась в этой части планеты в неглубоких ущельях и понижениях. Если я промахнусь — я погиб.

В последний момент перед крушением приборы пока-

зали: прямо по курсу котловина. Словно метеор, пронесся я над безжизненной горной страной, корабль врезался в плотную атмосферу, иллюминаторы затянуло мглой, снижение замедлилось — и вот я на поверхности планеты. Я жив. Я потерпел крушение. Одинок ли я здесь, или чуждый разум следит за мной? Готов прийти на помощь? Точит оружие, чтобы убить меня?

Я прильнул к иллюминатору. Включил биопупы. Корабль ошестинился иглами, шлангами, открылись глаза датчиков и уши локаторов. Наступил момент первого знакомства.

К тому времени, когда забрезжил рассвет, слабый, голубой, робкий, я уже многое знал о котловине, в которую попал. Разумной жизни здесь не было, но жизнь неразумная кипела вокруг, была опасна, кровожадна, и все особи в этом мире были в состоянии войны друг с другом: сильные пожирали слабых, слабые подстерегали еще более слабых.

Но сидеть без дела было нельзя. Пора покинуть надежные стены корабля, встретить новый мир лицом к лицу. Я вооружился бластером и открыл люк. Воздух оказался затхлым, стоячим, но дышать можно было. Мне надо было обойти корпус корабля, добраться до дюз и проверить их состояние. Приборы могли врать: слишком долго от них требовалась правда и только правда.

Я передвигался медленно, стараясь, чтобы за спиной все время оставался надежный корпус корабля. Но не сделал я и двух шагов, как пришлось остановиться. Из рыхлой предательской почвы показалась круглая голова большого червя. Я поднял было бластер, но голова тут же нырнула в землю, и в неом изумлении я долго следил за тем, как из земли вылезали все новые сегменты розового тела, аркой подымались вверх и исчезали вновь в земле. Червяк был не так уж и велик — может, в половину моего роста, но я видел лишь часть его, и потому он показался бесконечно длинным и страшным.

Надо взять себя в руки, подумал я. Если дать нервам власть, можно попасть в беду. В конце концов чем угрожал мне гигантский червь? У него даже рта не было.

Черная тень мелькнула надо мной. Я бросился назад, прижался к холодному металлу корабля. Огромная летучая тварь, зловещая и изящная в легкости движений,

изогнувшись, бросилась на меня сверху. Разверзлась громадная пасть, усеянная множеством острых зубов, зловонное дыхание донеслось до меня...

Я успел выхватить бластер и всадить заряд в глотку твари. Тяжелое тело сбило меня с ног, и я покатился по земле. Длинная зеленоватая пятнистая туша летающего дракона корчилась на земле. По телу пробегали конвульсии. Я не осмелился приблизиться к чудовищу. Стараясь унять запоздалую дрожь, я поднялся с земли и тут же увидел, что путь к кораблю отрезан. Ко мне не спеша, словно зная, что ничто его не остановит, приближался другой зверь. Множество членистых ног поддерживало зеленое грязное туловище. Глаза далеко выступали вперед, чуть покачиваясь на отростках, и по сторонам глаз покачивались громоздкие убийственные клешни. Зверь приподнялся на лапах и развел клешни шире.

Мне не хотелось знаменовать свое вступление в этот мир убийствами, кровью — ее и без меня хватало здесь. Я отступил назад. Зверь крутил глазами, пугал меня, но не бросался. Я попытался обойти его так, чтобы вернуться под защиту корабля. Меня не оставляло противное чувство опасности сзади, казалось, что внимательные взоры обитателей котловины стерегут каждый мой шаг.

Не спуская глаз со зверя, я сделал еще два шага в сторону, и тут под ногами что-то блеснуло. На земле лежал странный предмет, сделанный из белого металла. Именно сделанный, ибо только руки разумного существа могли придать металлу форму эллипса, чуть заостренного на концах. Предмет был плоским, и поверхность его была тщательно обработана. Лишь существа, далеко шагнувшие вперед по пути цивилизации, могли так освоить металлургию.

Я приподнял предмет. Он был тяжел, и я пожалел, что вряд ли сейчас смогу занести его в корабль — на пути все еще угрожающе покачивал клешнями зверь, и мне не хотелось обременять себя лишней ношей, когда могло потребоваться все мое умение, чтобы пробиться обратно к кораблю.

И в этот момент нечто продолговатое вновь кинуло на меня тень. Я подумал было, что это еще один дракон, и поднял взор кверху. Но это был не дракон. Я мог бы поклясться, что вижу воздушный корабль, летающий корабль. Он

был велик, не меньше моего космического корабля, и двигался медленно. Мне трудно было разобрать, каким образом его приводят в движение. Правильность формы, взаимная неподвижность его частей совершенно исключали всякую возможность того, что он мог оказаться живым существом. Возможно, меня уже разыскивали — кто-то заметил, как мой корабль опустился на планету. И вот прошло немного времени, и меня ищут. Но с добром или со злом в уме?

Летающий корабль замер надо мной. Зверь с клешнями, почувяв неладное, стал медленно пятиться в заросли, подступавшие совсем близко к месту аварии. Я не выпускал металлического предмета, впервые указавшего мне на разумных обитателей планеты. Воздушный корабль парил на верхней границе атмосферы. Я поднял металлический предмет, чтобы обратить на себя внимание — будь что будет. Разум, хоть и не встреченный нами до сих пор ни на одной из планет, должен быть дружелюбен.

На корабле меня заметили. С борта опустился штурмтрап. Вот он уже покачивается совсем рядом. На конце его поблескивало приспособление для крепления предметов. Меня приглашали наверх. Ну что ж, рискнем. Я захватил с собой металлический предмет. Он мог быть потерян кем-нибудь из обитателей планеты. Жест доброй воли будет истолкован положительно любым разумным существом. Я кинул последний взгляд на мой осиротевший корабль, обхватил штурмтрап и осторожно дернул за него трижды, давая сигнал поднять себя на корабль. В ответ на мой сигнал штурмтрап начал быстро подниматься вверх.

— Так вот кто мою блесну откусил, — сказал охваченный гневом и радостью Корнелий Удалов, вытаскивая удочку.

— Не на то смотришь, нелюбопытный ты человек, — ответил ему Александр Грубин, его друг, с которым они только что выехали по зорьке на рыбалку на озеро Копенгаген. — Когда ты видел, чтобы в нашем озере водились осьминоги?

Последние отрезки пути штурмтрап поднимался стремительно. Я понял, что еще немного, и я вылечу за пределы атмосферы. А ведь скафандр остался на борту

моего корабля! Я могу погибнуть! Я попытался соскочить со штурмтрапа — лучше рискнуть разбиться о землю, чем погибнуть от удушья, но острый крюк на конце штурмтрапа вонзился мне в тело. Еще секунда, и, теряя сознание, я вылетел в безвоздушное пространство. Громадные чудовища — их было двое — протянули ко мне массивные конечности.

— Банку! — закричал Грубин растерявшемуся Удалову. — Банку с водой! Ведро, наконец! Ты не понимаешь, какое мы с тобой открытие совершили!

— А может, осьминоги здесь водятся? — спросил Удалов с сомнением. — Может, встречаются редко, осторожные?

— Откуда, голова ты непутевая? — кричал Грубин. — Ведром воду черпай! Осьминоги живут только в морях и океанах!

— Тише ты, — сказал Удалов. — Всю рыбу распугаешь. Что дальше делать-то будем?

— Какая теперь рыбалка! — Грубин осторожно ставил осьминога с крючка. — О нас в научном журнале напишут.

— Спят и видят, как бы о нас написать. А ты подумал, что осьминоги здесь, может быть, заповедные? Выпустили их на развод, а мы браконьерствуем.

— Не может быть, — возразил Грубин. — Тогда бы было объявление о запрете. А ты видел здесь на берегу какое-нибудь объявление?

— Видел. Не разводить костров, беречь лес от пожара.

— При чем здесь пожар? Про осьминогов видел?

— Про осьминогов не видел. Но уверен, что может быть такое объявление. Мы его пропустили в темноте.

— Нет, — сказал Грубин, опуская осьминога в ведро с водой, подставленное сомневающимся Удаловым. — Если бы у нас в озере Копенгаген разводили осьминогов, весь город бы знал об этом. Притом обрати внимание, что у осьминога десять ног и он сравнительно крупный. Это, вполне возможно, неизвестный науке вид. На что я и надеюсь.

— Славы захотел, — произнес Удалов укоризненно. — Дай Бог тебе штрафом отделаться.

Осьминог безжизненно опустился на дно ведра. Одно из щупалец все еще сжимало упущенную Удаловым блесну.

— Саша, — произнес Удалов. — Отними у него блесну.

— Почему я?

— А он, может быть, ядовитый.

— Для тебя ядовитый, а для меня безвредный?

— Зацепи чем-нибудь. Не бросать же блесну.

Из-за елей на берегу показался край солнца, запели птицы, засеребрилось ведро. Осьминог в ведре шевельнул щупальцами, приходил в себя.

— Отлично, — обрадовался Грубин. — Я очень опасался, что он сдох.

— А тебе какая разница, — сказал Удалов с раздражением.

Блесна все еще оставалась в ведре, и рыбалка была под угрозой. Не скажешь ведь жене Ксении, что вместо обещанных лещей придется довольствоваться половиной осьминога, возможно, несъедобного и ядовитого. Нет, и половины Грубин не отдаст — захочет исследовать и, может, даже разводить в аквариуме.

— Дай мне блесну, будь другом, — попросил Удалов. — Может, чего еще поймает. Жалко же возвращаться.

— Дураком помрешь. Немедленно наззд!

— Так что с твоим осьминогом случится?

— Может подохнуть.

— Ну и пускай, в спирту его содержать будешь.

Но Грубин уже схватил весла и принялся грести к берегу.

— Ты как хочешь, — сказал он Удалову со всей решительностью, — но я спешу в город.

Я пришел в себя. Медленно покачивался металлический цилиндр, в котором я был заточен. Цилиндр был открыт сверху, но атмосфера кончалась у верхнего края цилиндра — любая моя попытка вырваться привела бы к гибели. Внутренние стенки цилиндра были гладкими и холодными.

Я попался глупо. Простить себе не мог доверчивости.

Раса, населяющая планету, казалась коварной и жестокой. Да, в разуме им отказать было нельзя — они строили воздушные корабли и умели обрабатывать металлы. Но, видно, идеи межпланетного братства, даже идеи простого внутрипланетного братства еще не нашли дороги к их сердцам. Я осторожно постучал концом пальца в стенку цилиндра. Звук был слаб, и они могли не услышать его. Я нащупал бластер. По крайней мере я дорого отдам свою жизнь.

Круглая голова одного из моих тюремщиков показалась над краем цилиндра. Он был огромен. Только его голова превышала по размерам все мое тело, не считая конечностей. Глаза редко мигали и по краям поросли щеткой шерсти. Пасть его была окружена полосой красной кожи, и там, внутри, виднелись желтоватые плоские зубы. Даже в тот ужасный момент во мне не умер исследователь. Я сделал поразительное открытие: оказалось, что это существо находится в безвоздушном пространстве, и я готов был поклясться, что оно без скафандра. Но ведь известно, что ни одно существо, развитое более, чем бактерия, не может обитать вне атмосферы.

Чудовище присматривалось ко мне, и я приподнял две руки и развел ими в общеизвестном жесте мира и доброты.

— Угрожает, — сообщил Удалов. — Щупальцами шевелит. Если бы не блесна, стал бы я с ним связываться?

Пасть чудовища угрожающе распахнулась, и внутри зашевелился какой-то красный орган. Я подумал, что они могли бы вытащить меня наружу, но пожалели, поместили в цилиндр с воздухом. А может быть, они просто хотят продлить мои муки?

Над краем цилиндра появилась конечность, завершенная пятью уродливыми малоподвижными отростками. Отростки погрузились в атмосферу, приближались ко мне. Он хотел меня задушить! А я-то, наивный, принес им металлический предмет, хотел порадовать. Я выхватил мой маленький бластер. Наступил критический и, может быть, последний момент в моей жизни. Мелькнули перед мысленным взором картинки далекого детства, минуты первой любви, угар научной работы, долгие дни в космо-

се... Лапа приближалась, и когти уже касались моего беззащитного тела. Я выхватил бластер и всадил заряд в лапу. Взбурлила атмосфера в цилиндре...

— Гад ползучий! — закричал Удалов. — Придушить его мало! Ой-ой, как током дернул, тварь ядовитая.

— Я тебя предупредил, — сказал Грубин, не переставая грести к близкому берегу. — Животное только защищалось. Как защищаются муравьи, когда такой дурак, как ты, наступает на муравейник.

— Ты еще скажешь, что комары тоже защищаются.

— Про комаров не скажу, они питаются человеческой кровью.

— Этот, может, тоже человеческой кровью питается.

— Не исключено.

Лодка ткнулась в песок, вода выплеснулась из ведра, и осьминог засуетился в ведре.

— Не исключено, — повторил Грубин, выпрыгивая и подтаскивая лодку повыше, к кустам. — Но можем ли мы винить животное в том, что предписано ему природой? Нет, не можем. Давай сюда ведро, только осторожно, не повреди.

— Умный нашелся, — ответил Удалов, собирая удочки. — Я, может, вообще тут останусь, порыбачу еще.

— Боишься?

— Еще бы. Ведро железное. А железо для электричества лучший проводник, еще в школе учили.

— Обмотай ручку чем-нибудь.

Но Удалов уже не слушал, он быстро удалялся по берегу, отмахиваясь свободной рукой от долетающих слов Грубина. И только отойдя на солидное расстояние, обернулся и крикнул:

— Будешь эту гадину выбрасывать, блесну подбери. Таких у нас в магазине нету. Из Вологды специально привозил.

Грубин дотронулся пальцем до ведра. Ведро током не било. Удалову могло это показаться со страху.

— Пожалеешь, Корнелий! — крикнул Грубин другу, взвалил на спину рюкзак, взял в одну руку удочки, в другую ведро и пошел не спеша через лес к остановке

автобуса, на шоссе, стараясь не плескать водой и не беспокоить животное.

Это путешествие будет преследовать меня в кошмарах, если мне еще суждены кошмары. Цилиндр покачивался, воздух завихрялся в турбулентных потоках, перехватывало дыхание, и приходилось цепляться за гладкие скользкие стены цилиндра, чтобы меня не перевернуло. Мутило. Я готов был просить пощады — но у кого, как?

Положение мое ухудшалось. Еще недавно мне казалось, что нельзя попасть в худшее положение, нежели то, в котором я нахожусь. Но теперь стало хуже. И в первую очередь потому, что мне не найти пути обратно, к космическому кораблю, ибо мой тюремщик нес цилиндр над безжизненным высокогорным плато, с каждым шагом отдаляясь от котловины. Я включил вживленный в меня компас-спидометр, и прибор автоматически вычислил маршрут, по которому мы двигались. Я сделал это механически, я не верил, что информация мне когда-нибудь пригодится.

Вокруг посветлело. Темные твердые образования, прикрывавшие от меня небо, исчезли. Прекратилась и тряска. Мы ждали чего-то. Удивительны размеры этих существ — очевидно, жизнь в разряженной атмосфере, почти в безвоздушном пространстве позволяет им достигать столь фантастических размеров. Ах, если бы мне когда-нибудь вернуться домой — какой бы сенсацией оказалось мое сообщение о жестокой разумной расе, обитающей на границе космоса!

Непонятный грохот достиг моих ушей сквозь слой воздуха. Дно цилиндра задрожало. Тюремщик подхватил цилиндр, и мы поднялись в какое-то помещение или экипаж. Тряска, еще более ужасная, чем раньше, возобновилась.

— Что везешь? — спросил знакомый с маслозавода. — Неужели столько наловил? Дай посмотреть.

Грубин сел на свободное сиденье, поставил ведро на колени, чтобы меньше тряслось.

— Загляни.

Автобус быстро мчался по шоссе, убегали назад сосны, но Грубину казалось, что движется он недостаточно быстро. Осьминог мог подохнуть.

— Не разберу, — признался знакомый. — Что у тебя, Саша? Головастики, что ли, наловил?

— Нет. Осьминог.

— Чего?

— Осьминога поймал.

— Ага, — сказал знакомый. — Редкое животное.

И больше интереса к осьминогу не проявлял, чем Грубина немного обидел.

— Ты раньше-то осьминогов видел? — спросил Грубин.

Автобус резко затормозил на остановке. Вода плеснула из ведра, осьминог замельтешил в ведре, словно возражал.

— На картинках. А ловить не приходилось.

— И не придется, — резко ответил Грубин.

— Почему не придется? — сказал знакомый, разворачивая газету. — Сегодня ты поймал, завтра мне повезет. Хотя я рыбалкой не очень интересуюсь.

«С ума сойти, — подумал Грубин. — Я поймал осьминога, а он не удивляется. Как будто осьминогов у нас пруд пруди».

— Детям везешь? — обернулся сосед с переднего сиденья. — Детям интересно. Я недавно своим скворца принес. Крыло ему подвязали, и живет. Забавная птичка.

— Скворца, — произнес Грубин с презрением. — А я осьминога поймал.

— Где? — спросил сосед спереди.

— В озере нашем, в Копенгагене.

— Не слыхал, чтобы там осьминоги водились.

— Никто не слыхал, — сказал Грубин.

— А я видел осьминога, — сообщил юноша, стоявший сбоку. — Даже ел. В рыбном магазине были. Мороженые. Кальмары.

— Из них консервы делают, — согласился сосед спереди.

«С ума сойти, серость какая! — возмущался мысленно Грубин. — Если бы я вез тигренка, сказал бы, что поймал в лесу, неужели они тоже бы не удивились?»

Осьминог свивал и развивал щупальца. Тряска ему не нравилась.

— А я бы никогда детям осьминога не привезла, — сказала бабка с мешком. Она сидела сзади и прислушива-

лась к разговору. — Страсть-то какая! Может, он ядовитый.

— Нет, — ответил Грубин. — Только электричеством бьет.

— Кто ядовитый? — спросили с дальнего конца автобуса.

— Да змею ядовитую один тип везет, — откликнулись спереди.

— Не змею, а осьминога, — громко поправил Грубин. — Редчайшее животное.

— Да он всех перекусает! Водитель, остановите машину! — крикнули сзади.

— Он у меня в ведре, — успокоил Грубин. — Не опасайтесь.

— Гадюку везут, — пронесся слух по автобусу.

Люди отступали от Грубина. Водитель обернулся, притормозил.

— Какое хулиганство в автобусе? — спросил он.

— Высадите его, — сказала старушка, которая никогда бы не принесла детям осьминога. — Он тут всех перекусает.

— Гражданин, правила не нарушайте, — произнес водитель, прижимая машину к обочине. — Взрывчатые вещества и так далее перевозить запрещено.

— Это же ценное, безобидное животное, — возмутился Грубин. — Музейная редкость, никому зла не сделает. Некоторые товарищи здесь присутствуют, которые его даже ели в мороженом виде, правда же?

Но юноша, который ел мороженных кальмаров, отрекся от своих слов.

— Я не таких ел. Таких у нас не продают.

— Каждая минута промедления, — кричал Грубин, — может стоить жизни единственному в нашей области пресноводному осьминогу! Кто может взять на себя такую ответственность?

— Я возьму, — сказал водитель. — У меня пассажиры.

И Грубина высадили из автобуса на самой окраине Великого Гусляра.

Ужасно сознавать, что вокруг тебя имеют место какие-то драматические события, но не понимать, в чем же дело.

Обитатели планеты шумели, тряска то кончалась, то возобновлялась, мой тюремщик издавал громкие звуки. Вернее всего, происходил жаркий спор между членами экспедиции, посланной на мое пленение: откуда я родом, какую планету представляю. А может быть, они опасались, что мы уже вторглись на их планету, или полагают меня разведчиком, подготавливающим вторжение. А у меня нет никаких средств рассказать о широко известном миролюбии моих соотечественников.

Мой тюремщик покинул грохочущую машину и понес цилиндр со мной дальше. Солнце дробилось зайчиками на поверхности атмосферы. Меня мутило. Воздух стал затхлым, и скоро, если они не найдут способа освежить его, я умру от удушья. Смерть подстерегала меня на этой планете на каждом шагу.

Солнце пекло, от каждого шага поднималось облачко пыли и тащилось за Грубиным. Вода в ведре помутнела, и от нее тянуло неприятным запахом. Грубин поставил ведро на землю и пригляделся к животному. Тот вроде бы еще шевелился. К счастью, по пути встретился колодец. Вода в нем была холодная, и Грубин доливал ее в ведро понемножку, чтобы не простудить осьминога, потому что в массе своей осьминоги — дети тропических морей.

Обливаясь потом, задыхаясь от жары, Грубин втащился во двор дома номер шестнадцать. Двор был пуст, даже доминошники, занимающие по субботам с утра места вокруг стола под сиренью, где-то скрывались от жары. Грубин, не заходя домой, поднялся на второй этаж, к старику Ложкину, известному в Гусляре натуралисту и любителю птиц.

Ложкин был дома.

— С чем пожаловал? — спросил он строго, потому что считал Грубина дилетантом и легкомысленным человеком.

— Здравствуйте, — сказал Грубин. — У вас запасного аквариума не найдется?

— Это зачем же?

— Вот, — произнес Грубин скромно, — поймал одну штуку, не знаю, представляет ли интерес.

Грубин хитрил. Ему важно было узнать, что скажет

Ложкин. Может, и в самом деле существует озерная порода осьминогов.

Ложкин не спеша достал с комода футляр, вынул очки, велел поднести ведро к свету и начал изучать его содержимое. Изучал долго. Молчал. Грубин извелся от нетерпения, но не вмешивался.

Наконец Ложкин вздохнул, развел жилистыми руками, поскреб на груди тенниску, почесал лысину и сказал:

— Как минимум новый вид.

— Как?

— Новый вид осьминога, — пояснил Ложкин, не отрывая глаз от пленника. — Или генетический уродец, мутант. Ног у него десять. Вот так. Можешь оставить его здесь, у меня, на досуге почитаю Брема и дам исчерпывающую консультацию.

— Нет, пусть лучше у меня поживет. — Грубин не ошибся. Животное оказалось редким. — А вообще-то они у нас водятся?

— Бывают. В зоомагазине брал?

— Сам поймал.

— Любопытно. Оставь его здесь. Я в Москву напишу. У тебя его кот съест.

— Кот не съест, осьминог электричеством бьет. Удадова ударил.

— Корнелия даже соловей может током ударить. Это не аргумент. Но если настаиваешь, аквариум тебе дам. На время. И письмо в Москву сам напишу. Тебя там не знают, а меня многие знают. Я многим уже написал.

Если бы я вел дневник, то написал бы в нем: «Мое положение улучшается. Если бы не голод, который начал меня мучить, как только прошел первый шок, я бы сказал, что наконец-то я попал в руки к ученым, возможно, к специалистам по контактам с инопланетными цивилизациями. Может, даже в специальную комиссию по контактам. Из темного цилиндра меня перевели в квадратный прозрачный куб, наполненный свежим воздухом. По трубке воздух стекает внутрь, так что я могу не беспокоиться о дыхании».

Но я не писал дневника. Я осматривался. Странные предметы и приборы заполняли огромное помещение, ок-

ружающее мою тюрьму. Внизу непрерывно бродило некое животное, превышающее меня размерами, покрытое шерстью. Животное открывало пасть и облизывалось красным языком. Животное смотрело на мою тюрьму с вожделением. Напрашивалось два вывода: раньше моя тюрьма была его жилищем, из которого животное было выселено и потому желало вернуться обратно или, что менее приятно, животное было сторожевым и поставлено было следить за мной. Оно могло быть и разумным.

Изучением меня, попытками контакта занялись две местные особи. Один из аборигенов нес меня в цилиндре. Второй, видно, крупный специалист, присоединился к нему только здесь, в научном центре. Их пасти раздвигались и сдвигались — таков, видно, их способ обмена информацией. Теперь передо мной стояла задача: доказать им, что я превосхожу их интеллектом, и не ущемить их достоинства при этом. Хотелось есть.

— Чем осьминоги питаются? — спросил Грубин Ложкина, принесшего сверху том Брема. — А то заморим его голодом.

«Наиболее широко распространен обыкновенный спрут, — читал Ложкин, — октопус вульгарис, тело его обычной окраски, которая, однако, в состоянии возбуждения животного переходит в коричневую, красную или желтую, причем вся кожа на спинной стороне покрыта неравномерными бородавчатыми пупырышками».

— Но хищник он или травоядный?

— Хищник, — сказал Ложкин. — Возьми палку, приведи его в состояние возбуждения, посмотрим на пупырышки.

Пока Грубин искал палку, Ложкин убедился в том, что осьминоги хищники, и узнал, как они размножаются. Но о размножении говорить было рано, пока не поймали осьминогу подругу.

— Я его сильно тыкать не буду, — сказал Грубин, подходя с палкой.

— Ты и не тычь сильно. Нам только посмотреть, будет ли он цвет менять.

— Только он уже не серый.

— Неважно.

Грубин сунул палку в аквариум и потрогал ею осьминога.

После длительного совещания и изучения каких-то фолиантов они принесли шест и ввели его в атмосферу. Первая попытка контакта. Я даже покраснел от приятной неожиданности. Моя застенчивость, вошедшая в поговорку среди моих коллег, и теперь сыграла надо мной шутку. Я взялся за конец шеста и три раза дернул за него. Шест был немедленно убран. Поняли или не поняли?

— Изменил цвет на красный, — подтвердил Ложкин. — Все сходится. Наверно, не новый вид, а просто урод. Как теленок с двумя головами.

Грубин сходил на кухню, вернулся с куском мяса. Кот бежал за ним, подпрыгивая, полагая, что мясо предназначается ему, верному другу.

Мясо полетело в аквариум.

— Вымыл мясо? — спросил Ложкин.

— Под холодной водой.

Кусок отвратительной плоти, сочащейся кровью, упал на меня сверху. Что это? Провокация? Или попытка меня накормить? А есть хочется. Но не есть же мясо мне, убежденному вегетарианцу. Я взял кусок мяса и выбросил его из моей тюрьмы.

— Кривляется, — определил Ложкин. — Значит, не голодный. В Бремя ясно сказано — хищник. Ракушки любит, рыб и так далее.

— Да, мяса он не желает. Прямо даже выкинул его из аквариума.

Кот подобрал кусок мяса и рвал его, обкусывая, на полу. Осьминог уставился на него своими бессмысленными глазами.

— За рыбой придется тебе сбегать, — сказал Ложкин Грубину.

— Сбегаем. Только сначала еще какие-нибудь опыты произведем.

Я отстукивал последовательные числа по поверхности моего дома. Они не реагировали на это. Тогда я стал показывать им мои конечности по очереди. Сначала одну. Потом две, потом три, потом четыре сразу. Это тоже не произвело впечатления. Я подобрал камешек с пола и начал выстукивать им по стенке. Наконец, надеясь на то, что начала геометрии должны быть понятны любому разумному существу, я попытался нацарапать на твердой прозрачной стенке равнобедренный треугольник.

— Суетится, — сказал Ложкин. — Несладко ему в неволе. Как и любому существу.

— Смотри-ка, ему камешек в щупальце попал. Как бы он не повредил себе чего-нибудь.

— Не повредит. Все-таки я полагаю, что живьем его довести будет трудно. Тем более что он от пищи отказывается. Придется усыпить.

— Жалко, — повторил свой единственный аргумент Грубин. — Все-таки живое существо.

— Живое, но безмозглое, — произнес категорически Ложкин. — Очень низко организованное, в первом томе Брема помещен. Там, где простейшие. Даже беспозвоночные.

— Саша, ты здесь? — спросил Удалов, заходя в комнату. — А я не один. Я с Мишей Стендалем, из газеты.

— Говорят, вы осьминога поймали в нашем озере. Так ли это? — спросил Миша. — Живого?

— Живого, — ответил Грубин. — А ты, Корнелий, что же на рыбалке не остался?

— Плохая рыбалка. Поздно уже. Не клюет. Твой осьминог всех рыб, наверно, пожрал в нашем озере. Если такие разведутся — прощай, рыбная ловля. Не сдох он еще у тебя?

— Нет, — ответил Ложкин. — Мы его изучаем.

— Очаровательное существо, — сказал Миша Стендаль, поправляя очки и становясь очень похожим на молодого Грибоедова. — Сколько у него щупалец! Это же сенсация. Первый в области осьминог! Пустим в разделе «Субботняя смесь». Кто поймал?

— Вместе поймали, — ответил Удалов.

— Значит, так и запишем: «Рыболовы-любители нашего города...»

Стендаль записывал, Удалов объяснял, а Грубин вернулся к аквариуму. Осьминог, видно, проголодавшись, суетился, складывал и разводил щупальца, поднимал округлую голову и поводил круглыми бессмысленными глазами.

Весь арсенал моих средств убеждения был исчерпан. Они не понимали. Почему-то мне никогда не приходило раньше в голову, что контакт может оказаться столь сложным процессом. Вот я, разумное существо, известный ученый, нахожусь перед глазами представителей другой разумной расы. Да, среда обитания у нас разная, да, мы отличаемся размерами, да, облик наш различен. Но почему же я понимаю, что они разумны и стараюсь войти с ними в контакт? Они же упорствуют, не реагируют на мои знаки, кидают в меня кусками мяса, морят голодом.

Заглянула жена Удалова Ксения, подивилась на уродца в банке.

— Я такого видала. В книге «Дары моря». Там показано, как их готовить.

Стендаль убежал в редакцию. Грубин собрался в магазин за рыбой, подкормить пленника. Ксения Удалова, движимая злорадством, поднесла картинку из «Даров моря» к аквариуму и сказала:

— Видал, как вашего брата? А?

— Убери, — велел Грубин.

Мне удалось выцарапать на стенке равнобедренный треугольник. Они должны были его заметить. Я указал на треугольник конечностью. В ответ один из присутствующих открыл громадную книгу и показал мне картинку в ней. На картинке было изображено существо, схожее со мной анатомически. Над этим существом был занесен нож.

Мне все стало ясно.

Я оказался не первым космическим путешественником, потерпевшим аварию над безжизненными плоскогорьями. Да и чего еще можно ожидать от существ,

живущих в столь не приспособленных для жизни условиях, в безвоздушной среде. Нет, я не мог их укорять.

— Ладно, Корнюша, — сказала Ксения. — Бери книгу, пойдем завтракать. Обойдемся без осьминога.

Ложкин остался один. Он читал Брема, зачитался, перешел к медузам и другим обитателям моря. Грубин как убежал за рыбой, так и не возвращался. Ложкин задремал.

Одно из этих чудовищ осталось меня сторожить. Остальные разошлись. Видно, готовились к пиру. Но я не мог без сопротивления сдаться на милость победителя. Нет, тем более что милости ждать не приходилось.

Неужели, если провалилась попытка контактов, я не найду выхода? Это позорно для разумного существа. Борьба до последнего вздоха, до последнего заряда в бластере! Именно так.

Я задумался. Последний заряд в бластере я приберегу для себя. Их убить я не могу — выстрел мой в одного из них лишь причинил ему боль. И все. Но бластер может мне пригодиться. Причем надо спешить.

Я ощупал стенки и пол. Стенки были сделаны из хрупкого материала. Другое дело пол. Пол был металлическим, и металл был мягким. Это внушало некоторые надежды.

Я включил бластер на полную мощность и направил его в пол. Воздух вскипел, обжигая меня. В полу образовалось отверстие. Я не обращал внимания на боль от ожога, заткнул отверстие одной из моих десяти конечностей. Потом бросил взгляд на сторожа. Он спал. Очень хорошо. Я пробуравил еще одно отверстие в полу. И также заткнул его конечностью. Я успел пробуравить шесть отверстий — этого было достаточно. Но тут в помещение вошел мой главный тюремщик. Он нес нечто завернутое в белый материал. Он положил нечто рядом с моим домом, развернул его с шуршанием. Там обнаружилась часть существа, подобного тому, что напало на меня столь недавно в злосчастной котловине. Тюремщик отодрал кусок и бросил ко мне.

— Не жрет, ну что ты будешь делать! — огорчился Грубин.

Ложкин проснулся, сказал, что пойдет писать письмо в Академию наук, потом вернется.

— А мне надо сходить на работу, — сообщил Грубин. — Постараюсь вернуться поскорее. Может, у реки ракушку найду.

— Бесплезно, — сказал Ложкин. — Мы отвезем его в спирте.

Я еле дождался того момента, когда все, кроме покрытого шерстью существа с острыми зубами, сожравшего мясо, ушли. Существо вроде бы не обращало на меня внимания. Я просунул в отверстия шесть конечностей. Четырьмя оставшимися я придерживал верхние края открытого сверху прозрачного дома. Я был готов к нелегкому и, всего вернее, трагическому пути.

Конечности коснулись возвышения, на котором стояла моя тюрьма. Я поднатужился, просунул их подальше, приподнял себя вместе с тюрьмой и вновь обрел подвижность. Превратив свою тюрьму в своеобразный неуклюжий скафандр, я подошел к краю возвышения. Далеко внизу находился пол комнаты. Придется прыгать — другого выхода нет.

Покрытое шерстью существо с острыми зубами приподнялось, заметив мои движения, и выгнуло спину. Я переложил бластер в одно из свободных щупалец. С ним я постараюсь справиться.

Самый решительный момент! Я оттолкнулся шестью конечностями и прыгнул вниз, стараясь не нарушать равновесия. Конечности мои вошли в соприкосновение с твердым полом помещения. Меня пронзила жуткая боль. С трудом я удержался на ногах. Но, стиснув зубы, я поборол дурноту и поспешил к выходу.

Применять бластер не пришлось. Увидев, как я вместе с прозрачным домом спрыгнул с возвышения и направился в его сторону, страж, покрытый шерстью и вооруженный острыми зубами, поднял кверху пушистый хвост и в панике, издавая громкие звуки, бросился вон из помещения. Я внутренне ухмыльнулся. Жесткие твари всегда самые трусливые.

Весь мой расчет был на неожиданность и на мою хорошую память. Направление к котловине, к моему кораблю было известно. Только успеть, пока не кончится воздух. Только успеть!

Я прошел по длинному коридору и по ступеням, пре-
вышавшим меня ростом, спустился на равнину, окружен-
ную со всех сторон жилищами чудовищ. В одном месте в
жилищах был разрыв — туда и направил я свои шаги.

Но не прошел я и половины пути через пыльную
равнину, как громкий крик донесся до меня. Я обернулся.
В одном из окон появилась голова того существа, которое
показывало мне жестокую картинку в книге. Существо
кричало, показывая на меня. Задыхаясь от напряжения,
на подгибающихся от неимоверной тяжести конечностях
я припустился дальше.

— Ой, батюшки мои светы! — закричала Ксения не
своим голосом. — Что же это творится!

— Чего там? — спросил Корнелий, не отрываясь от
супа, потому что привык к тому, что жена его всегда
преувеличивала важность и трагичность событий.

— Ой! — голосила Ксения. — Оно бежит на шести
ногах! Спасайтесь, кто может!

Этого Удалов уже вынести не смог. Он подошел к
окну, выглянул наружу, и глазам его предстало невероят-
ное зрелище. По двору, направляясь к воротам, бежал
аквариум.

Из-под аквариума высовывались щупальца осьминога,
остальными он придерживал края, чтобы не расплескать
воду. Бежал осьминог со скоростью трехлетнего ребенка,
и глаза его угрожающе поблескивали сквозь толщу воды.

Удалов укусил ложку, которую держал во рту, и чуть
не сломал зуб.

Из окна сверху высунулся Ложкин, а из других окон
прочие обитатели дома, и те, кто знал об осьминоге, и те,
кто о нем и слухом не слыхивал. Поднялся невероятный
шум, переживания, некоторые испугались, а некоторые не
поняли и стали аквариум приободрять и подстегивать:
«Давай, жми!»

В воротах аквариум чуть не столкнулся со Стендалем,
который забыл записать данные о жизни осьминогов в

естественных условиях и возвращался к Ложкину, чтобы поглядеть в Брема.

Миша Стендаль при виде бегущего аквариума подлетел кверху, схватился за перекладину ворот и повис, поджав ноги, хотя был не очень трусливым человеком. Аквариум задержался на мгновение под Стендалем, одно из щупалец поднялось над стенками, и оттуда вылетела маленькая молния, вонзившаяся в Стендала сзади.

Аквариум выбежал из ворот и бросился вдоль по улице.

Опомнившееся население дома № 16 выскакивало из окон и дверей и мчалось вслед. Прохожие на улице останавливались, жались к домам, ахали или смеялись, полагая, что это не осьминог, а детская проделка, шалость.

Аквариум чуть было не угодил под автобус, но автобус успел затормозить. Потом на пути его встал постовой милиционер Семенов, и аквариум попытался его объехать. Но не тут-то было. Семенов стоял как скала. Тогда аквариум, вернее, осьминог выстрелил в него молнией. Семенов выдержал и это нападение. Со всех сторон сбегалась толпа.

Я понял, что погиб, тогда, когда на пути моем встал один из них, облаченный в серую одежду с блестящими пуговицами.

Я метнулся в сторону, разрядил в него бластер. Пути вперед не было. Все кончено. И самое ужасное, что бластер полностью разряжен. И я не могу пустить себе заряд в голову.

Массы чудовищ сбегались со всех сторон. Для них это оказалось развлечением. Для меня — трагедией.

Тогда я вытащил конечности из отверстий в полу домика, и воздух с журчанием потек наружу, пыль вокруг меня темнела. Живым я им в руки решил не сдаваться.

Грубин подоспел к сбежавшему осьминогу, когда в аквариуме уже почти не осталось воды. Люди смотрели на это растерянно и не понимали, что осьминог собирается кончить жизнь самоубийством.

— Воды! — закричал Грубин. — Немедленно воды! Он погибнет без воды!

— Воды, — сказал постовой Семенов.

Осьминог безжизненной кучкой слизи лежал на мокром дырявом полу аквариума.

Кто принес кастрюлю, кто ведро, кто просто чашку или стакан. Грубин выбрал ведро почище, осторожно положил туда осьминога, потом взял в другую руку аквариум.

В этом виде его и сфотографировал Миша Стендаль. И этот снимок обошел потом многие газеты мира.

Я пишу эти строки специально сконструированной для меня ручкой на белых пластиковых листах. Пишу крупно, чтобы академик Полосов, милейший старик, мог разобрать мои записки без микроскопа.

Сейчас, когда кончится моя содержательная беседа с Полосовым и Машенькой, нашей секретаршей, придет Ксения Удалова, принесет мне вишен. Чудесные вишни растут в городе Великий Гусляр, даже не представляю себе, как я обойдусь без вишен в Москве. Но Саша Грубин, мой старый друг и спаситель, поклялся, что возьмет с собой в Москву килограмма два. И я ему верю, он тоже милейший человек. Не так образован, как академик Полосов, но ведь Грубин не имеет высшего образования. Но что-то, а докторскую степень я помогу ему получить. Хотя бы за открытие меня.

1971 г.

РОДИМЫЕ ПЯТНА

Беда случилась часов в шесть вечера, но сначала никто не сообразил, что же произошло.

Инопланетный корабль в лучах вечернего солнца казался облаком, лишенным четких форм, переливчатым и совершенно безопасным.

Он отделился от облачной гряды и медленно поплыл над лесом, снижаясь к окраине городка, где вдоль пыльных улиц выстроились за палисадниками одноэтажные домики.

Над последним, еще новым домом корабль-облако завис надолго, но это не вызвало ни в ком тревоги. Даже собака Тренога, существо на редкость злобное и сварливое, твякнула раза два на облако, потом забралась в будку и задремала.

В тот момент в доме находилась Марья Степановна, ее дочь Леокадия и внучка Сашенька, которая была больна ангиной и капризничала. Семенский, муж Леокадии, еще не вернулся с работы.

Очевидцы рассказывали: облако, повисев несколько минут над домом Семенских, вдруг обрушилось на него, окутало дом, как туманом, затем поднялось вновь, набирая скорость, пока не смешалось с прочими облаками и тучами.

Дом исчез. Исчезли также палисадник, заросший сорняками, будка с Треногой и хозяйственные постройки. Осталось пустынное место, где не росло ни травинки, а также квадратная яма от фундамента.

Примерно через пять минут пустоту на месте соседского дома увидела Прасковья Ильинична. Она не поверила собственным глазам, выбежала из дому, потом дошла до границы своего участка, заглянула через забор, но дальше двигаться не посмела, а вернулась в дом и разбу-

дила мужа. Муж сперва отказался идти смотреть на соседский дом, но, видя, что Прасковья рыдает, выглянул в окно и послал жену за милицией.

Старшина Пилипенко прибыл на место происшествия через десять минут. После исследования пустой площадки, вокруг которой собрался уже народ, старшина задал вопрос:

— Кто последним видел здесь дом?

Никто не смог в этом признаться, хотя многие подтвердили, что обычно здесь стоит дом Семенского, еще не вернувшегося со службы.

Затем приехала «скорая помощь», водитель которой подтвердил общее мнение, что дом Семенского должен стоять на этом месте. Старшина Пилипенко пребывал в растерянности, так как должен был принять меры, прежде чем докладывать начальству, но характера мер он не знал. Кто-то предложил оцепить пустую площадку веревкой, но площадка и без того была отгорожена забором. Тогда Пилипенко послал в райисполком за планом квартала.

Семенский, который шел домой, не подозревая дурного, издали заметил густую толпу, но своего дома не увидел. Он сразу понял, что дом сгорел, что было наиболее вероятным объяснением. Это его так поразило, что он остановился посреди дороги. Тут его увидели, и толпа расступилась, открывая Семенскому проход к старшине Пилипенко, стоявшему посреди пустого участка.

— Люди живы? — крикнул Семенский издали, не в силах сделать ни шагу.

— Вы хозяин? — спросил Пилипенко.

— А где дом? — крикнул Семенский.

— Не бойтесь! — ответил Пилипенко. — Пожара не было.

Кто-то из присутствующих всхлипнул.

Семенский вышел на пустое место, огляделся, не увидев своего участка, и куда бы он ни бросал взгляд, наталкивался на внимательные и печальные взгляды.

— Люди где? — спросил он у старшины Пилипенко.

— Какие люди?

— Моя семья. Дочь, жена, теща Марья Степановна?

Старшина Пилипенко обратил глаза к зрителям, и толпе закивали.

— Еще утром были, — сказал кто-то.

— Может, уехали? — спросил старшина.

— Его теща от дома никуда, — объяснили из толпы. — Страшного нрава и дикости женщина.

— У меня и жена была, — сообщил Семенский, присел на корточки и поковырял ногтем землю.

— Там ничего нет, — сказал водитель «скорой помощи». — Материк. Провалиться не могли.

— А где дом? — спросил тогда Семенский у старшины.

— По этому поводу меня и вызывали, — произнес старшина. — Но вы не волнуйтесь, разберемся.

— Может, вам укол сделать? — предложил врач «скорой помощи».

— Зачем? — спросил Семенский. — Это уже не поможет.

— Держись, — сказал водитель «скорой помощи».

— Утром я уходил, они здесь были, — проговорил Семенский.

— Леокадия ко мне днем забежала, — подтвердила одна из соседок. — За солью. Если бы что, она бы рассказала.

— Тут облако странное висело, — вспомнила другая соседка. — Я в небо смотрю, а оно висит. Вот, думаю, странное облако.

— Почему не сообщили? — спросил строго старшина.

— Куда сообщать? — удивилась соседка. — Об чем сообщать?

Старшина не ответил.

— Нет, — решил Семенский. — Надо что-то делать. Что же вы стоите?

Прибежал посланный из райисполкома. Принес план квартала.

Стали смотреть, сверять план с действительностью. Оказалось, что дом Семенского на плане не значился. Тогда старшина Пилипенко ушел в отделение доложить и испросить указаний. Семенский остался на участке, сказал, что подождет, хотя соседи звали его к себе. Кто-то принес стул. Семенский сел на стул посреди пустого места. Соседи разошлись по домам, но часто подходили к окнам, выглядывали и говорили:

— Сидит.

Семенский думал. Он прожил на свете сорок один год, работал саитехником, зарабатывал прилично, почти не

пил, значительных событий до того с ним не происходило, он их и не ждал.

Пустота участка, даже какая-то подметенность говорили за то, что дом убран надолго, может, навсегда. Соседи или недоброжелатели сделать это с корыстными целями не могли, теща при всей своей вредности и нелюбви к Семенскому не решилась бы на такой шаг. Да и Леокадия бы не позволила — новый дом, второй год как построен, в нем жить да жить... А вдруг они уже не вернутся? Эта мысль смутила и расстроила Семенского, и вот по какой причине: дело в том, что еще час назад он мечтал как раз об этом. Он подумал тогда, как хорошо бы прийти домой, а на дверях бумажка: «Мы уехали к тете Анастасии в Мелитополь. Вернемся через два месяца». Или еще лучше: «Мы уехали в Бразилию. Жди через...» Вот было бы блаженство. Приходишь домой. Тренога не норовит тяпнуть за пятку, теща не кричит на тебя за то, что ты ноги не вытер, жена не пилит, что премию маленькую дали, дочка не упрекает, что у нее нет велосипеда. Тишина, благодать... А вдруг есть какая-то высшая сила? И эта сила услышала его желание. И приняла меры. Как бы вяла его молитвам.

Постой-ка, сказал себе Семенский. Получается, что я ликвидировал своих ближайших родственников посредством глупого желания. А им каково? Где они теперь? Может быть, пойти в милицию, все объяснить и потребовать себе наказания? Нет, сначала попробуем сами исправить.

Соседи, глядевшие из окон, увидели, как Семенский сполз со стула, встал на колени и, обратив к небу лицо, начал шевелить губами: «Господи или какая там есть высшая сила! Я же не всерьез просил. Это была минутная слабость. Верни их, пожалуйста, и тещу, и жену, и дочку, и собаку Треногу!» Соседи не слышали, конечно, шепота, но понимали, что в поисках утешения Семенский обратился к небу, и некоторые сочувствовали ему. Они понимали, что нет ничего хуже, как вернуться с работы домой в ожидании борща и телевизора, а вместо этого найти голый участок.

Когда Семенский убедился, что ответа с неба ему не будет, он снова сел на стул и так просидел до самой ночи, рассказываясь и вспоминая редкие хорошие моменты своей

жизни, а иногда принимался беззвучно плакать, раскачиваясь на стуле. Соседи по очереди приходили к нему, приглашали к себе, но он мотал головой.

Без четверти двенадцать ночи на участок пришел старшина Пилипенко. Поняв, что добром Семенского не уговоришь, старшина препроводил его в отделение милиции, поместил в пустовавшую камеру предварительного заключения и дал две таблетки элениума. Потом накрыл Семенского поверх казенного одеяла своей шинелью и запер до утра, чтобы в расстройстве Семенский чего не натворил.

Утром на голый участок начали ходить люди с других улиц. Посетило его городское начальство. Всем старшина Пилипенко показывал план квартала. Семенский снова сидел на стуле. «Вот теща Марья Степановна, — думал он, — она кажется злобной и сварливой. Но ведь она думает, как сделать лучше, в ней есть доброта, только скрывается она под грубой и неприятной оболочкой. И вообще, в людях надо искать доброе. Даже в животных. Что из того, что Тренога бросается на своих? Она и на чужих лает, значит, и от нее есть польза. А что жена жадная и не очень умная женщина, что ж, другой он не заслужил, тоже мне красавец! Она по-своему его жалеет. Когда третьего дня теща бойкот затеяла, Леокадия ему тарелку супа налила, добровольно...»

Тут на двух «Волгах» приехала комиссия из области. В комиссию входили два профессора, полковник и люди в темных костюмах, которым положено разгадывать тайны. Они долго рассматривали, брали пробы земли и воздуха, сомневались, спрашивали Семенского, правда ли он вчера еще здесь жил? Семенский подтверждал, стоял на своем твердо, хотя в глубине души уже начал сомневаться, даже показывал им паспорт, в котором были штамп о браке, прописка и запись о дочери.

Отойдя в сторону и совещаясь, гости из области несколько раз повторили слова «космический вариант», «неопознанные объекты», потом заспорили, а уезжая, вежливо попрощались с Семенским за руку и выразили сочувствие.

Пилипенко остался на участке. С Семенским они уже сблизились, Пилипенко принес Семенскому бутылку пива, потом стал рассказывать историю своей неудачной

женитьбы. Семенский тоже рассказал о своей семье, но мягко, вспоминая только хорошее. Они так разговорились, что не заметили, как над участком повисло сизое облако, а потом начало медленно снижаться. Не исключено, что их пришибло бы, но сосед разглядел в облаке космический корабль и закричал из своего окна, чтобы они бежали в сторону.

Они отбежали. Из корабля спустились дом, собачья конура, огород и хозяйственные постройки. Семенский и Пилипенко смогли вблизи разглядеть космический корабль, который поблескивал сквозь облако, и увидели, как осторожно разжимаются огромные металлические клешни, освобождая пленный дом.

Дом чуть покачнулся и встал точно на положенное место.

— Повезло, — сказал Пилипенко. — Могло и придавить.

В мгновение ока улица заполнилась народом, хотя никто не осмелился подойти близко. Все наблюдали и ждали появления людей или хотя бы действий со стороны Семенского.

Семенский не сразу сдвинулся с места. А вдруг он откроет дверь, а там обнаружатся бездыханные тела?

Семенский посмотрел на Пилипенко. Пилипенко ответил выразительным взглядом. Пилипенко, конечно, понимал, что ему как представителю власти следовало бы сделать первый шаг. Но ведь и милиционер остается в глубине души просто человеком и страшится неизвестности. Пилипенко легче было бы знать, что в доме скрывается особо опасный и вооруженный преступник, чем погибшие в небе невинные женщины и дети.

И в этот страшный момент неизвестности из конуры выглянула собака Тренога, увидела хозяина и со всех ног бросилась к нему. Семенский отступил было, опасаясь злобного нападения, но собака ни о чем подобном и не помышляла. Мотая хвостом, она принялась ласкаться к Семенскому, прыгать на задних лапах, радуясь после разлуки. Семенский растрогался, осторожно погладил ее по курчавой макушке, а Пилипенко сказал:

— Возможен благополучный исход.

И он был прав.

В тот же миг растворилось окошко, и оттуда выглянула

Марья Степановна, полная женщина с выразительным, но обычно суровым лицом.

— Коля, милый! Чего стоишь, заходи! Товарища милиционера приглашай.

Семенский открыл рот, чтобы ответить, но ответить не смог, потому что никогда еще не слышал от тещи подобного приглашения.

— Пошли, — поторопил Пилипенко. — Зовут.

Из двери выбежали Леокадия и дочка Сашенька. Они со всех ног подбежали к отцу, обхватили его руками, принялись целовать и ласкаться.

— Как ты тут без нас? — воскликнула Леокадия.

— Он ничего не ел! — крикнула теща из окна. — Я разжигаю плиту!

А дочка Сашенька безмолвно прижалась к папиной ноге.

Старшина Пилипенко сказал, что вообще-то ему надо снять с семьи Семенских показания по части таинственного отсутствия, но делать это он будет не сейчас, а завтра, чтобы не мешать семейной встрече. И ушел.

Семенский, сопровождаемый подобрешей Треногой, вошел в дом и с первого взгляда поразился происшедшим в нем переменам. В доме было чисто. Хрустально, окончательно, невероятно. Куда исчезли жуткие следы деятельности тещи, которая имела обыкновение собирать по улицам барахло (а вдруг пригодится?). Где пыль, которую полгода не могла собраться вытереть ленивая Леокадия? Где ломаные игрушки Сашеньки, почему они не валяются под ногами?

Но как следует разобраться Семенский не успел — теща расторопно накрывала на стол, поглядывая на него ласковыми глазами, которые так украшали ее прежде недоброе лицо. Сашенька добровольно и безропотно побежала мыть ручки, а Леокадия достала из буфета графинчик, сама поставила на стол, чтобы выпить за благополучное возвращение.

— Как вы? — обрел наконец дар речи Семенский, усаживаясь за стол.

— У нас все в порядке, — первой отозвалась Сашенька. — Мы очень по тебе скучали. А ты?

— Я тоже, — сказал Семенский. — Я думал, что вас совсем унесло.

— И почувствовал некоторое облегчение, — добавила теща с улыбкой. — Что греха таить, нелегко с нами приходилось.

Семенский открыл рот, услышав такое странное признание от нестигаемой Марьи Степановны, и тут взгляд его упал на шею жены Леокадии. Что-то было не так. Потом понял: отсутствовало родимое пятно под ухом.

— Леокадия, — произнес он тихо, потрясенный страшным подозрением. — Где пятно?

Он показал пальцем на шею жены, и тревожные мысли побежали в его мозг: это не его семья! Его семья не такая. Его дом не такой... Он машинально поднес ко рту ложку с борщом и понял, что и борщ не тот — такого вкусного борща ему в жизни не приходилось есть. Его семью подменили!

— А-а-а! — закричал Семенский, в ужасе вскакивая из-за стола. — Пустите меня! Это не вы!

Никто не поднялся вслед за ним. Печальными взглядами семейство проводило его до дверей. В дверях Семенский остановился.

— Возражайте! — закричал он. — Вы мои родственники или космические пришельцы, посланные, чтобы уничтожить нас изнутри?

— Если ты о родном пятне, — спокойно объяснила Леокадия, — то мне его удалили, потому что со временем оно могло превратиться в злокачественное образование.

— А мне аппендицит вырезали, — сообщила Сашенька. — И гланды. Хочешь посмотреть, папочка?

Семенский вернулся в комнату и посмотрел в широко открытый ротик дочери. Ничего там не увидел, но это действие и теплая доверчивость ребенка немного развеяли тревогу.

— А зачем? — спросил он. — Кто им позволил?

— Ты садись, Коля, остынет, — напомнила Марья Степановна. — Мы от тебя ничего не скроем.

Семенский послушно ел борщ и наслаждался его вкусом после столь долгой и нервной голодовки. А Марья Степановна с помощью Леокадии рассказывала:

— Мы сначала очень испугались. Даже плакали. Живем на Земле, ждем тебя с работы, а вдруг нас уносят в небо. Мы сначала даже не сообразили, что к чему.

— Но нам объяснили, — вмешалась Леокадия. — С нами лично имел беседу Поколвух.

— Кто?

— Поколвух, их начальник, очень культурный человек, — ответила Марья Степановна. — Он искренне любил Леокадию.

— И я его полюбила, — сообщила Леокадия.

— Еще чего! — воскликнул Семенский. — Еще этого не хватало.

— Папочка, не ревнуй, — проговорила Сашенька. — Он зеленый, мне по плечо и на трех ножках.

Это немного успокоило Семенского. Если его дочка — его дочка, а не обман, она врать не будет.

— Они к нам прилетели, — сказала Марья Степановна, — для изучения нашей жизни.

— Кто их звал? — сопротивлялся Семенский. — Что это за манеры?

— Ученые они, понимаешь, папочка. Им очень интересно, как мы живем, к чему стремимся.

— Сашенька права, — поддержала Марья Степановна, снимая с плиты восхитительные котлеты. — Мы сначала сопротивлялись, а потом с нами побеседовали, все объяснили.

— И мы поняли, — заключила Сашенька.

Собака Тренога вежливо тявкнула из-под стола.

— Вопрос был принципиальный, — продолжала Марья Степановна. — Доросли ли люди до контактов с межзвездной цивилизацией или еще нет? Тогда они выбрали самый обычный дом в самом обычном городе и взяли нас на время, поглядеть...

— Мы очень сначала расстроились, — перебила Леокадия. — Ох, как много оказалось в нас всякой требухи, всяких родимых пятен, мещанства, суеверий, злобы и сварливости.

— Особенно во мне, — улыбнулась Марья Степановна.

— И во мне тоже, — призналась Леокадия.

— Нам показали возможности, которые открываются перед человечеством в галактическом содружестве, показали счастливый мир общемировой дружбы и потом спросили, не возражаем ли мы, если они попробуют избавить нас от недостатков как физических, так и моральных, — сказала теща.

— Мы их сначала не поняли, — добавила Леокадия. — Мы думали, что в нас нет недостатков, что все недостатки в окружающих.

«Ох, — подумал Семенский, — как она гладко говорит. Может, это все-таки подставная жена?»

Но тут Леокадия кинула на него ласковый взгляд, какого не кидала со времени свадьбы. Этот взгляд Семенский ни с чем бы не спутал.

— Их интересовало, — сказала Марья Степановна, — можно ли нас от недостатков избавить? Наносные ли они или неисправимые? Если неисправимые, то придется объявить на Земле карантин на тысячу лет. А если в основе своей люди не так уж злы и плохи, то еще, как бы сказать, не все потеряно.

— И вы согласились?

— Мы несли ответственность за всю планету, — серьезно ответила Марья Степановна.

— Зато когда нас отпускали обратно, то жали нам руки и очень радовались, что теперь не надо карантина. Все исправимо. Ты кушай, кушай. Я там краткий курс всемирной кухни прошла, буду тебя баловать разносолами...

Ночью, нежась в сладких объятиях жены, Семенский испытал большое чувство благодарности к зеленым исследователям. Правда, это чувство несколько уменьшилось, когда Леокадия шепнула ему:

— С завтрашнего дня будем с тобой, мой драгоценный, готовиться к институту. За нашей семьей налажено деликатное космическое наблюдение. Нам бы не хотелось тебя стыдиться...

— Надеюсь, ты не обидишься за нашу прямоту, — сказала утром Марья Степановна. — Но человеку свойственно стремиться к прогрессу, к свершениям.

— По большому счету, — закончила Сашенька, подняв пальчик.

Давно не плакал Семенский. Даже потеряв семью, он не проронил ни слезинки. Но сейчас что-то горячее заструилось по его щекам. Семенский зарыдал. Семенский с душевным трепетом и глубокой радостью вступал в новую жизнь...

Соседи и знакомые завидуют Семенским. Загляните к ним домой, пусть даже невзначай, не ко времени. Даже если в этот момент Семенский повторяет неправильные глаголы, Леокадия погружена в тайны интегрального исчисления, Марья Степановна пишет очередное эссе об охране животного мира, а Сашенька, закончив уроки, дышит по системе йогов. Даже в такой момент вам будут рады. Любой гость — награда для этой скромной семьи. Марья Степановна, с помощью родных, быстро приготовит скромное, но вкусное угощение, остальные будут развлекать вас интересным разговором об Эрмитаже, о новых археологических открытиях и моральном совершенствовании. И если вы не укоренившийся в отсталости человек, вы уйдете от Семенских душевно обогащенным, удовлетворенным и чуть подросшим.

Сам Семенский за прошедшие полгода сильно изменился в лучшую сторону. Он пополнил, но не чересчур, от хорошей калорийной пищи и обязательных утренних пробежек рысцей. Во взгляде его присутствует светлая задумчивость, даже увлеченность. Семейное счастье, буквально обрушившееся на него с неба, требует ответных действий. Он отличный работник, передовик, после работы всегда успевает забежать в магазин, купить картофель или стиральный порошок, уделить час, а то и больше общественной деятельности — и торопится домой, где его ждут занятия и добрые улыбки ненаглядных родственников.

Вот именно в такой момент его и встретил недавно старшина Пилипенко. Семенский тяжело ступал по мостовой, потому что нес на голове телевизор «Горизонт» из починки, в правой руке сумку с бананами, в левой портфель, набитый научными монографиями.

— Здравствуй, Коля, — сказал ему старшина. — Не трудно тебе? Может, помочь?

— А кто будет бороться с трудностями? Кто будет закаляться? — спросил Семенский.

— Ты прав, — вздохнул старшина. — Тебе сказочно повезло. Ведь могли другой дом захватить. И оставался бы ты со злой тещей и отрицательной женой, как другие несчастливцы.

— Могли. — Коля осторожно опустил на землю тяжелые сумки. — И все было бы как у людей.

— Тебе, наверное, теперь на нас смотреть противно, — предположил старшина.

— А я не смотрю. Некогда.

— Может, пива выпьем?

— Пиво вредно, — ответил Семенский.

— Ты прав, — согласился старшина. — Вредно. Но я уж смился. Приму кружку.

И вдруг, к своему удивлению, старшина увидел, как глаза Семенского наполняются слезами.

— Ты чего?

— Ничего, все в норме... Пройдет... Ну хоть бы разок тывкнула!

— Ты о ком?

— О собаке своей, Треноге. Знаешь, Пилипенко, она со всей улицы бездомных котят собирает к себе в конуру. И облизывает.

— Смотри-ка...

— А теща их шампунем импортным моет. А у жены ни одного родимого пятна не осталось!

— Да, приходится соответствовать, — сказал Пилипенко. И не знал уже, радоваться за Семенского или...

Вдруг телевизор на голове Семенского покачнулся, рухнул со всего размаха в пыль — Пилипенко его подхватить не успел — и вдребезги. Семенский обратил тоскующий взор к небу, где висело одинокое вечернее облако, и спросил:

— Наблюдаешь?

— Ты чего? — удивился Пилипенко, который стоял в пыли на коленях, сгребая в кучу остатки телевизора. — Это же просто облако.

— А вдруг не просто?

Стояла вечерняя тишина, даже собаки молчали. И в этой тишине к небу неся усталый голос Семенского:

— Может, возьмете их обратно? Хоть временно...

1980 г.

СОБЛАЗН

Инопланетяне появлялись в Гусяре неисчислимое множество раз. Все к ним привыкли, и, возможно, в далеком космосе уже тоже привыкли, что на Земле есть Великий Гусяр, открытки с его видами продаются на Альдебаране, хотя о Москве там и представления не имеют.

Отношения с инопланетянами в Гусяре были различными, но редко конфликтными. Чаще мы им помогали, изредка они нам помогали. До какой-то степени это происходило от того, что в годы «раннего Гусяра» иные отношения советских людей с инопланетянами считались негуманными и недопустимыми.

Однако теперь времена изменились, и мы с вами можем допустить, что среди инопланетян есть отдельные неблагородные существа. Инопланетянин Коко, действующий в этом рассказе, относится к такой вот малой доле инопланетян. Создавая бессмертный образ космического провокатора, я руководствовался заботой о будущем Земли — надо же предупредить наивного и доверчивого землянина, что он постоянно рискует подвергнуться какой-то форме инопланетного порабощения. Перспективы дружеских встреч и жарких объятий с братьями по разуму маловероятны. Если я иду по лесу и наступаю на муравейник, я вряд ли догадываюсь, что погубил лучших его представителей. А существа, пересекающие Галактику, чтобы попасть на Землю, — неужели они ближе к нам, чем мы к муравьям?

Так что Коко — еще не худший из пришельцев.

Ипполит Иванов возвращался домой по Пушкинской. Шел бесконечный дождик, к которому за неделю все уже привыкли. Воздух так насытился водой, что зонт не высыхал и пропускал воду. Ипполит смотрел под ноги, потому что встречались глубокие лужи.

Когда он перепрыгнул через очередную лужу, то увидел, что в следующей плавает, вниз лицом, ценнейшая марка, посвященная перелету Леваневского через Северный полюс. Марка настолько ценная, что Ипполит Иванов никогда ее раньше не видел.

Впоследствии Ипполит Иванов не раз задавал себе вопрос, как он мог угадать марку, которую никогда раньше не видел, с первого взгляда при условии, что она плавала в луже лицом вниз, то есть была недоступна обозрению.

Но сомнений у Ипполита не было.

Он замер над лужей, как обыкновенная гончая над выводком райских птиц. Потом почему-то сложил зонт и уронил его на землю. Затем сел на корточки и осторожно подвел ладонь под плавающую марку. Та, как рыбка, скользнула подальше от края лужи, не далась. Ипполит Иванов сделал шаг в лужу, уйдя по щиколотку в воду, и другой рукой отрезал марке путь к отступлению. Она попыталась было прорваться в открытую воду, но вскоре сдалась и легла на ладонь Ипполита. Ипполит поднял ладонь к глазам, пальцами другой руки приподнял марку за уголок, перевернул и снова положил на ладонь. Да, это была марка, посвященная перелету Леваневского через Северный полюс, перелету, из которого отважный летчик не вернулся. Мокрое мужественное лицо летчика смотрело на Ипполита, надпечатка выглядела четко, буква «ф» в слове Сан-Франциско была маленькой, что умножало редкость и цену марки.

Держа ладонь ложечкой, Ипполит достал свободной рукой из верхнего кармана пиджака пробирочку с валидолом и, зубами вырвав пробку, высыпал в рот три таблетки. Он жевал их, как изюм, и думал, что теперь не имеет права болеть или умирать, потому что его жизнь обрела новый смысл.

Придя домой, Ипполит Иванов посмотрел на жену

отсутствующим взглядом, отказался от обеда и, принеся из туалета рулон бумаги, отмотал метра два, чтобы соорудить ложе для марки, которой надо было высохнуть, согреться и привыкнуть к новому дому.

Только когда она уютно устроилась в колыбели из туалетной бумаги и вроде бы задремала, Ипполит Иванов догадался, что марка эта — чужая.

Коллекционеры бывают двух типов. Первый тип довольствуется самим фактом обладания. Он может держать в банковском сейфе голубого Маврикия или стодолларовик Джохора и встречаться со своими сокровищами раз в два года. Второй тип должен общаться с иными филателистами, чтобы те могли оценить его приобретения и достижения, разделить его радость или, что бывает чаще, горько позавидовать его удаче. Удача, выпавшая на долю Ипполита, была невероятной, сказочной, недоступной трезвому разуму, и потому, как только миновал первый восторг, Ипполит понял, что так быть не может.

Город Великий Гусляр сравнительно невелик, организованных филателистов, включая школьную секцию, там восемьдесят шесть человек, и все солидные коллекционеры не только знакомы друг с другом, но и знают, у кого что где лежит.

Известно, что одна такая марка была у старика Ложкина. Но старик Ложкин относится к нечастому в нашей стране первому типу замкнутых коллекционеров, его коллекцию мало кто видел. Ипполит в число избранных не попал. Наверное, окажется такая редкость у кого-нибудь еще, об этом знал бы весь Великий Гусляр.

Значит, сказал себе Ипполит Иванов, это марка Ложкина.

Значит, Ложкин вышел в дождь гулять со своей бесценной маркой, она выскользнула у него из руки и упала в лужу.

Маловероятно.

Ни один коллекционер не возьмет с собой под дождь такую ценнейшую вещь и не отпустит ее в лужу. А если вдруг такое случится, бросится за ней вплавь.

Но если Ложкин не заметил? Нес, допустим, свой альбом, чтобы спрятать от возможных грабителей в камере хранения... Не получается. Железной дороги в Гусляре нет и камеры хранения нету тоже. Ну ладно, нес он

альбом показать своему близкому другу... Да какие могут быть друзья у этого скопидома и скандалиста?

— Я честный человек? — спросил Ипполит Иванов у жены.

— Ты обедать будешь, в конце концов? — ответила вопросом жена.

— Я честный человек? — повторил Ипполит.

— Это еще испытать надо, — сказала жена.

— Вот именно, — подтвердил Ипполит. — Вот именно.

И он решил тут же отнести марку старику Ложкину.

Марка уже чуть подсохла, в туалетной бумаге ей нравилось, но она не возражала, когда Ипполит вложил ее, не разворачивая, в паспорт, сунул во внутренний карман пиджака и пошел к двери.

— Ты, значит, обедать не будешь? — спросила жена.

— Значит, не буду, — согласился Иванов.

Ипполит был с Ложкиным еле знаком — иногда встречались в обществе коллекционеров, но даже не всегда здоровались. Иванова начали раздирать сомнения иного рода. Вот он, Ипполит Иванов, получил в руки нежданное счастье, сразу же подумал о собственной честности. И собственная честность повлекла Ипполита Иванова к старику Ложкину. Но означает ли это, что старик Ложкин настолько же чист и благороден, как Иванов? Допустим, он не терял этой марки. Допустим, она лежит спокойно в его альбоме. Но, увидев вторую марку, старик Ложкин быстро сообразит, что ему тоже улыбнулось счастье, и скажет: «Ах, я эту марку сегодня утром потерял. Какое большое спасибо, что вы ее вернули мне!» И останется он с двумя марками. А Ипполит Иванов, спаситель этого ничтожного клочка бумаги, останется с носом. И опасения Иванова были не беспочвенны, так как среди филателистов иногда, в виде исключения, встречаются нечестные люди. Один из них — не будем называть его фамилии — в прошлом году подсунил Ипполиту марку с подклеенными угловыми зубцами, а когда Иванов обнаружил подлог, то притворился, будто видит эту марку впервые в жизни. Но такие граждане не типичны для нашего общества и в ближайшем будущем вообще исчезнут.

Размышляя таким образом, Иванов замер у ворот дома № 16 и довольно долго топтался, не замечая, как дождь стекает по лицу. В этой нерешительной позе Иванова

застал Корнелий Удалов, который как раз шел домой, потому что у него жил гость и гостя пора было кормить, а жена Ксения отказывалась это делать.

— К нам? — спросил Удалов. — Давно не заходил.

— К Ложкину, — ответил Ипполит.

Они были знакомы с Удаловым и даже учились в школе в параллельных классах.

— Так чего же стоишь? У него свет горит, — сказал Удалов.

И Ипполиту ничего не оставалось, как последовать за Корнелием.

Удалов повернул с лестницы к своей квартире, а Ипполит позвонил Ложкину.

Ложкин долго не открывал. Потом наконец дверь дрогнула и уехала внутрь квартиры. Ложкин был встрепан, небрит, озабочен, одет в старый халат до полу и шлепанцы.

— Здравствуйте! — слишком громко и радостно воскликнул Иванов. — Принимаете филателистов?

— Добрый вечер, — ответил Ложкин, не двигаясь с места и не пропуская гостя. — Занят я, устал, отдыхаю.

— Я на минутку, — сообщил Ипполит. — Только получить совет — ваша эрудиция широко известна.

Лесть была надежным способом проникнуть в сердце Ложкина. Об этом многие знали.

— Какая уж у меня эрудиция, — возразил Ложкин. — Нет у меня эрудиции. Не осталось. Один маразм.

— И все-таки по части довоенных марок у вас лучшая коллекция. И если вы мне не поможете, никто не поможет. Клянусь, что больше минуты времени не отниму. Один вопрос — и я ушел.

— Ну ладно, проходи, — сдался Ложкин. — Только в прихожей побудь. С тебя капает.

— Это правильно, — согласился Иванов. — На улице дождь.

— Что за вопрос?

— Хочу взглянуть на вашего Леваневского. На перелет.

Лицо Ложкина изменилось к худшему. Оно побледнело, и щеки опустились к углам рта.

— Какой еще Леваневский! — закричал Ложкин. — Не знаю никакого Леваневского.

Но забота о возможной потере, происшедшей у Ложкина, соединенная с надеждой оставить марку себе, заставила несмелого в обычной жизни Иванова проявить упрямство.

— Леваневского у вас Штормилло видел, — сказал он, прижимаясь к стене, чтобы не закапать квартиру. — С тонким местом.

— С тонким местом? — Ложкин вздрогнул, как от удара. — Мой Леваневский с тонким местом? Это твой Штормилло с тонким местом. Ну, погоди!

Ложкин бросился в комнату, и Иванов сделал нечаянный шаг вслед.

— Стой! — приказал ему Ложкин. — У меня квартира сухая!

Ипполит отступил назад, но потом, слыша, что Ложкин вываливает из шкафа кляссеры и альбомы, вытянул шею, любопытствуя, как тот содержит свои марки. И увидел: Ложкин достал толстый кляссер, открыл его и замер. Стоял, согнувшись, спиной к Ипполиту. И не двигался.

— Ну что же! — поторопил Ложкина Ипполит. Марка, завернутая в туалетную бумагу, жгла его сердце. — Нет марки?

Ипполит сказал это, и сердце его, обожженное, натруженное, сжалось до опасного предела.

— Есть марка! — закричал в ответ Ложкин. — Не спровоцируешь!

Он обернулся и пошел к Ипполиту, неся перед собой раскрытый кляссер, как на похоронах генералов несут подушки с орденами.

2

Тем временем Удалов пришел к себе домой, вынул из большой продуктовой сумки гостя, и тот принялся быстро, ловко и изящно зализывать, поправлять раздвоенным языком перышки на своем длинноватом теле. Удалов выложил на стол принесенные из магазина продукты и невольно залюбовался статью и законченностью форм пришельца из космоса, что третий день проживал у Удалова, известного всей Галактике как сторонник справедливой дружбы космических цивилизаций и круп-

ный межпланетный деятель, хоть и занимал он скромный пост заведующего стройконторой в городе Великий Гусляр.

Пока Удалов разворачивал покупки, чтобы обеспечить себе и гостю скромную трапезу, в комнату заглянула его жена Ксения и, увидев на столе пернатую ящерицу с хвостом, почему-то напоминающим деревянную расписную ложку, скривилась, крикнула:

— И сына из дома уведу!

— Не обращай внимания, — сказала ящерица Удалову, когда Ксения, хлопнув дверью, убежала. — У нее нормальная идиосинкразия к ползучим гадам. Это у двуногих случается. Но мы с тобой знаем, как я красив, в первую очередь душевно.

— И внешне ты тоже не урод, — согласился Удалов, хотя был расстроен.

Приятнее, когда в доме царит мир и жена проявляет гостеприимство.

— Ксении характер также небезызвестен в Галактике, — угадал мысли Удалова пришелец, которого для простоты звали Коко. — Бывают жены и хуже. Ты мне кефир согрей. Я предпочитаю разогретый кефир.

И уже потом, когда сели ужинать, Коко добавил:

— Моя жена тебя бы тоже не вынесла.

3

— Посмотрел? — спросил Ложкин, стараясь захлопнуть классер. — Убедился?

Ипполит Иванов ловко прижал пальцами край класкера, не давая ему закрыться. Он пытался разглядеть марку получше. Марка была на листе в гордом одиночестве. Тот же мужественный взгляд пилота, та же скромная надпечатка, даже та же маленькая буква «ф» в слове Сан-Франциско.

Но не это смутило Ипполита. Не это привлекло его тренированное зрение. Человек, который смог угадать такую марку в луже, да еще обратной стороной наружу, сразу увидел деталь, которая повергла его в растерянность.

Правый нижний угол марки занимал почтовый штемпель. Ясный, четкий, на котором без труда угадывались

буквы «...нинград». Причем первая буква наполовину была срезана зубцами марки, а последняя чуть-чуть вылезала на боковое поле. Точно такой же почтовый штемпель, точно так же расположенный, был на марке, найденной Ивановым. Но штемпели на двух марках не могут быть идентичными!

— Все! — Старик Ложкин вырвал кляссер из рук Иванова, захлопнул его и прижал к впалой груди.

— Нет, — ответил Иванов. — Не все.

Тяжелое предчувствие требовало энергичных действий. Он не мог остаться при подозрении. Любая ложь невыносима!

Иванов достал из кармана паспорт, из него сложенную вчетверо туалетную бумагу, из нее почтовую марку. Смело сделал три шага в комнату и положил свое сокровище на стол.

— Объяснитесь, — сказал он тихо.

Старик Ложкин смертельно побледнел и спросил, шевеля губами:

— Откуда это у тебя?

4

— Сколько еще пробудешь у нас? — спросил Удалов у Коко.

Коко допил из блюдца кефир, закусил конфеткой, облизал зеленые губы и лениво разлегся среди чашек и тарелок.

— Как дела пойдут, — сказал он. — Сам понимаешь, научная командировка. Пока задание не выполню, придется у вас ошиваться. Но я не в обиде на начальство. И на Землю летать люблю.

— А в чем задание, если не секрет? — спросил Корнелий Удалов.

— Дирекция института запланировала коллективную монографию «Концепция честности и чести в масштабе Галактики». В тридцати томах. Сроки поджимают, а еще и половина полевых исследований не завершена.

— И многих мобилизовали?

— Всех этот деспот разогнал, отсохни его хвост!

Удалов вздрогнул. Ему еще не приходилось слышать, чтобы друг Коко употреблял такие сильные выражения.

— Могло быть хуже, — произнес Удалов. — Для тебя.
— Мне повезло. Попал на сравнительно устойчивую планету.

— Чай будешь?

— Три кусочка сахара. А у тебя прошлогодного клубничного варенья не осталось?

— Ксюша куда-то спрятала.

— Этого следовало ожидать.

— Ты уже с кем-нибудь встречался?

— Нет, неделю провел в библиотеках. Ночами работал, сам понимаешь, приходится сохранять инкогнито. В Историчке меня чуть кот не сожрал. И зачем они только допускают кошек в библиотеку? Я анонимку написал их директору, чтобы котов не пускали.

— Это правильно, — согласился Удалов. — Правда, от мышей тоже вред бывает.

— Здесь я кое-кого опросил, — продолжал Коко, постукивая твердым концом хвоста по столу. — Побеседовал.

— Как же так? В твоём облике?

— Не беспокойся, я своими ограничивался. С Сашей Грубиным провел вечерок, старика Ложкина навестил. Только доставил старику неприятность.

— Ты? При твоей деликатности?

— Нечаянно. Он свои почтовые марки смотрел. Знаешь, ведь некоторые люди странно себя ведут — собирают кусочки бумаги — так называемый сорочий эффект. Занятие бессмысленное, но любопытное для строительства поведенческой модели землян.

— Не всегда бессмысленное, — заметил Удалов. — Эти марки больших денег стоят. А у вас что, сороки водятся?

— Сорок нет. Это из моего земельного опыта. Или земельного?

— Земного.

— Спасибо. Об относительной ценности марки я слышан. Ты бы видел, какое лицо было у Ложкина, когда я хвостом задел его любимую бумажку. Можно было подумать, что сгорел дом. Но я это объясняю не жадностью в чистом виде, а коллекционным остервенением. Тебе нравится термин? Я сам его придумал.

— Так, значит, ты ему любимую марку погубил?

— Не бойся, как погубил, так и восстановил.

— Я, понимаешь, спешил под дождем, я, понимаешь, переживал! — возмущился в соседней квартире Иванов. — А я марку, оказывается, возвращал не человеку, а жулику!

— Жулику? А ну, бери свои слова обратно! Пинцетом проткну за такое оскорбление!

Руки Ложкина тряслись, в уголках рта появилась пена.

— Моя марка и твоя марка — копии или не копии?

— Похожие марки, и все тут. Совпадение!

— Совпадение в луже не валяется. Рассказывайте все, а то созову филателистическую общественность. Ни перед чем не остановлюсь!

— Ничего не знаю, — сказал Ложкин, отводя взор в сторону, к комоду.

— Ладно, — произнес устало Иванов. Он подобрал со стола свою марку, к которой уже не испытывал никакого душевного расположения, и отступил в переднюю, откуда объявил: — Первым делом поднимаю Гинзбурга. С ним едем к Смоленскому, оттуда прямым ходом к Штормиле — нашей совести и контролю.

Ложкин упрямо молчал.

— Вам больше нечего сказать? — спросил на прощание Иванов.

— За всю мою долгую жизнь... — начал было Ложкин, но голос его сорвался.

В иной ситуации Иванов пожалел бы старика. Но дело шло о серьезном. Если в Великом Гусляре кто-то научился подделывать такие марки, как «перелет Леваневского», значит, в будущем коллекционеру просто некуда деваться.

Иванов решительно спустился по лестнице, вышел во двор, кинул последний взгляд на освещенные окна Ложкина. Дождь не ослабел, капли были мелкие, острые и холодные. Иванов подошел к воротам.

— Стой! — раздался крик сзади.

Ложкин, как был, в халате, выбежал из дверей шатающимся привидением.

— Не губи! — закричал он.

— Нет, пойду, — упрямо откликнулся Ипполит Иванов.

— Не пойдешь, а то убью! Вернись, я все объясню! Клянусь тебе памятью о маме!

Эти слова заставили Иванова остановиться. Вид Ложкина был жалок и нелеп. Халат сразу промок и тяжело обвис. Ложкин стоял в глубокой луже, не замечая этого, и Иванов понял, что, если не вернуть старика в дом, то он обязательно и опасно простудится.

— Хорошо, — сказал он. — Только без лжи.

— Какая уж тут ложь! — ответил Ложкин, отступая в дверь. — Это все Коко виноват, крокодил недоношенный!

6

— Слышишь, как тебя называют? — спросил Удалов. Он стоял у окна и наблюдал сцену, происходившую под дождем.

Коко соскользнул со стола, ловко вскарабкался по стене на подоконник и высунул длинное лицо в приоткрытое окно.

— Слышу, — сказал он. — Но не обижаюсь. Хотя мог бы и обидеться.

— С крокодилом сравнение не понравилось?

— При чем тут крокодил? Неблагодарность человеческая не нравится.

Внизу собеседники скрылись под навесом подъезда, и сквозь шум дождя до Удалова доносились быстрые, сбивчивые слова старика.

— Этот крокодил мне Леваневского хвостом смял, понимаешь? Прилетел, извините, с другой планеты, напросился в гости, весь чай дома выпил, чуть ли не нагадил...

— Вот именно, что чуть ли не... — согласился обиженно Коко. — Варвары...

— Ну, я его прижал, — слышен был голос Ложкина. — Я ему сказал кое-то о космической дружбе. Он у меня закрутился, как черт на сковороде...

— Он в самом деле на крокодила похож? — спросил Иванов.

— Хуже.

— Крокодилов не встречал, — заметил негромко Коко. — Но теперь обязательно познакомлюсь.

— Нет смысла, — ответил Удалов. — Хищники эти крокодилы.

— На, говорит он мне, — слышен был голос Ложкина, — возьми копирку. И дает мне машинку. Небольшую. Заложил, говорит, в нее любой листок бумаги и свою попорченную марку. Через минуту будешь иметь точную копию. До атома. Починишь марку, говорит, вернешь мне машинку. Понимаешь?

— И починил? — спросил Ипполит Иванов.

— Точно такую сделал. Без обмана. У них там, в космическом пространстве, какой только техники нет, страшно подумать! Они ею буквально кидаются.

— Лучше бы с нами поделились. Мы с такими машинками замечательное бы производство наладили.

— Не хотят, — сказал Ложкин. — Невмешательство у них. Желают, чтобы мы сами. А на самом деле скопидомничают.

Коко обиделся.

— Какое он имеет моральное право судить...

— Погоди, — перебил его Удалов.

— Значит, починил и вернул? — спросил Иванов.

— Грех попутал, — признался Ложкин. — Я одну марку сделал. А потом еще одну захотел. Так, на случай обмена. Понимаешь, у Гинзбурга в обмене антивосенная серия лежит, ты ведь знаешь.

— Знаю, — вздохнул Ипполит.

— Пойми меня правильно. Сделаю, решил я, еще одну марку, для Гинзбурга. И ему приятно, и мне польза. Марка ведь не поддельная. Марка настоящая, скопированная на уровне космических стандартов.

— Стыдно, — сказал Иванов.

— Еще как стыдно. Но удержаться невозможно.

— А я вот под дождем пошел к вам марку возвращать.

— И не говори... Ну ладно, сделал я еще одну, а потом вспомнил о Штормилле. Помнишь, что у Штормиллы в обмене лежит? Забыл? Беззубцовый Дзержинский у него лежит!

— Помню, — произнес Иванов.

— Ну, ради этого стоило еще одного Леваневского сделать?

— Погодите. Сколько же вы Леваневских отшлепали?

— Уже все, уже остановился. Что, разве я не понимаю всей глубины моего морального падения?

— Так завтра же Гинзбург своего Леваневского Штормилле покажет. И все, и где ваша честь?

— Вот именно, — сказал Коко. — Где честь?

— Я только Штормилле отнес, — сказал Ложкин. — А гинзбурговскую марку я по дороге потерял. Тебе она на глаза и попалась.

— Ваше счастье, что попалась, — заключил Иванов твердо. — Все равно надо было остановиться.

— Да я и остановился! Я же сегодня приборчик Коко возвращаю.

— И все?

— И все...

— Ну и возвращайте. Немедленно! А Леваневского мы разорвем!

— Вот молодец! Нравится мне этот Иванов, — проговорил Корнелий.

— Погоди с выводами, — ответил Коко.

— Верну. А Леваневского, может, рвать не будем? — спросил Ложкин заискивающим голосом. — Беззубцового Дзержинского я уже в коллекцию положил. Когда еще попадется! Да и ты себе оставь. Марка хорошая, настоящая. До атома.

— Нет, — сказал Иванов уже не так уверенно. — Все равно я обязан проинформировать Штормиллу.

— И расстроишь его смертельно. Он же сейчас живет в наслаждении, что выгодный обмен со мной совершил. А как узнает, что ему делать? Оставаться без Леваневского?

— Конечно, так...

— Постой-ка, — сообразил Ложкин. — Может, ты хочешь на эту машинку взглянуть? Может, тебе еще какая из моих марок нужна? Я быстренько копии сделаю. Задаром. И нет в том обмана и жульничества. Помню, ты консульской почтой интересовался. Интересовался, да?

— Нет, не буду я в этом участвовать, — сказал Иванов.

— А ты и не будешь, — ответил Ложкин. — Только поднимемся ко мне, поглядишь на машинку, чайку попьем. Ладно, а? Я совсем промок. Заработаю из-за тебя воспаление легких, помру еще...

— Если так, то поднимемся, — согласился Иванов. Хлопнула входная дверь.

7

— Нам бы тоже не мешало чайку выпить, — сказал Коко Удалову.

В мгновение ока галактическая ящерица перемахнула на стол.

Удалов был задумчив. Он несколько раз подходил к окну, прислушивался, не хлопнет ли дверь, а Коко откровенно над ним посмеивался.

— Не спеши, — говорил он. — Твой Иванов уже соврашен.

— В каком смысле?

— Изготавливает марки честным способом.

— Он не такой человек, — возразил Удалов. — Он под дождем чужую вещь хозяину понес.

— Это была для него непонятная ситуация. Он знал, что в таком случае положено делать. А в ситуации сомнительной он легко поддался уговорам Ложкина, который чувствует, что морально погиб, и сейчас идет на все, чтобы только нейтрализовать свидетеля.

— Ты рассуждаешь, будто про уголовников, — обиделся Удалов.

— Да какие они уголовники! Обыкновенные люди. Пока соблазн невелик, они честные, а как соблазн перейдет через допустимые пределы, они уже начинают шататься, как тростник на ветру.

— Грустно мне, что ты такого низкого мнения о землянах.

— Почему низкого? Нормального мнения... Кстати, уже одиннадцатый час, спать пора. Послушай, Корнелий, ты мне сделаешь личное одолжение?

— А что?

— Зайди к Ложкину, возьми копирку. Мне ее уничтожить надо. Сам понимаешь...

— Может, ты сам сходишь?..

— Могу, конечно, ты не думай, что я тебя принуждаю. Только вот спина что-то побаливает, радикулит опять одолел...

И пришлось Удалову идти к соседу за машинкой,

понимая при том, что хитрец Коко сделал это не случайно: хочет он, чтобы Удалов собственными глазами убедился, насколько моральный облик отдельных жителей нашей планеты оставляет желать лучшего... И Удалов пересек лестничную площадку, злой на Коко, злой тем более на Ложкина с Ивановым. И он, хоть и надеялся в глубине души, что коллекционеры мирно пьют чай, сам себе не верил, и потому, как только Ложкин приоткрыл дверь, Корнелий отстранил его, метнулся в комнату и увидел, как Иванов пытается прикрыть телом машинку, классеры, марки, все орудия преступления.

— Не старайся, Ипполит, — произнес Удалов голосом Командора, который застукал Дон Жуана, хотя никакого морального удовлетворения от этого не получил. — Я в курсе.

— Он в курсе, — сказал за его спиной Ложкин. — Этот Коко у него остановился.

— Сдавайте копирку. Нельзя вам доверять...

— Мы только испытывали, — проговорил Ипполит, красный, как свекла, хватаясь за сердце.

— Солидно наиспытывали, — сказал Удалов. — Если вам машинку еще на час оставить, вы за деньги возьметесь, или как?

— Деньги в нее не поместятся, — возразил Ложкин.

И Удалов понял, что даже такая отвратительная мысль уже посещала его соседа. Человека, которого он знал много лет, не очень любил, но не сомневался в его порядочности...

Удалов снял со стола машинку, хотел было порвать марки, но не знал, какие из них настоящие, а какие — копии. И ему ли судить этих людей?.. Они сами себя осудят.

Удалов без единого слова вышел на лестничную площадку, закрыл за собой дверь. И остановился. Машинка, плоская, похожая на портсигар, лежала на ладони. Что хочешь можно сунуть в нее. Ну хоть автобусный билет. Интересно, а что будет? Удалов достал автобусный билет из кармана. На лестничной площадке было не очень светло — одна лампочка в двадцать пять свечей. Удалов оглянулся: никто не наблюдает? Никто за ним не наблюдал. Удалов вложил автобусный билет в щель на торце портсигара. Ага, нужна еще бумажка, чтобы из нее сделать копию. Бумажку он вырвал из записной книжки.

Сунул туда же. Машинка тихо зажужжала. Потом с другого конца выскочили две одинаковые бумажки. Две странички из записной книжки, совершенно одинаковые. Видно, Удалов в чем-то ошибся, и машинка скопировала не билет, а наоборот. И тут Корнелий словно проснулся.

Понятно, думал он мрачно, комкая в кулаке листочки. Все понятно. Как же я сразу не сообразил! Тоже мне называется — галактический друг! Как же я мимо ушей пропустил, что он монографию пишет о чести и честности! Испытываешь. Старика Ложкина испытывал. Иванова испытывал. А потом меня, друга своего, послал на испытание. И почудилось Удалову, что электрическая лампочка в двадцать пять вольт над головой подозрительно пошелкивает. Может быть, снимает его действия на пленку, чтобы сделать из него, Удалова, иллюстрацию к тридцатитомному труду.

Удалов распахнул дверь к себе в квартиру. Коко метнулся от двери, прыгнул на диван.

— Что тебя так долго не было? — спросил он ласково.

— Возьми машинку, — сказал Удалов. — Провокатор паршивый.

— Ну что ты, что ты... — быстро заговорил Коко. — На тебя эксперимент не распространялся.

— Это мне без разницы. Собирай свои вещи и вон из моего дома, понял? У Иванова сердце плохое, старик Ложкин наверняка простудился...

— Корнелий, дорогой, будь разумен!

— Не буду! Мы тебе не морские свинки. Убирайся.

— А как же космическая дружба? — спросил Коко.

— О ней ты и подумай на досуге.

— Но на улице дождь! Куда я денусь? В гостиницу меня не пустят...

Удалов не слушал. Он подошел к окну и, прижавшись лбом к холодному стеклу, стоял, глядя в темный двор. Одинокий фонарь освещал полукруг земли у подъезда. Дверь растворилась, из нее вышел Ипполит Иванов и побрел куда-то, не замечая дождя. Потом дверь приоткрылась вновь, и из дома выскользнула изящная пернатая ящерица.

Тогда Удалов пошел спать.

ТЕХНОЛОГИЯ РАССКАЗА

Я не знаю еще, о чем будет рассказ. И тем более не подозреваю, как он будет называться.

Я намерен написать его, не скрывая от читателя, как это будет делаться.

Тому есть причины.

Мне приходилось выслушивать упреки, что я не настоящий фантаст, потому что не отражаю последних научно-технических достижений, а ограничиваюсь, подобно презренным реалистам, прописными морально-этическими истинами.

Я принимаю вызов и объявляю о намерении написать подлинно научно-фантастический рассказ, в основе которого будет лежать частный факт научного прогресса. Я попытаюсь умиловить членов клубов научной фантастики, которые совершенно не реагируют на художественную литературу, но готовы восхвалить любую окололитературную подделку, буде она сдобрена наукообразностью. Я намерен проникнуть в содружество истинных фантастов.

Теперь следует отыскать в море прогресса зацепку для сюжета.

Написав последнюю строку, я отошел от пишущей машинки и занялся поисками.

...Следующую строку я пишу через четыре часа после предыдущей. За это время я проглядел несколько научно-популярных журналов, в которых наука излагается настолько примитивно, что суть дела может уяснить даже доктор исторических наук. К сожалению, пока мне не удалось извлечь из статей и заметок литературного позыва. Хотя я значительно расширил свой горизонт. Я узнал, что глицин, простейшая аминокислота, был обнаружен в 1969 году в Мерчисоновском метеорите, и с той поры

найти его не удавалось, даже с помощью радиотелескопа ФИАН РТ-22. Но что мне глицин, если за последние годы я без всякого телескопа отыскал в космосе кучу цивилизаций!

Я узнал, что, изучая спектры гамма-квантов сверхвысоких энергий, можно сделать вывод о том, какая из космологических гипотез справедлива. Так как этого еще никто не сделал, то любая из предложенных мною тоже годится.

Я познакомился с умозаключением, согласно которому становление гения есть проблема биосоциальная. Великолепны открытия, о которых можно сказать: я и сам так думал!

Наконец, мне удалось обнаружить, что вирусы некоторых бородавок способны передаваться половым путем. Последнее, конечно, может быть использовано в художественной литературе, но не в нашей.

Не найдя счастья в периодике, я собрался было обратить взор к глобальным проблемам — к угрозе атомной войны, экологическому бедствию или достижениям кибернетики. Но это путь наименьшего сопротивления. Что бы я ни сказал, все уже сказано другими. Поэтому оставляю лист в машинке и отправляюсь к полке с научно-популярными брошюрами.

...По-моему, мне удалось отыскать нечто перспективное!

Года три назад я купил книгу Мишеля Сифра «В безднах Земли», потому что я завидую Мишелю и его единомышленникам. Они забираются в глубокие пещеры и сидят там безвылазно по нескольку месяцев, а их преданные жены и друзья все это время мучаются в палатках на поверхности, мерзнут, простужаются, порой голодают, зато ежедневно получают снизу, из темной глубины, бутылки с мочой спелеологов. За исключением регулярной сдачи анализов, испытываемые обязанностей не имеют. Они могут рассуждать о смысле жизни, читать книги и рисовать картинки. Телефон у них не звонит, гости к ним не ходят, и никто не требует от них выполнения плана.

Сколько раз я мечтал о том, что заберусь в пещеру и там, вне волнений и суеты, напишу что-нибудь стоящее.

Ничего, кроме зависти, книга Сифра во мне в свое

время не вызвала, и я не почерпнул из нее никакой идеи для рассказа. Но ведь я и не искал идей!

А сейчас ишу.

Посмотрим, не может ли пригодиться абзац со стр. 111:

«Тони и Жози, не располагая никакими ориентирами времени, жили, повинаясь природному инстинкту. Их ритм смены бодрствования и сна постоянно менялся и день за днем сдвигался. 3 января 1965 года Тони праздновал Рождество! И Жози встретила Новый год лишь 13 января. Под землей длительность одной минуты казалась иной, чем на поверхности».

В дальнейшем Сифр уделяет немало места описанию этого феномена. Оказывается, он характерен для всех спелеонавтов. Через определенное время жизни под землей каждый из них неизбежно переходил к иному, чем на поверхности, внутреннему календарю. Как ни пытались организаторы экспериментов сбить, запутать спелеонавтов, через несколько недель одиночества у них устанавливался одинаковый, единый для всех ритм — 48 часов, причем 12 часов они спали, а 36 часов без особых усилий бодрствовали.

Особенно интересна в этом смысле история, приключившаяся с первой женщиной-спелеонавтом, двадцатипятилетней Жози Лорес. Она провела в пещере три месяца. Так же, как все мужчины до и после нее, она постепенно перешла на 48-часовой ритм, будучи уверена, что за это время проходит 24 часа. Но в отличие от мужчин у нее были внутренние часы, которые этому ритму не подчинились. Месячные вводили Жози в растерянность. По здравом размышлении она предположила, что организм — более надежный источник информации, нежели ощущения, и потому старалась корректировать чувства физиологией. В результате она совсем запуталась в календаре.

Сведения, приведенные Сифром и подтвержденные многими другими авторами, не вызывают сомнений, но остаются на уровне констатации. Я же в поисках идеи понял, что этот факт многозначителен. Однако существование научного факта, вызывающего интерес, еще не делает рассказа: в рассказе должны фигурировать люди.

В настоящем рассказе люди нужны для того, чтобы мы могли еще раз заглянуть внутрь человеческой души. В рассказе научно-фантастическом это, к сожалению, со-

всем не обязательно. Люди там разговаривают между собой для того, чтобы как можно популярнее изложить концепции. Для удобства концепция делится на фразы, и они последовательно вкладываются в уста персонажей. Редактор научно-популярного журнала, специалист в той или иной области знания, редко бывает притом специалистом в художественной литературе, и его можно убедить, что это и есть художественная литература.

Так и поступим.

Чтобы этот еще не написанный рассказ занял почетное место на страницах журнала, проще всего сделать его персонажей учеными. Желательно, чтобы один из них был седовласым профессором, который все знает, а второй — молодым ученым, который знает пока не все и потому задает нужные нам вопросы...

— Вас никогда не удивлял, коллега, странный феномен, с которым столкнулись в последние годы спелеологи? — спросил профессор Сыромятников у младшего научного сотрудника Института физиологии высшей нервной деятельности Махмуда Магометова, который уже третий месяц стажировался в институте.

Стояла ранняя осень, желтые листья плавали в лужах институтского парка. Небо с утра было серым и холодным.

Махмуд кутался в демисезонное пальто: московская осень его удручала.

— Как же, — произнес он хрипло. — Меня тоже удивляло, что все спелеонавты обязательно переходят на 48-часовой цикл, в котором 36 часов занимает бодрствование, а 12 часов сон.

Написав эти строки, я порадовался тому, как экономно и энергично ввел читателя в суть дела.

— Учтите, — продолжал профессор, глядя на стройные ножки пробежавшей мимо аспирантки Ниночки Дудкиной, — что в пещере человек полностью оторван от привычного образа жизни и организм его устанавливает те часы, к которым его приспособила природа.

— Вы правы, — сказал Махмуд, тоже глядя на стройные ножки аспирантки.

Ножки аспирантки придется убрать. В научно-фантастической литературе дети могут быть выращены методом клонирования, созданы в пробирке, в крайнем случае найдены в капусте, но намеки на возможность создания их ортодоксальным путем считаются неэтичными.

— Не наводит ли это вас на некие мысли, коллега? — спросил седовласый профессор, глядя, как за оградой парка проезжает троллейбус.

— Я сегодня как раз всю ночь думал об этом, — горячо откликнулся Махмуд. — Ведь до сих пор не найдено недостающее звено.

— Да, никто еще не доказал, что человек произошел от обезьяны, — покачал головой профессор, глядя...

На что бы ему еще поглядеть, чтобы рассказ получался художественным?

...глядя на то, как с дерева планирует желтый кленовый лист.

— Между кроманьонцами, физически не отличающимися от человека, и его обезьяноподобными предками нет переходной формы, — сказал Махмуд и кашлянул.

— У меня есть сухая фиалка, — предложил профессор. — Заварите две столовые ложки на стакан кипятка. Очень помогает как отхаркивающее средство.

Последний абзац надо снять, он отвлекает читателя. Лучше это сделаю я, чем редактор.

— А что если мы с вами вернемся к проблеме панспермии? — рассуждал вслух профессор. — Разумная жизнь каким-то образом — допустим, в виде спор — была занесена на Землю. Я не имею в виду идеалистических концепций. Я был и остаюсь материалистом.

Хорошо сказал профессор! Прямо и твердо!

— И на той планете, где зародились наши предки, — развил мысль профессора Махмуд, — в сутках 48 часов!

— Мне надо немедленно позвонить моему другу профессору Брауну в Саскачеванскую обсерваторию, — взволнованно сказал профессор Сыромятников. — Он как раз занимается изучением периодов обращения планет ближайших к нам звездных систем. Если бы только найти такую планету...

— И наших братьев по разуму! — воскликнул Махмуд.

— Да, я бы сказал — старших братьев, отцов, дедов...

Дальше рассказ можно писать, а можно и не писать. Потому что известно, о чем писать. Профессор Сыромятников связывается со своим другом профессором Брауном. В окончательной редакции тот станет профессором Тер-Ованесяном из Ленинакана, потому что Тер-Ованесян лучше разбирается в периодах обращения планет, чем любой Браун. Тер-Ованесян ответит профессору, что как раз прошлой ночью он столкнулся с интереснейшим явлением: одна планета в системе Альдебарана испускает некие странные сигналы, которые намекают на их искусственное происхождение. И именно эта планета делает полный оборот вокруг своей оси за 48 часов.

Точку в рассказе лучше не ставить.

Может, именно эта планета и есть наша прародина...

Рассказ мне понравился. Я надеюсь, что кто-нибудь из моих коллег его допишет и опубликует. Но для меня, при всех достоинствах рассказа, не хватало действия.

А что, подумал я, если его драматизировать? Ввести и приключенческий элемент? Это вполне дозволено в научной фантастике при условии, конечно, что элемент не будет отвлекать от главного.

Возвращаемся к середине рассказа.

Помните, на что посмотрел профессор? Правильно.

— Учтите, — продолжал профессор, глядя на стройные ножки пробежавшей мимо аспирантки Ниночки Дудкиной, — что в пещере человек полностью оторван от привычного образа жизни и организм устанавливает те часы, к которым его приспособила природа.

Шаги Ниночки замерли.

— Здравствуйте, — сказала она мелодично. — Можно присоединиться к вашей беседе?

— Разумеется, — сказал профессор. — Мы говорим о том, что 48-часовой ритм спелсонавтов доказывает — человек рожден не на Земле. Человек по сути своей пришелец. Он чужой здесь.

— Какой ужас! — воскликнула Ниночка. — И я тоже?

— Мы все, — грустно улыбнулся Махмуд.

Странная нечеловеческая гримаса исказила лицо Ниночки. Казалось, что оно сразу постарело лет на сорок.

— К сожалению, — произнесла аспирантка хрипло, — мне придется ликвидировать вас.

В ее руке мутно поблескивал бластер.

— Об этом, — сказала она, — никто не должен знать. Тайна панспермии должна остаться нераскрытой!

Пришелец направил (направила?) бластер на профессора, но в последний момент Махмуд ринулся вперед и во вратарском прыжке дотянулся до руки пришельца. Со страшным криком тот боролся (боролась?) за бластер. В пылу борьбы дуло бластера обернулось против пришельца. Раздался выстрел. У ног профессора и Махмуда лежала кучка серого пепла. Это было все, что осталось от Ракришината Фе, третьего лейтенанта секретной галактической стражи планеты Эпсилон.

А что, тоже неплохо! Рассказ не потерял познавательности, но приобрел энергичность. Однако чего-то хочется еще. Детали, пустяка, сюжетного изворота.

Может, так?

— Жаль, — вздохнул профессор. — Она всегда казалась мне такой милой...

— Да, — поддержал его Махмуд. — Под оболочкой Ниночки Дудкиной скрывался...

— Кто скрывался под моей оболочкой? — послышался сзади мелодичный голос.

Ученые разом оглянулись.

Сзади стояла, улыбаясь, Ниночка.

— Вы... вы не погибли? — ахнул профессор, бросив взгляд на кучку серого пепла.

— Нет, — улыбнулась Ниночка, бросив лукавый

взгляд на Махмуда. — Меня связывают с жизнью личные интересы.

Махмуд покраснел.

Вот, пожалуй, и все. Над рассказом еще стоит поработать. Может, ввести инопланетного хранителя тайны несколько раньше? Пускай следит за нашими героями, подслушивает их разговоры, пускай его постепенно охватывает жуткое подозрение: люди догадались! И когда все станет ясно, он вытащит свой проклятый бластер... Правда, придется придумывать оправдание его странному поведению. Не все ли равно нашим старшим братьям — знаем мы о своей прародине или нет? Предположим, они боятся, что мы выросли слишком агрессивными и наглыми, и пока мы тут занимаемся войнами и атомными бомбами, нас нельзя пускать в галактическое содружество...

Тут я увидел, как рассказ перерастает в повесть с определенным гражданским звучанием. Нет, о повести мы не договаривались. Пускай мотивы останутся нераскрытыми — кто их знает, пришельцев, чего им хочется.

Итак, рассказ готов, осталось пройти рукой мастера по запятым и многоточиям...

А что скажет Лев Христофорович?

Как же я раньше не подумал? Лев Христофорович Минц, великий ученый, временно поселенный мною в городок Великий Гусляр, еще не знает, что в сутках у спелеонавтов 48 часов! Надо ему срочно сообщить.

...Они пошли к краеведу Сидякину.

Впереди шагал профессор Минц. Замшевый пиджак туго обтягивал его живот, осеннее солнышко игриво отражалось от профессорской лысины. Вторым шел его сосед Корнелий Удалов, курносый начальник гуслярской стройконторы.

Дом краеведа и фенолога Сидякина ничем бы не отличался от прочих домов на Голубиной улице, если бы не мемориальная доска.

Доска стояла, прислоненная к стене и отделенная от тротуара штакетником. На сером мраморе было выбито золотыми буквами: «В этом доме с 12.I.1878 по 1 мая 2012 г. проживал выдающийся краевед, почетный гражда-

нин города Великий Гусляр Артемий Сидорович Сидякин».

Сидякин был глубоко убежден, что судьба не посмеет спорить с мрамором, и потому до начала ХХІ века он обязательно дотянет. Тем более что на самом деле он родился не так давно, а в нашем столетии, сразу после революции.

То место на стене, где доске предстояло висеть, было аккуратно побелено, по углам до половины вкручены латунные толстые болты.

У приоткрытого окна, подсвеченное зубоветеринарной яркой лампой, сидело нечто белое и величественное с рыжим котом на коленях. Сидякин редко покидал свой дом — он предпочитал, чтобы к нему приходили за советом. Он так и говорил: «Не имею права покинуть пост, могу понадобиться человеку». На самом деле он ждал, когда из горсовета принесут грамоту о возведении его в звание почетного гражданина.

Увидев людей, остановившихся перед мемориальной доской, Сидякин принялся причесывать усы, седые, пышные — к сожалению, накладные. Он понял, что идут к нему, но не со званием, а за советом. В связи с борьбой за экологию к краеведу заходили нередко — то из газеты, то из школы, то даже из области.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Минц, занимая указанный перстом гостевой табурет.

Удалов встал за его спиной. Они оробели в комнате краеведа, украшенной по стенам рогами копытных животных, видами Гусляра и портретами хозяина дома, выполненными методом чеканки. Старик сам освоил этот метод, так как был убежден, что чеканные портреты лучше сохраняются.

— Устал, — сказал Сидякин. — Старость. Вчера отмечали мое столетие. Выпили, потанцевали.

Сидякин искоса поглядел на гостей — верят или нет. Гости вежливо склонили головы. Старик понял — не верят, но он им нужен.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, поглаживая кота.

— Нам нужна пещера, — сказал профессор Минц. — Глубокая. Чем ближе к Гусляру, тем лучше.

— Пещер у нас не водится, — ответил Сидякин,

покачив лавиной снежной шевелюрой, к сожалению, накладной.

— Я же говорил, — сказал Удалов. — Придется ехать в Крым.

— Зачем пещера? — спросил Сидякин.

— Пещера нам нужна для очень важных экспериментов, которые могут повлиять на судьбу всего человечества.

— Организуем в Крыму, — повторил Удалов. — Там и море, и климат помягче.

— Какой может быть климат в пещере? — поморщился Минц.

— Вы все забываете, — возразил Удалов, — что нам, контрольной группе, сверху сидеть, продукты вам подавать.

— А что за эксперимент? — спросил Сидякин.

— Вам это неинтересно, — сказал Удалов. — Все равно же здесь пещер нету.

— Есть пещеры или нет, решаю здесь я, — сказал красвед.

— Выяснилось, — пояснил Минц, — что человечество зародилось не на Земле, а совсем на другой планете.

Сидякин нахмурился. Кот зашипел.

Минц продолжал:

— Французские спелеологи обнаружили, что жизненный цикл человека — 48 часов. Значит, когда-то люди жили на планете, где сутки вдвое длиннее земных. Именно оттуда в незапамятные времена и были посланы сюда первые люди.

— Французы? — спросил с недоверием Сидякин.

— Не только французы. Все люди. Включая китайцев.

— Французы, может быть, и жили, — сказал Сидякин. — Они лягушек едят. Но русский человек — местный. Я знаю.

— Вопрос не требует обсуждения, — отрезал Минц. — Нам нужна пещера, в которой мы продолжим опыты.

— Мне с вами не по пути, — упорствовал Сидякин. — Русский человек всегда на Земле жил. Еще до татаро-монгольского нашествия.

И Сидякин сделал рукой жест, указывающий гостям на дверь.

На улице они на минуту задержались возле мемори-

альной доски. Удалов поглядел в окно, встретил колючий взгляд из-за занавески и громко сказал:

— Не стать тебе, Сидякин, почетным гражданином.
Окно захлопнулось.

Исследователи вернулись домой расстроенные. Беседа с Сидякиным перечеркнула последние надежды. В Великом Гусяре они могли надеяться на поддержку общест-венности и бескорыстную помощь молодежи, но жители Крыма вряд ли разделят их энтузиазм.

На Минца было жалко глядеть.

— Не печалься, — сказал Удалов. — У меня интуиция. Сейчас постучат в окно и скажут: «Есть пещера!»

Минц грустно улыбнулся.

В окно постучали. За окном стоял краснед Сидякин в черном пальто до пят и надвинутой на брови заячьей шапке. Усы тяжело свешивались на красный мохеровый шарф.

— Я, — сказал Сидякин, — много думал. И пришел к выводу: вас требуется разоблачить. Вас и ваших французов.

— Господи! — вздохнул Минц. — А мы думали, что вы нам пещеру принесли.

— Пещера будет, — сказал Сидякин. — Но в пещере буду я.

— Как так? — не понял Минц.

— Я пойду в пещеру и докажу вам, что, в отличие от некоторых, лично я происхожу из этих мест. И что мой ритм — 24 часа. Можете сообщать прессе.

Сидякин сунул руку за пазуху и извлек оттуда пожелтевший листок.

— Вот координаты. Я надеюсь, что вы, как честные люди, забронировали мне место в пещере.

Минц протянул было руку за листком, но удержался.

— Нет, — произнес он. — Я не могу согласиться на это. В вашем возрасте пребывание в пещере совершенно исключено.

— Я приму меры, — уверенно сказал Сидякин. — К тому же я куда лучше сохранился, чем некоторые думают.

Через шесть дней в Черном яре, глубоко, заросшем осиной овраге, что тянется почти до озера Копенгаген, закипела работа. С утра туда пробивались грузовики, груженные ящиками, клетками и коробками, которые

издавали различные звуки. За грузовиками шли автокран и слониха Магарани из цирка шапито. За ними на велосипедах и пешком двигалась общественность. Шли пионеры, шел кружок юных краеведов, общество любителей театра, хор пенсионеров и речной техникум.

Когда дорога кончилась, грузовики разгрузили, и дальше молодежь несла ящики и корзины на руках. Сидякина спустили в овраг на пожарном вертолете. Он сидел смирно, рядом была медсестра, которая мерила ему пульс. Сидякин читал гранки статьи из «Гуслярского знамени». Он был недоволен: во всей статье его ни разу не назвали почетным гражданином.

В пещере никто не бывал с тех пор, как в середине прошлого века ее покинул благородный разбойник Петька Кровь-в-Песок.

Он хранил там сундуки с награбленным у помещиков-угнетателей добром, прежде чем раздать его труженикам-крестьянам. Сидякин писал о том в областной газете и требовал создания в пещере дома-музея Петьки Кровь-в-Песок.

Перед спуском в пещеру профессор Минц и краевед Сидякин дали последние интервью прессе. Сначала говорил Минц.

— Не вызывает сомнений, — сказал он, — что люди прибыли когда-то с другой планеты. Астрономы найдут ее со временем. А нам важнее узнать иное: кто сопровождал человека при переселении на нашу планету? Я глубоко убежден, что среди птиц и животных, что спускаются со мной в пещеру, обязательно отыщется существо, чей суточный цикл равен 48 часам. И тогда все споры о том, кто лучший друг человека, отпадут сами собой.

— Ура Льву Христофоровичу, — закричал Корнелий Удалов, — который добровольно уходит от нас на три месяца, чтобы добыть научную истину!

Раздались аплодисменты. Их прервал краевед Сидякин. Несмотря на теплый сентябрьский день, он высался над толпой, облаченный в громадный тулуп, валенки и заячью шапку.

— Профессор уходит не один, — сказал старик, придерживая пальцем накладной белый ус. — С профессором ухожу я. Я взял на себя руководство экспедицией, чтобы доказать: все это ложь! Может, за рубежом некоторые и

будут бахвалиться своим иноземным происхождением, но мы с Трифоном этого не допустим!

Из широкого рукава тулупа Сидякин извлек своего рыжего злобного кота. Кот прыгнул на плечо краеведу и взметнул трубой хвост.

А вокруг уже кипела работа. В пещеру опускали ящики, контейнеры и аквариумы. В них были собаки, куры, индюшки, караси, теленок, конь Сивый, слониха Магарани и еще много других живых существ. Они блеяли, кричали, лаяли и не желали покидать белый свет.

Затем спустился профессор Минц в оранжевой каске. Он контролировал расстановку клеток в темном подземном зале. Когда все было расставлено, вниз сошел краевед Сидякин с грелкой, амбарной книгой и пачкой телеграфных бланков.

Так началось трехмесячное героическое пребывание под землей профессора Минца и краеведа Сидякина с их свитой. Наверху остались дежурные во главе с Удаловым. Они опускали в пещеру пищу, принимали оттуда дневники и телеграммы, страдали под дождем, мучились от заморозков, и постепенно их число таяло.

Краевед Сидякин на удивление хорошо переносил подземное пребывание. Минцу он не помогал, но и не мешал, а вел личный дневник.

С каждым днем настроение Минца падало. Все животные, включая коня Сивого, которому в пещере было тесно и очень страшно, засыпали, просыпались и питались, словно и не опускались в пещеру. Старик Сидякин также не менял привычного ритма жизни. Каждое утро ровно в восемь часов он дергал за свою личную веревку, спрашивая у дежурных на поверхности, скоро ли ему доставят кефир и сметану. Вслед за тем раздавалось отвратительное мяуканье кота Трифона, который тоже требовал свою сметану. И так день за днем. Иногда Сидякин посылал из преисподней телеграммы в горсовет, напоминая о почетном звании.

Возможно, эксперимент так бы и провалился, если бы не случайность.

Оборвался трос. То ли перетерло его об острый выступ, то ли не выдержал подземного климата, но однажды перед рассветом Удалов обнаружил, что трос свободно вытягивается из черного провала.

Следовало навести порядок.

Удалов спустил в пропасть веревочную лестницу и полез в глубину. Издалека доносилось тоскливое ржание — просился на волю Сивый. Замычал в ответ телефон...

Удалов связал трос и собрался уже подняться наверх, но тут его одолело любопытство — взглянуть бы одним глазком, как они там, горемыки, существуют. Прикрывая фонарик ладонью, он осторожно добрался до лагеря. Края подземного зала терялись во тьме.

Удалов сразу разглядел профессора Минца, который спал на раскладушке, прикрывшись плащом, и во сне морщил высокий лоб. На другой раскладушке лежал краевед, покрытый тулупом.

Вдруг в гулкой тишине раздался еле слышный звон.

Удалов замер. Что могло звенеть?

Тулуп, под которым лежал краевед, зашевелился, изпод него показалась лысина, потом белая рука с зажатой в ней львиной шевелюрой. Шевелюра легла на лысину. Освободившаяся рука полезла в валенок, звон затих, и Удалов понял, что в валенке краеведа таится будильник.

— Вставай, бездельник, — раздался шепот краеведа. Валенок дернулся, сбрасывая на камни кота Трифона. Кот обиженно мяукнул. Начинался новый день.

— Вставай, — повторил краевед. — А то Минц услышит.

Удалов поднялся наверх и написал обо всем донесение профессору. Вечером того же дня он получил краткий ответ: «Будильник обезврежен. Эксперимент продолжается. Л.Х.»

Изъяв будильник, Минц спрятал его в трещине, а Сидякин не только сменил ритм жизни на 48 часов, но вскоре перешел на 70-часовые сутки. Удалов не скрыл этот факт от общественности, и весь город узнал о том, что Сидякин — не просто иноземец, но, вернее всего, инопланетянин из совершенно чуждой нам Галактики. А Минц сделал свое великое открытие. Он отыскал лучшего друга человека, который вместе с ним прибыл на Землю из глубин космоса. Этим существом оказался кот Трифон. Как только Сидякин перестал будить его по утрам, Трифон благополучно доказал, что для него в сутках гораздо больше 24 часов.

... Тысячи жителей Великого Гусляра, невзирая на снег и метель, собрались у входа в пещеру, откуда бережно и любовно были извлечены все участники эксперимента. Они немного пошатывались и шурились, аплодисменты публики казались им слишком громкими.

Минц скромно отошел в сторону, дав возможность Сидякину сказать свою речь.

Сидякин вытащил из кармана бумажку и сказал:

— Дорогие товарищи. Западная наука посрамлена. Вот мой дневник, я в нем каждый день записывал число. Вы можете сравнить его с календарем и узнать, что именно я — настоящий землянин.

— И какое же сегодня число? — спросил Корнелий Удалов.

— Девятое ноября! — сказал Сидякин.

В публике раздался смех, потому что декабрь уже подходил к концу. О чем и сообщили краеведу.

— Не может быть! — закричал тот и пошатнулся.

Пока медики отпаивали старика валерьянкой, на трибуну поднялся профессор Минц.

— Их было трое, — сказал он, переждав бурю аплодисментов. — Это был человек... — При этих словах Минц оглянулся на Сидякина. — Это был... — профессор сделал паузу, и все увидели, как кот Трифон, словно поняв, что от него требуется, стал потягиваться: — Кот!

— Не позорь животное! — кричал из «скорой помощи» краевед. — Оно наше, родное!

— Кто третий? — спросили из толпы.

Минц вытащил из кармана спичечную коробку, открыл — черная точка выскочила из нее и пропала в снегу.

— Я не был бы настоящим ученым, — сказал Минц, — если бы не охватил своими опытами всех живых существ, близких как человеку, так и котам. Эта блоха жила на Трифоне. Вот она, биологическая триада пришельцев!

— Тришка, предатель, задущу! — бесновался краевед.

Но никто его не слышал. Великий Гусляр ликовал. Наконец-то в нем было совершенно великое открытие.

Тут я спохватился и понял, что увлекся. Убийцу тянет на место преступления, писателя — на проторенную до-

рожку. Столько сил я потратил на то, чтобы написать настоящий научно-фантастический рассказ, а закончил еще одной гусларской историей. И какой! Опыт, поставленный профессором Минцем, антинаучен, за его пределами остались многие возможные пришельцы. Краевед Сидякин в рассказе необязателен. Гораздо интереснее было бы описать жизнь в пещере, повседневный труд исследователей...

Перед тем как нести рассказ редактору, я понял, чего в нем не хватает — благополучного конца. Поэтому я дописал следующее.

— Что может город сделать для вас? — спросил товарищ Белосельский, подходя к профессору, чтобы пожать ему руку.

— У меня есть просьба, — ответил Минц, улыбаясь. — Нельзя ли присвоить звание почетного гражданина Великого Гуслара краеведу Сидякину?

— Положительное решение уже принято, — ответил Белосельский и тоже улыбнулся.

Так завершился этот великий день.

По-моему, лучше не скажешь.

В заключение у меня есть вопрос к читателям, имеющим отношение к астрономии. Не знаете ли вы какую-нибудь планету, которая обращается вокруг своей оси за 48 часов? Каждому писателю в глубине души хочется стать провидцем.

1986 г.

ПОВЕСТЬ О КОНТАКТЕ

Часть первая

Случилось это в застойные времена. Сам товарищ Чингисов обещал быть к открытию районного чемпионата по игре в домино. Открытие решено было проводить на площади перед гордомом, у памятника Землепроходцам.

Все знали, как радеет Чингисов о вопросах благоустройства: если по маршруту следования увидит колдобину или рытвину, сразу слетает повинная голова. Поэтому задача номер один была: замостить площадь таким образом, чтобы горошина, пущенная с западного угла, где стоит памятник, без препятствий докатилась бы до восточного угла, где стоит гордом.

Поручили операцию Корнелию Удалову.

Предварительно Батыев вызвал его к себе и долго «возил носом» по коврику. Чтобы Удалов проникся...

Удалов проникся. Перекрыли движение. Сняли асфальт. Стали копать глубже.

За два дня до приезда Чингисова ковш экскаватора натолкнулся на металл — чуть правее памятника, совсем близко к поверхности земли находился верх металлического предмета громадного размера.

Правда, про размер выяснилось к вечеру, когда предмет окопали с целью извлечения. Он оказался космическим кораблем неизвестного происхождения и возраста.

Батыев стоял у окна своего кабинета и гневался. Еще бы ему не гневаться! Если Чингисов увидит, до чего докатилось благоустройство в Великом Гусляре, без наказаний не обойтись.

— Засыпай! — крикнул Батыев из окна.

Удалов, который стоял на краю глубокой ямы и глядел на матовую, обожженную миллионами парсеков овальную поверхность космического корабля, поднял на крик голову

и развел руками, потому что за его спиной сплоченной толпой стояла местная общественность. Общественность была готова к бою.

— Людмила, — велел проницательный Батыев, — прикажи немедленно закрыть почту и телеграф. На ремонт.

— Зачем? — спросила секретарша.

— А затем, что в любую минуту общественники начнут сыпать в Москву письма и телеграммы, чтобы к нам приехала комиссия.

— В ГАИ сообщить?

— Умница, — сказал Батыев и ласково ущипнул секретаршу. — Ни один интеллигент не покинет город.

А между тем из окна уже было видно, как общественность спускается к кораблю и постукивает кулаками по обшивке. Даже до кабинета Батыева долетал котельный гул.

Через десять минут профессор Минц, Елена Сергеевна из музея и провизор Савич от творческой интеллигенции попросились к Батыеву на прием.

Батыев демократично обошел стол, чтобы встретить их на полпути. Пожал всем руки. Мысленно пожелав им провалиться сквозь землю, спросил о здоровье и успехах.

— Как вы знаете... — начал профессор.

— Знаю, знаю, — вздохнул Батыев. — Рад бы вытащить, да нет у меня такого крана. И распилить нечем. Так что придется засыпать.

— Мы же не варвары? — спросила Елена Сергеевна.

— Если бы варвары, — сказал задумчиво Батыев, почесывая крепкую малиновую шею, — тогда бы взорвали к чертовой матери.

— Ах! — перепугалась Елена Сергеевна.

— Но мы не варвары! — воскликнул Батыев. — Мы сохраним это произведение природы. Для потомков.

— Правильно, — обрадовался провизор Савич. — Наш город прославится на весь мир. Еще бы — первый космический корабль с другой планеты.

— С другой? — насторожился Батыев и подошел к окну. — С чего вы решили?

— Это же очевидно.

— Ничего не очевидно. Может, он здесь всегда лежал, — сказал Батыев. — Но заверяю вас: как только

завершим соревнования по игре в домино, сразу же займемся исследованиями. Тем более что Родине нужен металл!

— Когда? — не понял Минц. — Когда займемся?

— По завершении. Не хотите же вы погубить репутацию города в глазах гостей и лично товарища Чингисова?

— Как можно сравнивать? — удивился профессор Минц. — Какое-то районное мероприятие и веку в истории человечества...

— Я тебе, Минц, так скажу, — ответил Батыев. — Лично для меня нет ничего выше интересов родного города, который дал мне жизнь, образование и достойный пост. Как патриот и гражданин, приказываю засыпать этот метеорит, а когда соревнования завершатся, посмотрим. Может, и раскопаем.

— Мы будем жаловаться, — сказал Минц.

— Жалуйтесь... — ответил Батыев, и по его тону было ясно, сколько слов он не договорил.

Как только общественность покинула кабинет, Батыев призвал Удалова.

— Почему не засыпаешь?

— Как же, засыплю, — плачущим голосом сказал Удалов. — Там уже пioniры понабежали.

— Так, — подытожил Батыев. — Значит, иди домой, Удалов. Не оправдал ты доверия. Не быть тебе начстроем.

Удалов ушел, а Батыев вызвал Слабенко и сказал, что из спецфондов управления всем, кто станет ночью засыпать железяку, будет выдано по тридцать рублей и по бутылке...

Перед отъездом домой Батыев вышел на площадь и постоял на земляном валу, глядя вниз, на округлый бок космического корабля.

Потом растолкал толпу и поехал домой немного поспать, чтобы ночью лично выйти для руководства действиями. Но он еще не знал, что общественники уже отрядили Сашу Грубина в область за подмогой. Грубна сквозь кордоны провез в багажнике «Жигулей» пригородный кооператор Силантьев — кордон он угостил недораспроданными на рынке дынями.

К сожалению, в любом городе найдутся темные силы, готовые порушить идею галактического контакта за тридцать рублей и бутылку водки. Общественность проморгала

акцию: частично спала, а частично заседала на квартире у Минца.

Ранним утром люди снова начали стекаться к площади.

Площадь была неузнаваема. Она была залита свежим асфальтом. И обнесена заборчиком, чтобы никто этот асфальт раньше времени не топтал.

— Вы совершили тяжкое преступление! — закричал профессор Минц, стараясь пробиться на площадь мимо старшины Пилипенко.

— Какое преступление? — поинтересовался из окна Батыев.

— Здесь был космический корабль.

— Да вы с ума сошли! — крикнул в ответ Батыев. — В космосе жизни нет.

И тут на площадь въехала серая «Волга», остановилась перед гордомом, и из нее появились три пожилых человека. Они поднялись наверх, вошли к Батыеву.

— Я академик Вайнер, — сказал главный из пришедших. — Нам сообщили, что у вас раскопан древний космический корабль. Поздравляю!

Батыев послушно тряс руку академика, судорожно размышляя, что делать дальше.

Спас его Карась, который как раз находился в кабинете Батыева — они обсуждали, как приструнить общественность.

— Действительно нашли корабль! — подтвердил Карась радостно. — Только почему космический?

— А какой? — удивился академик.

— Поехали, — предложил Карась. — Сейчас покажем. Батыев пошатнулся. Неужели даже Карась продаст?

Они спустились к подъезду. Академик задержался на секунду, с удивлением глядя на толпу людей, что рвались на огороженное пространство, громко конфликтуя с милиционерами.

— К кроссу готовимся, — быстро сказал Карась. — Сейчас старт будет. Бегом от инфаркта!

Машины не спеша добрались до пристани. Там стоял старый пароход, еще дореволюционный. Который год его собирались переделать под общежитие для туристов.

— Смотрите, — сказал Карась, подводя гостей к пароходу. — Он только на вид дряхлый. Мы нашли его,

подняли со дна и теперь устроим здесь музей. Красиво? Хотите ознакомиться?

— Но нам сообщили, что космический... — пробормотал академик Вайнер.

— Если не секрет, кто сообщил? — быстро спросил Карась.

— Молодой человек, назвавшийся Александром Грубиным. Он привез письмо от профессора Минца. Кстати, мы хотим с ним поговорить.

— Ах, Грубин, Грубин, — вздохнул Карась. — Вечно он со своими розыгрышами. Хулиган.

— Хулиган, — согласился Батыев.

— Сам же провожал Минца в отпуск, — сказал Карась. — Позавчера. Отдыхает профессор.

Проводив до шоссе растерянных гостей, Батыев с Карасем победителями вернулись в город.

— Ну, спасибо, Карась, — сказал Батыев. — Помог ты мне.

— Себе тоже, — ответил Карась. — Мы с вами одной ниточкой повязаны. Если Чингисов увидит, что асфальта нет, обе головы полететь могут.

— Живем тихо, планы выполняем, культуру помаленьку развиваем, — произнес Батыев. — Зачем нездоровое внимание?

— Еще, не дай Бог, — сказал Карась, — примчатся иностранные корреспонденты...

— И шпионы, — понизив голос, добавил Батыев. — Обязательно.

— Я так думаю, — предложил Карась. — Когда проведем соревнование по домино, надо будет этот корабль все же вытащить, распилить или взорвать.

— Правильно говоришь, — согласился Батыев. — Пока он таится под площадью, мы с тобой сидим на бомбе замедленного действия.

Машина подъехала к площади.

На площади было неладно.

Уже громадная толпа кишела в ее центре. Точно огромные скомканные пласты копировальной бумаги, коржился на площади асфальт. Лопатами, кирками, а то и голыми руками население восстановило злополучную яму.

Открыв люк, Минц первым вошел в корабль. Там лежал в состоянии анабиоза вполне живой космонавт. Его

перенесли в больницу и начали оживать. И корабль на ночь заперли, чтобы никто не забрался внутрь.

Пока медицина возилась с космонавтом, на город опустилась летняя ночь. И никто не видел, как на площадь вышла массивная фигура Батыева. Он взял лопату и принялся засыпать яму.

Батыев работал до рассвета, но яма почти не уменьшалась.

Наступило утро, уже пошли на работу люди, местное радио передало второй бюллетень о состоянии здоровья пришельца, который раскрыл глаза и сказал всем спасибо. А Батыев все засыпал яму.

В девять часов к Батыеву присоединился Кобчиков из общего отдела. Он рассчитывал на повышение. Секретарша Людмила принесла Батыеву стакан чая с лимоном.

И тут на площадь въехала кавалькада машин во главе с товарищем Чингисовым.

Чингисов сидел на заднем сиденье и уже перскатывал пальцами в кармане горошину, с помощью которой проверял, хорошо ли заботятся о дорогах и площадях во вверенных ему городах и поселках. И что же он увидел? На центральной площади Великого Гусляра зияла яма с пятиэтажный дом, в которой лежала железная гигантского размера. Возле ямы стоял Батыев и пил чай с лимоном.

Именно эта деталь более всего взбесила Чингисова — районный руководитель не только довел мостовые до жуткого состояния, но еще и цинично распивал чай.

Все это Чингисов высказал Батыеву. И не выслушав его объяснений, уехал.

Батыев уселся на краю ямы и первый раз в жизни заплакал.

А в больнице приходец скушал чашку куриного бульона и сказал, что теперь положит жизнь, чтобы отблагодарить город.

Часть вторая

В кабинет осунувшегося Батыева вошел человек махонького роста с зеленоватым личиком.

— Я пришел, — сказал он, — от имени цивилизованной Галактики высказать вам благодарность, как отцу города, за мое спасение.

— Садитесь, — сказал Батыев. — В ногах правды нет.

Батыев старался улыбаться, хотя улыбаться было не из-за чего — вот-вот в город должны нагрянуть корреспонденты и шпионы.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил пришелец.

— Вас, наверное, тянет домой, — сказал Батыев. — К родным. Мы вас не задерживаем.

— Вы благородны, — ответил пришелец. — Но родные подождут. Они ждали восемьсот лет, и ничего с ними не случится.

— Но ваш корабль мешает движению, — сказал Батыев.

— Разумеется, — согласился пришелец. — Десять минут назад я его перенес на берег реки.

Батыев метнулся к окну.

И в самом деле — корабля не было. И ямы не было. И площадь была гладкой, хоть катать горошины. Только покрытие было не привычного асфальтового цвета, а розового, с жемчужным отливом.

Батыев ахнул.

— Если не возражаете, — сказал пришелец, — я могу сделать покрытие для всех улиц вашего города.

Он полез в карман своего сиреневого комбинезона и достал мешочек.

— Здесь, — сказал пришелец, — затравка. Достаточно разбавить ее в стакане воды — один грамм, не более, а потом вот из этого пульверизатора разбрызгать смесь по улице, мысленно представляя себе, какой ширины должно быть покрытие. И улица замощена.

— Ну, молодец! — восхитился Батыев. — Чаю хочешь?

— Чаю не хочу, пил у Минца. Какую улицу будем мостить?

— Погоди, — сказал Батыев. — Вызовем начстрой и решим.

— Слушай, Слабенко, — сказал Батыев начстрой. — Вот тут товарищ имеет предложение по поводу благоустройства.

— Знаю, — сказал Слабенко, кивая пришельцу. — Площадь-то замостил в рекордные сроки. Плохо только, что без разрешения.

— Слабенко, не будь бюрократом! Лучше планируй,

как дальше работать. Чтобы город к завтраму был образцовым. А то приедут иностранцы — что увидят? Вы сколько у нас еще останетесь?

— Сколько надо, — ответил пришелец. — Но не связывайте мое пребывание с хозяйственными работами. Затравку я вам оставлю. И каждый сможет делать любые дороги и так далее...

— Что значит «так далее»? — насторожился Батыев.

— Можно дома строить...

— Какие дома?

— Любые, — сказал пришелец. — Берете затравку, смешиваете со стаканом воды, поливаете на землю и мысленно представляете, какой нужен дом. И он растет.

— А скобянка? А сантехника?

— Все будет как положено, — сказал пришелец.

Батыев прошелся по кабинету, затем поглядел на Слабенко:

— Сечешь? Выходим на первое место в области. А ты — пришельцы, пришельцы... Надо верить в космическое братство!..

Батыев ласково положил руку на плечо пришельца.

— Так я пошел делать улицы? — спросил пришелец.

— Иди, — сказал Батыев. — С Богом!

Пришелец ушел, а Слабенко, оставшись в кабинете с Батыевым, сказал:

— Кранты нам, товарищ Батыев.

— Ты о чем?

— Давно вы сидите начальником, а простых вещей не понимаете. Для чего я в городе?

— Чтобы строить, — сказал Батыев.

— Правильно. Поэтому у меня бухгалтеры есть, рабочий класс, кассиры — всего двести шестьдесят человек, не считая подразделений. И все при деле.

— И все план не выполняют! — перебил начстрой Батыев. — Зачем только хлеб едите? Пришел вот один пришелец...

— Вот именно, — сказал Слабенко. — Не выполняем, но стараемся, принимаем социалистические обязательства, боремся. А теперь что? Куда мне девать аппарат?

Батыев задумался. Потом спросил:

— У тебя все?

— Нет, не все! Он дороги строит вечные. Их ремонтировать не надо. Понял, какая для нас катастрофа?

— Займешься жилищным строительством... — Голос Батыева дрогнул.

— Жилищным? А ты посмотри в окно!

Они подошли к окну. Вдали, на берегу реки, медленно поднимался, этаж за этажом, белоснежный дом. На глазах поднимался. И окна уже были застекленные.

— К обеду жилищная проблема в городе будет решена, — сказал Слабенко. — Значит, еще тысячу человек без работы оставим. А у тебя в конторе отделы промстроя, культстроя — куда их денешь? А меня куда денешь?

— Ну уж ты преувеличиваешь.

— Преувеличиваю? А знаешь, что он в интервью сказал?

— В каком?

— Он вчера интервью дал «Гуслярскому знамени». Он сказал, что покажет, как можно наладить производство тканей и обуви без фабрик и заводов. Он сказал, как можно навести порядок в бухгалтерском учете, установив компьютер, который никогда не сломается... Это же провокация!

— Карась! — крикнул Батыев громовым голосом. — На выход!

И они втроем побежали по улице к растущим небоскрегам.

А там пришелец уже показывал Удалову и другим гуслярцам, как можно самому построить за пять минут комфортабельный дом.

— Товарищ пришелец! — закричал Батыев. — Остановитесь!

— Чем могу служить?

— Это правда, что вы компьютер установите?

— Разумеется, но после обеда, — сказал пришелец.

Общественность, что сгрудилась вокруг, захлопала в ладоши.

— А как же бухгалтерия? — спросил Батыев. Он еще не до конца поверил пессимисту Слабенко. Но уже сильно боялся.

— Не нужна больше бухгалтерия, — сказал пришелец.

— И заводы автоматические постройте?

— И заводы. И даже автоматические свинофермы.

Зачем цивилизованному человеку заниматься таким отсталым трудом?

— Но чем же мы будем управлять? — спросил Батыев.

— А ничем, — сказал пришелец. — Все будет само делаться.

— А мы? А я? А они?

— Вы все займетесь творческим трудом, — сказал пришелец. — У нас на планете все занимаются творческим трудом и никто ничем не управляет.

Ужас охватил Батыева. Нет, он не сдастся!

— Товарищ пришелец, — сказал Батыев, — как я понимаю, скоро корреспонденты приедут, надо бы нам с вами обсудить некоторые организационные вопросы.

— Пожалуйста, — сказал пришелец. — Сейчас я кончу небоскреб, гостиницу и освобожусь.

— Я займу тебя только на минут пять, — сказал Батыев твердо. — Проблемы есть.

— Хорошо, — согласился пришелец. — Корнелий Иванович, вы сможете кончить небоскреб без меня?

— Почему нет? — ответил Удалов. — Дело простое.

Он взял стакан с раствором и занялся строительством.

Батыев подхватил пришельца под одну ручку, Слабенко под вторую, и они быстро поволокли его к реке.

У космического корабля остановились.

Слабенко уже понял, чего хочет Батыев. Он подтолкнул пришельца к открытому люку корабля и сказал:

— Давай, вали отсюда! Чтобы твоего духа не было!

— Я вас не понял, — промямлил пришелец. — Разве я нарушил какой-то ваш обычай?

Батыев испугался, что пришелец начнет звать на помощь общественность — тогда неприятностей не оберешься.

— Слушай, — сказал он как можно сердечнее. — Мы тебя очень просим: немедленно улетай и больше не прилетай.

— Но почему?

— Из гуманизма, — сказал Батыев. — Из любви к людям.

— Я не понимаю. Я все делаю из гуманизма. У меня нет других намерений, кроме космического сотрудничества.

— Мы, люди, — сказал Батыев, — привыкли жить в

борьбе. Все, что сделано вокруг, — Батыев обвел рукой окрестности: недостроенное здание общежития, мусорную свалку, трубу, из которой лилась в реку вонючая жидкость, замусоренный пляж, — все добыто в труде и бою. Мы боремся с природой, мы выигрываем и проигрываем битвы за урожай, мы боремся даже за товарищеское отношение к женщинам. Что же ты, пришелец, нам предлагаешь? Разоружиться? Опустить руки? Нет! Мы не сдадимся на милость прогресса, мы сами придем к высотам. И в этом есть великий гуманизм.

— Это странно, — сказал пришелец.

— Вы видели, сколько людей сидит в доме, где я работаю? — спросил Батыев. — Триста с лишним человек. И это только кажется, что они курят и пишут бумаги. Они борются и помогают бороться другим. Не лишайте нас права на бой!

— Давай, давай! — сказал Слабенко и как следует подтолкнул пришельца.

Тот влетел в люк.

— Все же удивительно, — донесся голос из корабля. — Я хотел как лучше...

Батыев собственноручно захлопнул крышку люка. Пришелец выглянул в иллюминатор, что-то говорил, но его уже не было слышно. Батыев властно показал пришельцу пальцем вверх. Тот кивнул, и корабль взмыл к небу.

— Значит, так, — сказал Батыев Слабенко. — Беги к Удалову, отними у него стакан, но не выбрасывай. Нам с тобой еще бы по даче построить.

— Понял, — лукаво улыбнулся Слабенко.

— И подготовь документы себе на премию за площадь и небоскреб. А я пойду звонить Чингисову. Пускай приезжает, покатает горошину.

О ЛЮБВИ К БЕССЛОВЕСНЫМ ТВАРЯМ

Для меня интересен вопрос о границах фантастики. Я их понимаю широко и вижу фантастику порой там, где ее видеть и не принято. Для меня вся литература мира делится на две равные по масштабам категории — литература реалистическая и литература фантастическая. Фантастика не жанр, не подвид литературы — это мировоззрение. Так что мне кажется допустимым фантастическое произведение, в котором либо ничего фантастического не произошло, либо это фантастическое может быть объяснено, при желании, вполне обыденными причинами. Мастером такой фантастики был Александр Грин. Большинство его новелл для меня пограничные явления — фантастики там нет, но фантастическое отношение к миру наличествует.

Мне кажется важным и интересным определить тонкую ниточку границы между реальностью и фантастикой как момент пробуждения, когда сон еще продолжается, еще сюжет его развивается и требует твоего в нем участия, и в то же время обыденность вторгается в сон звуками и самим приближением, и ты понимаешь — сон уже достиг предела.

Никакой фантастики в рассказе нет. И вернее всего, бегемот в самом деле сбежал из цирка. Но мне хотелось, чтобы фантастика проявлялась не в сюжете, а глубже, в ощущении.

В то июньское утро Корнелий Иванович проснулся рано. Настроение было хорошее, в теле бодрость. Он потянулся и подошел к окну, чтобы посмотреть, какая погода.

Погода была солнечная, безоблачная, располагающая

к действиям. И окинув взглядом небо, Удалов поглядел вниз, во двор.

Посреди двора стоял небольшой бегемот. Он мерно распахивал розовую пасть, обхрупывая цветущий куст сирени.

— Эй, — бросил Удалов негромко, чтобы не разбудить домашних. — Так не годится.

Сирень выдалась пышная, а бегемоту куст — на один зуб.

Бегемот Удалова не слышал, и поэтому Корнелий Иванович в одной пижаме выскочил из комнаты, побежал вниз по лестнице и только перед дверью спохватился: что же это я делаю? Бегу на улицу в одной пижаме, словно у нас во дворе бегемот. Если кому расскажешь, смеяться будут. Ведь у нас во дворе отродясь не было бегемотов.

Удалов стоял перед дверью и не решался на следующий шаг. Следовало либо приоткрыть дверь и убедиться, что глаза тебя не обманули, либо отправиться обратно чистить зубы и умываться.

Вот в этой нерешительной позе Удалова застал Александр Грубин, сосед с первого этажа, который услышал топот и заинтересовался, кому топот принадлежит.

— Ты что? — спросил он.

— Стою, — сказал Удалов.

— Так ты же бежал.

— Куда?

— На улицу бежал. Там что-нибудь есть?

Удалов чуть было не ответил, что там бегемот, но сдержался.

— Ничего там нет. Не веришь, посмотри.

— И посмотрю. — Грубин отвел рукой Удалова от двери.

Он приоткрыл дверь, а Удалов отступил на шаг. Пышная, лохматая шевелюра Грубина, подсвеченная утренним солнцем, покачивалась в дверном проеме. Сейчас, сказал себе Удалов, он обернется и произнесет: «И в самом деле ничего».

— Бегемот, — сказал, обернувшись, Грубин. — Так он у нас всю сирень объест. И как назло, ни палки, ничего.

— Ты его рукой отгони, он смирный. — У Корнелия от сердца отлегло: лучше бегемот, чем сойти с ума.

Грубин вышел на солнце, Удалов следом. Грубин широкими шагами пошел через двор к бегемоту, Удалов остался у стены.

— Эй! — крикнул Грубин. — Тебе что, травы не хватает?

Бегемот медленно повернул морду — из пасти торчала лиловая гроздь.

Грубин остановился в трех шагах от бегемота.

— Ну иди, иди, — приказал он.

Растворилось окно на втором этаже.

— Это чье животное? — спросил старик Ложкин.

— Сам пришел, — объяснил Удалов. — Вот и прогоняем.

— Разве так бегемотов прогоняют?

— А как?

— Сейчас я в Бреме погляжу, — сказал старик Ложкин и исчез.

— Мама! — закричал сын Удалова Максимка, также высунувшийся из окна. — Мама, погляди, у нас бегемот.

— Иди мойся, — слышался изнутри дома голос Ксении Удаловой. — Куда это Корнелий ни свет ни заря навестился?

Голос Ксении приблизился к окну. Удалов вжался в стену: в пижаме он чувствовал себя неловко.

— Ой! — вскрикнула Ксения пронзительным голосом.

Бегемот испугался, отворил пасть и уронил сирень на землю.

— Он папу съел? — спросил Максимка.

— Корнелий! — закричала Ксения, высовываясь по пояс из окна и заглядывая в бегемотову пасть, словно надеялась увидеть там ноги Удалова.

— Ксюша, — сказал Удалов, отделяясь от стены, — бегемоты, как известно, травоядные.

— Балбес! — откликнулась Ксения. — Я тебя в бегемоте гляжу, а ты, оказывается, на улице в голом виде выступаешь? Где на нем написано, что он травоядный? Может, он тебя за траву считает? Вон будку какую нагулял... Грубин, гони его со двора! Детям скоро в школу.

— Погодите, — вмешался старик Ложкин, появляясь в окне с коричневым томом Брема в руках. — Бегемоты

совершенно безопасны, если их не дразнить. Кроме того, перед нами молодая особь, подросток. Грубин, смерть его в длину.

— Чем я его смерю?

— Руками.

— Я его трогать не стану. Дикое же животное.

— Откуда у нас во дворе дикое животное? — спросил Ложкин. — Ты соображаешь, Грубин, что говоришь? Он что, своим ходом из Африки пришел?

— Не знаю.

— То-то. Цирковой он. Я по телевизору смотрел, как в цирке бегемоты выступают.

— Правильно, — добавила старуха Ложкина. — Выполняют функции слона, только размером экономнее. А ты бы, Грубин, пошел штаны надел. В одних трусах на общественной площадке бегаешь. К тебе, Корнелий Иванович, это тоже относится.

— Ну! — поддержала старуху Ложкину Ксения. — Докатился!

— Так бегемот же во дворе, — оправдался Удалов, послушно отправляясь к дому.

Когда минут через десять Удалов вернулся во двор, возле бегемота стояли Ложкин и Василь Васильич, а также гражданка Гаврилова. Думали, что делать. В руке у Ложкина был Брем. В руке у Василь Васильича — длинная палка, которой он постукивал бегемота по морде, чтобы сохранить сирень.

— Стоит? — спросил Удалов.

— Куда же ему деться?

— Так, говоришь, в цирке выступает? — спросил Василь Васильич Ложкина. — Значит, ему приказать можно?

— Попробуй.

— Сидеть! — приказал бегемоту Василь Васильич.

Бегемот потянулся к сирени, и снова пришлось легонько стукнуть его палкой по ноздрям.

— Где же его цирк выступает? — спросил Удалов.

— Где угодно, только не в нашем Гусяре, — ответил всрнувшийся Грубин. — Я точно знаю. Цирк уж месяц как закрыт.

— Мужчины, скоро его со двора прогоните? — крик-

нула сверху Ксения Удалова. — Что, мне за милицией бежать прикажете?

— Из зоопарка, — сказала Гаврилова. — Я точно знаю.

— Ближайший зоопарк в трехстах километрах. И все больше лесом, — возразил Грубин. — Вернее всего, это животное синтетическое, теперь химия достигла громадных успехов. Может быть, где-то здесь уже целая фабрика работает. Смешивают белки и аминокислоты.

Бегемот с тоской и укором взглянул на Грубина. Тот замолчал.

Удалов взял у Василь Васильича палку и стал подталкивать бегемота в бок. Делал он это не очень энергично и с опаской. Раньше ему не приходилось гнать со двора бегемотов.

— Мое терпение лопнуло! — пригрозила из окна Ксения.

Бегемот глядел на Удалова. Из маленьких глаз текли крупные слезы.

— погоди, Корнелий, — остановил его Василь Васильич, — ты же его палкой, как корову. Нехорошо получается.

— Вдали от дома, от семьи, — проговорила старуха Ложкина. — Одиноким подросток, а что он будет в лесу делать?

— Пропустите, — слышался детский голос.

Сквозь тесную группу жильцов прошел сын Удалова Максимка. Он прижимал к груди батон. Поравнявшись с отцом, Максимка остановился и поглядел Корнелию в глаза. Удалов безмолвно кивнул.

Двумя руками Максимка протянул бегемоту батон, и животное, после некоторого колебания, словно не сразу поверив в человеческую доброту, приоткрыло пасть и приняло дар.

Затем Максимка достал из кармана школьной курточки чистый носовой платок и утер бегемоту слезы. Удалов громко кашлянул.

— Всегда бы так.

... К вечеру освободили от рухляди сарай в углу двора. Когда-то там стоял мотоцикл Погосяна, да потом Погосян

уехал из Гусляра, и в сарай складывали что не нужно, но жалко выкинуть.

В старое корыто налили воды, а в детскую ванночку собирали пищу — у кого остался недоеденный суп или овощи. Дверь в сарай закрывать не стали, чтобы бегемот не скучал.

К вечеру полгорода знало, что в доме шестнадцать по Пушкинской живет приبلудный бегемот, неизвестно чей, не кусается, питается пищевыми отходами. Люди с других улиц приходили посмотреть. Экскурсиями ведал Ложкин: как пенсионер он был свободнее других.

На следующее утро в городской газете появилось такое объявление:

«Найден молодой бегемот.

Масть серая, на клички не отзывается.

Владельца просят обращаться по адресу:

г. Великий Гусляр, Пушкинская ул., 16, вход со двора»

Никто на объявление не откликнулся. Дали телеграмму в областной зоопарк, запрашивали, не потеряли ли там бегемота. Если потеряли, то можно взять обратно в целости.

А тем временем проходили дни. Бегемот много ел, спал, гулял, узнавал Максимку; ходил с ним гулять к колонке, где Максимка обливал его водой и тер щеткой. Как-то через неделю Грубин с Василь Васильичем взяли с собой бегемота на пляж. Была сенсация. Бегемоту на пляже нравилось, он опускался в реку Гусь по самые ноздри, ребятишки забирались на его широкую спину и ныряли. Спасатель Савелий, играя мышцами, предложил Грубину:

— Может, уступишь его нам вместо дельфина, вытаскивать утопающих?

— Нет, — ответил Грубин. — Спасибо за предложение.

— Почему же? — удивился Савелий. — Мы ему зарплату определим, пойдет на благоустройство вашего двора.

— Во-первых, — объяснил Грубин, — бегемот не наш. Во-вторых, он по сравнению с дельфином — круглый

дурак. Еще потопит кого. Ты где-нибудь читал, чтобы бегемоты людей спасали?

— Ничего я не читал, — признался Савелий. — Некогда. Дела.

В последующие дни были другие события: ночью бегемот убежал, и его поймали с фонарями у самой реки, еще через день он наступил на кошку, и пришлось кошку везти к ветеринару, в четверг он догнал Гаврилову, схватил сумку с продуктами и проглотил целиком, включая пачку стирального порошка «Лотос», отчего целый день из бегемота шла пена. В пятницу он забрался на кухню к Василь Васильичу и выпил горячий суп из кастрюли на плите — потом ему мазали язык сливочным маслом. В субботу жильцы дома № 16, охваченные грустью, сошлись на совещание.

— Разумеется, — начал Ложкин, — мы ставим эксперимент для науки и делаем благородное дело...

— Принюхайся, сосед, — перебил его Удалов. Во дворе сильно пахло хлебом. Бегемот, как и всякое живое существо, не только сл. — Жаль, что он не синтетический, как Грубин предполагал.

— Я от своей теории не отказываюсь, — сказал Грубин. — Вы даже представить не можете могущества современной химии.

— И кормить его не очень просто, — сказала жена Ложкина. — Мы теперь себя даже ограничиваем.

— А куда его денешь? — спросил Удалов. — Куда, спрашивается? Что ответил на нашу телеграмму областной зоопарк?

Все помолчали. Ответ на бланке читали и обижались, но работников зоопарка тоже можно понять. Как бы вы на их месте ответили людям из северного городка, которые запрашивают, что им делать с бегемотом? Ясно, как бы вы ответили? Вот они и ответили.

— А я сегодня на животноводческую ферму ходил, — сказал Василь Васильич.

Бегемот высунул из сарая тупую морду и тихонько замычал. Требовал, чтобы вели к колонке. Удалов отмахнулся.

— Ну и что на ферме?

— Отказались. Наотрез. Бегемот, говорят, молока не

дает, а вкусовые качества его мяса под большим сомнением.

— То есть как под сомнением? — удивился Грубин. — Они что, резать его хотели?

— Я бы не дал, — сказал Василь Васильич. — Вы не думайте. Но вообще-то говоря, они скот держат либо за молоко, либо за мясо, либо за шерсть. Четвертого им не дано.

Бегемот выбрался из сарая, подошел поближе.

— Ну вот, опять жрать захотел, — сообщил Ложкин.

Во двор вышла Гаврилова с миской шей. Бегемот увидел ее и поспешил за кормежкой, раскачивая толстым задом.

— Вот что, — решил наконец Удалов. — Я завтра перед работой зайду в домоуправление за справкой, что у нас обитает бегемот. С этой справкой ты, Ложкин, съездишь в область, пригласишь сотрудника из зоопарка. Ведь должны они документу поверить.

На том и порешили. Бегемот в тот вечер обошелся без купания. А Удалов лег спать в смятении чувств, долго ворочался и вздыхал...

... Он встал в сиреневой мгле разбитый и злой. Вспомнил, что его очередь убирать за скотиной. Взял в коридоре поганое ведро и метлу и отправился во двор к сараю.

— Небось дрыхнешь, — сказал он, заглядывая в теплый, пропахший бегемотовым навозом сарай.

Он ожидал услышать знакомый храп, но в сарае было совсем пусто.

Удалов сразу же выглянул во двор — не открыты ли ворота? Не хватало, чтобы бегемот выскочил на улицу и пошел сам купаться. Еще с машиной столкнется.

Но ворота были закрыты.

— Эй, толстый, — позвал Удалов. — Ты где прячешься?

Никакого ответа.

Тревожное чувство подкатилось к груди Удалова.

На полу, на перевернутом корыте, лежала записка:

«Дорогие друзья!

Простите за то, что, по незнанию языка, я не мог с

вами объясниться и сразу поблагодарить за заботу обо мне, бессловесной твари, за человеческое тепло, которым вы окружили меня в этом скромном доме. Как приятно сознавать, что, несмотря на значительную разницу в форме тела и габаритах, вы не пожалели разделить со мной кров и великолепную пищу. Вот воистину замечательный пример галактического содружества! Я не понял ни слова из того, о чем вы говорили в моем присутствии, но дружеские интонации убедили меня в вашей отзывчивости. Благодарю судьбу за то, что она заставила мой космический корабль потерпеть крушение именно над вашим домом! Теперь за мной прилетели друзья, они перевели мою скромную благодарность на ваш язык, и я спешу присоединиться к ним. Но ненадолго. Как только я им объясню ситуацию, они прибудут к вам в гости, потому что я хочу доказать им, что самые добрые и щедрые существа в Галактике обитают именно в доме № 16 по Пушкинской улице.

Искренне ваш Тримбукаунл-пру»

— Ну и дела, — сказал Удалов, дочитав записку. — Может, даже лучше, что бегемот ничего не понял. Мы же его за дурака принимали. А это любому неприятно.

Надо было будить соседей, рассказать им, что произошло, и вместе с ними порадоваться. Но тут ворота затрещали и упали внутрь.

Во двор входило целое стадо бегемотов. Разного роста и толщины бегемоты толпились, чтобы скорее добраться до Удалова и подивиться на самых добрых людей в Галактике.

— Погодите! — воскликнул Удалов, вздымая руки. — Вы же меня растопчете.

Два бегемотика уже бросились к сирени и принялись доедать куст, громадный бегемот в синих очках походя сломал березку и хрупал ее, как былинку, остальные запрудили двор и вежливо ждали, когда их начнут угощать завтраком.

Удалов почувствовал, что теряет сознание...

Светило солнце. Было утро. За окном тихо.

Сон. Всего-навсего. Ну и ладушки. Что-то надо сделать? Ага, сегодня его очередь убирать за бегемотом.

Удалов спустился вниз, взял поганое ведро и метлу и пошел через двор к сараю.

Бегемот еще спал. Он лежал на боку и громко храпел.

Удалов стал убирать навоз и думал, что сегодня придется остаться без завтрака: надо успеть до работы получить справку в домоуправлении, что во дворе живет бегемот, а не плод коллективной галлюцинации. И пора Ложкину ехать в зоопарк за специалистом. Скучает животное в одиночестве, да и дом долго не выдержит такого гостя.

Бегемот всхлипнул во сне и медленно перевернулся на другой бок. Удалов замер, опершись о метлу. Печальная мысль пришла ему в голову:

... Вот свезем мы его в зоопарк, а прилетят его товарищи? Что мы им скажем? Что отдали астронавта в зверинец, поместили в клетку на потеху толпе?

А что они нам на это ответят?

N

1975 г.

... Удалов спустился вниз, взял поганое ведро и метлу и пошел через двор к сараю. Бегемот еще спал. Он лежал на боку и громко храпел. Удалов стал убирать навоз и думал, что сегодня придется остаться без завтрака: надо успеть до работы получить справку в домоуправлении, что во дворе живет бегемот, а не плод коллективной галлюцинации. И пора Ложкину ехать в зоопарк за специалистом. Скучает животное в одиночестве, да и дом долго не выдержит такого гостя. Бегемот всхлипнул во сне и медленно перевернулся на другой бок. Удалов замер, опершись о метлу. Печальная мысль пришла ему в голову: ... Вот свезем мы его в зоопарк, а прилетят его товарищи? Что мы им скажем? Что отдали астронавта в зверинец, поместили в клетку на потеху толпе? А что они нам на это ответят?

ПАРОВОЗ ДЛЯ ЦАРЯ

Небольшой космический корабль упал во дворе дома № 16 по Пушкинской улице. Шел дождь со снегом, осень заканчивала свое дело. Упал он бесшумно, так что Корнелий Удалов, который шел на работу, сначала даже не сообразил, какие гости пожаловали прямо к дому.

Корабль повредил край сарая, шмякнулся в лужу, поднял грязь и брызги. И замер.

Удалов вернулся от ворот, обошел корабль вокруг, прикрываясь от дождя цветным пляжным зонтиком, позаимствованным у жены, постучал корабль по боку, надеясь на ответный сигнал, и, не дождавшись, отправился будить соседа Александра Грубина.

— Саша, — сказал Удалов, толкнув пальцем форточку на первом этаже. Форточка отворилась. — Саша, вставай, к нам космический корабль во двор упал.

— Рано еще, — послышался сонный голос Грубина. — Восьми нету.

— Молчит, не откликается, — сказал Удалов. — Может, авария случилась?

— А большой корабль? — спросил Грубин.

— Нет, метра три... Системы «летающее блюдце»...

— А опознавательные знаки есть?

— Опознавательных знаков не видно.

— Ты посторожи, я сейчас оденусь. Дождь на дворе?

— Мерзкая погода. И надо же было ему именно сегодня упасть! У меня в девять совещание.

Удалов вернулся к кораблю, отыскал люк, постучал в него.

— Стемивурам зас? — спросили изнутри.

— Это я, Удалов, — представился Корнелий Иванович. — Вы нарочно к нам приземлились или как?

— Послито, маратакра, — сказал голос изнутри.

— Открывай, открывай, я подожду, — ответил Удалов. Люк щелкнул, открылся.

Внутри стоял, протирая заспанные глаза, неизвестный Удалову встрепанный космонавт в пижаме.

Внешне он напоминал человека, если не считать чрезвычайно маленького, по пояс Удалову, роста, зеленоватой кожи и жестких волос, которые пучками росли на лбу и на кончике носа.

— Прекрани вслука! — воскликнул космонавт, поглядев на небо, потом на Удалова и на строения, окружающие двор.

— Погода как погода. Для этого времени года в наших широтах мы лучшего и не ждем.

Космонавт поежился на ветру и произнес:

— Струку, крапатака.

— Оденься, — сказал Удалов. — Я подожду.

Он заботливо прикрыл за ушедшим космонавтом люк, а сам зашел за бок корабля: там меньше хлестало дождем. Розовая краска с корабля облезла — видно, не первый день его носило по космическим далям.

Пришел Грубин, накрытый армейской плащ-палаткой.

— Этот? — спросил он, указывая на корабль.

— Вот именно, — подтвердил Удалов.

— Некрупный. А ты как, достучался?

— Сейчас оденется, выйдет.

— Он к нам с визитом или как?

— Еще не выяснил. Погода ему наша не понравилась.

— Кому такая понравится! Не Сочи.

— Всегда я жду чего-нибудь интересного от прилета межзвездных гостей. Развития технологии, науки, искусств, — сказал Удалов. — Даже сердце замирает от перспектив.

— Погоди, может, у него враждебные цели, — сказал Грубин.

— Не похоже. Он в пижаме был, видно, проспал посадку.

— А на каком языке говорит?

— Язык пока непонятен. Ну ничего, расшифруем.

Расшифровывать язык не пришлось. Люк заскрипел, открылся, на землю соскочил космонавт, на этот раз в прозрачном плаще и такой же шляпе.

— Ну что ж, — проговорил Удалов. — Только учтите, что у меня в девять начинается совещание.

Космонавт вытащил из кармана черную коробочку с дырками, затянутыми сеточкой. Включил нажатием кнопки.

— Переводчик у тебя такой, что ли? — догадался Грубин.

Черная коробочка сразу произнесла:

— Вокрочитук па ла-там-пракава?

— Воста, — сказал космонавт, и коробочка повторила:

— Правильно.

С этого момента общение между космонавтом и людьми упростилось. Да и догадка Удалова оказалась правильной: космонавт принадлежал к развитой и продвинутой цивилизации. Общаться с таким представляло большой интерес.

— Что за планета? — спросил космонавт.

Ему было холодно, он переступал с ножки на ножку, и потому Грубин предложил:

— Зайдемте ко мне, поговорим в тепле. Ну что за беседа на такой погоде.

— Если, конечно, не спешите, — добавил Удалов.

Космонавт махнул ручкой, что означало: куда уж спешить, и они пошли через двор к Грубину.

Космонавт вел себя прилично, вытер ноги, правда, по причине малых размеров на стул его пришлось подсадить.

— Планета наша называется Землей, — начал, когда все устроились, Удалов. — Завтракать будете?

— Нет, спасибо, — отказался космонавт. — Это в каком секторе?

— Сами понимаете, — объяснил Удалов. — У вас свой счет на сектора, у нас — свой.

Тем временем Грубин принес бутылку кефира, налил себе и космонавту. Удалов отказался, потому что завтракал. Космонавт принялся к кефиру и сообщил, что слишком кисло, а у него желудок слабый.

— А вы откуда будете? — спросил Удалов.

— С Вапраксилы, — ответил космонавт.

Но это тоже ничего не сказало Удалову. Потому что Вапраксилы свободно могла именоваться Альфой Птолемея или Бетой Центавра.

— И чего пожаловали? Экспедиция?

— Нет, — сказал космонавт, которого звали Вусцом, — нечаянно я к вам попал. Сломалось у меня что-то. Или в приборах, или в двигателе. Вообще-то я летел к моей тетке на Крупису, а вылезая — оказывается, не Круписа.

— Нет, у нас не Круписа... — сказал Удалов.

— Хотя погоди, — перебил его Грубин. — А не исключено, что они Землю Круписой называют.

— Нет, — возразил Вусц, — на Круписе я бывал неоднократно. Там ничего похожего и совершенно иное население. Не говоря уж о климате.

— Да, неприятная история, — согласился Удалов.

Тут в дверь постучали.

— Кто там? — спросил Грубин.

— Это я, Ложкин, — ответили за дверью. — Выходи скорей. У нас на дворе пустой космический корабль стоит. Может, его обитатели уже разбежались по квартирам с целью грабежа.

— Заходи, Ложкин, — пригласил Грубин. — И будь спокоен.

Ложкин зашел, увидел космонавта и смутился. По суетности своего характера он нечаянно оклеветал гостя.

— Мне очень обидно, — заметил Вусц. — Неужели подобные подозрения свойственны населению Земли? Должен отметить, что это говорит о низкой цивилизованности местного населения.

— Да я же не хотел. Но поймите, выхожу на двор, стоит корабль, незапертый, может, кто из мальчишек заберется.

— Да, — вздохнул космонавт. — Грустно попасть в отсталое общество и подвергнуться подозрениям. Было бы время, многому бы вас научил и просветил.

— Мы никогда не отказываемся от уроков, — сказал Удалов.

— Так что же теперь делать? — спросил Грубин.

— Делать? — Вусц поглядел в окно. Дождь перестал, выглянуло блеклое осеннее солнце. — Есть ли среди вас кто-нибудь, кто разбирается в гравитационных моторах?

— Вообще-то я техникой интересуюсь, — сказал Грубин. — Но с гравитационными двигателями дела не имел.

— Жаль, — огорчился Вусц. — У нас на каждом углу станции обслуживания. И миллионы, может быть, даже

десятки миллионов механиков отлично разбираются в гравитационных двигателях.

— Ну, это понятно. — Ложкин хотел загладить свою вину. — При вашей цивилизации это неудивительно.

— Что ж, — сказал Вусц, — пойдем поглядим, что там...

Они с Грубиным пошли к кораблю. Грубин захватил с собой отвертку и плоскогубцы. Ложкин с Удаловым последовали за ними.

— Больших успехов вы добились в науке? — спросил Удалов по пути.

— Громадных, — ответил космонавт. — По сравнению с вами — даже поразительных.

— Рассказали бы, — попросил Удалов. — Мы соберем общественность, многие придут. А вы расскажете.

— Ну что ж, может быть, и выберу минутку, — предположил Вусц.

Космонавт жестом пригласил Грубина в корабль. Грубин с трудом пролез в люк. Подошвы его ботинок скрылись внутри, потом вновь показалось лицо.

— Тут мне, простите, без вас не разобраться. Где, к примеру, свет зажигается?

Вусц глубоко вздохнул и развел ручонками, словно хотел сказать присутствующим: «Какая темнота! Разве можно доверяться вашим механикам, если они даже не умеют зажигать свет!» Присутствующим стало неловко, и Удалов сказал укоризненно:

— Ну, Саша, чего же ты!

— Выключатель справа в каюте, — сообщил космонавт.

Когда Грубин снова исчез внутри, космонавт сказал:

— Кстати, у нас механики производят починку в отсутствие заказчика. Они пользуются телепатией. Заглянет механик в душу, узнает, на что вы жалуетесь, и тут же принимается за дело. Пять минут, и любая неисправность ликвидирована.

— Да, — согласился Удалов, — у нас до этого еще далеко.

— Этот метод, — продолжал Вусц, — распространяется и на медицину.

— В отсутствие? — спросил Ложкин.

— Нет, с помощью телепатии, — ответил космонавт и сокрушенно покачал головой.

«Да, — подумал Удалов, — трудно ему у нас, когда такой удручающий разрыв в уровне цивилизаций».

В люке снова показалась голова Грубина.

— Послушайте, — начал он. — А в чем у вас поломка? Может, покажете? Я, честно говоря, так и не разобрался, где тут двигатель, а где кухня.

— На меня не рассчитывайте, — отрезал космонавт. — Я вам, простите, не механик. Если бы у нас каждый занимался не своим делом, мы никогда бы не достигли таких великих успехов.

— Ну и я тогда не буду чинить, — сказал Грубин.

Он уже наполовину вылез из люка, и Ложкин с Удаловым начали запихивать его обратно, чтобы занимался делом.

— Но что я могу поделывать! — возражал Грубин. — Они на сто лет нас обогнали, а у меня нет специального образования. К тому же там на всех приборах пломбы висят.

— Вы чего ж нам про пломбы не сказали? — обернулся Удалов к Вусцу.

— Откуда я знаю, есть там пломбы или нет! — возмутился тот. — Я лечу на Крупису, случается поломка не по моей вине, и я оказываюсь на дикой, отсталой планете, в окружении грубых аборигенов, меня никто не понимает, мне никто не хочет помочь.

— Не волнуйтесь, — успокаивал его Удалов. — Мы понимаем ваше состояние. Я сейчас схожу на автобазу, там есть мастер Мишутин, золотые руки.

— Так зовите его! Меня ждут дома!

Удалов, понимая вину человечества перед случайным гостем, поспешил за два квартала за Флором Мишутинным и вскоре возвратился с ним. К тому времени уже все обитатели дома № 16 вышли во двор, познакомились с новым пришельцем, а Коля Гаврилов даже угостил его яблоком.

Флор Мишутин был человек серьезный, он посмотрел на космический корабль и спросил:

— Какой принцип полета?

— Вроде бы на легких гравитонах, — ответил Вусц. — Хотя я не уверен. Но в школе мы проходили, что на

легких гравитонах. Если бы на тяжелых, то другая форма корпуса.

— Ага, — сказал Мишутин. — А тип двигателя вы в школе проходили?

— Ни в коем случае. Я специализировался в географии и счетоводстве.

— Мало от тебя проку, — сказал Флор Мишутин.

— Вы не имеете права так говорить, — сказал космонавт. — Вы еще не доросли до критики вышестоящей цивилизации.

— Это точно, — кивнул Флор Мишутин и полез в люк.

Он долго не возвращался, так что все ушли в комнату к Грубину, чтобы послушать пришельца. Правда, тот сначала отнекивался, говорил, что времени у него в обрез, но потом согласился.

— Расскажите нам, дорогой гость, — обратился к нему Удалов, — о своем просвещенном мире. Приобщите нас, так сказать, к тайнам будущего.

Гость вытащил носовой платочек, высморкался и проговорил:

— Наш мир далеко обогнал вас в своем развитии.

Об этом все уже знали. Стали ждать, что еще им скажут.

— Мы достигли полного изобилия и развития техники. Например, я работаю в отдельном кабинете и только нажимаю на кнопки, а порой передаю результаты своих трудов мысленно на специальную машину, которая потом все сводит воедино и кладет на стол руководителю нашего учреждения.

— Вот это здорово! — сказал Удалов, чтобы подбодрить Вусца.

— Это обыкновенно, — поправил его Вусц. — Я удивляюсь, что может быть иначе. На работу и с работы я приезжаю мгновенно. Вхожу в будку около моего дома, нажимаю на кнопку и тут же оказываюсь в такой же будке, только у дверей учреждения.

— А как же эта будка работает? — спросил Грубин.

— Не интересовался, — ответил Вусц. — Дома у нас строят за одну ночь. Вечером очищают площадку, а утром уже дом готов, вплоть до тридцатого этажа.

— Замечательно! — воскликнул Ложкин. — Как же это делается?

— Об этом лучше спросите у строителей. Обеденный перерыв я использую для просмотра новых кинофильмов, которые я выбираю по списку, когда сижу за обеденным столом. А обед я выбираю, нажимая кнопки на столе.

— Как же это делается? — поинтересовался Удалов, который ненавидел очереди в столовой.

— Не знаю, — сказал Вусц. — Это неважно. Важен результат. Когда мне нужно отправиться на соседнюю планету, я вызываю космический корабль, и его присылают к моему дому. Я нажимаю кнопку с названием планеты и потом смотрю кино.

— Эх! — произнес от двери Флор Мишутин, который незаметно вошел и стоял, вытирая руки ветошью. — Если бы ты еще интересовался, что там внутри двигателя, цены бы тебе не было.

— А что случилось? — вскинулся пришелец.

— Течь в гравитонном баке. Горючее кончилось. И вот эта деталь, видишь, треснула. Для чего она — не усек.

Флор вытащил из кармана треснувший посередине шарик размером с грецкий орех.

— Для чего это? В школе не проходили?

— Не издевайтесь надо мной, — возмутился Вусц. — У нас высокоразвитое общество и каждый занимается своим делом. Я чиновник. Другой кто-нибудь — техник, еще кто-то — строитель. Это же естественно. То, что произвожу я, потребляют другие. То, что производят другие, потребляю я.

Флор сунул шарик в карман и сказал:

— Пойду еще погляжу.

Помолчали. Удалов испытывал жалость к пришельцу, оторвавшемуся от привычной обстановки. Но старик Ложкин, который затаил некоторую обиду, заметил не без схиждства:

— Не повезло нам с гостем. Надо же, попался такой, который ничего не знает.

— Это не так! — ответил Вусц. — Я отлично знаю, какие кнопки когда нажимать.

— Вот именно. — Ложкин ухмыльнулся.

— А ведь зря к человеку пристал, — защитил гостя Удалов. — Представь себя на его месте.

— Даже и не буду пытаться, — ответил Ложкин. —

До такого контраста между развитой цивилизацией и темным ее представителем я бы никогда не упал. Мы-то, чудачки, сбежались: космонавт прилетел с отдаленной планеты, сейчас нас просветит...

— Это только в фантастических рассказах так бывает, — сказал Грубин. — Там всегда пришельцы прилетают и сразу нас учат.

— Пришелец пришельцу рознь! — не согласился Ложкин.

— А ведь проще простого, — нашелся Удалов, глядя на опечаленного Вусца, который скорчился на стуле, поджал ножки и являл собой прискорбное зрелище — будто ребенок, потерявший маму в центральном универмаге города Москвы. — Я тебе, Ложкин, сейчас в два счета докажу твою неправоту. Хочешь?

— Докажи.

— Тогда представь себе, что я — царь Иван Грозный.

— Еще чего не хватало!

— А ты представь, не сопротивляйся. А Грубин, допустим, его друг — Малюта Скуратов.

— И что?

— А ты — Николай Ложкин, который сел в машину «Жигули» и по непредвиденному стечению обстоятельств сбился с пути и вместо Вологды попал к Ивану Грозному, в его загородный дворец.

— Так нет у меня «Жигулей», ты же знаешь! — сопротивлялся Ложкин. — Зачем такие передержки?

— Это мысленный эксперимент, — настаивал Удалов. — Неужели у тебя вовсе нет воображения?

— Ну ладно, — сдался Ложкин. — А дальше что?

— А дальше я тебя попрошу рассказать, какие у вас в двадцатом веке технические достижения. А ну-ка, расскажи.

— О чем?

— Ну, хотя бы о том, как мне, Ивану Грозному, построить такую же карету, как у тебя.

— «Жигули», что ли?

— Ну, хотя бы что-нибудь попроще. Мотоцикл.

— Это просто. Вот перед тобой машина, скопируй и поезжай.

— А что копировать-то? Я принципа не понимаю.

— Сперва нужен бензин, — ответил Ложкин. Он хотел

доказать друзьям, что пришелец Вусц — недоразумение, и потому старался все объяснить доступно. — Ты заливаешь бензин в бак.

— Погоди. — Корнелий Иванович «Грозный» погладил несуществующую бороду. — А что такое бензин?

— Бензин?.. Нефть, знаешь?

— Знаю.

— Очисти ее...

— От чего?

— Как от чего? От мазута.

— Не понимаю! Щеткой что ли мне ее чистить?

— Для этого специальная промышленность есть... — тут Ложкин осекся.

— А ты продолжай, — улыбнулся «царь». — Расскажи мне об этой промышленности. И заодно шинную индустрию опиши.

— Ну ладно, — решил тогда Ложкин, который не любил сдаваться на милость царей. — Я тебе лучше паровоз объясню.

— Ну как? — спросил Удалов у «Малюты Скуратова». — Послушаем про паровоз?

— Давай, — согласился придворный фаворит. — Только если не объяснит, придется его казнить.

— Паровоз движется по принципу сжимания пара, — сообщил Ложкин. — Там поршень ходит, и оттого крутятся колеса.

— Ах, как интересно! — сказал «царь». — И где же поршень ходит?

— Как где? В котле, разумеется.

— Слушай, — предложил «Малюта Скуратов», — может, его сразу казнить? А то время зря тратим.

Ложкин молчал. Вошел Мишутин.

— Не пойдет, — сказал он. — Точно тебе говорю, не пойдет твоя машина. Вызывай аварийку.

— Не может быть! — воскликнул космический гость. — Не губите меня! Может быть, вы пригласите специалистов из вашей столицы?

— Нет, — сказал Мишутин уверенно. — У нас гравитонов не производят. Это точно.

Ложкин проговорил:

— В паровозе два поршня. Пар на них по очереди давит.

— Мы тебя уже казнили, — объяснил ему Грубин. — Так что не беспокойся, не будет у Ивана Грозного своего паровоза.

Пришелец заплакал, не мог смириться с тем, что превратился в Робинзона Крузо, окруженного Пятницами.

Пошел мокрый снег и быстро покрыл густым слоем розовый космический корабль.

С тех пор прошло уже четыре месяца.

Пришелец Вусц, пока суд да дело, устроился счетоводом к Удалову в контору, освоил русский язык, с обязанностями справляется сносно, правда, звезд с неба не хватает. Хотел было он, по наущению Грубина, уехать в Вологду, поступить там в цирк лилипутом, но потом передумал: боязно отрываться от корабля — вдруг его найдут, прилетят за ним.

А корабль схож с громадным сугробом, даже со снежной горой. Дети катаются с него на санках.

Весной, если ничего до тех пор не случится, должен присхать из Архангельска Камаринский, большой друг Флора Мишутина, знаменитый механик. Если уж он не поможет, никто не поможет.

1976 г.

СВЯЗИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Сидели во дворе, играли в домино. Дело было летом, после дождя, в хорошую погоду. Облака, вытрясая воду, плыли над головой пышные и умиротворенные, лужи сохли быстро, от них поднимался невидимый пар, скоро идти ужинать, игра малость приелась, и пришло время побеседовать о разных вещах.

— Устал я сегодня чего-то, — сказал Василь Васильич, приняхиваясь к сложным ароматам, слетавшимся вниз, к игрокам, из двенадцати кухонь дома.

— Жарко было, — согласился Валентин Кац, размешал костяшки и спросил товарищей: — Еще одну «рыбу» забьем?

И в этот момент во двор вошел Корнелий Удалов. Был он потен, светлые волосики завились, штаны грязные, пиджак через плечо, в руках, вся в белых потеках, банка из-под белил. В ней болтается малярная кисть.

— Корнелий-то, — сказал Погосян, — Корнелий стал маляром, да?

— Дурачье, — сказал Удалов, покосился на свои окна, не наблюдает ли за ним жена его Ксения, и, поставив банку посреди двора, уселся на скамью. — История со мной случилась. Фантастическая.

— Всегда с тобой что-нибудь случается, — сказал Валентин. — Может, все-таки забьем еще одну «рыбу»?

— Что за история, а? — спросил Погосян.

Удалов, которому очень хотелось поговорить, сразу ответил:

— Дорогу на Грязнуху знаете? К санаторию?

— Ну.

— Так вот все и произошло. Не было сегодня дороги.

— Куда же она, болезная, делась?

— Даже не знаю, что на это ответить, — сказал Удалов. — Рано человечеству об этом знать.

— Ты, Корнелий, не крути, — обиделся Василь Васильич. — Ты всегда в истории попадаешь. И придаешь им космическое значение.

— Вот именно, что космическое. Не менее чем космическое.

— Ясно, — сказал из открытого окна своей комнатки Грубин, который весь этот разговор отлично слышал: занимался работой скучной, но творческой, вырезал на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». — Ясно, американцы с Луны камень везли, обронили на полпути и по Корнелиевой дороге угодили.

— Циник ты, Грубин, — сказал с тоской Корнелий Удалов.

И видно всем было, что и в самом деле очень ему хочется рассказать, но пока не решается. На выступающих частях его пухлого лица показались капельки пота.

— Циник ты, Грубин, и самое удивительное, что почти угадал, хотя не можешь себе представить всей глубины такого события. Я же слово дал, почти подписку, что не разглашу.

— Ну и не разглашай, — отозвался Грубин.

— Ну и не разглашу, — повторил Удалов.

— Нужны нам твои истории, — сказал Грубин, который, несмотря на эти резкие слова, был лучшим другом Удалова.

— Так что с дорогой приключилось? — спросил Валя Кац. — А то меня сейчас жена ужинать позовет.

— Не поверите, — сказал Удалов.

— Не поверим, — согласился из окна Грубин.

Но Удалов уже решился на рассказ, не слышал грубинских слов, глаза у него помутнели и приобрели отсутствующее выражение, с каким былинные сказители в отдаленные времена вынимали гусли из торбы, обращали лицо к самому князю и начинали разворачивать длинное, увлекательное повествование, правдоподобное для слушателей и совсем невероятное для потомков.

— Я сегодня до Грязнухи пешком пошел, — сказал Удалов. — До маслозавода автобусом, а там пешком. Нам через месяц нужно будет в санатории крышу перекрывать. Вот и пошел посмотреть.

— А как же твой, Корнслий, персональный грузовик? — спросил Грубин.

— Машина в Потьму за генератором ушла. А я в санаторий отправился. А куда мне спешить, я спрашиваю? Куда мне спешить, если дорога лесом, местами над самым берегом, птицы поют, вокруг никакого движения и даже отдыхающих не видно.

— А это правда, что санаторий прикрыли? — спросил Василь Васильич.

— Временно, — сказал Удалов. — Временно грязевой источник иссяк. Будем, наверно, нарзан возить. Это как решим. Вот я их и встретил.

— Отдыхающих?

— Каких отдыхающих? Людей на «Москвиче». Целая семья. Туристы, наверное. На крыше все привязано: и палатка, и матрац, и детская коляска. Потому я к ним и не подсел — пять человек в машине.

— Зачем тебе к ним подсаживаться?

— Как зачем? Чтобы до санатория подбросили.

— Так они же тебе навстречу ехали.

— Нет, Валентин, ты все путаешь. Сначала они меня обогнали. И я к ним не подсел. Куда спешить? А потом они обратно поехали. Навстречу. Он сам, который за рулем сидит, бледный весь, детишки плачут, высунулся из машины и машет рукой — давай в смысле обратно. Вот, думаю, чудак. Не знал я еще, что меня ждет за поворотом.

— За поворотом Корнелия ждал холодный труп, — произнес Грубин.

— Не перебивай, — возмутился Погосян. — Человек рассказывает, понимаешь, а ты перебиваешь.

— За поворотом меня знак ждал. «Идут дорожные работы», знаете такой знак? Треугольный, а в нем человек с лопатой. Я даже удивился, какие такие дорожные работы без ведома ремстройконторы? Город наш небольшой, и не может быть неизвестных работ. И еще меня удивило, что знак странный. Плохо выполнен с точки зрения художественного образа. У рабочего три ноги.

— А кто у нас знаки делает?

— Знаки из Вологды присылают. Знаки — дело милицееское. Да не в этом дело. Плохой ли знак, хороший, но что характерно — три ноги.

— Хулиганство, — сказала старуха Ложкина, которая своего мужа покормила и теперь высунулась в просвет между аквариумом и канареечной клеткой, чтобы послушать интересную историю.

— И я так подумал, — согласился Удалов. — И меня еще люди в «Москвиче» обеспокоили. Чего они испугались?

— Хулиганство, ясное дело. хулиганство, — повторила старуха Ложкина.

— Знак, значит, стоит, закопан в землю, а из-за поворота слышны звон металла и всевозможные звуки строительных работ. Делаю еще десять шагов, признаюсь, что делаю их со всей осторожностью. Вижу: поперек дороги барьер. И на нем надпись черными буквами: «Проезд воспрещен». А прямо за барьером разворачивается бульдозер странного вида, а на бульдозере сидит, вы мне не поверите, инопланетный пришелец из космоса, и у него четыре руки и три глаза.

— Во даст, — сказал Погосян, который ничему не поверил.

— Валентин, обед стынет! — крикнула жена Каца из окошка.

— Погоди, — ответил Кац. — Дослушаю и приду.

— Вы только подумайте, что делается, — сказала жена Каца через весь двор старухе Ложкиной. — Валентин не бежит, когда его зовут кушать!

— На голове у него был прозрачный шлем, как у космонавтов, — продолжал Удалов, прикрыв глаза, чтобы яснее представить эту картину. — Из шлема торчат проводочки, а костюм на нем оранжевого цвета. Он меня увидел, вида не подал, заглушил мотор, соскочил на землю, и вижу я, что ног у него минимум три, и что характерно — все в различной обуви. Я поздоровался, потому что был в состоянии шока, и он мне тоже говорит: «Здравствуйте».

— Во дает! — сказал Погосян. — «Здравствуйте», значит, на межпланетном языке, а Корнелий, ясное дело, ему обучен, да?

— С детства, — согласился с шуткой Грубин, который оставил свое дело и ни слова из сказанного не пропускал.

— Он мне сказал по-русски, — возразил Удалов. — Ну и я ему ответил: «Кто дал указание работы проводить?»

— Конечно, — сказал Грубин. — Видим мы человека на трех ногах, гостя из далеких звездных миров, а вместо «добро пожаловать» сразу ему ляпаем: «Кто дал указание?»

— Я перепугался, — проговорил Удалов. — В другом случае я бы ему все как надо сказал. А тут с перепугу взял быка за рога.

— А у него и рога были? — удивилась старуха Ложкина.

— Это он фигурально, — пояснил Василь Васильич.

— Я пошел, — сказал Погосян. — Я пошел, а то он меня вместо ужина, понимаешь, баснями кормит.

Но Погосян никуда не ушел. Ему хотелось, чтобы его стали останавливать, говорить, что все это шутка, но никто не останавливал и не говорил. Все знали, что, хотя у Удалова сильно развито воображение, хотя он человек нервный, он крайне правдив.

— Я его спрашиваю, — продолжал между тем Удалов, — а он машет своими ручонками и говорит: «Скандал, безобразие получается».

— Крупные они, пришельцы? — спросил Василь Васильич.

— Нет, не крупные, с третьеклассника.

— Я так и думал, — сказал Василь Васильич. — Откуда им быть крупными?

— Я хотел под шлагбаум подлезть, а он сначала не пускал, на надпись показывал, лопотал, что вход воспрещен. Ну я ему и указал, что являюсь начальником ремстройконторы города Великий Гусляр, на окраине которого он ведет неизвестные работы.

— И не испугался?

— Испугался я потом, — признался Удалов. — А сначала меня взяло возмущение. Ездит тут на бульдозере, не пускает, людей пугает, и, что характерно, бульдозер также не нашей марки. Тогда пришелец этот оробел и говорит мне: «Извините, не будете ли так любезны проследовать за мной, поговорить с нашим руководством?»

Жена Каца высунулась из окошка по талию и чуть не свалилась вниз.

— И ты пошел?

— А чего же? Пошел. Подлез под бульдозер, завернул за поворот, а там за холмиком открылось мне удивительное зрелище. И тогда я внутренне все осознал. Метров за тридцать дорога там была полностью разрушена, будто по

ней громадным молотком стукнули или лавину обрушили сверху. Но я-то сразу понял, в чем фокус — пониже на склоне лежала, накренившись, их летающая тарелочка.

— А какие опознавательные знаки были? — спросил подозрительно Погосян.

— Без опознавательных знаков. Им это не нужно. Лежала эта тарелочка, вокруг нее масса пришельцев. Одни тарелочку чинят, другие на дороге возятся. Техника, приспособления, дорожные машины — удивительно даже, сколько добра в этой тарелочке поместилось.

Грубин вылез из окна — ноги сначала, сам потом — и подошел поближе.

— Я их спрашиваю: «Вынужденная посадка?» Из толпы ко мне один подходит, тоже на трех ногах, и отвечает: «Безобразная посадка. Хулиганская посадка. Я, скажу честно, сделал штурману строгое предупреждение». Я спрашиваю: «Зачем же так строго?» И тогда он отвечал...

В этот момент Удалов прервал свои речи, ибо почувствовал, как Шехерезада, что слушатели полностью захвачены повествованием.

Удалов повернулся к своему окну и строго спросил:

— Ксения, скоро ужинать?

Ксения ничего не ответила.

— Успеешь еще, поужинаешь, — остановил его Кац. — Ты сначала свою байку доскажи.

— Кому байка, а кому действительность, — сказал Удалов, и никто не засмеялся.

— Давай дальше, — поторопил Василь Васильич. — Прохладно становится.

— Я спрашиваю, значит, — продолжал Удалов, закуривши. — «Почему так строго?» А мне главный пришелец отвечает: «А что делать? Представьте, — говорит, — себя на нашем месте. Прилетаем мы на чужую планету. Имеем, — говорит, — строгий приказ в контакты не входить, а лишь проводить визуальные наблюдения. Туземные, — говорит, — цивилизации должны развиваться по своим законам».

— Это кто такие туземные цивилизации? — спросил Погосян.

— Мы, — ответил за Удалова Грубин.

— Мы не туземная, — сказал Погосян. — Это оскорбительное слово. Мы, что, получается, голыми бегает? Голые, да?

— Не оскорбляйся, — сказал Грубин.

А Удалов между тем продолжал:

— «Избираем, — говорит мне главный пришелец, — тихое место на окраине мелкого городка...»

— Это кто такой мелкий городок? — опять перебил Погосян. — Великий Гусляр — мелкий городок, да?

— «Избираем мелкий, тихий городок, хотим сесть неподалеку, чтобы собрать образцы растительной флоры и сделать всякие снимки. И вот по вине этого головотяпа штурмана совершается катастрофа!»

— И правильно, — сказала старуха Ложкина. — Правильно, что строго предупредил штурмана. Если пустили в космос, так работай, а не ушами хлопай.

— Может, он увидел сверху, какая прекрасная наша Земля в окрестностях Великого Гусляра, — сказала жена Каца, — и рука у него дрогнула?

— А что, ихние предупреждения, они с изоляцией или как? — спросил Василь Васильич.

— Не знаю, не спрашивал, — ответил Удалов. — Если кому неинтересно, уходите. Не мешайте. Развели дискуссию.

Находясь в центре внимания, Удалов заметно обнаглел, и в тоне его появились металлические нотки. Слушатели замолкли.

— Вокруг нас роботы суетятся, машины, космонавты, спешат, чтобы их позор не стал достоянием земной общестственности. Начальник шлемом качает, вздыхает по-своему и говорит далее: «А каково нам будет, если Галактика узнает, что наш корабль разрушил дорогу на Земле, в окрестностях Великого Гусляра? А представляете себе, как будут хохотать над нами нахальные акарили с планеты Цук? Как будут мяукать в припадке издевательства низменные душой тумсы? Как будут качать всеми своими головами мудрые йыкики? Ведь нас же предупредят на всю Галактику...»

— Нет, не иначе как у них предупреждение со строгой изоляцией, — сказал Василь Васильич.

— И как это ты, Корнелий, запомнил все эти имена? — спросил Грубин.

— Они знали, с кем на Земле встречаться, — ответил с достоинством Корнелий. — «Представляете мое состояние», — говорит этот пришелец, и я, конечно, вы-

ражаю ему сочувствие. И тут подходит к нам еще один, в полосатом комбинезончике, черненький, с глазками врозь. И что-то по-своему лопочет. Я пока осматриваюсь, полагаю, что им с дорогой и ремонтом тарелочки придется до ночи провозиться. Даже с ихней хваленной техникой. «Не знаю, — переходит тем временем на русский язык главный пришелец. — Но надеюсь, что сама судьба послала нам разумного и доброго туземца».

— Так и сказал — туземец? — спросил Погосян.

— Так и сказал.

— Тут бы я ему ответил, — произнес Погосян. — Поставил бы его на место. Ведь ты же не голый был!

— Не голый, в пиджаке, — сказал Удалов. — Только я об этом не думал. Они со мной как с братом по разуму разговаривали. Зачем же междупланетные отношения обострять без надобности?

— Правильно, — сказал Василь Васильич, — а то они бы тебя предупредили, только мы тебя и видели.

— Ой! — сказала жена Каца. — Какая опасность.

— Ничего, — успокоил ее Удалов. — Я им сразу ответил: если есть просьба или поручение, люди Земли и Великого Гусляра в моем лице готовы прийти им на помощь.

— Молодец! — одобрил Василь Васильич. — По-нашему ответил.

— И тогда он мне говорит, что есть просьба. Дорогу они починят, следов не останется, тарелочку свою уберут на околоземную орбиту. Но вот белил у них нету.

— Чего?

— Белил. Масляных. Они по обочине дороги вывернули столбики, в труху превратили. А столбики должны быть окрашены в белый цвет во избежание аварии движущегося транспорта. Он меня и просит: принеси, дорогой брат по разуму, нам банку белил. Мы тебя по-царски отблагодарим. Я ему отвечаю: не надо мне наград, всегда готов. А он мне отвечает, что Галактика моей скромной услуги никогда не забудет. Ну и побежал я обратно в город...

Слушатели с минуту сидели в молчании, осознали, то ли Удалов свой рассказ завершил, то ли будет продолжение. Солнце клонилось к реке, тени стали длиннее, прохладный ветерок потянул из-за леса. У Кацев пригорел ужин, но жена Валентина этого не замечала.

— И все? — спросил наконец Грубин.

— Почти что, — ответил Удалов. Его праздник кончался. Кончался вместе с рассказом. — Я целый час эту банку искал. И кисть тоже. Хозяйственный закрыт, на складе сторож обедать ушел и так далее. Потом прибежал все-таки к ним, нельзя же людей подводить. Прибежал, а знака дорожного нету. И ничего нету. Ни тарелочки, ни машин, ни роботов. Пустота.

— А дорога?

— Дорога полностью починена.

— И ты домой пришел?

— Нет, — сказал Удалов. — Сначала я свое обещание выполнил. Я столбики покрасил.

— А они некрашенные были?

— Некрашенные. Четыре столбика. Новенькие, но некрашенные. И около одного записка лежала. Показать?

— Конечно.

— Глядите.

Удалов достал из кармана сложенную вчетверо записку. Развернул, разгладил на столе. И прочел вслух. Остальные склонились к столу и читали, повторяли за ним слово в слово. Вот что написано было в записке. Печатными буквами, черными чернилами:

«Заранее благодарны за помощь. Столбики к вашим услугам. Ваша помощь не будет забыта. Просьба о происшедшем не распространяться».

— И без подписи, — сказал Погосян.

— И правильно, что без подписи, — сказал Василь Васильич. — Только ты, Удалов, доверия не оправдал, и будет тебе при первом же случае серьезное предупреждение с последствиями.

— Это почему же? — вскинулся Удалов.

— Просили не разглашать. А ты разгласил. Знаешь, что за это бывает?

— Ничего подобного! — сказал Удалов с обидой. — Они тоже хороши. Я бы молчал, а они улетели — и никаких следов. Может, мне хотелось им вопросы задать? Может, мне хотелось с ними о будущем посоветоваться? Может, они из благодарности могли не записочку оставить, а хоть какой бульдозер ихней марки для нашей конторы? Разве не правильно я говорю?

И все согласились, что правильно.

— Я даже адреса их не спросил, с какой планеты они прилетели, даже не узнал, что они будут делать, если агрессоры развяжут на Земле ядерную войну? Разве так себя ведут настоящие пришельцы?

И все согласились, что настоящие пришельцы себя так не ведут.

Потом опять все немного помолчали, переваривая серьезное событие. И Погосян спросил:

— А доказательства у тебя, Удалов, есть?

— Какие еще доказательства?

— А доказательства, что ты сегодня с пришельцами виделся?

— Ну, знаете! — возмутился Удалов. — Ну, знаете! А банка эта, которая на виду у вас посреди двора стоит? Из-под белил. Сегодня же брал на складе. За наличный расчет. Зачем мне белила? Зачем мне, спрашиваю, белила? Вы же в курсе, что состою на руководящей работе.

— Правильно говорит, — сказал Василь Васильич. — Зачем ему про белила было врать?

— И завтра же, в воскресенье, — сказал Удалов нервно, — пойдем все вместе на ту дорогу. И вы эти столбики увидите, свежепокрашенные. И такие эти столбики гладкие и ровные, что нашим плотникам никогда не сделать.словно импортная мебель. И краска на четырех еще свежая.

— Кор-не-лий! — крикнула из окна Ксения Удалова, которая была не в курсе и потому к Удалову уважения не ощущала. — Мне что, третий раз суп греть?

— Иду, Ксюша, иду, — ответил Удалов. — До завтра, — сказал он друзьям и соседям.

— Чего уж там, — сказал ему вслед Василь Васильич, — почему не верить человеку? Конечно, мы ему поверим.

И все поверили. И не поехали на следующий день на ту дорогу, хоть Удалов и уговаривал. Что толку на столбики смотреть?

С тех пор в Великом Гусляре ждали нового прилета братьев по разуму. Потому что уже какие-никакие связи налажены. Связи личного характера.

1967 г.

ОБИДА

Восьмого числа, вечером, Удалов и Грубин решили пойти к профессору Минцу поговорить о таинственных явлениях. Собирался зайти и старик Ложкин, но запаздывал. Радиоприемник на письменном столе, еле видимый за грудками научных статей и рукописей, наигрывал нежные мелодии Моцарта. Когда Лев Христофорович предложил гостям по второй чашке чая, музыка в приемнике прервалась, и послышался резкий голос, говоривший на непонятном языке.

— Хулиганят, — сказал Корнелий Удалов. — Своей волны им не хватает, лезут на Моцарта с комментариями.

— С комментариями? — спросил профессор Минц, поглаживая лысину. — А вы, Корнелий, понимаете их язык?

— Так, через пень-колоду, — смутился Удалов. — Похоже на венгерский.

— Какие еще есть версии? — спросил Минц, обернувшись к Грубину.

— Я настрою, — предложил Грубин. — Я больше музыку люблю.

— Не надо, — остановил его Минц. — Очень любопытно.

Минц задумался. Даже забыл долить друзьям чаю. И не заметил, как вошел Ложкин и громко поздоровался.

Из этого состояния Минц вышел лишь через три минуты.

— Все ясно, — сказал он. — Такого языка на Земле нет. Я мысленно перебрал возможные варианты...

— Но, может, не венгерский, — предположил Удалов. — Может, какой-нибудь очень отдаленный, с которым мы, Лев Христофорович, времени не имели ознакомиться?

— Я не знаю многих языков, — возразил Минц. — Но могу читать на любом. Дело в системе, в структуре языка. Достаточно знать элементарный минимум — языков пятнадцать-шестнадцать, которым я располагаю, чтобы дальнейшие действия диктовались законами лингвистики. Вам понятно, коллеги?

— Понятно, — сказал польщенный Удалов. — Так что же это за язык?

— Инопланетный, — просто ответил Минц. — Итак, что будем делать?

— А то делать, что перевести их воззвание и ответить. Это наш гражданский долг.

— Правильно, Корнелий, — поддержал Грубин. — Если вам, Лев Христофорович, понадобится моя помощь, прошу рассчитывать.

— Невозможно. Этот язык нам не расшифровать, потому что у них нет с нами ни одного общего корня и ни одного общего падежа.

— Вот, — вздохнул Ложкин. — Даже способности профессора Минца ограничены. Придется писать в Академию наук, а пока получим ответ, пришельцы могут улететь.

— То есть как так ограничены? — не понял Минц. — Это мои способности ограничены?

— К сожалению, — согласился Ложкин.

— Саша, — сказал Минц, — вы в самом деле не торопитесь?

— Куда мне торопиться, если предстоит эксперимент?

— Тогда, — Минц строго посмотрел на гостей, — попрошу все посторонних очистить помещение. Жду всех по окончании работы.

— В смысле когда? — спросил Удалов, послушно направляясь к двери.

— Мы вас вызовем.

Минц широким жестом стряхнул со стола бумаги, в то время как догадливый Грубин тащил из-под кровати небольшой электронный мозг.

— Вызовите, — согласился Ложкин, — не стесняйтесь. Даже если рано будет.

— Может быть поздно, — сказал Минц, включая портативный магнитофон.

Удалов с Ложкиным постояли немножко в коридоре у

дверей Минца, не зная, то ли им обижаться, то ли ждать без обиды.

— Ты не помнишь, на какой волне передача была? — спросил наконец Удалов.

— На тридцать одном метре, — ответил Ложкин. — Сам попробуешь расшифровать?

Удалов только покачал отрицательно головой, пошел к себе, тихонько включил приемник и начал искать передачу на инопланетном языке. Передачу он нашел, правда, не на тридцати одном метре — перепутал, как всегда, самоуверенный Ложкин, — а на шестидесяти. И потом долго сидел Корнелий Иванович, слушая треск и шум в эфире и стараясь по интонациям угадать, как там дела у пришельцев. Жалел он их, сочувствовал и беспокоился. Даже взял приемник с собой в постель, надеясь немного, что во сне сможет овладеть языком методом гипнопедии.

Удалов проснулся оттого, что в стекло что-то стукнуло. Может быть, в другой день он бы не обратил внимания на этот стук, но нервы у спящего Удалова были напряжены: ему все время снились пришельцы, протягивающие ему руки за помощью. Удалов осторожно сполз с постели, подбежал к окну. Там, под фонарем, стоял Грубин и махал рукой, вызывая его к себе.

Корнелий взглянул на часы. Половина четвертого. Что ж, немного времени понадобилось его товарищам, чтобы расколоть этот орешек. Стараясь не шуметь, Удалов натянул башмаки, накинул пиджак поверх пижамы и пошел к Минцу. Не так уж важны формальности, когда собираются только мужчины и только единомышленники.

Грубина Удалов нашел в коридоре. Тот стоял перед дверью Ложкина и постукивал в нее костяшками пальцев.

— Я его через окно пытался будить, — сообщил Грубин, — но старик не отзывается. Может, обойдемся без него?

— А что, решили?

— Решили. Уже кое-что понимаем.

— Тогда надо будить. Иначе он нас никогда не простит. Дай-ка я.

Удалов ударил в дверь, но не рассчитал: получилось

громче, чем нужно, слышались шаркающие шаги, потом голос ложкинской жены:

— Что? Что случилось? Кто стучит?

— Это я, Удалов. Вашего супруга можно побеспокоить?

— С ума сошли, бродяги проклятые, — зашипела старуха. — Я сейчас вам покажу, как людям ночью покоя не давать.

— Он сам просил, — объяснил Удалов. — Он очень желает присутствовать при открытии.

— Уходите, — сказала Ложкина. — Иначе пожалееете.

— Кто там пришел? — слышался отдаленный голос Ложкина.

— Удалов хулиганит, — откликнулась жена.

— Это с ним бывает, — ответил Ложкин. — Гони его.

— Ну как хотите, — сказал Удалов. — Потом пожалееете.

И они с Грубиным ушли к Минцу.

В кабинете Минца было накурено, гудели многочисленные приборы, слышно было, что из приемника все еще доносятся чуждые слова, но их заглушал другой, механический, переводческий голос, исходивший из приставки. Этот голос говорил по-русски.

— Где Ложкин? — спросил Минц. Он за ночь осунулся, постарел, но улыбался не без гордости. — Где этот скептик?

— Ложкин не хочет просыпаться, — ответил Грубин. — А Удалов сразу пришел.

— В Удалове я не сомневался. Жаль, что не могу разоблачить маловера. Ну ладно, слушайте. Может представить интерес. Только с самого начала должен предупредить вас, Удалов, чтобы не беспокоились. Никакой аварии нет. Их корабль завис над нашим городом на высоте ста тридцати километров и разослал разведчиков.

— Цели мирные? — поинтересовался Удалов.

— Какие могут быть мирные? — слышался голос от двери. Там стоял сонный, растрепанный, злой Ложкин, в халате и шлепанцах.

— Встал все-таки, — ухмыльнулся Удалов.

— Молчи, — сказал Ложкин. — Военная хитрость. Так бы она меня никогда не пустила. Я ей сказал, что за милицией побежал, чтобы тебя к порядку привлечь.

На такое благородное дело она меня выпустила. Понимаешь?

— Понимаю, что собственную выгоду за счет товарищей достигаешь. Но не обижаюсь, а даже улыбаюсь.

— И правильно, — оценил Грубин. — Главное, что мы в сборе.

— Не отвлекайтесь, — попросил Минц. — Слушайте. Это интересно.

— Разведчик-два, — произнес голос переводческой машины. — Разведчик-два. Почему не отзываетесь?

— Провожу наблюдение. Очень интересное существо. Четыре конечности. Хвост. Покрыто шерстью. Несет в зубах кость. Возможно, разумное.

— Собака, что ли? — предположил Ложкин. — Что же они, разумных от неразумных не отличают?

— Разведчик-два, — откликнулся корабль пришельцев. — Пора знать, что четвероногие не бывают разумными, так как у них нет рук, чтобы заниматься трудом.

— Вот именно, — согласился Ложкин. — Мы это тоже учили.

— Вижу, как четвероногое с костью пошло на сближение с двуногим в костюме и с руками, — слышался голос разведчика-два.

— И чего они вмешиваются? — рассердился Ложкин. — Типичные агрессоры.

— Наблюдают, — ответил Удалов. — Чего бы им не наблюдать?

— Не по-людски, — сказал Ложкин. — Надо было сперва спуститься, поговорить с нами, получить разрешение. Потом бы и наблюдали. Мало ли какие секретные объекты они выследят?

— Ну, у нас в Гусяре секретных объектов пока что не было, — усмехнулся Грубин.

— Не исключено, — возразил упрямый пенсионер, — что они есть, но такие секретные, что ты и не подозреваешь.

— Разведчик-три, разведчик-три, — заговорила переводческая машина. — Почему не отвечаешь?

— Заметил странное скопление аборигенов. Стоят в очереди перед хозяйственным магазином. Жду от них разумных поступков.

— Обещали завтра обои выкинуть, — объяснил Грубин. — Три дня уже люди дежурят.

— Стояние в очереди еще не признак разумности, — заключила переводческая машина. — Поищите что-нибудь более перспективное.

— В этом они правы, — вздохнул профессор.

— Неразумные бы толкались, — сказал Ложкин, — а если в очереди, значит, порядок.

— Только бы они днем очередь за водкой не увидели! — всполошился Удалов.

— Вызывает разведчик-два, — услышали они тут, — срочное сообщение. Двуногое существо бежит за четвероногим. Вот оно догнало его... О, я не переживу этого! Двуногое ударило четвероногое ногой! Четвероногое издаст жалобные звуки!

Издаലെка, с улицы, донесся собачий визг. Удалов кинулся к окну. Улица была темна, под отдаленным фонарем мелькнула человеческая тень.

— Ну и что? — воскликнул Ложкин. — Ну, шел человек по улице, увидел собаку. Мог же он испугаться? Имел право с испугу ее ногой отогнать? Я спрашиваю, имел ли он право...

Минц поднял руку, стараясь остановить Ложкина.

Голос корабля пришельцев был тверд и категоричен:

— Это важное открытие. Если двунogie бьют четвероногих, следовательно, двунogie неразумны.

— Разумны, но ошибаются! — поправил его Ложкин.

— Говорит разведчик-четыре, — произнесла переводческая машина. — Разрешите вернуться на корабль. Попал в облако дыма, выбрасываемое здешним заводом. Мне плохо... мне плохо...

— Разведчик-четыре, держитесь! Высылаю спасательную команду.

— Ну вот, — вздохнул устало Удалов. — Сколько раз говорили директору фабрики пластиковых игрушек, чтобы установил фильтры...

— Может, это не наша фабрика? — сказал Грубин с надеждой.

— Наша.

И все знали, что наша...

— Надо что-то делать, — рсшил Удалов. — А то у них останется превратное представленис... Фонарик есть?

Мицц без слов достал из-под подушки электрический фонарик. Хотя он уже давно жил один, но в детстве мама не давала ему читать по ночам, и он так привык читать под одеялом с электрическим фонариком, что до старости не смог избавиться от такой привычки.

— Я пойду.

Удалов вышел в коридор и спустился во двор. Никто его не остановил.

Удалов встал посреди двора, направил фонарик в небо и зажег его. Затем стал включать и выключать его. Сначала два раза включил и выключил. Потом еще два раза. А еще подождав, включил и выключил его четыре раза подряд.

— Доказывай, не доказывай, — проворчал Ложкин, глядевший на это дело в окно, — все равно одиночными действиями агрессию не остановишь.

— Центр! — раздался голос в переводческой приставке. — Во дворе дома № 16 по улице Пушкина наблюдаю двуногую фигуру с электрическим фонариком. По-моему, он пытается доказать мне, что их цивилизация уже достигла умения складывать два и два.

— Вас понял, — послышался ответ. — Вас понял. Разведчик-два, продолжайте наблюдения. Но особенно не переоценивайте своего открытия. Известно несколько видов рыб, которые считают даже до пятнадцати.

— Ну, это им так не пройдет, — возмутился тогда Грубин, выскочил, как есть, через окно во двор со второго этажа, отобрал у Удалова фонарь и начал очень быстро перемещаться по двору, держа фонарь огоньком вверх. Он так быстро бегал, что на фоне черной земли возникли очертания известной теоремы Пифагора. Когда Грубин утомился от беготни и остановился, в приемнике снова раздались два голоса:

— Докладывает разведчик-два. Центр, слушай, может быть, мне показалось, но другой абориген бегал по двору того же дома и с помощью фонарика пытался показать мне общее начертание известной теоремы «штаны Приудоникса».

— Пифагоровы, Пифагоровы, — поправил строго Ложкин.

— Прекратите наблюдение за ничтожным объектом, — сказал голос Центра. — Уровень цивилизации измеряется

не отдельными попытками научиться считать или даже читать, а ее общими достижениями. Разведчик-один, сообщите мне, каковы результаты замеров у края их муравьиного скопления.

— Я потрясен, — раздался голос первого разведчика. — Они выбрасывают грязь в водоемы и воздух, которым дышат, причем не только сами дышат, но и заставляют дышать окружающих.

— Слышите, разведчик-два? Они буквально ходят под себя. Вам понятно это грубоватое выражение?

Ложкин протянул руку и хлопнул ладонью по кнопкам. Разговор инопланетных исследователей прервался.

— Хватит, — не выдержал Ложкин. — Это мне противно слушать.

— Погодите.

Минц включил систему вновь.

Вернулись Грубин с Удаловым.

— Как результаты? — спросил Грубин. — Они теорему угадали?

— Они Пифагора Приудониксом зовут, — сообщил Ложкин. — Нечего нам с ними разговаривать.

— Неужели связь налажена? — обрадовался Удалов.

— Боюсь, что наоборот, — сказал Минц. — Они не хотят признавать нас разумными.

— За что же?

— Их не убеждает, что мы знаем теоремы. Они считают, что мы грязно живем.

— Лев Христофорович! — взмолился Удалов. — Нельзя ли машину наоборот переставить? Чтобы мы им сказали...

— Постараюсь. — Профессор начал щелкать кнопками. — Вот, можете, Корнелий Иванович, общаться с братьями по разуму, сколько вам хочется.

Удалов взял микрофон, прокашлялся и начал:

— Вы меня слышите, братья по разуму?

— Кто вышел на связь, кто вышел на связь без разрешения? — рявкнул в ответ Центр.

— К вам обращаются представители земной цивилизации. Цивилизации, которую вы сейчас увидели собственными глазами и величия которой вы не смогли осознать!

— Хорошо излагает, — одобрил Ложкин. — Ты не стесняйся.

— Выйдите из эфира, вы мешаете нормальной работе, — ответил Центр. — Мы не вступаем в переговоры с аборигенами.

— Мы не аборигены, — возразил Удалов. — Мы можем похвастаться большими успехами в науке, сельском хозяйстве, а также в искусстве и литературе.

— Я его взял на луч, — сообщил другой голос, принадлежавший одному из разведчиков. — Это тот самый, который умеет два и два складывать. Я его узнал.

— Правильно, — согласился Удалов. — Я умею не только считать и писать, как вы высказались в своих разговорах. Я умею также многое другое.

— С ума сойти, — возмутился Центр. — Мы теряем время, а он занимает эфир.

— Присмотритесь к нам! — закричал в отчаянии Удалов. — Нам обидно, что вы нас не признаете. Мы достойны дружбы и товарищества.

— Придется улетать, — решил Центр. — Разведчиков прошу вернуться на корабль. Никогда не думал, что аборигены могут быть настолько назойливы и бестактны.

— Так вы не хотите? — угрожающе спросил Ложкин, отобрав у соседа микрофон.

— Мы ничего не хотим, — сказал Центр. — Оставьте нас в покое. Мы прилетаем к планете, открываем ее...

— Не надо нас открывать, — произнес Ложкин. — Мы уже открыты.

— Мы открываем, — настаивал Центр, — разочаровываемся низким уровнем культуры и технологии, узнаем, что вы живете в муравейниках, портите воду и воздух, истребляете других живых существ, делаем вывод, что вам еще надо развиваться миллионы лет, чтобы получить право зваться цивилизацией, и вдруг вы имеете наглость вмешиваться в наши разговоры, в нашу деятельность и начинаете выпрашивать наше внимание... нет... Нет, так не пойдет. Разведчики на борту?

— Погодите, — воскликнул Удалов. — Еще не все потеряно. Мы будем учиться!

— Все по местам! — скомандовал Центр. — Дети, наша школьная экскурсия на дикую планету закончилась раньше, чем мы предполагали. Но главное вы поняли —

когда видите дикаря, старайтесь держаться от него подальше. Дикарь злобен, нахален и навязчив...

Последние слова донеслись уже тихо — понятно было, что корабль пришельцев улетает от Земли в неведомые дали космоса.

— Да... — вздохнул Грубин. — Это были дети.

— От детей разве дождешься чуткости, — сказал Ложкин. — Дети во всем мире нахальные, а если им разрешают еще по космосу шастать, то таких детей лучше и не слушать.

— Разумеется, — согласился Минц, отключая аппаратуру и протирая глаза — его клонило в сон. — Разумеется, мы можем скептически отнестись к выводам о нашей жизни, которые принадлежат инопланетным школьникам.

— Если бы взрослые, то поняли бы, — проговорил Удалов.

— Если бы это были взрослые, — тихо поправил его Грубин, — они могли бы и не такие выводы сделать... не в нашу пользу.

— Сколько можно! — возмутился вдруг Ложкин. — Говорю я, говорю везде, что пора заняться очисткой окружающей среды, а то перед космосом стыдно. Ноль внимания! К нам уже космических детей не пускают!

Остальные промолчали.

1977 г.

КОПИЛКА

Моральные нормы в разных концах Галактики различны, а соблазны, порожденные наукой, велики. Попробуйте поставить себя на место существа, с вашей точки зрения, безнравственного: как бы вы повели себя на его безнравственном месте? Вот, скажем, поступок Миши Стендаля — он понятен для жителей города Великий Гусляр, но будет ли одобрен на отдаленной планете? И не вызовет ли ответных мер?

Миша Стендаль сидел в городском сквере у центральной площади и ждал автобуса, на котором должна была приехать из Вологды Шурочка Родионова. Автобус запаздывал, и розы, купленные у тетки Ариадны, уже повяли. Было жарко. Шел третий час дня.

Когда пришелец из космоса проходил мимо скамейки, Стендаль не сразу сообразил, что это пришелец, так убедительно он был замаскирован под человека.

Но тут Миша увидел копилку.

Пришелец прижимал ее левой рукой к боку, как толкатель прижимает ядро, входя в сектор. Это был шар, покрашенный в красный и желтый цвета таким образом, что мог сойти издали за большое яблоко.

— Разрешите? — спросил пришелец у Стендаля.

— Пожалуйста.

Пришелец сел рядом, положил копилку на колени и прикрыл ее ладонями. С минуту он молчал, глядя на колокольню и ворон над ней, затем обернулся к Стендалю и сказал:

— Автобус опаздывает. Будет через час.

Природа обделила его вопросительной интонацией.

— Как вы узнали? — спросил Стендаль.

— Знак

Теперь у Стендаля не оставалось сомнений, что перед ним пришелец из космоса.

— Издалека к нам прилетели?

Жители других городов удивляются обыденности гуслярской реакции на пришельцев. А что удивляться — привыкли, вот и все.

— Имя моей планеты ничего вам не скажет.

Стендаль кивнул, соглашаясь с пришельцем.

— Вы хорошо говорите по-русски, — отметил он.

— Прошел курс обучения. А сейчас мы теряем время.

— Но мы не можем поторопить автобус.

— Но можем поторопить время.

Стендаль сдержал улыбку.

Пришелец поглядел на него в упор. Глаза у него были темные, скучные, настойчивые.

— Люди, — произнес он с осуждением, — враги времени. Они выбрасывают его, терзают, убивают и топчут.

— С вами трудно спорить, — вежливо ответил Стендаль, поглядывая направо, откуда должен был показаться автобус.

— Уже час вы ничего не делаете, — сказал пришелец, — а ждете автобус, который в данный момент меняет спущенный баллон в сорока километрах от вашего города. Я вам могу помочь. Я возьму у вас лишнее время.

— И что произойдет?

— Приедет автобус. Вы встретите свою возлюбленную. А я положу час времени в этот аккумулятор.

Пришелец приподнял ладони, чтобы Стендаль мог лучше рассмотреть копилку.

— Никель-кадмиевый? — спросил Миша, проявляя некоторое знакомство с научно-популярной литературой.

— Нет, стеклянно-оловянный, — ответил пришелец серьезно. — Но с двойным деревянным микросепаратором. Уникальная вещь.

— Понятно, — проговорил Стендаль, потому что ничего не понял. — Но зачем вам время?

Он сразу поверил пришельцу, однако принцип аккумуляции времени был для него нов.

— Время — самая большая ценность во Вселенной. От его недостатка гибнут цивилизации. Я агент по сбору

времени. То, что не нужно вам, в ином месте стоит бешеных денег.

Говоря так, пришелец вытащил из кармана серебряный проводок, один конец которого он прикрепил к копилке, а второй, с иглой на конце, протянул к руке Стендаля.

— Больно не будет, — сказал пришелец. — Только дотроньтесь до конца проводки, и время, которое для вас лишнее, перейдет в мою копилку.

Жара не спадала, автобус опаздывал. Стендаль протянул руку. Правда, оставалась опасность, что пришельцу нужно не время, а, допустим, кровь Стендаля, но вероятность ее была очень мала: среди высокоразвитых цивилизаций, которые посылали корабли к Земле, изуверы еще не встречались.

Стендаль ощутил легкий укол, за которым последовал негромкий щелчок в голове.

— Спасибо, — сказал пришелец. — Надеюсь, мы еще увидимся.

Он сунул проводок в карман и поднялся. Миша вежливо наклонил голову и увидел, что тени на земле стали длиннее. Он поднял голову — кучевые облака, которые висели посреди неба, куда-то исчезли. Стендаль не успел обдумать это, потому что справа из-за угла показался пыльный, усталый автобус. Надо бы поблагодарить пришельца, подумал Стендаль, но того не было видно: наверное, охотился за другими бездельниками. А может, и не надо благодарить, потому что автобус, конечно же, приехал сам по себе. А пришелец ничем не отличался от тех надоедливых гостей из космоса, которые то и дело возникали в Великом Гусяре со своими блокнотами и магнитофонами, чтобы проводить психологические исследования землян.

Шурочка была рада тому, что Стендаль ждет ее. Стендаль сказал:

— Прости, что цветы завяли. Жарко очень.

— Ничего, — успокоила Шурочка. — Я их в воду поставлю. Мы бы не опоздали, если бы не этот баллон.

— Какой баллон?

— Ну, колесо. Целый час меняли, если не больше.

Стендаль посмотрел на часы: начало пятого. Правда, не исключено, что он задремал на скамейке. И все же ему

хотелось еще раз встретиться с пришельцем. Если тот не лжет, в Великом Гусляре он найдет золотую жилу.

Вечером, проводив Шурочку из кино, Стендаль столкнулся на улице с Корнелием Удаловым, начальником стройконторы. Тот спешил.

— Миша, — сказал он, — как насчет субботней рыбалки?

— До субботы еще дожить надо, — ответил Стендаль. — Пять дней.

— Если не меньше, — загадочно сказал Удалов и поспешил дальше.

— Я вас провожу! — крикнул Стендаль вдогонку.

— Не стоит.

— Почему?

— Личная встреча.

И тогда Стендаль задал вопрос в лоб:

— Пришельцу время отдаете?

— Что? — Удалов остановился. — Ты знаешь?

— Сам отдавал.

— Тогда идем.

Они шли быстро. Удалов рассказывал:

— Я в магазине был, леску покупал. Там еще другие были. Грубин, Ложкин. Тот пришелец слушал, как мы говорим, а потом подходит ко мне и спрашивает: «Трудно, Корнелий Иванович?» — «Что трудно?» — говорю. «Ждать трудно. Пять дней до субботы, пять дней ждать такого сладкого момента, когда можно будет поплевать на червяка, широко размахнуться и закинуть крючок в тихие воды озера Копенгаген». Ясное дело, человек понимающий. А он продолжает: «Хотел бы ты, Удалов, чтобы завтра с утра была суббота?» — «Шутите!» — отвечаю. «Какие шутки, — говорит он. — Приходи вечером в гостиницу «Гусь», в комнату три, сдашь мне лишнее время». Я решил — шутит, бывают же пришельцы с чувством юмора. Но потом пришел домой, на столе квартальный отчет, жена ворчит. Не выдержал, написал записку...

— Какую записку? — перебил Стендаль.

— А он велел. Напиши, говорит, записку, что тебя в командировку послали. Чтобы другие не спрашивали: где Удалов?

— То-то не нравится мне эта благотворительность, — сказал Стендаль.

Но развить свою мысль не успел, потому что подошли к гостинице, и Удалов скрылся за дверью.

А Стендаль остался на улице, чтобы подумать и подождать. Прошло минут пятнадцать. И тут под светом фонаря Стендаль угадал еще одно знакомое лицо. Лицо принадлежало Серафимову. Слегка одутловатое, оно приелось всему городу, потому что не сходило со щита «Не проходите мимо». После того как Стендаль в хлестком фельетоне разоблачил его антиобщественную сущность, Серафимов пить не прекратил, но проникся к Мише уважением, так как благодаря ему приобрел репутацию первого пьяницы в Гусляре. А слава всегда приятна.

Завидев Стендаля, Серафимов широко усмехнулся, вытащил из-за пазухи сильно потертую вырезку из газеты и помахал ею вместо приветствия.

— Помню, — сказал он. — Перечитываю. Здорово ты меня!

— Вы куда собрались? — спросил строго Стендаль, который нес ответственность за судьбу своего антигероя.

— Есть один хороший человек, — ответил Серафимов. — Поможет.

— В чем поможет?

— Комната три. Лишнее время собирает.

— А вы тут при чем?

— До получки сколько, а? Шесть дней. А от прошлой что осталось?

И вместо ответа Серафимов поболтал рукой в кармане, откуда донесся жидкий звон.

— Что он вам обещал?

— Ты, говорит, заснешь, понимаешь, а проснешься — уже и получка.

— А до получки кто за вас работать будет?

— Тоже мне работа, — вздохнул Серафимов. — Одно перевоспитание.

И с этими словами он исчез в дверях гостиницы.

В течение следующего получаса в гостиницу входили разные люди. Некоторые выходили обратно, некоторые — нет. Пробило одиннадцать часов, а Удалов так и не вернулся. Стендаль решительно вошел в гостиницу и постучал в дверь третьего номера.

— Войдите, — послышалось в ответ.

Комната была невелика. Кровать под розовым байковым одеялом с белочками, шкаф, стол с графином и двумя стаканами. На столе рядом с графином лежала копилка.

— Сколько отдаете? — сразу спросил пришелец, не узнав Стендаля.

— Я не отдаю, — сказал Стендаль. — Хочу поговорить.

— Давайте. Только недолго. Трудный день. Собираюсь поспать. Завтра будет еще труднее.

— А как со временем? Не жалко тратить на сон?

— С моими запасами, — пришелец любовно погладил копилку, — я могу смело проспать неделю.

— Много набрали?

— Сегодня больше, чем вчера, — туманно ответил пришелец. — Лавинообразный эффект.

— А где Удалов?

— Ищите его в субботу. Он на рыбалку спешил.

— Нет, где он сейчас?

— Не знаю. Я торговый агент, в технические подробности не вдаюсь. Нет его до субботы, нигде нет.

— А Серафимов?

— Возникнет в день зарплаты. И остальные — кто когда. Кстати, хотя мой рабочий день закончился, по дружбе могу взять у вас время до шести завтрашнего вечера.

— Зачем? — не сразу понял Стендаль.

— Шурочка Родионова кончает работу в шесть, — проявил информированность пришелец.

— Нет, спасибо, — сказал Стендаль и откланялся.

Настроение у него было поганое. Он был растерян. Особенно его смущал лавинообразный эффект.

На следующий день Стендаль понял, что пришелец не теряет даром ни минуты. На улицах было меньше людей, чем обычно, автобус оказался полупустым, да и в редакции городской газеты, где Стендаль работал, кое-кого не хватало. Слух о пришельце прошел по всему Великому Пусярю. Стендалю представились ужасные картины опустевшего города, последние жители которого мнутя в очереди к гостиничному номеру.

Надо было что-то делать.

Хорошо бы, конечно, разбить к чертовой бабушке эту копилку. Но вдруг люди, которые неизвестно где отбывают отданное время, не вернутся к своим семьям? Стендалю не давали сосредоточиться визиты и телефонные звонки: женщины, потерявшие мужей, а также мужья, потерявшие жен, штурмовали газету, полагая, что она может им помочь. Особенно тяжелой оказалась встреча с Ксенией Удаловой, которая не поверила в пришельца, поскольку была уверена, что Корнелий уехал в Потьму к мифической возлюбленной Римме.

Сначала Стендаль объяснял, в чем дело, но потом перестал, потому что некоторые тут же кидались к пришельцу, чтобы отдать ему свое время и воссоединиться с близкими.

Шурочка ждала Стендаля в сквере. Сердце его заби-лось горячо и быстро.

— Мишенька, — произнесла она, глядя на него сияющим взором. — Я так без тебя скучала.

— Я тоже.

— Я освободилась в два часа и стала звонить тебе на работу, а там занято.

— Сумасшедший день, — ответил Стендаль. — Сейчас все расскажу.

— Хорошо, что Мила подсказала, — продолжала Шурочка. — Тут есть один пришелец, он лишнее время берет.

— И что? — Стендалю стало холодно.

— Я к нему сбегала, четыре часа отдала — и сразу сюда.

— Это же не лишнее время! — закричал Стендаль на весь сквер. — Лишнего времени не бывает! Тебя обокрали!

— Но зато сразу встретились...

— Стой здесь, — сказал Стендаль. — Никуда не уходи.

Шурочка послушно замерла.

Стендаль добежал до гостиницы, растолкал очередь жаждущих отдать время и ворвался в номер пришельца в тот момент, когда бабушка Степанкина, которая, как знал Стендаль, через полгода ждала из армии внука, растворялась в воздухе.

— А, это вы, — сказал пришелец. — Давно не виде-

лись. У меня неплохое приобретение. Видели, старушка исчезла? Я ее на шесть месяцев убрал.

— Вы знаете, что вы вор и разрушитель? — спросил зловеще Стендаль.

— Неправда. — Пришелец придвинул к себе копилку, потому что у него была отлично развита интуиция. — Я делаю то, о чем меня просят. Все эти люди живы и здоровы.

— Где живы?

— А это неважно. Если я вам скажу, что они пребывают в компактном подпространстве, вы успокоитесь?

— Не успокоюсь. У нас, людей, есть слабости. Нам кажется, что жизнь построена на ожидании. Кому нечего ждать, тот ни к чему не стремится. И вам это известно.

— Я иду людям навстречу. В чем же моя вина? — Пришелец нахально улыбнулся.

— Вы преступник, — твердо сказал Стендаль. — Вы вор.

— Кстати, о преступниках, — сказал пришелец. — Есть у меня задумка. Имею в виду тюрьму. Но не знаю, как туда проникнуть. Может быть, скромное преступление? За что у вас дают пятнадцать суток? Этого срока мне достаточно.

— Проникнуть туда вам, может, и удастся, но всех пребывающих там... В общем, копилку вам взять не разрешат.

— Вы уверены? Тогда есть другая задумка...

И Стендаль понял, что ждать больше нельзя.

Как тигр, он бросился на копилку и со всего размаха грохнул ее об пол. Микроскопические детали брызнули во все стороны, словно копилка была набита муравьями.

— Простите, — извинился Стендаль, — у меня не было другого выхода.

— Я буду жаловаться! — кричал пришелец, становясь на колени и сгребая руками детали. — Вы думаете, сепараторы на дороге валяются? Ни одна мастерская в ремонт не примет!

Стендаль вышел из номера. Навстречу ему шла Ксения Удалова и тащила за руку сына Максимку. На щеках у нее были две вертикальные полосы от долгих слез.

— Где он? — крикнула Ксения. — Нету больше мочи ждать. Пустите нас к мужу и отцу!

— Возвращайтесь домой, — сказал Стендаль. — Надеюсь, что он вас уже ждет

Взгляд его упал на часы, висевшие над столом администратора. Маятник их замер в неудобном положении. Стендаль поднес к уху свои часы. Часы молчали.

— Еще бы, — сказал он вслух. — Сколько его там, в копилке набралось!

Шурочка послушно ждала его в сквере.

— Я разбил копилку, — доложил Стендаль.

— Я поняла, — сказала Шурочка. — Вон сколько народу на улице. И часы у меня остановились. Это теперь всегда так будет?

— Скоро кончится.

— Многие будут недовольны твоим поступком, Миша.

— Я знаю. Но не раскаиваюсь. Ведь ты меня понимаешь?

— Понимаю, — ответила Шурочка с некоторой грустью. — Но иногда так трудно тебя дождаться.

К ним подошел грустный Серафимов.

— Писатель, — сказал он, — дай рубль до получки.

ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ!

Инопланетянин Коко повадился к Удалову. Он третий день почевал на шкафу, таился от Ксении, которая гнала его метлой. Ксении не нравились ящерицы, покрытые розовыми перьями.

Вечерело. Косые лучи солнца ласкали подоконник, на котором нежился Коко, кося фиолетовым глазом на Удалова, чинившего спиннинг. Из городского парка доносились хоровое пение: хор речников готовился к юбилею городской пристани.

— Ничего у тебя не получится, Корнелий, — сказал вдруг Коко.

— Ты о чем?

— О твоей мечте. Завтра ты намерен первым катером отправиться вниз по реке, потому что в омуте за Хомутовкой живет налим-долгожитель. Но с рассвета движение катеров по реке отменяется, пристань превратят в трибуну и эстраду. Пока мероприятие не завершится и не будут спеты все песни, никуда ты не отплывешь.

— Ну, это ты преувеличиваешь, — возразил Удалов. — До Хомутовки и даже до Раскола, кроме как катером, ничем не доберешься. Люди по делам, на работу, на рынок ездят...

— Смотрю я на тебя и удивляюсь, — Коко потянулся, почесал коготками гладкий животик. — Знаешь, что я прав, а все равно завтра попрешься на ту пристань, будешь надеяться, что здравый смысл восторжествует. Что хоть один катер отправят вниз по реке.

— Но зачем все катера отменять? — воскликнул Удалов. — Почему из-за пустого юбилея людям столько неудобств?

— Потому что другим людям на этих людей наплевать.

— Но это неправильно! Об этом по радио теперь критикуют.

Коко мелодично засмеялся.

— Я в школе учил, — продолжал Удалов, — человек человеку друг, товарищ...

— И волк, — нахально вмешался Коко.

— Пришибу, — сказал Удалов. — Надоед ты мне. Никакой ты не галактический брат, а просто провокатор и демагог.

— Ругаться легче легкого, — возразил Коко. — Ты ругаешься, чтобы поменьше думать. Потому-то вы, люди, и станете легкой добычей...

Но чьей добычей, Удалов не услышал, потому что со двора грянула музыка. Это пришел из техникума подросток Гаврилов и включил на полную мощность японскую систему.

— Этого еще не хватало! — возмутился Удалов, закрывая окно. — Сам оглохнет и других изуродует.

— А ему наплевать, — сказал Коко.

— Это что, болезнь?

— Болезнь? — Коко поглядел на Удалова в упор и прикрыл глаза шершавыми пленками. — Да, это болезнь. Хуже СПИДа.

Уголки узкого рта прищельца загнулись кверху — он улыбнулся.

— Ты что-то знаешь?

— Знаю.

— Признавайся.

— Не могу, подписку давал.

— Где?

— На моей планете.

— Как же ты мог подписку на своей планете давать, если это наша, земная болезнь?

Коко вздохнул.

— Люблю я тебя, Удалов, — сказал он. — И ты меня терпишь. Хочешь, правду скажу? Только в обморок не падай.

— Говори.
— Происходит инопланетное вторжение, — сказал Коко.

— Это кто же вторгается?

— Есть желающие.

— Коко, не темни!

— Мы давно собирались Землю завоевать. Искали разные пути. Ведь мы кто? Гуманисты. Не хотим мы вас бомбами закидывать. Все должно быть культурно. Пришлось нам в людей внедряться.

— Не понимаю.

— Чего тут непонятного? Внедрится, допустим, в подростка Гаврилова наш агент. Тот об этом и не подозревает. И не замечает, как заболевает страшной и неизлечимой болезнью. Название ее слишком научно, чтобы ты понял. Смысл его можно перевести словом «наплеви́зм». К примеру, решил кто-то поставить галочку в отчете и устроить юбилей речной пристани. Для этого он сорвал с учебы весь речной техникум и заставил учащихся три дня подряд репетировать в городском парке хоровое пение и ходьбу строем. Потом деньги, что выделены на ремонт общежития, он пустил на изготовление трех тысяч цветных флажков и двадцати лозунгов общей длиной четыреста метров. Закрыв движение по реке. Еще много чего совершил ко всеобщему неудобству.

— Нет, — сказал Удалов. — Ты шутишь. У нас это давно наблюдается.

— Мы тоже не первый год внедряемся.

— Но зачем? Что за смысл?

— Ослабляем сопротивляемость. Кто свяжет рядового налевиста с инопланетным вторжением? Скажи ты кому об этом — на смех поднимут. Но уже близко то время, когда все будут заражены. Вас и завоевывать не надо будет. Сами свалитесь к нам в лапки, как перезрелые груши.

Удалов зажмурился. Куда идти? В какой набат бить?

— Основной симптом наплеви́зма — полное несоответствие масштаба собственной выгоды и конечного катастрофического результата. Допустим, страдающий

наплеви́змом чиновник подписывает бумагу об уничтожении какой-нибудь речки, а то и моря. В каких масштабах он мыслит? В мелких. Он же больной, он же держит в голове только премию в сколько-то рублей, которую получает за новое начинание. А на то, что миллион человек без воды останется, что миллион голов рыбы подохнет, ему наплевать.

— Нет, — сказал Удалов. — Не может быть, чтобы вы это изда́лека спланировали. Это наше, родное. Газеты читай.

— Не веришь — не надо, — сказал Коко. Он спрыгнул к холодильнику, открыл его, вытащил бутылку кефира, коготком прорвал крышку и стал пить из горлышка. — Еще десять лет, и наплевисты вас по миру пустят. И тогда мы голыми лапками...

— Погоди, — сказал Удалов. — А как отличить, кто зараженный, а кто свой?

— Отличить можно. У них взгляд особый. Вовнутрь. И некоторая заторможенность движений. Ведь наплевист, сам того не зная, все время ждет приказа от внедренного паразита.

Тут хлопнула дверь, вошла Ксения. Коко сиганул на шкаф, и разговор прервался.

Но он оставил в душе Удалова глубокую рану. Даже когда Ксения погнала мужа за хлебом и маслом, он ни о чем другом, как о космической угрозе, думать не мог. Смотрел на прохожих с недоверием, заглядывал им в глаза, и верил инопланетному мерзавцу, и не верил.

По улице ехала поливальная машина, поравнялась с толпой, что ждала на остановке автобус, и облила людей. Люди ругались, прыгали во все стороны, а Удалов заглянул в кабину: какой взгляд у водителя? Взгляд ему показался направленным вовнутрь. Вошел Удалов в магазин, продавщица давно ушла куда-то, люди волновались, звали. Наконец продавщица вернулась, в ответ на сетования очереди рявкнула что-то, но показалось Удалову, что с опозданием, словно дождалась приказа внедренного пришельца. И с каждой минутой Удалову становилось все хуже.

Он вышел на улицу. Мимо с хоровой песней нестройно шагала колонна речников. И взгляды у них... нет, черт побери! Взгляды разные, старался убедить себя Удалов.

Дорогу ему преградил поток. Прорвало трубу. Из нее хлестало. Водопроводчики сидели поодаль, пили лимонад.

Сейчас подойду к ним, сказал себе Удалов, и прямо скажу: вы же больные люди. В вас внедрили наплевизм. Давайте вместе бороться. А что они мне ответят? Ох, как они мне ответят! Удалов ускорил шаги и миновал водопроводчиков, так ничего и не сказав. В конце концов, убеждал он себя, что мне, больше всех нужно? Я же ничего не могу поделать. Плевал я...

Услышав собственную мысль, Удалов замер от ужаса.

Потом сделал два шага, подошел к большой витрине, заглянул в нее. Какой у меня взгляд? Вовнутрь или наружу?

Ничего не разберешь.

Сверху донесся мелодичный смех. На крыше табачного киоска сидел пришелец Коко и смеялся.

— Пошутил я, — сказал он. — Не бойся. Ваше это. Ваше. Родное.

1987 г.

ПРОЩАЙ, РЫБАЛКА

Когда Попси-кон с планеты Палистрата посетил Великий Гусляр, он пользовался бескорыстным гостеприимством Корнелия Удалова. Улетая, Попси-кон пригласил Удалова в гости в удобное для того время. Удобное время случилось следующим летом, и Корнелий Иванович собрался на Палистрату.

Невысокий стройный Попси-кон ждал Удалова на космодроме. Он был несказанно рад другу, обнял и поцеловал в щеки, чему научился на Земле. Беспреданно болтая, расспрашивая об общих знакомых, о погоде, о жилищном строительстве и видах на урожай в Гусляре, он провел Удалова к своей машине, и они поехали в город.

Удалов с интересом смотрел по сторонам, разглядывая обитателей Палистры и знакомясь с условиями их жизни.

Машина мягко катила по подметенным улицам столицы, обсаженным невысокими пышными деревьями, мимо скромных, изящных вывесок и со вкусом оформленных витрин. Казалось, что никто в этом городе не спешил, люди терпеливо ждали на перекрестках зеленый свет, чтобы пересечь улицу, дети были вымытые и аккуратные.

— Вот и наш дом, — сказал Попси-кон, останавливая машину у одноэтажного особняка, утопавшего в саду. — Здесь все, Удалов, к твоим услугам. Живи, сколько хочешь, развлекайся, телевизор на столе. Но поначалу на улицу без меня не выходи.

— А что, не изжиты случаи хулиганства? — спросил Удалов.

— Изжиты, — ответил Попси-кон. — Хулиганства у нас почти не наблюдается. Живем тихо. Заняты работой и творчеством. Но есть одна опасность для непосвященного...

Договорить Попси-кон не успел, потому что они вошли в гостиную, где поджидали домочадцы, и Удалов начал с ними знакомиться.

Сначала к Удалову подошла маленькая девочка и сказала:

— Здравствуйте. Как долетели, голубчик? Не трясло?

— Спасибо, крошка, — сказал Удалов. — Долетел отлично. А ты уже в школу ходишь?

Он отыскал в кармане конфету трюфель и протянул ребенку.

Девочка хихикнула и взяла конфету.

— Ты мне не писал, что у тебя дочка есть, — сказал Удалов хозяину дома.

— Дочка? Нет, — ответил Попси, ласково улыбаясь. — Разреши представить. Это мой папа.

Девочка вежливо поклонилась и, сжимая в ручке конфету, бросилась бегом из комнаты.

Удалов откашлялся, но переварить информацию не успел, потому что к нему подошел, протягивая руку, суровый старец с сизой бородой, заплетенной в косички.

Пожимая старику руку, Удалов услышал слова Попси-кона:

— Моя младшая сестра, Куцилия-коп.

— Здравствуйте, — сказал Удалов, вглядываясь: настоящая борода у младшей сестры или так, украшение.

— А жена твоя... — начал Удалов.

— Вот моя жена, знакомьтесь, — сказал Попси-кон, показывая на большую рыжую собаку, которая сидела на стуле.

Собака подняла переднюю лапу, и Удалов вынужден был пожать конечность, но при этом ощутил некоторое раздражение, подумав, что его безжалостно разыгрывают.

— Пойми нас правильно, — сказал Попси-кон, но Удалов перебил его, показывая на белого попугая в клетке:

— А это твой дедушка?

— Нет, — ответил попугай, отодвигая лапкой крючок на дверце. — Меня зовут Клопси-кон, я дядя Попси-кона.

— Ясно, — сказал Удалов, не скрывая сарказма. — Еще родственники есть?

— Есть, — ответила изысканно одетая девушка, вы-

ходя из-за портьеры. — Можете меня называть просто Кукси.

— Вы его дедушка? — спросил Удалов не без ехидства.

— Нет, — добродушно улыбнулась Кукси, — я племянница Попси.

— Ну хоть здесь все ясно, — обрадовался Удалов.

Он невольно залюбовался девичьей статью и румянцем Кукси.

— Я уже накрыла на стол, — сказала Кукси. — Мойте руки и спешите, а то остынет.

Попси провел Удалова в туалет, и Корнелий быстро привел себя в порядок, лихорадочно раздумывая, обидеться ли ему на Попси-кона за розыгрыш или пошутить в ответ. Так ничего и не придумав, Удалов вышел к столу, где собрались его новые знакомые, а также еще два ребенка, которые назвались попсиными тетками, и большой рыжий кот, сказавший басом, что он — племянник жены Попси от первого брака.

Кукси заботливо ухаживала за Удаловым, а Попси и его родственники развлекали Удалова разговорами и были столь многоречивы, что Удалову не удавалось самому задать ни одного вопроса. Но атмосфера, царившая за столом, была настолько теплой и дружеской, что Корнелий чувствовал себя как дома. За кофе кот с попугаем спели для Удалова местную народную песню, а девочка-папа сплясала чечетку. И Удалов решил воздержаться от расспросов — мало ли какие у людей бывают обычаи, мало ли кто и как называет своих родственников и домашних животных. Ведь завела же соседка Удалова Гаврилова собаку породы боксер-такса, а называет ее кисочкой.

После обильного обеда Удалова начало клонить в сон, и Попси отвел его в небольшую уютную спальню и оставил одного.

Удалов спал спокойно. Ему снилось, что к нему подходит шкаф и говорит:

— Я твоя жена Ксения, ты не узнаешь меня, козлик?

— Никогда не подозревал, что ты из красного дерева, — отвечал растерянню Удалов.

— Не беспокойся, это только фансеровка, — говорит шкаф.

— А кто же будет по хозяйству? — беспокоится Удалов. — Кто будет обед готовить, за детьми ухаживать?

— Ничего, — отвечает шкаф. — Ты двигайся, заботься, а я постою.

Удалов был готов к дальнейшим чудесам и потому не очень удивился, когда собравшаяся за завтраком семья Попси-кона оказалась иной, чем вчера. Самого Попси-кона Удалов узнал сразу, а вот милая Кукси предстала в образе толстой обезьянки и засмеялась, когда Удалов пытался отогнать животное от стола, чтобы не утащило коржики.

Кто из остальных родственников сменил за ночь обличье, а кто остался в старой шкуре, Удалов выяснить не смог, да и не стал углубляться в расспросы. Захотят, сами скажут.

После завтрака Попси-кон повел Удалова в музей.

— Здесь у нас скучновато, — сказал Попси, когда они шли через тенистый парк. — Население невелико, жизненный уровень высокий, а культура развита слабо. Скучаем.

— Слушай, — не выдержал Удалов. — Что это у вас происходит? Сначала девушка, потом обезьяна? Неустойчивость какая-то.

— Да, — согласился Попси-кон, — это у нас от скуки. Кстати, Кукси вроде бы раза в три меня толще. Я, правда, давно ее не видел.

— А где ее естественный вид? В шкафу висит?

— Кто знает...

— И трудно в естественный вид вернуться?

— Ну уж нелегко, — согласился Попси-кон.

— А как же преступность? Ведь раздолье для злоумышленников, если у людей внешность меняется. Скрыться легко.

— Ну, с этим мы справляемся, — возразил Попси-кон. — Проследить всегда можно.

Навстречу им шла группа молодых людей. При виде экзотически одетого и экзотически выглядевшего Удалова молодые люди остановились и, как по команде, вынули из карманов мячики с грецкий орех размером и с улыбками протянули Удалову.

Удалов нерешительно взглянул на Попси-кона.

— У меня ничего в обмен нету, — сказал он.

— И не надо, — ответил Попси-кон и велел молодым людям проходить дальше.

Те спрятали шарики в карманы и послушно удалились.

— Неловко получилось, — огорчился Удалов. — Мы их не обидели?

— Нет. Ты же иностранец, тебе уезжать скоро.

— Это меня не оправдывает, — сказал Удалов. — Надо было значков захватить, сувениров.

На улице возле музея Удалова окликнули:

— Эй, — сказала небольшое развесистое деревцо. — Давай, а?

К Удалову протянулась тонкая ветвь, в которой был зажат шарик.

— Нету, — сказал Удалов. — Нет у меня никакого обмена.

В музее Удалов получал эстетическое наслаждение, а Попси-кон шел рядом и радовался, что угодил другу. Все шло нормально до тех пор, пока в одном из залов они не столкнулись с экскурсией, которую вела очень крупная полная женщина с гривой рыжих волос.

— Какая красота! — вырвалось у Попси-кона.

— Нравится? — спросил Удалов. — Признаю. Но не в моем вкусе.

— Это моя мечта, — признался Попси-кон.

— Тогда знакомься, — предложил Удалов. — Если жена не возражает.

— Она не возражает, — ответил Попси-кон. — Она сегодня, если не ошибаюсь, ветеран-железнодорожник. А ты не обидишься? — спросил Попси-кон. — Вроде бы по законам гостеприимства...

— Забудь, — успокоил его Удалов. — Гостеприимство не в этом. Главное в человеке — душа, а формальности оставим дипломатам.

Эти слова убедили Попси-кона. Он направился к экскурсоводше, вынимая из кармана шарик.

Экскурсоводша улыбнулась Попси-кону и сказала слушателям:

— Простите, я сейчас к вам вернусь.

Ой, как у них здесь все просто, подумал Удалов. Даже не познакомились толком. И перед его женой неловко...

Из деликатности Удалов отвернулся и стал смотреть на полотно, изображающее сельскую сцену в момент уборки урожая. Любовался он картиной минуты две, не

больше и вернулся к действительности оттого, что его вежливо тронули за плечо. Рука была мягкой и крупной.

Удалов обернулся. Рядом стояла женщина-экскурсовод.

— Пойдем, — сказала она. — Я хочу тебе, Корнелий, показать зал современной скульптуры.

Взгляд Удалова метнулся к группе экскурсантов. Его друг Попси-кон уходил из зала, уводя за собой группу и даже не обернулся.

Оттолкнув женщину, Удалов метнулся к выходу.

— Попси! — закричал он, нарушая тишину. — Попси, куда ты?

Попси исчез, а внушительная женщина крепко схватила Удалова за рукав.

— Не хватайте, гражданка! — возразил Корнелий. — У меня жена на Земле осталась. Мне это ни к чему.

— Ах, Корнелий, Корнелий, — сказала женщина, не ослабляя хватки. — Ты же не возражал.

— Против чего? — удивился Корнелий. — У нас с вами разговора ни о чем не было. Я вас вообще первый раз вижу.

— Нет, — возразила женщина. — погоди, я объясню. Садись.

— А мой Попси тем временем исчезнет? Я в этом городе даже дороги домой не найду.

— Я и есть твой Попси, — прошлестела пышная женщина.

— А там?

— А там — экскурсоводша. И я благодарен тебе, Корнелий, что ты не помешал мне воплотить давнюю мечту — побыть в облике настоящей красавицы...

— Объяснитесь... — Удалову трудно было перейти с этой женщиной на ты, хоть она и претендовала на роль его друга.

— Понимаешь, Корнелий, — сказала женщина. — Ты же сам сказал: главное в человеке — душа. Я поменял только телесную оболочку. Мой ум, мои чувства — все сохранилось. Я ощущаю мир, как женщина-экскурсовод, я постигаю вселенную, обогащая себя новыми впечатлениями и открытиями. Но внутри — это все равно я, Попси-кон, твой друг. И если не веришь, я скажу тебе, что живешь ты, Корнелий Иванович Удалов, в городе

Великий Гусляр, на Пушкинской улице, в доме номер шестнадцать, где еще недавно я пил чай в обществе твоей жены Ксении и твоего соседа Саши Грубина. Как ты понимаешь, такой информацией на всей нашей Палистрате обладаю лишь я, Попси-кон.

— Да, тут ты меня убедил, — сказал Удалов. — Хотя все равно странно. А ты в таком виде замуж можешь выйти?

— Разумеется, могу. Но это случается чрезвычайно редко. Ведь благодаря изобретению нашего великого ученого, покойного Ксикаке-кона, который придумал генератор обмена, — Попси-кон показал Удалову шарик размером с грецкий орех, — меняемся телами мы исключительно для развлечения. С жиру бесимся. Можно сказать, что обмен телами у нас популярное хобби.

— Так значит, мне предлагали телом поменяться! — воскликнул Удалов. — А я все думал — сувениры, сувениры...

— Но я не хотел вовлекать тебя в наши развлечения, — сказал Попси-кон, поправляя прядь волос, упавшую на лоб. — Тебе возвращаться на Землю, и хотелось вернуть тебя в привычном виде. Разумеется, каждому хочется побывать в шкуре инопланетянина. Но ищи потом Удалова...

— Это правильно, — сказал Удалов, — что ты меня оградил.

— У нас, бывает, тело уйдет по рукам... Говорят, центр нападения в нашей футбольной сборной в каждом матче другой. Потому с футболом у нас неладно — никакой психологической стабильности. Некоторые тела — большой дефицит. Футболистом, кинозвездой каждый хочет стать. Большие деньги приплачивают...

— А премьер-министром? — спросил Удалов.

— Государственным служащим нельзя. Запрещено.

— И правильно, — сказал Удалов.

Удалов кинул взгляд на друга, и глаза его уперлись в полную белую дамскую шею. Стало неловко. Удалов потупился.

— А тебе, Корнелий, советую беречься, — сказал Попси-кон. — Повторяю, желающих на тебя много...

— Нет! — произнес Удалов уверенно. — Ни в коем случае.

Но по дороге к дому Удалова начал терзать соблазн. Ведь можно попробовать на минутку, на десять минут — и обратно. Попросить кого-то знакомого, ну хотя бы Попси-кона...

Попросить Попси-кона Удалов не успел, потому что они подошли к дому, а там Попси сразу вызвали к телефону. Удалов направился в гостиную и уселся в кресло. Его переполняли чувства и мысли. Он решил подождать, пока Попси освободится, чтобы попросить его одолжить на минутку тело... с возвратом.

Тут в комнату вошел пожилой горбун в черном смокинге.

— Здравствуйте, Корнелий Иванович, — сказал он.

— Простите, — ответил Удалов, — я не знаю, с кем имею честь...

— А я Пукси, младший сын Попси, — сказал горбун, разглаживая усы. — Мне девять лет, уже разрешили меняться.

— Ну и как? — спросил Удалов. — Нравится?

— Очень смешно, — ответил мальчик. — Я хочу в школу таким пойти. Правда, у нас вчера Крауксо-коник пришел в виде балерины — его с урока выгнали. А меня выгонят?

— Не знаю, — сказал Удалов. — Я бы выгнал.

— А если я приду в образе инопланетянина? — спросил мальчик.

— В каком образе?

— В вашем! У нас вы один такой. Одолжите свое тело?

— Нет, — сказал Удалов, — ты его потерять можешь.

— А если я не буду из дома выходить? — спросил ребенок.

— Нет... — Но в голосе Удалова не было уверенности.

— Может, вам мое тело не нравится? Так я сейчас поменяюсь. У меня друг в соседнем доме живет...

— А у него что? — спросил Удалов, замирая от предчувствия.

Но горбун с резвостью, странной для пожилого человека, обремененного недугом, уже побежал к выходу.

В доме было тихо. Попугай, населенный в этот момент неизвестно кем из домочадцев, мирно дремал на жердочке, на кухне звенели посудой, рядом прожужжала муха,

Удалов хотел было ее прихлопнуть, но испугался. А вдруг она — известный здешний скрипач?

Минуты через три в комнату быстро вошла курчавая девочка лет пятнадцати. В руке она держала шарик. Она протянула его Удалову:

— Это вам генератор, я его взаймы взял. Давайте, быстро меняемся. А то папа придет, он мой поступок не одобрит.

— Это ты, Пукси? — спросил Удалов. — Неловко как-то...

— Да скорей же, скорей, — поморщилась девушка.

— И тут же обратно, — сказал Удалов.

— Ну, конечно, попробую и тут же обратно.

Удалов принял шарик, сжал в пальцах. Шарик был тяжелым и прохладным. Девочка вынула из кармашка платья такой же шарик и, протянув руку, коснулась им шарика Удалова. У Корнелия на мгновение помутнело в глазах, он зажмурился, а когда открыл глаза, оказалось, что он стоит не лицом к двери, как только что, а спиной, а перед ним — знакомый полный мужчина средних лет с пшеничными редкими, вьющимися на висках волосами и круглым невыразительным лицом. Господи, понял Удалов, замирая от ужаса и восторга, это же я! Какой прогресс!

Руку холодил шарик.

— Спрячьте, а то потеряете, — сказала ему тело Удалова, в котором скрывался сынишка Попси-кона.

Удалов взглянул на свою ладонь и удивился, увидев, насколько она узка и бледна. Типичная ладошка девочки-подростка. Удалов спрятал шарик в кармашек на юбке — пальцы нашли его привычно, и тут же рука поднялась к виску и обнаружила там густые девичьи кудри.

— Вот это достижение! — сказал Удалов. Голос его оказался тонким и нежным.

А Пукси заметил голосом Удалова:

— Это самое интересное развлечение на свете. Хотел бы я завтра пойти в школу в таком виде. Может, вам нравится девчонкой быть? Я как из школы вернусь...

— И не мечтай! — сказал Удалов тонким девичьим голоском. — Я папе скажу.

В коридоре слышались тяжелые шаги.

— Ой, он идет! — сказал Удалов-Пукси.

Он бросился к раскрытому окну, перемахнул через подоконник и исчез. Удалов-девочка метнулся за ним и только увидел, как его родное тело пробирается сквозь кусты.

— Стой! — закричал он. — Отдай тело!

— Ты кто, девочка? — спросила женщина-экскурсовод.

Удалов обернулся. Горло его свела судорога. Страшно захотелось заплакать. Наверное, обладательница тела была плаксой. Он попытался вспомнить, где у него лежит носовой платок, но рука его коснулась девичьего бедра и в ужасе отдернулась...

— Неужели это ты, Корнелий? — спросил Попси-кон.

— Может быть, — сказал Удалов. — Я не знаю.

— Ты с кем поменялся?

Слезы хлынули из девичьих глаз Корнелия. Он произнес:

— Это твой сын... Он сказал: на минуточку...

— Ну, успокойся. — Толстая женщина обняла девушку за узкие плечики и прижала к себе. — Мы его поймаем, мерзавца!

— А если не поймааааем...

Слезы буквально душили Удалова, хлестали из глаз.

— Ты сам виноват, — сказал Попси, — я тебя предупреждал!

— Но я на минутку... Он обещаааал...

К этому времени все домочадцы Попси-кона сбежались в гостиную, проклиная неразумного мальчишку и глубоко сочувствуя несчастному гостю. Однако Удалов все никак не мог успокоиться, и тогда толстая обезьяна, в которой неизвестно кто в тот момент располагался, сказала так:

— Дорогой Корнелий Иванович, мы обещаем тебе, что найдем гадкого мальчишку и отнимем у него твое тело. Но я советую тебе использовать обстоятельства, в которых ты оказался.

— В каком смысле? — всхлипнул Удалов.

— Иди гулять, наслаждайся погодой и своей молодостью, нюхай цветы, ощути, насколько острее и тоньше стали твои чувства и органы обоняния. Гуляй, Удалов.

— Правильно, — сказал Попси-кон, — погуляй, друг. Мы виноваты не меньше тебя и не оставим тебя в беде...

— Никакая это не беда, — воскликнул попугай. — Считайте, что Удалов приобщился к нашим играм.

Удалов встал со стула, поправил юбочку и, звонко стуча каблучками, пошел к выходу. В самом деле, думал он, все обойдется — ведь не на помойку мое тело выкинули, ну, покажет товарищам и отдаст. А пока... Ну кто еще из моих земляков гулял в девичьем теле?

В саду Удалов остановился перед цветущим кустом роз и вдруг, глядя на шелковые лепестки, на упругие бутоны, впервые в жизни ощутил нежность аромата и изысканное совершенство цветов. Господи, подумал он, какая красота! Что же делал я все мои сорок лет? Почему этот немыслимый рисунок жилок на зеленом листе, почему эта уверенная завершенность траектории полета пчелы раньше проходили мимо моего внимания? Почему я раньше не понимал прелести живой природы? Вот идет юноша, черные волосы шевелит ветерок, глаза синие, глубокие с вниманием и интересом замерли на мне, он замедлил шаги, вглядываясь в мое лицо. Я краснею?..

Удалов резко отвернулся от юноши. Это черт знает до чего можно дойти!

В окно высунулась рыжая голова Попси-кона.

— Удалов! — сказал он. — Мы обзваниваем его друзей. Далеко он уйти не мог. У одного он уже побывал, но отказался поменяться телом. Что? — Попси-кон повернулся к кому-то внутри комнаты и исчез.

Удалов непроизвольно кинул взгляд на черноволосого юношу. Юноша не уходил. Бабочка, элегантно покачиваясь в струях душистого воздуха, опустилась на цветок, и Удалов залюбовался ею.

Толстая обезьяна вспрыгнула на подоконник.

— Беда! — сказала она. — Только что звонили! Этот негодяй поменялся твоим телом с подругой. Погоня продолжается!

Удалов не ответил.

А не все ли равно, подумал он, в какой оболочке находиться? Жизнь многообразна, и нужно познать ее тайны, пока не стал стариком и не потерял интереса к преобразованиям.

Удалов поправил юбку и медленно, расцветая девичьим стыдливым румянцем, направился к юноше.

— Здравствуй, — сказал он. — Ты здесь живешь?

— Да, — ответил юноша ломким баском.
— Может, в кино пойдем? — спросил Удалов.
— Нет, — сказал юноша. — У меня к тебе другая просьба.

— А как тебя зовут? — спросил Удалов дрогнувшим голосом.

— погоди. — Юноша увлек Удалова за кусты, чтобы его не увидели из окон.

Удалов послушно пошел за юношей, заранее трепеща от тех слов, которые суждено услышать. И этот внутренний трепет был, как ни странно, приятен.

— Слушай, — сказал юноша, вынимая из кармана шарик-генератор. — Ты в моем теле. А оно мне страшно понадобилось. Мой друг, враг обменов, сказал, что не будет со мной водиться, если я каждый раз черт знает в каком виде буду ему показываться. Я третий день себя ищу...

— Ты девушка? — спросил Удалов. — А я понял...

— Сделай одолжение, отдай мне тело, — сказал голубоглазый юноша. — Тебе все равно, оно ведь не твое. Хочешь, я приплачу?

— Как не стыдно! — возмутился Удалов. — Я здесь приезжий, второй день живу, сам свое тело разыскиваю... Как не понять!

Удалов извлек шарик, коснулся шарика юноши, и они поменялись телами, хотя, надо признать, Удалов чувствовал некоторую горечь оттого, что юноша оказался девушкой...

В новом теле было жить приятно — тело кипело энергией, хотело прыгать, бегать и совершать поступки. На прощание Удалов пожал девушке руку, ощутив тонкость и хрупкость пальчиков, столь недавно принадлежавших ему, и пожелал ей успехов в личной жизни.

Что теперь? Вернуться домой и ждать у телефона?

Он подошел к окну, заглянул внутрь и спросил обезьяну:

— Новости есть?

Обезьяна удивилась.

— Ты кто такой?

— Удалов.

— Опять поменялся? Ну, ты шустрый!

— Меня очень попросили, — сказал Удалов.

В комнату вошел Попси-кон в облике экскурсоводши. Удалов ему представился. Попси-кон был подавлен.

— Твое тело передали дальше. Мой сын скрывается в неизвестном виде и в неизвестном месте. Сейчас объявим о пропаже по радио и телевидению. Только не волнуйся!

— Я не волнуюсь, — сказал Удалов.

Но на самом деле он волновался. Новизна ощущения прошла. И в его сердце начала забираться тревога. Тревога усилилась к вечеру, когда обнаружилось, что на телевизионный призыв никто в городе не откликнулся, а вернувшийся домой в образе слоненка и жестоко выпоротый отпрыск Попси-кона сообщил, что ничем помочь не может.

Новое тело Удалова все время требовало пищи и желало прыгать и бегать. Удалов этого тела стеснялся. До середины следующего дня он скрывался в доме, удерживая тело от попыток вырваться на простор. Попси-кон утешал друга как мог, но разве поможешь утешениями, если у друга хорошо развито воображение и он представляет, что скажет жена Ксения, если он появится в Великом Гусляре в молодежном виде? А что скажут на службе? А если его тело уже утонуло? Или упало с горы? Положение становилось критическим.

После обеда, когда в доме все спали, Удалов вышел на улицу. Его влекло собственное беспокойство и нетерпение молодого тела, которому хотелось размяться. Удалов сдерживал шаги, чтобы не пуститься рысью, и нервно оглядывался по сторонам, потому что не терял надежды случайно встретиться со своим телом.

Он вглядывался в лица и думал: все на свете только фасад, только маски. Так и на Земле бывает: под лицом негодяя скрывается добрейшей души человек, за маской красавицы таится кобра, и как их всех разгадаешь, если не по поступкам?

«А вот и я!» Удалов бросился вслед за округлым мужчиной в черных очках.

— Стой! — закричал он, расталкивая прохожих. — Стой!

Он поймал человека за полу плаща и потянул к себе.

Лицо в черных очках воззрилось на него удивленно, и Удалов, сорвав очки, понял, что жестоко ошибся. На зубах

незнакомца были золотые коронки, чего себе Удалов никогда не позволял.

— Простите, — сказал печально Удалов, возвращая на место темные очки. — Я вас за себя принял.

— Потеряли тело? — спросил сочувственно прохожий. — Эта проблема встает в нашей жизни все чаще и острее. Собственное тело оказывается нужным при поездках за рубеж, на суде или на экзаменах, при прохождении военной службы или при совершении свадебной церемонии. А некоторые легкомысленные особы позволяют своему телу потеряться. Нет, пора принимать меры!

— Совершенно согласен! — воскликнул Удалов. — Вот мне сорок лет, и притом я здесь приезжий...

— Соблазнились! — вздохнул прохожий. — Вот, я тоже... И видите, чем это кончилось?

— Чем?

— Хромаю. Ногу где-то повредили, даже не знаю, при каких обстоятельствах. Поглядите: и рука обожжена, и глаз подбит, приходится в темных очках ходить...

— А мое тело тоже мальчишки взяли, — сказал Удалов.

— Ну, может, обойдется, — успокоил прохожий.

— Мне бы мое... — сказал Удалов. — Пускай с гастритом и зубной болью, но знаете... привык за сорок лет. Если не найду своего тела, уж лучше такое, как ваше, возмю. Хоть не стыдно перед женой и детьми.

И Удалов пошел дальше по улице, ощущая противоречие между бурлящей энергией своего юного тела и горьким настроением сердца.

— Пойдите! — догнал его крик прохожего. — Я не могу смотреть без горести на ваше положение. Я согласен помочь вам. Берите!

— Чего брать?

— Тело мое берите. Не первой свежести, но все же... Если вам это поможет.

— Спасибо, — искренне сказал Удалов. — Большое спасибо. Вы настоящий Человек с большой буквы.

Через две минуты Удалов продолжал путь в пожилом, страдающем болями в печени и одышкой теле прохожего. Через темные очки было трудно различать краски, нога не слушалась и все время старалась подогнуться. Чувство благодарности к прохожему постепенно начало уступать

место подозрительности. Уж очень тело было никудышным. Даже передвигалось еле-еле. А вдруг его никто не захочет взять? Что же тогда — уходить на пенсию и проводить остаток жизни по санаториям и больницам? Эх, до чего неладно получилось! Знал бы, никогда бы не полетел на Палистрату. Говорила же Ксения — сиди дома, не доведут тебя до добра твои космические приключения!

Путаясь в печальных мыслях и раскаянии, Удалов добрался до реки, что текла на окраине города. У реки сидели несколько рыболовов, кто-то купался, кто-то загорал на травке у берега.

Удалов грустно глядел на эту картину, размышляя, вернуться ли домой или утопиться в этой реке.

И вдруг его взгляд случайно упал на тот берег.

И он не поверил глазам.

Его собственное тело, почти обнаженное, в знакомых синих трусах, загорало на берегу, смежив веки и обратив столь знакомое и в общем приятное лицо к солнцу.

— Корнелий! — закричал он сам себе и тут же замолчал: обладатель его тела и не подозревает, что он и есть Корнелий Удалов.

Проклиная свою немощную оболочку, Удалов сбежал к воде.

— Гражданин! — позвал он.

Но, видно, обладатель его тела спал и не слышал.

Как перебраться через реку?

— Мальчик! — крикнул Удалов ребенку, который резвился в воде. — Ты не хочешь побыть немножко взрослым дядей? Я тебе свое тело дам.

— Такое? — спросил мальчик презрительно. — А что я с ним делать буду? Оно же ничего не умеет.

— Но мне на минутку. Мне очень надо!

— И не надейся, — ответил мальчишка и нырнул.

Ну кого позвать на помощь?

В отчаянии Удалов принялся раздеваться, чтобы попробовать переплыть речку самому, хотя все инстинкты и предчувствия подсказывали, что его новое тело плавать никогда не умело.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Удалова не пожалел рыболов и не перевез на тот берег в лодке.

Его тело мирно дремало под солнцем. Удалов нахло-

нился над телом, искренне любуясь линией своего лба, курчавостью волос на висках, маленькой родинкой на щеке. Мог ли он когда-нибудь предположить, что будет любоваться сам собой...

Обладатель тела почувствовал на себе пристальный взгляд Удалова и открыл глаза.

— Вы кто такой? — спросил он.

— Я Удалов, — сказал Корнелий. — Я за своим телом пришел.

— Не меняюсь, — сказал обладатель тела и повернулся набок.

— Это еще почему? — удивился Удалов. — Мне домой улетать. Как же я в чужой оболочке, а?

Обладатель смежил глаза и игнорировал просьбы Удалова.

Вокруг стали собираться люди. Рыболов, который привез Удалова с того берега, пришел на помощь.

— Это же гость, понимаете? — сказал он. — Ваш долг вернуть тело.

— Нет, — сказал обладатель, — ни за что! Второго такого тела мне не отыскать.

— Да почему же? — воскликнул Удалов.

— Да потому, что я — Кююкси-кон.

При этих словах обладатель тела раскрыл глаза, сел и обвел удаловским взором толпу любопытных.

По толпе прокатился почтительный шопот.

— Кто такой Кююкси-кон? — спросил Удалов.

— Это величайший из писателей нашего времени!

— Ну и что? — удивился Удалов. — Если величайший, значит, тело отдавать не надо?

— Поймите, — сказал Кююкси-кон Удалову. — Я талантливо вживаюсь в чужие образы и фиксирую в убедительных словах новые ощущения и чувства. Для моего нового гениального романа нужен настоящий пришелец. Сегодня утром мне удалось раздобыть ваше тело. Вы теперь — герой будущего шедевра. Понимаете?

— Не хочу, — отрезал Удалов. — Вы мне тело верните. Я заплачу.

— Не нужны мне деньги, — сказал писатель. — Мне нужна слава.

— Ну как же так! — возмутился Удалов, обращаясь к

толпе. — Помогите мне, товарищи, войдите в мое положение!

Но никто не сочувствовал Удалову. Все восторженно смотрели на своего знаменитого земляка и стремились пожать ему руку, удаловскую руку. И Удалову хотелось крикнуть: «Поосторожнее! Вы мне пальцы отдадите!»

В этот момент сверху донеслось жужжание. С неба спускался вертолет. Из него выскочил взволнованный Попси-кон.

— Нашли! — закричал Попси-кон, бросаясь к удаловскому телу.

... Переговоры с великим писателем о возврате тела продолжались до полуночи. Сначала на пляже, потом в доме у Попси-кона, наконец, на вилле писателя, за бутылками вина. В конце концов договорились, что писатель вернет Удалову тело за день до отъезда, а пока попользуется им, чтобы войти в образ. К ночи писатель с Удаловым так сблизились, что, обнявшись, долго гуляли по тихим улицам, пели песни, как русские, так и палистратовские, и Удалову было странно, но приятно держать самого себя под руку, обнимать за плечи и заглядывать самому себе в пьяные глаза.

Писатель честно вернул Удалову его оболочку в назначенный срок, а две недели до того Удалов, успокоившись, провел в развлечениях. Достаточно сказать, что он посетил восемь музеев, три раза был в театре, дважды в ресторане, пять раз на морских купаниях и, что самое интересное, поменял, теперь уже без боязни, восемь тел, в том числе побыл полчаса тигром, полетал над морем в образе альбатроса и шутки ради обещал руку и сердце одному провинциалу, когда проживал в теле прекрасной манекенщицы.

Провожать Удалова пришли не только Попси-кон с семейством, но и новые друзья, в частности, обладатели тел, в которых Удалов пожил. Мальчик, сын Попси, попросил прощения, и Удалов расцеловал его на прощание, что сделать было нетрудно, потому что именно этот сорванец унаследовал тело манекенщицы...

Ксения встретила Удалова ласково — ясно, почему. Ведь Удалов привез целый чемодан подарков. Поставив обед, Ксения начала разбирать чемодан, а Удалов сел

просматривать газеты за последний месяц, так как он сильно отстал в вопросах политики и спорта.

— А это кому? — услышал Удалов голос жены. — Фрукты, что ли?

Ксения держала в руке два шарика. Теперь трудно сказать, забыл ли Удалов вернуть генераторы или сунул в чемодан, надеясь, что вернется когда-нибудь на Палистрату и воспользуется ими снова.

— Положи на место, — сказал Удалов. — Это чуждая техника.

— Техника, говоришь? — сказала Ксения, которая отличалась подозрительностью. — Если чуждая, зачем привез? Сознawайся!

— Ну как тебе объяснить... Есть такая невинная игра... — Удалов отложил газету «Советский спорт» и вкратце поведал жене о странных обычаях на планете Палистрата. Ксения, разумеется, не поверила. Она удаловским рассказам не верила. Зато сразу взревновала мужа к тамошней манекенщице и возмутилась преступными, на ее взгляд, отношениями Удалова и пятнадцатилетней девчушки, тело которой ее муж якобы носил в саду. Когда Удалову надоело слушать, он поднялся с кресла, протянул жене один шарик и сказал:

— Дотронься до моего шарика, увидишь, что не вру.

— А током не ударит? — спросила Ксения.

— Током не ударит, — сказал Удалов. — На минутку перейдешь в мое тело, а потом обратно. И чтобы больше до шариков не дотрагиваться. Ясно?

Ксения подчинилась. Встала по стойке смирно, протянула вперед руку с зажатым шариком, зажмурилась, и Удалов, улыбаясь воспоминаниям о Палистрате, легко и привычно коснулся генератором генератора жены. И стал собственной женой.

— Открой глаза, — приказал он.

Ксения в облике Удалова открыла глаза, увидела перед собой Корнелия в образе Ксении и пошатнулась.

— Ох, — сказала она удаловским голосом. — С ума можно сойти.

И бросилась к зеркалу.

— Придумают тоже... — проворчала Ксения, ощупывая мужнино лицо. — Делать людям нечего.

— Ну ладно, — сказал Удалов, протягивая шарик, — поигрались и хватит. Давай, спрячу генераторы.

— Прячь, — согласилась Ксения.

Она обернулась к Удалову, поглядела на его полную женскую фигуру, на встрепанные волосы, на руки, огрубевшие от стирки, и задумалась.

— Ну, — сказал Удалов. — Сколько я ждать буду? Мне к Грубину сходить надо, сувениры я ему привез.

— Ага, — сказала Ксения голосом Удалова. — Сувениры... Козла забивать сядете. Знаю.

— Что за муха тебя укусила? Что случилось?

— А ничего, — проговорила вдруг Ксения. — Ничего особенного. Я раздумала.

— Кончай шутить.

— А я не шучу. Гляжу я сейчас на тебя, Удалов, и думаю. Сравни ты наши жизни. Я весь день с двумя детьми и с тобой вожусь, стираю; готовлю, по магазинам бегаю. Ни минуты мне покоя и никакого просвета в жизни. А ты как живешь? Пришел с работы — к телевизору, от телевизора оторвался, побежал в домино играть, в домино отыграл — с приятелями ля-ля, потом на рыбалку... Наша жизнь несравнима.

— Да ты что? — возмутился Удалов. — Я же конторой руковожу!

— А вот теперь поймешь, что такое мои заботы по сравнению с твоими, — жестко ответила Ксения. — Конторой твоей я руководить смогу — дело нехитрое. А вот ты...

— Нет! — испугался тут Удалов. — Я готовить не умею...

— Научишься, на первых порах помогу.

— Ксения, брось эти шутки. Отдай генератор!

— И не подумаю, мой любезный.

Широко размахнувшись, Ксения выкинула генератор в открытое окно. Он сверкнул в солнечных лучах и скрылся в пыльном мареве.

— Ты психопатка! — завопил Удалов и, путаясь в полах халата, метнулся к двери.

Бежать было трудно, тело на этот раз ему досталось рыхлое, тяжелое, натруженное. Ноги сопротивлялись резким движениям, норовили притормозить... Вслед ему нес-

ся знакомый смех. Кто смеет смеяться над ним? Да это его же собственный смех.

Соседи как раз усаживались за стол на дворе, они собрались играть в домино.

— Ксения! — крикнул Саша Грубин, увидев соседку. — От Корнелия вестей нету?

— Вернулся! — ответила со злостью Ксения. — Лучше бы не возвращался.

— Что с женщиной случилось? — удивился Ложкин. — В жизни не видел, чтобы она с такой скоростью передвигалась.

Соседи посмеялись словам Ложкина и стали перемешивать кости.

Удалов в растерянности остановился посреди пыльной улицы. Шарика нигде не видно. Он поднял голову. Курчаваая лысеющая голова Удалова торчала в окне. Голова ухмылялась джокондовской улыбкой.

— Ксюша, — простер к ней руки Удалов. — Ты не заметила, куда генератор упал? Может, заметила, а?

Ксения покачала удаловской головой и, не снимая с лица джокондовской улыбки, затворила раму.

Полная, грузная женщина в домашнем халате опустилась на колени и медленно поползла по дороге, разгребая ладонями пыль.

— Пока не найду, не уйду, — тихо твердил Удалов. — Пока не найду, не уйду... А то прощай, рыбалка, прощай, свобода! Не доросли мы еще до инопланетных игр.

А со двора донесся голос Корнелия Удалова:

— Подвиньтесь, друзья. Я вернулся со звезд!

Веселый шум голосов был ему ответом.

— Садись! — кричали соседи. — Забьем козла!

Толстая женщина в домашнем халате плакала на улице.

1979 г.

СВОБОДНЫЕ МЕСТА ЕСТЬ

Молодой человек в строгом синем костюме и темном галстуке остановился в дверях и нерешительно спросил:

— Кто здесь будет, простите, Лев Христофорович?

В кабинете стояли, обернувшись к нему, два человека. Один был не то чтобы толст, но объемён. Обнаженная голова удивляла завершенностью линий. Маленькие яркие голубые глаза уставились на молодого человека настойчиво и внимательно. Второй человек был моложе лысого, лохмат, худ и постоянно взволнован.

— Вы Лев Христофорович? — обратился молодой человек к лохматому, который был более похож на гения.

Но лохматый с улыбкой указал глазами на лысого, а лысый сказал строго, словно Шерлок Холмс:

— Я профессор Минц. А вы недавно назначены на руководящий пост и столкнулись на нем с непредвиденными трудностями, правильно?

Молодой человек покорно кивнул.

— И трудности оказались столь велики, что справиться с ними вы не в состоянии. Тогда кто-то из знакомых, вернее всего, руководитель нашей стройконторы Корнелий Удалов, дал вам совет пойти к доброму старику Минцу и попросить, чтобы он изобрел бетон без цемента, потому что цемент вам забыли подвезти, а сроки поджимают. Так или не так?

Молодой человек ответил:

— Почти так.

— Почему почти? — удивился Минц. — Я всегда угадываю правильно.

— Прийти к вам мне посоветовал Миша Стендаль из городской газеты, и руковожу я не строительством, а гостиницей «Гусь».

— Неужели! — воскликнул Минц. — Ивана Прокофьевича сняли!

— Давно пора, — подхватил лохматый Грубин. — Садитесь, чего стоите?

Грубин подвинул молодому человеку стул, но тот отказался.

— Насиделся, — объяснил он. — Третий день отчетность принимаю.

— Ничем не могу быть полезен, — сказал Минц. — Гостиниц строить не умею, в отчетности — полный профан.

— Выслушайте сначала! — взмолился молодой директор. — Зовут меня Федор Ласточкин, работал я в кинопрокате, а теперь кинули меня в сферу обслуживания. Надо, говорят. Согласился. Гостиница небольшая, желающих остановиться много, обслуживание хромает. Да что там говорить, без меня знаете.

— Знаем, — сказал Грубин. — У вас вывеска «Мест нет» к двери приварена.

— В принципе вы правы. Но мне от этого не легче. Два дня я объяснял отсутствие номеров ошибками предыдущего директора, а сегодня меня вызвал Белосельский и говорит, что послезавтра в нашем городе открывается симпозиум по разведению раков и значение его выходит за пределы области. А нужно для симпозиума двадцать восемь комфортабельных мест. А у меня в гостинице их всего тридцать три. И все с командировками, и все ругаются. Да еще в вестибюле человек пятнадцать сидят на чемоданах. Рассказал я обо всем моему другу Мише Стендалю, а он ответил: единственный, кто может тебе помочь, это профессор Минц. Он буквально гений. Я и пришел.

Федор поглядел на Минца страдающими глазами. И у Минца кольнуло в сердце. Еще мгновение назад он не сомневался, что укажет очередному просителю на дверь. Но молодой человек находился в критической ситуации. Побуждения его были благородны. И всего-то нужно — отыскать жилье...

И еще: замечательный мозг профессора Минца, столкнувшись с неразрешимой проблемой, начинал активно функционировать помимо воли его владельца. Он искал и отбрасывал множество вариантов, он стремился решить

задачу, не давая Льву Христофоровичу нормально принимать пищу и спокойно спать.

— Нет, — услышал Лев Христофорович голос Саши Грубина. — Тут вам, Федя, даже профессор Минц не поможет. Никому еще не удавалось устроиться в нашу гостиницу просто так. Проблема эта не научная, а социальная.

— Проблем, в решении которых наука не может принять участия, не существует, — резко ответил профессор Минц. — Все на свете взаимосвязано.

— Ого, — отозвался Саша Грубин. — Видно, все мои предупреждения впустую. Чует мое сердце, вы возьметесь за гостиницу.

— И немедленно, — сказал Минц. — Все свободны. Я начинаю думать.

— А когда приходить за ответом? — спросил с надеждой в голосе директор гостиницы.

— Симпозиум послезавтра? Значит, завтра после обеда.

Назавтра в три часа Федор Ласточкин уже стоял под окнами профессора Минца. Он нервно потирал руки, взглядывал вверх, покашливал и сохранял деликатность. Наконец голова профессора появилась в окне, солнце отразилось от лысины и ярким лучом ударилось в облако.

— Что же вы не поднимаетесь? — крикнул профессор.

— Я боялся вам помешать, — ответил директор гостиницы.

— Можно, — сказал Минц, — заходите. Яблоко уже упало.

Они просидели в кабинете Минца с трех до девяти. Из комнаты доносились голоса, иногда они поднимались в споре, иногда стихали в раздумье. Через шесть часов гостиничный кризис в городе Великий Гусляр был разрешен. И Федор отправился к себе, прижимая к животу тяжелый металлический ящик с установкой, которую Лев Христофорович разрабатывал для других целей, но мудро приспособил для расселения постояльцев.

Уже совсем стемнело, когда Федор вошел в желтое здание некогда отеля «Променад» для приезжих купцов, а теперь, когда достроился третий этаж и заменили бархат-

ные портьеры на нейлоновые шторы, — гостиницы «Гусь» горкоммунхоза.

В холле под громадной, в натуральную величину, копией картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына» томились, как погорельцы, неустроенные клиенты. Директора с ящиком никто за директора не посчитал, и тот без помех прошел к себе в кабинет. Лишь пышная Дуся, дежурный администратор, взглядом остановила черноусого человека, который протягивал ей заполненный бланк, чтобы получить номер. Администратор Дуся была уверена, что чем меньше жизненных благ, тем лучше ей — их распределительнице, ибо всегда найдется мудрый человек, готовый оценить услуги.

На следующий день директор гостиницы пришел на работу рано. Дуся еще дремала за барьером, в холле на стульях и чемоданах спали неустроенные клиенты. У себя в кабинете директор раскрыл сейф, где ночевала установка, изобретенная профессором Минцем, и поставил ее на стол. Потом включил в сеть. И тут раздался телефонный звонок: звонил сам Белосельский.

— Что будем делать, Ласточкин? — спросил он.

— Разместим, — ответил спокойно Федор.

Белосельский вздохнул и предупредил:

— Учти, без безобразий. Чтобы прежних постояльцев силой не выселять. Имей в виду, что лозунг «цель оправдывает средства» придумали иезуиты, средневековые мракобесы. Нам с ними не по дороге.

— Никаких иезуитов, — ответил Ласточкин. — Я даже думаю, что свободные номера останутся.

— Ну-ну, — сказал Белосельский. Его задача заключалась в том, чтобы подчиненные делали свое скромное дело, не нарушая принципов гуманизма. А детали — это их забота.

Установка работала. Мигала лампочками и тихо гудела, как положено фантастической машине. Повесив трубку, Ласточкин принялся нажимать кнопки...

Через полчаса он вышел в холл. Погорельцы ютились под картиной. Дуся красила в голубой цвет накладные ресницы. Ее золотые перстни нагло поблескивали под утренним солнцем. Она была тяжелым наследством, оставшимся от старого директора.

— Вы свободны на сегодня, — сказал Ласточкин. — Места буду распределять я сам.

— Чего там распределять, — ответила Дуся. — Нету мест.

Федор спорить не стал. Он дождался, пока Дуся покинет гостиницу, и открыл книгу регистрации. Вытащил из кармана записку с таинственными значками и быстро перенес их на страницу книги, вышел на улицу, сорвал никелированную вывеску «Свободных мест нет», прикрепил на ее место листок бумаги с надписью «Свободные места есть», вернулся в холл, от двери обратил свой взор к просыпающимся погорельцам и сказал им:

— Товарищи, прошу проходить по очереди. Постараемся обеспечить вас жилым пространством.

Последующие три дня были праздником в жизни города. Участники симпозиума с большими значками на груди, изображающими красного рака на голубом фоне, гуляли по улицам, интересовались памятниками архитектуры и плодотворно спорили на пленарных заседаниях. Когда они разъехались, недоверчивый Белосельский инкогнито посетил гостиницу «Гусь» и заглянул в книгу регистрации, в которой не нашел ничего неправильного, а потом и в книгу жалоб и предложений, содержащую шестнадцать благодарностей директору. После этого на заседании в горисполкоме Белосельский выступил с небольшой яркой речью о пользе выдвижения молодежи на ответственные посты. В качестве примера привел положительные изменения в работе гостиницы, которой ныне руководит товарищ Ласточкин Ф.Ф.

С тех пор так и повелось. В дни затишья Федор уступал бразды правления администраторам, а когда надвигался большой заезд, отправлял всех по домам и, посидев полчаса в обществе установки профессора Минца, умудрялся разместить и утешить приезжих.

Недовольна была только Дуся. Директор казался ей не более как низким обманщиком и даже грабителем. Она имела достаточный опыт работы в коммунальном хозяйстве, чтобы сообразить, что штучки Ласточкина отдают колдовством и мошенничеством. Она-то знала, что гостиница время от времени вмещает вдвое больше, чем имеет лежащих мест. Поступления в виде личной признательности резко сократились, Дуся разорялась. Но разоблачить

директора оказалось не таким уж легким делом. Он правильно вел книги, а в моменты наплыва гостей избавлялся от Дуси. Один раз ей удалось было поймать его за руку, но директор ушел от разговора.

Дело было так. Приехал автобус с туристами из Владивостока, приехал неожиданно, гостиница была полна. Когда Федор вышел, чтобы их разместить, Дуся только сделала вид, будто уходит, а на самом деле сознательно забыла свою сумку и через пятнадцать минут тихонько, на цыпочках вернулась обратно. Федор был так поглощен работой, что не сразу заметил ее появление. Дуся смогла подойти совсем близко и заглянуть ему через плечо. И увидела, что он выписывает туристу квиток на номер четырнадцатый. На тот самый, куда она только вчера поместила знатную доярку из Вологды. Дусе бы промолчать и продолжить наблюдение, собрать побольше фактов да ударить ими как из тяжелой артиллерии, а она не сдержалась и сразу стала разоблачать:

— Что же вы делаете, Федор Федорович? Там женщина живет, а вы туда мужчину суете! За такое моральное разложение вам не поздоровится!

— Какая женщина? — удивился турист. — Этого я не хочу. Я женат.

— Евдокия Семеновна, — директор гостиницы хлопнул книгу, поднялся и впери в администраторшу недобрый взгляд. — Потрудитесь уйти. Знатную доярку я временно перевел в другой номер. Не распространяйте слухов.

Дуся, конечно, взяла сумку и ушла. Но не сдалась. На следующий день, когда директора поблизости не было, она поднялась в четырнадцатый номер, увидела там знатную доярку и без обиняков задала ей вопрос:

— Вас вчера в другой номер переселяли?

— Нет.

— У вас чужой мужчина в номере ночевал?

— Как можно, — ответила доярка, заливаясь румянцем. Она была молода и красива, ее жених остался в Вологде.

— Значит, в двадцать три часа покинул? — спросила Дуся.

— Не было никого, — глаза доярки наполнились слезами. — Как можно!

Дуся поверила и удвоила наблюдение за директором. Тот попался через два дня.

Вот как это случилось.

В гостиницу сообщили, что утром придут двадцать аквалангистов-любителей, а туристский сезон уже начался, гостиница полна, и Дуся почувствовала, что обычный оптимизм директору изменяет. Она даже подслушала, как он звонил Белосельскому и просил избавить его от аквалангистов, а Белосельский, уверовавший во всемогущество директора, сказал коротко:

— Надо, Федя.

Другому он, может быть, уступил, освободил бы для такого экстренного случая общежитие речного техникума, но Федор начальника избаловал. Начальникам ведь тоже хочется иногда легкой жизни.

Так или иначе, Федор в тот день домой не пошел, а заперся в кабинете. В десять вечера Дуся подкралась к двери и услышала мужские голоса: директор был не один. Дуся приложила к замочной скважине ухо, но слов разобрать не смогла. Тогда она выбралась наружу и подошла к окну. Штора не доставала до подоконника, и Дуся смогла одним глазом заглянуть внутрь. Потом она упала в обморок. А когда пришла в себя от ночной свежести и звона комаров, то сразу же села писать жалобу на директора с требованием немедленно прислать ревизию и достойно наказать мерзавца.

Подводников кое-как разместили на раскладушках, а ревизия явилась в тот же день после обеда, потому что письмо Дуси было очень тревожным.

Ревизия сразу уселась проверять бухгалтерские книги, а директор выскользнул из гостиницы и бросился к профессору Минцу.

— Спасайте, — сказал он. — Не уберегся я от этой кобры по имени Дуся. Навела на меня стихийное бедствие. Как только они пойдут с книгой по номерам, все и откроется.

— Эх, — вздохнул Минц. — Не хотелось мне отрываться от очередного изобретения, но придется. Пошли к Белосельскому. Он человек широкий, печется о судьбах города, будем с ним искренни. Если поверит, тогда считайте, обошлось. А о ревизии не беспокойтесь. Ничего она не найдет.

Белосельский принял посетителей сразу. Минца он уважал, даже гордился тем, что знаменитый изобретатель предпочел город Великий Гусляр другим городам. К Федору у него тоже было хорошее отношение.

— В гостинице «Гусь» работает ревизия, — сказал Минц, когда они уселись. — Ревизия ничего не найдет.

— Уже написали! — понял Белосельский. — Это, Федор, надо искать внутри коллектива. Внутри коллектива всегда найдется кто-то недовольный реформами и даже стоящий на пути нового.

Федор покорно опустил голову. Он был согласен.

— Ревизия ничего не найдет, — продолжал Минц. — Нарушений финансовой дисциплины нет. Все номера оплачены. Можете мне поверить.

— Тогда чего волнуетесь? — спросил Белосельский с некоторым облегчением.

— А волнуемся потому, что ревизия эта не последняя, — объяснил Минц. — И рано или поздно попадется дотошный человек, который обнаружит неладное.

— Но вы же сказали, что ничего такого нет.

— Нарушений нет, — ответил Минц. — А неладное есть. Нам, людям, свойственно гнать от себя тревожные мысли. Вот вы, наверное, давно подозреваете, что в гостинице не все как положено: много лет нельзя было попасть, а теперь попасть можно всегда. Но пока дело шло тихо, вы предпочитали об этом не думать.

— Вы правы, — согласился Белосельский. — Это моя недоработка. Так расскажите мне, в чем дело, будем думать вместе.

— Я расскажу вам все без утайки, — согласился Минц. — Ко мне пришел товарищ Ласточкин и попросил помощи. Я стал думать, как разрешить гостиничный кризис с помощью науки. Сначала я было остановился на методе минимизации.

— Поясните, — попросил Белосельский.

— Поясняю. При методе минимизации мы уменьшаем расстояние между атомами, и любое существо становится в несколько раз меньше. Подобный эксперимент был проведен мною с начальником стройконторы Корнелием Удаловым и прошел нормально, если не считать осложнений в его семейной жизни.

— Погодите, погодите, — возразил Белосельский. —

Как так? Вчера я видел Корнелия на заседании. Он же нормального вида.

— Минимизация действует ограниченный период времени, допустим, сутки. Она не вредна для организма. Подвергнутый минимизации индивидуум становится размером с мышь, а потом возвращается в нормальное состояние. Я полагал, что мы закупим в детском магазине наборы кукольной мебели, сделаем пеленочки, пижамки...

Белосельский недоверчиво покачал головой.

— Вот-вот, — уловил его движение профессор Минц. — Я тоже думал о трудностях организационного периода. Каждому придется объяснять, в чем дело, создать кладовые для личных вещей. А что если командировочный захочет сходить в город за сувенирами? А если у него незапланированное совещание?

— Нет, — резко сказал Белосельский. — Простите, Лев Христофорович, но «добро» на это я не дам. Не позволю.

— И правильно сделаете, — согласился Минц. — Я себе этого тоже не позволил. Но сейчас делюсь с вами воспоминаниями о том, как смело движется моя мысль.

— Это правда, — подтвердил Белосельский. — Очень смело.

— Отвергнув первую идею, а затем и восемь других, о которых я распространяться не буду, я остановился на самой чистой, элементарной и в то же время сумасшедшей идее. На идее параллельных миров.

— Но разве это не антинаучно? — спросил Белосельский.

— Это научно, — возразил Минц. — И доказательством тому наша гостиница.

— Попрошу подробнее, — сказал строго Белосельский. — Раз уж ревизия работает, я должен быть в курсе всех деталей.

— Деталей немного. Вы должны мне поверить, что наша Земля далеко не единственна во Вселенной. Существует множество миров, которые движутся ей параллельно в иных измерениях. Так вот, я изобрел прибор, который позволяет выходить на связь с теми из параллельных миров, которые нам особенно близки. Там тоже

есть город Великий Гусляр, гостиница «Гусь» и прочие наши реалии.

— И я есть? — спросил Белосельский.

— Разумеется. Хотя и не в точности. Может быть, в одном мире вы уже женаты, в другом у вас есть усы, в третьем еще что-нибудь.

— Любопытно, — прошептал Белосельский и коснулся пальцем верхней губы.

— Различия между мирами все-таки существуют. На этом мы и построили наш эксперимент. Допустим, если сегодня у нас симпозиум по разведению раков, то на Земле-два он начнется только завтра, а на Земле-три вместо него уже завершилась вчера встреча экспертов подледного лова крокодилов.

— Ясно! — воскликнул Белосельский. — И сегодня у них там гостиница пустует.

— Я поражен вашей догадливостью, — сказал Минц. — Вы настоящий мыслитель.

— Ну что вы, — возразил Белосельский. — Но как же клиентов перевозить?

— В этом и заключается мое изобретение. Надо найти точки соприкосновения между мирами, а они существуют во множестве. И, найдя, использовать. Приходит клиент в номер, где уже, допустим, живет знатная доярка, открывает дверь, но в тот номер не попадает, а оказывается в таком же номере, только на другой Земле. А уж администрация той гостиницы должна позаботиться, чтобы, выходя из комнаты, он вернулся на нашу Землю.

— Великолепно, — признался Белосельский. — Но рискованно.

— Как и все новое, наш эксперимент может вызвать толки и недоброжелательство. Вы думаете, только на нашей Земле ревизия? Наивно. Сейчас работают, по меньшей мере, три ревизии.

— И три Дуси? — вдруг спросил Федор Ласточкин.

— Может, и больше. Да что там разговаривать. Сейчас вы убедитесь.

Минц извлек из кармана миниатюрный пульт и нажал на кнопку. В глазах Белосельского возникло странное дрожание, стены заколебались, и он на мгновение потерял сознание. Когда же он пришел в себя, то увидел, что кабинет как бы расслоился, не изменившись, правда, в

размерах. И в кабинете находятся три профессора Минца, три Федора Ласточкина и еще два Белосельских (один при усах). Белосельские внимательно посмотрели друг на друга. Федоры улыбнулись друг другу приветливо, потому что давно уже были знакомы и не раз совещались вместе, как разместить клиентов, — не зря же Дуся упала в обморок, увидев в кабинете Ласточкина сразу трех директоров. А профессора Минцы всжливово наклонили головы, с уважением глядя друг на друга. Ведь это они изобрели способ преодоления гостиничного кризиса.

— Что будем делать с ревизиями? — спросил один из Федоров.

Белосельский не знал, какой из них, уж очень похожи.

— Не в этом дело, — услышал он собственный голос. — Есть проблемы и поважнее. Кто одолжит мне на неделю асфальтовый каток?

— Если у тебя найдется полтонны кровельного железа, — ответил ему второй Белосельский, — то ~~катком~~ я тебя обеспечу.

— Остался пустяк, — сказал третий Белосельский. — Что будем делать с Дусями?

1980 г.

РАЙОННЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ДОМИНО

Игра в домино, как знак гусярского двора, свободного времяпрепровождения, бессмысленного, но объединяющего, была заявлена в первых же рассказах. Но потом постепенно играли на дворе все реже. Может, потому, что отъехали главные орлы и умельцы — Кац, Погосян и Василь Васильич, а из вновь прибывших подросток Гаврилов и профессор Минц не были игроками...

Почему-то игра в домино, как зрелище, увлекала кинорежиссеров, ставивших фильмы на гусярские темы. Леонид Горовец в первых вариантах сценария «Недостойного богатыря» предлагал все действие закрутить вокруг районных соревнований по домино, а в его же короткометражном фильме «Родимое пятно» в кадре проезжает трамвай, на борту которого художником картины написано: «Привет участникам великогусярских межрайонных соревнований по домино!» Правда, трамвай проезжает далеко и быстро, так что прочесть надпись зритель не в состоянии.

В обоих гусярских фильмах А. Майорова доминошные баталии отражены. Лишь стол для этой благородной игры устанавливался в разных концах калужского двора, да состав играющих менялся.

Что касается меня, то за последние несколько лет о домино в гусярских рассказах я почти не упоминал — до самого последнего времени.

А вернул меня к домино, как ни странно, великий фантаст Евгений Замятин. В разговоре с Максимом Горьким он рассказал ему о таком фантастическом сюжете: летит к Земле космический корабль, лететь еще долго... Но тут несчастье — оказывается, случилась авария, и теперь корабль не вернется на Землю.

Потеряв управление, он начал падать на звезду. Пройдет несколько месяцев — и он погибнет. Так что же будет делать его экипаж? И Замятин предположил: сначала они будут ужасно переживать, а потом вернуться к обыденным занятиям.

И тогда я подумал, что перед потопом люди найдут время для того, чтобы починить забор или сварить компот, который не успеют съесть.

Порой это происходит из-за великого слова «авось». Авось обойдется, авось пронесет... Порой — от отрешенности; помните, как у Толстого: «Не пропадать же щам!» Порой — от того, что иного выхода нет, а существующий порядок вещей настолько незыблем, что даже когда вокруг рушатся небеса, можно игнорировать эту мелочь и продолжать вышивать гладью. В конце концов все на свете условно. Ведь мы с вами знаем, что умрем. Может быть, довольно скоро. Однако это не означает, что знание такого рода заставляет все человечество усесться, бессильно опустив ладони на колени, и ждать смерти.

Человек по натуре слеп. Пророки предупреждают его, мудрецы и юродивые срывают голоса на перекрестках. А человек лишь отмахивается от голосов, как от комара.

Раньше я бы об этом писать не стал. Не только потому, что наш с редактором внутренний цензор не допустил бы таких мыслей на страницы наших оптимистических изданий. Но и потому, что проблема эта не казалась достаточно актуальной. Впереди было открытое пространство, плоскость, по которой предстояло двигаться нашему обществу...

А потом все рухнуло, покатилося под откос... Должно быть страшно. И страшно. Но вышивка гладью не закончена. А может быть, вышивка гладью важнее конца света?

И тогда я вспомнил слова Замятина, об игре в домино, о трамвае, который проезжал в фильме Леонида Горовца. И я написал рассказ, действие которого происходит в Великом Гусле в дни конца света при условии, что моим героям обязательно надо успеть успешно провести районные соревнования по домино.

Рассказ был опубликован в «Советском экране». Я сделал это сознательно, втайне надеясь, что найдется

молодой режиссер, которого такая фантасмагория заинтересует.

Мои ожидания оправдались. Из Свердловска с просьбой отдать ему сценарий для «Дебюта» позвонил Михаил Борщевский. Правда, он решил сделать не просто фильм, а рок-оперу. Сначала я удивился и испугался, а потом стало интересно — почему бы не попробовать?

Борщевский сам написал сценарий, снял фильм, и я его увидел. Фильму, к сожалению, как и прочим творениям, увидевшим свет в «Дебюте», не удалось пробиться на настоящий экран, даже на телевизионный. Фильм мне понравился, но меня смущало решение режиссера снабдить весь фильм документальным фоном — кадрами из хроники времен второй мировой войны. Поэтому события завтрашнего дня иллюстрируются в фильме кадрами бомбежки Дрездена и пожара Варшавы. Можно понять молодого режиссера Борщевского, для которого бомбардировка Дрездена — такая же абстракция, как наступающая третья мировая война, но меня столь очевидное повторение событий прошлого несколько смущало.

Впрочем, по возрасту мне уже положено отставать от жизни. Что я и делаю...

Маленькие смерчки катились по пыльной улице, долетали до мощных лип у входа в парк и рассыпались бесследно. Ветер был горячим, бюро прогнозов намекало, что он пришел из Африки в составе циклона. Корнелий Удалов отбегал от смерчков, жался к штакетнику, Саша Грубин шагал прямо, смерчам не кланялся, а только отмахивался от них, если вставали на пути.

— Опасаюсь, — говорил Удалов. — Горюхин подведет. От хорошего удара стол пойдет в сторону.

— Разберемся, — отвечал Грубин. — Убедим.

Над их головами репродуктор рассказывал о больших потерях обеих сторон в клубийско-варийской войне, которая достигла опасного накала.

— Мы не можем ударить в грязь, — говорил Удалов. Он волновался. Он снял кепочку и вытер ею лысину. — Двенадцать команд. Лучшие таланты района — что они подумают об организаторах?

— Разберемся, — отвечал Грубин.

Они вошли в парк. Сразу стало прохладно, ветер унялся.

Впереди слышались глухие удары.

Аллея некоторое время шла по берегу реки, и с реки доносился кислый запах — фабрики и заводы вышестоящих городов спускали туда лишние отходы.

На поляне возле эстрады для танцев работал паровой молот. Перед ним лежали на земле деревянные просмоленные сваи длиной метров по шесть. Некоторые уже были вбиты в землю так, что наружу торчали лишь столбы в метр высотой.

Паровой молот замер. Стало тихо.

— Иваныч! — крикнул из кабины усатый молодец Горюхин. — Земля. Порода плотная идет. Пересчитывай коэффициент.

— Вот, — сказал Удалов Грубину, подходя к ближайшему столбу и пытаясь пошевелить его. — Не доверяю я Горюхину.

Грубин тоже потрогал столб. Потом два других, которые были вбиты в землю рядом.

— Один бы не выдержал, — произнес он. — По четырем удар распределится.

— Ты забыл, как забивает Драконин из Потьмы? Его удар в области знают! Он на прошлых поселковых играх стальной лист прошиб. Рассматривают вопрос, чтобы ему играть в боксерских перчатках.

— А он?

— Отказывается. Как ты кости в перчатках удержишь?

Горюхину обещали премиальные, но удаловские сомнения не рассеялись. Он боялся ударить в грязь лицом перед гостями из дальних пределов Гуслярского района.

Доски с пилорама еще не привезли. Доски будут двухдюймовые, поверх них — стальной лист.

На полу танцевальной эстрады местный художник делал плакат: «Привет участникам всерайонных соревнований по домино!» Буквы были метровые — плакату висеть на центральной площади.

Удалов постоял за спиной художника. Налетел ветер, стал рвать концы фанерного щита, пришлось зевакам, которых набралось немало, сесть на углы и держать их.

Пошел снег. Сразу похолодало. Видно, африканский циклон сменился циклоном из Норвегии. Так уже было на прошлой неделе.

— Если климатические условия будут неблагоприятными, — сказал Грубин и задумчиво запустил пятерню в буйную шевелюру, — надо будет искать резервный вариант.

Они подошли к трибунам, которые сколачивали плотники.

— Может, сделаем навес? — спросил Удалов.

— Ассигнований не выбить, — заметил Грубин.

— А если всенародную подписку?

— Уже две провели. Народ устал. И времени до завтра не осталось.

— Обойдется, — решил тогда Удалов. — У нас всегда обходится.

Крупные хлопья снега пригибали к земле траву. Один из пыльных смерчей, странным образом прорвавшись сквозь стену деревьев, выскочил на поляну и перевернул фанерный лист с лозунгом, разметав по сторонам художника и зевак. Художник ругался. Краска текла по доскам.

— Возьми себя в руки, — посоветовал художнику Удалов.

Они с Грубиным, пригибаясь, чтобы не снесло ветром, поспешили дальше, к летней читальне, где ждали команды и приближенные болельщики.

Все сидели за столиками. Удалов прошел вперед и обернулся.

Все они — соратники, бойцы, закаленные, с мозолистыми ладонями, острым взглядом, умением считать до ста и далее, знатоки дебютов и эндшпилей, известные мастера «рыбы».

— Столы будут в срок, — объявил Удалов.

За окнами стемнело. Надвинулся неожиданный буран. По стеклам колотило снегом, градом и мелкими камнями, что ветер поднял в Кызыл-Кумах.

— Включить свет, — велел Удалов, перекрывая аплодисменты.

Свет не загорелся — провода были оборваны. Звенели, рассыпаясь, стекла.

Никто не покинул зал.

— Получены заявки двенадцати команд, — кричал

Удалов, перекрывая грохот бури. — В большинстве они не страшны. Но нельзя скидывать со счетов Драконина и Змиева из Потьмы.

Раздался свист болельщиков, сильнее свиста ветра.

— Но обе наши команды, — продолжал Удалов, — мы с Грубиным...

Аплодисменты.

— ...и Ложкин с Погосяном...

Бурные аплодисменты.

— ...готовы и не страшимся.

Гром аплодисментов.

Обратно они возвращались под проливным дождем. Было тепло. С неба изредка падали лягушки. Барометр, который уже сто лет висел на базарной площади, лежал в грязи: он упал так низко, потому что свалился со столба.

— Природа нам сильно мешает, — произнес с досадой Грубин.

— Природу будем игнорировать, — сказал Удалов. — Нам некогда отвлекаться. За деталями опасно забыть о большем.

Когда Удалов пришел домой, там царило плохое настроение.

Виновато было телевидение. Оно сообщало, что отступающие клубийские войска нанесли атомный удар по варийской столице. Есть многочисленные жертвы. Радиоактивное облако распространяется в сторону Европы.

Удалов искрение посочувствовал варийцам. Но главная проблема была в том, что горкоммунхоз мог выделить лишь тринадцать номеров в гостинице «Гусь». Два двухместных, остальные четырехместные. Можно поставить еще несколько раскладушек. Все равно болельщикам и гостям не хватит. Они съедутся из Глубокого Яра, из Муравьев и из Матейки.

Пришел пейсционер Ложкин, он был не в форме — мучило давление. Удалов ему объяснил, что в такой момент преступно думать о здоровье. Старик возражал, ссылаясь на сообщения газет о том, что слой ионосферы над Антарктидой совершенно истощился и космические лучи беспрепятственно достигают земли, губя флору и фауну. Удалов доступно объяснил, что с ионосферой справятся ответственные международные организации. У нас другие задачи. Впервые за всю историю Великого Гусляра

городской команде брезжит надежда стать чемпионами района. Ложкин был сражен и пошел к себе кушать валидол.

Бывает, судьба ополчается на идею. Об этом написано в некоторых биографиях великих людей. Но сила духа заключается именно в том, чтобы провести четкую грань между важным и неважным, принципиальным и мелочами, основной целью и боковыми проулками.

Взмокший, еле живой велосипедист из Глубокого Яра постучал в дверь Удалова в десятом часу вечера. Он сообщил, что переполненная промышленными отходами речка Коровка залила поселок, отрезала его от цивилизации. Отбытие команды Глубокого Яра на соревнования под угрозой. Команда сидит на крыше клуба, держа над головами шкатулки с фирменными костяшками. Удалов обещал с утра послать к Глубокому Яру буксир. Обнадеженный велосипедист укатил в ночь. Он был из породы скромных героев.

Удалов не спал. На столе приглушенно бормотал примник. Удалов не выключал его, потому что надеялся, что радио сообщит о соревнованиях. Радио говорило о заносах на Гавайских островах и заседании ООН. С клубийско-варийского фронта новых сообщений не было, лишь спутники уловили еще ряд ядерных вспышек. В конце новостей представитель бюро прогнозов попросил прощения у слушателей, так как предсказать погоду на завтра он не сможет. О соревнованиях ни слова.

К трем часам ночи началось землетрясение. Оно было несильным, но длительным. Многие в городе проснулись. Удалов беспокоился, как переносит его Ложкин.

В семь утра Удалов пошел через город к Синюшину. Тот играл в домино еще в пернод первых пятилеток и скрывал дома ценные дебютные заготовки. Удалов рассчитывал, что сейчас, в решающий в жизни Великого Гусяра момент, пенсионер пойдет навстречу.

Удалов добирался до цели более часа. За ночь в некоторых местах намело барханы песка, в других — сугробы. День все не начинался, деревья стояли голые, возле них — вороха листвы.

Синюшин долго не открывал — он отсиживался в подвале. Он был закутан в одеяла, поверх них — покрывало, сшитое из пластиковых мешков. Удалов напомнил,

почему пришел. Сказал, что присутствие Синюшина на открытии игр обязательно. Старик рассердился и побрел обратно в подвал.

Удалов спустился за ним.

— Эвакуация скоро будет? — спросил старик.

— Об этом потом, — сказал Удалов. — Где дебютные заготовки? Без них Драконова — Змиева не свалить.

Старик не понял. Ему хотелось узнать про ядерную зиму. Удалов держал себя в руках. Главное было не рассердить старика.

Когда старик выбился из сил, Удалов отнес его на руках наверх, к заветному сундуку. Старик сдался.

Обратный путь домой занял два часа, потому что упали многие деревья и телеграфные столбы. Пришлось перебираться через опрокинутый бурей автобус. Радиоактивное небо светилось зеленым.

Удалова беспокоило, доберутся ли люди из Матейки — дорога туда проселочная. Может, послать навстречу трактор?

Пока Удалов переодевался и искал галстук, к нему поднялся Грубин. Грубин был при полном параде. Сзади на пиджаке было пришито: «Грубин № 2», «Великий Гусляр». Грубин сообщил, что Ложкин плох, но готов сражаться. Они положили Ложкина на раскладушку и понесли. Ложкин прижимал к груди дебютные заготовки Синюшина.

По дороге остановились у гостиницы. В гостинице было пусто. Администратор исчез. Прошли по номерам. В некоторых еще были целы стекла.

Из одного номера доносился слабый крик. Когда отгребли песок от двери, нашли там болельщика из Потьмы.

Вышли на улицу. Похолодало. Откопали раскладушку. Ложкин окоченел. Пришлось растирать его снегом. Удалов страшно волновался, потому что надвигался момент открытия, а неизвестно, где оркестр. К тому же предстояло разместить на трибунах почетных гостей.

На базарной площади образовалась гора. Земля вздрагивала и шевелилась. Ложкина пришлось переносить через трещину неизвестной глубины.

Уже возле парка догнали оркестр. Это были настоящие музыканты и болельщики. От оркестра остались скрипка

и литавры. Далее шли, держась друг за друга. Совсем стемнело, и с неба срывались метеориты.

Настроение было приподнятое. Хотелось петь и смеяться.

Удалов был почти убежден, что команду Драконова — Змиева они одолеют.

По парку идти было трудно, потому что большая часть деревьев уже упала. Раскладушку бросили. Поддерживаемый товарищами и величием момента, Ложкин брел сам.

У поляны их встретил Погосян, могучий человек, напарник Ложкина. Надпись на его спине оторвалась и металась под ветром как белый флаг.

— Доложи, — попросил Удалов.

— Болельщики раскапывают столы, — сказал Погосян. — Хорошо, что оркестр привели.

К тому времени от оркестра остались только литавры, скрипку потеряли в буреломе.

— Драконов прибыл? — спросил Удалов.

— И Змиев тоже, — ответил Погосян. — У Змиева сломана рука.

— Надеюсь, не правая?

— Нет, левая, все в порядке. Какие новости в городе?

— В городе все в порядке. Город живет ожиданием матча, — ответил Удалов.

Буря стихла. Выглянуло багровое солнце.

Природа переводила дух.

Болельщики — их набралось больше дюжины, хотя Удалов рассчитывал на большее — уже прокопали в снегу и грязи траншеи к столу. Стол понадобится один: как оказалось, команды из Матейки и Глубокого Яра прибыть не успели. Может, придут позже.

Команды сели так: Ложкин напротив Погосяна, Драконов против Змиева. У Змиева левая рука была в лубках, он морщился от боли, но в глазах горел огонь. Драконов был, как всегда, мрачен и уверен в себе.

Удалов судил первую партию. Грубин ему ассистировал.

Решили, что победители будут сражаться с парой Грубин — Удалов.

Багровое солнце смотрело сверху.

Расклад оказался удачным для Ложкина.

Он ударил по столу первым.

Ледниковый щит Гренландии сполз на юг, и Атлантический океан хлынул на сушу. Луна сорвалась с орбиты и быстро пошла в открытый космос.

Погосяну пришлось пропустить ход. Драконов так рубанул по столу дублем тройки, что шестиметровая свая ушла сантиметров на десять в землю. Болельщик из Матейки кричал «Ура!». Он болел за Драконова.

Густой зеленоватый туман окутал эту сцену.

Партия шла к концу, но исход ее все еще был неясен.

К сожалению, небольшой вулкан, проснувшийся именно в районе парка, неожиданно взорвался. Свиан, игроки и судьи полетели в разные стороны.

Удалов очнулся на берегу моря — соленые валы били в берег. Атлантический океан добрался до Великого Гусляра.

Удалов помог подняться Драконову.

Они отступали от моря, стараясь не попасть под извержение вулкана.

— Доиграем завтра, — улыбнулся Удалов.

— Я расклад помню, — сказал Драконов. — У меня все записано.

И они поползли искать соратников.

1987 г.

ПОВЕСТИ

НУЖНА СВОБОДНАЯ ПЛАНЕТА

Прискорбный скиталец

Корнелий Иванович Удалов собирался в отпуск на Дон, к родственникам жены. Ехать должны были всей семьей, с детьми, и обстоятельства благоприятствовали до самого последнего момента.

Но за два дня до отъезда, когда уже ничего нельзя было изменить, сын Максимка заболел свинкой.

В тот же вечер Удалов в полном расстройстве покинул дом, чтобы немного развеяться. Он пошел на берег реки Гусь.

Большинство людей вокруг были веселы и загорелы после отпуска и, честно говоря, своим удовлетворенным видом удручали Корнелия Ивановича.

Удалов присел на лавочку в тихом месте. Сзади, в ожидании грозы, шелестел листьями городской парк. Вдали лирично играл духовой оркестр.

Невысокий моложавый брюнет подошел к лавочке и попросил разрешения присесть рядом. Удалов не возражал. Моложавый брюнет глядел на реку и был грустен настолько, что от него исходили волны грусти, даже рыбы перестали играть в теплой воде, стрекозы попрятались в траву и птицы прервали свои вечерние песни.

Удалов еле сдерживал слезы, потому что чужая грусть совместилась с его собственной печалью. Но еще сильнее было сочувствие к незнакомцу и естественное стремление ему помочь.

— Гляжу на вас — как будто у вас беда.

— Вот именно! — ответил со вздохом незнакомец.

Был он одет не по сезону — в плащ-болонью и зимние сапоги.

Незнакомец в свою очередь разглядывал Удалова.

Его глазам предстал невысокий человек средних лет, склонный к полноте. Точно посреди круглого лица располагался вздернутый носик, а круглая лысинка была окружена венчиком вьющихся пшеничных волос. Вид Удалова внушал доверие и располагал к задушевной беседе.

— У вас, кстати, тоже неприятности, — заявил, закончив рассматривание Удалова, печальный незнакомец.

— Наблюдаются, — ответил Удалов. И вдруг, помимо своей воли, слегка улыбнулся. Ибо понял, что его неприятности — пустяк, дуновение ветерка по сравнению с искренним горем незнакомца.

Они замолчали. Тем временем зашло солнце. Жужжали комары. Оркестр исполнял популярный танец «террик-кон», с помощью которого дирекция городского парка одолевала влияние западных ритмов.

Наконец Удалов развеял затянувшееся молчание.

— Закаты у нас красивые, — сказал он.

— Каждый закат красив по-своему, — сказал незнакомец.

Нос и глаза у него были покрасневшими, словно он страдал простудой.

— Издалека к нам? — спросил Удалов.

— Издалека, — ответил незнакомец.

— Может, с гостиницей трудности? Переночевать негде? Если что, устроим.

— Не нужна мне гостиница. — Голос незнакомца заметно дрогнул. — У меня в лесу, на том берегу, космический корабль со всеми удобствами. Я, простите за нескромность, космический скиталец.

— Нелегкий труд, — посочувствовал Удалов. — Не завидую. И чего скитаетесь? По доброй воле или по принуждению?

— По чувству долга.

— Давайте тогда рассказывайте о своих трудностях, постараюсь помочь. В разумных пределах. Зовут меня Удаловым. Корнелием Ивановичем.

— Очень приятно. Мое имя — Гнец-18. Чтобы отличать меня от прочих Гнецов в нашем городе. Так как я здесь в единственном числе, зовите меня просто Гнец.

— А меня можете называть Корнелием, — сказал Удалов. — Перейдем к делу. Давайте перекладывайте часть ваших забот на мои широкие плечи.

Гнец окинул взглядом умеренные плечи Удалова, но, видно, сильно нуждался в помощи и поддержке, поэтому произнес следующее:

— Мне, Корнелий, нужна свободная планета. Летаю, разыскиваю. В одном месте сказали, что на Земле, то есть у вас, свободного места хоть отбавляй. Только, видно, информация была устарелой. Ввели меня в заблуждение.

— Может, тысячу лет назад и были свободные места, — согласился Удалов. — Но в последние годы нам самим тесновато. Да вы не расстраивайтесь. По моим сведениям, в беспредельном космосе свободных планет множество. Разве не так?

Мимо проходили влюбленные парочки, косились на скамейку и даже выражали недовольство, что двое мужчин средних лет заняли такой укромный уголок, как бы специально предназначенный для романтических вздохов. Да, не так уж свободно на Земле, если ты далеко не сразу и не всегда можешь найти укромное место для произнесения нежных слов.

— Планет много, — сказал Гнец-18. — Но нужна такая, чтобы имела растительность, воздух для дыхания и природные ресурсы. Мы проверили весь наш сектор Галактики, и, кроме Земли, нет ничего подходящего. Придется мне возвращаться домой, брать другой корабль и искать свободную планету в дальних краях. А вы же знаете, насколько ненадежны звездные карты.

Удалов кивнул, хотя звездных карт никогда не видел.

— И как я один за месяц справлюсь, не представляю, — сказал пришелец. — Сколько дел, столько трудностей...

— Вы кого-нибудь возьмите себе в помощники, — подсказал Удалов, — вдвоем будет легче.

— Ах, Корнелий! — сказал горько Гнец-18. — Вы не представляете себе, насколько у нас на планете все занято. По несколько лет без отпуска. Руки опускаются. Нет, вряд ли я смогу подобрать себе спутника. Да если и подобрал бы, пользы мало.

— Почему же?

— Мои земляки очень плохо переносят невесомость, — объяснил Гнец-18. — И еще хуже перегрузки. Меня с детства специально тренировали для космических полетов.

И все равно после каждого старта я два часа лежу без сил. Нет, придется мне лететь одному...

Горе пришельца было искренним и глубоким. Вдруг что-то дрогнуло в сердце Удалова, и он с некоторым удивлением услышал собственный голос:

— У меня как раз отпуск начинается, а мой сын Максим заболел свинкой. Так что я совершенно свободен до восемнадцатого июля.

— Не может быть! — воскликнул Гнец. — Вы слишком добры к нашей цивилизации. Нет, нет! Мы никогда не сможем достойно отблагодарить вас.

— Вот уж чепуха, — сказал Удалов. — Если бы не встреча с вами, мне, может, пришлось бы ждать космического путешествия несколько лет или десятилетий. А тут вдруг представляется возможность облететь некоторые малоизвестные уголки нашей Галактики. Это я вас должен благодарить.

— Вы, очевидно, не представляете себе трудностей и опасностей космического путешествия, — настаивал Гнец-18. — Вы можете погибнуть, дематериализоваться, провалиться в прошлое, попасть в шестое измерение, превратиться в женщину. Наконец, вы можете стать жертвой космических драконов или подцепить галактическую сухотку.

— Но вы-то летаете, другие летают! — не сдавался Удалов. — Значит, практически Галактика не очень опасна... И, знаете, в конце концов, почетнее погибнуть в зубах космического дракона, чем дожить до пенсии без приключений.

— Я с вами не согласен, — возразил пришелец. — Мечтаю дожить до пенсии.

— Ваше право, — сказал Удалов. — Я — романтик дальних дорог.

Последние слова окончательно убедили Гнеца-18. Его лицо озарила добрая улыбка, и он произнес, глотая непрошенные слезы:

— Ты благородный человек, Корнелий!

— Ну что ты! — отмахнулся Удалов. — На моем месте так поступил бы каждый.

На следующее утро, солгав жене Ксении, что уезжает на дальнюю рыбалку, взяв с собой удочки, теплую одежду и резиновые сапоги, Удалов покинул свой дом, перепра-

вился на пароме через реку, углубился в лес и, послушно следуя указаниям Гнеца-18, нашел его небольшой космический корабль. Гнец-18 предложил удочки зарыть, а сапоги оставить на земле, но Удалов не согласился, потому что ни он, ни Гнец-18 не знали толком, что их ждет в далеком путешествии.

Первая планета

Сначала надо было вернуться домой к Гнецу, поменять корабль на другой, помощнее, и заправиться всем необходимым для долгого пути. Перелет занял всего несколько часов, потому что корабль Гнеца-18 был гравитолетом, а гравитационные волны, как известно, распространяются почти мгновенно. Гнец-18 паршиво переносил путешествие, и поэтому Удалову пришлось самому осваивать приборы управления и готовить пищу. Корнелий был так занят, что не успел справиться у Гнеца, зачем ему понадобилась свободная планета. Он только спросил своего нового товарища, предлагая ему тарелку с куриным бульоном:

— Вы что, колонию основать хотите?

— Если бы так просто, — ответил Гнец. Тут ему опять стало плохо, и он даже не доел бульон.

На космодроме Гнеца-18 встретили встревоженные члены правительства. Гнец не успел даже представить Удалова, как они засыпали его вопросами на местном языке, который Удалову был понятен как русский, потому что Гнец-18 снабдил его универсальным транслятором.

— Ну и что? — волновался президент. — Земля свободна?

— Мы можем начинать? Дело не терпит, — сказал премьер-министр.

Удалов мог бы все объяснить правительству, но он, как человек деликатный, ждал, что скажет Гнец-18. Стоял в сторонке и дышал свежим воздухом, рассматривал странные одежды встречающих и общественные здания непривычных очертаний, окружавшие космодром.

Наконец Гнец-18 решительным жестом остановил министров.

— К сожалению, очередная неудача. На Земле живет

множество людей, достигших высокой степени цивилизации, не такой, конечно, как мы, но довольно высокой.

Члены правительства расстроились и осыпали Гнеца-18 незаслуженными упреками. Гнец-18 выслушал упреки, но вместо оправдания сказал:

— Еще не все потеряно. Представитель Земли по имени Корнелий любезно согласился помочь нам в дальнейших поисках. У него богатый опыт космических встреч, и он отлично переносит межзвездные путешествия.

Члены правительства продемонстрировали Удалову знаки своего уважения и тут же пригласили в город, чтобы он смог провести ночь в нормальных условиях. А тем временем корабль подготовят к полету.

Комната в гостинице была невелика, лишена украшений, и в ней были только самые необходимые вещи: кровать, стул и умывальник. Вообще Удалов успел заметить, что в городе совсем нет украшений и излишеств. Словно его обитатели были очень сухими и деловыми людьми. Удалов вспомнил слова Гнеца-18, что здесь все так заняты, что по несколько лет не бывают в отпуске.

Наступила ночь. Удалову не спалось. Он решил немного погулять.

Улица была пустынна, но хорошо освещена. Удалов пересек площадь со странным монументом посредине и свернул на широкую улицу, вдоль которой тянулись магазины. Витрины были не освещены, и на них рядами стояли те вещи, что продавались внутри. Без всяких попыток расположить их красиво.

Вдруг Удалов услышал шуршание шин. Из-за угла выехала странная процессия. Она состояла из двух десятков катафалков, или платформ, которые показались Удалову схожими с катафалками, потому что на каждой стояло по прозрачному гробу. А то и по два. И в каждом гробу лежало по человеку.

Это были удивительные похороны. В них участвовали только водители платформ. И ни один родственник, ни один друг не пришел проводить умерших в последний путь.

Отзывчивое сердце Корнелия дрогнуло. Он не мог не принять каких-нибудь мер. Он сорвал с клумбы, окружающей монумент, несколько цветков и, догнав процессию, прошел вдоль катафалков и возложил по цветку на каждый гроб.

Водители катафалков косились на него, но не препятствовали проявлять сострадание.

Украсив по возможности все гробы цветами, Удалов пошел в хвосте процессии, понутив голову и как бы замешая собой скорбящих родственников.

Процессия двигалась медленно. Удалов шел и размышлял о странных обычаях, которые встречаются вдали от дома. Потом подумал, что, может быть, на планете свирепствует эпидемия и они не успевают хоронить своих умерших как положено. Но почему тогда никто не сказал Удалову об этом? Может, в этом таится причина того, что нет желающих полететь в космос? А может быть, привилегированные слои местного общества ищут свободную планету, чтобы избежать заразы?

Первый катафалк остановился перед громадным серым зданием. В полуподвале было открыто окно, и из него изливался теплый желтый свет. Катафалк развернулся, и его платформа поднялась как у самосвала. Гроб скользнул вниз и исчез в подвале. Удалов только ахнул.

Примеру первого катафалка последовал второй, третий. Лица водителей были безучастны, словно они перевозили картошку. Удалова так и подмывало вмешаться, но он взял себя в руки. Нельзя лезть в чужой монастырь со своим уставом. Лучше завтра поговорить с Гнецом, и он все объяснит. Но тут любопытство пересилило Удалова. Он подумал, что ничего плохого не случится, если он заглянет в серое здание и выяснит, крематорий это или что иное.

Удалов дождался, пока последний катафалк свалил в подвал свою ношу. Убедившись, что его никто не видит, он осторожно обогнул здание, разыскивая вход.

Вот и дверь. Она была открыта, и никто ее не сторожил. Удалов вошел внутрь и направился по широкому, тускло освещенному коридору. Навстречу ему попался спешащий человек в белом халате, и Удалов уже приготовился ответить на вопрос, как он сюда попал, но человек не обратил на него внимания. Поэтому, когда за поворотом коридора Удалову встретился второй человек, он уже чувствовал себя смелее. Но на этот раз его заметили.

— Что за безобразие? — спросил человек. — Почему не в халате? Что за порочное небрежение к стерильности!

— Простите, — сказал Удалов. — Я здесь случайно. Шел, понимаете, вижу дверь...

— Случайностей быть не должно, — ответил человек, распахивая стенной шкаф.

Он вытащил оттуда белый халат и протянул Удалову. Удалов послушно натянул халат, который был велик, и поэтому пришлось закатать рукава. Человек нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну вот, — сказал Удалов. — Переоделся я. А дальше что?

— Дальше? Дальше — за работу. А вы на что рассчитывали?

Человек схватил Удалова за руку и потянул за собой. Удалов не сопротивлялся, семеня следом, потому что пребывал в полной растерянности.

Через сотню шагов они оказались в громадном зале. Там было зябко, морозно, ослепительный ледяной свет ламп под потолком освещал жуткую картину: вдоль стен, в несколько ярусов, стояли одинаковые гробы.

— Ой! — в ужасе вскрикнул Удалов. — Вы их так содержите?

— А что прикажете делать? — строго спросил его спутник. — Вы можете предложить иной способ хранения?

По транспортеру, тянувшемуся через весь зал, медленно плыл гроб.

— А ну, беритесь! — сказал человек.

— Я боюсь, — возразил Удалов.

— Еще чего не хватало!

Пришлось взяться за холодный и страшно тяжелый гроб и тащить его к стеллажу.

Всю ночь Удалов трудился не покладая рук. Большей частью он работал у транспортера в большом зале, носил, ставил, перетаскивал гробы, к утру окончательно вымотался, притом робел перед своим напарником настолько, что не решался спросить его, что за странные обычаи на этой планете. Терпел до конца смены, решив подробно допросить Гнеца-18.

На рассвете сирена объявила о конце смены. Удалов, несколько привыкший к местным порядкам, повесил белый халат в стенной шкаф и поспешил в гостиницу. Солнце уже встало, на улице было тепло, и появились первые прохожие. Когда Удалов подбегал к гостинице,

навстречу ему попалась еще одна длинная похоронная процессия. И никто, кроме Корнелия Ивановича, не обратил на нее ровно никакого внимания.

Только успел Удалов не раздеваясь прилечь на кровать, как в комнату ворвался Гнец-18.

— Все готово! — воскликнул он. — За ночь мы подготовили корабль.

— Я никуда не полечу! — отрезал Удалов.

— Как? Почему? Что стряслось? Как можно нарушить данное слово?

— Я бы рад не нарушать. Но знаешь ли ты, где я провел ночь?

— Не подозреваю.

И тогда Удалов вкратце поведал о своем ночном приключении.

— Я во всем виноват! — опечалился Гнец-18. — Я вселил в твое сердце недоверие, потому что не спешил с рассказом. Полагал, что в полете будет для этого достаточно времени. Но клянусь тебе, нет в этом никакой тайны и тем более никаких гробов.

— Но я же их собственными глазами видел, — возразил Удалов.

— Это поучительный пример того, как нельзя доверяться собственным глазам, если уж попал на чужую планету. На деле все наоборот: на нашей планете практически побеждена смерть. Мы — планета торжествующей жизни.

Но почему-то это оптимистическое заявление заставило говорившего грустно вздохнуть.

Затем Гнец-18 продолжал:

— Мы раньше, чем Земля, вступили на путь научного прогресса. И дальше ушли по этому пути. Были побеждены болезни и сокращены несчастные случаи. Мы раскрыли секреты старения и долголетия. Теперь у нас люди живут столько, сколько считают нужным. И как минимум двести лет.

— Это очень важное достижение, — согласился Удалов.

— Но мы не изобрели лишь одного — космических путешествий. Как ты мог убедиться на моем примере, мы типичные домоседы и к космосу относились с опаской и недоверием. Вот вы, к примеру, на Земле заранее решили осваивать космос. Мы же только сейчас спохватились.

Когда поняли, что наша планета страшно перенаселена. Несмотря на наши достижения, нам приходится с каждым годом уменьшать площадь квартир и даже высоту потолков, что невыносимо для цивилизованного человека.

— Совершенно невыносимо, — подтвердил Удалов, кинув взгляд на низкий потолок гостиничного номера.

— У нас страшные очереди в библиотеки и на стадионы, хотя, например, мы пошли на то, чтобы увеличить число команд в первой лиге по цукенолу до тысячи восьмисот двадцати.

— Это что еще за игра? — удивился Удалов. — Такой не знаю.

— Трудно объяснить, ведь на разных планетах совершенно разные развлечения. В цукеноле собираются две группы игроков, и им выдают один круглый предмет. Цель игры — закатить этот предмет в сетку противника.

— Руками или ногами? — поинтересовался Удалов.

— Что ты, только ногами. Если кто-нибудь дотронется до круглого предмета рукой, с него берут штраф.

— Очень похоже на футбол, — подумал вслух Удалов. — А поле какое? А игроков сколько?

— Вот в этом еще одна наша трагедия. Когда-то, в недавнем прошлом, цукенолисты играли на поле длиной в сто метров. Но с современным перенаселением пришлось уменьшить поля в десять раз, а число игроков с десяти до трех. Сам понимаешь, что наши поклонники цукенола — самые несчастные люди во Вселенной.

— Да, на десяти метрах не разгуляешься!

— И вот наши ученые сделали очередное открытие: научились безболезненно усыплять людей, погружать их в анабиоз. И тогда те, кому надоело жить в тесноте, решили, что они поспят, пока наша проблема перенаселения не будет решена. Сначала их было сравнительно немного, но потом к ним присоединились несколько тысяч не очень красивых девушек, которые решили поспать до тех пор, пока наука не придумает, как всех людей сделать красивыми. Еще через год в анабиоз решили улечься два миллиона болельщиков цукенола, которые не в силах были глядеть на уменьшение спортивных полей. Когда вернутся славные времена, тогда и проснемся, заявили они. Но ведь многие засыпают со своими семьями...

Гнец-18 удрученно замолчал.

— И сколько же всего набралось сонных? — спросил Удалов.

— На сегодняшний день насчитываем чуть более двух миллиардов человек.

— С ума сойти!

— Вот именно. Все больше нужных планете специалистов заняты строительством анабиозных ванн и хранилищ для них, половина нашей промышленности вырабатывает охлаждающие растворы и контрольные приборы, старых хранилищ не хватает, приходится все время строить новые. И ты, Удалов, как раз присутствовал при заполнении очередного «спального дома». Научный прогресс неизбежно замедлился, а население продолжает расти, так что даже если бы мы захотели сейчас разбудить всех наших спящих, им бы некуда было деваться.

— Положение! — сказал Удалов.

— Мы вынуждены были отказаться от многих искусств и даже музыки. Мы живем без отпусков и выходных, бережем наших спящих и лихорадочно ищем пути выхода.

— И свободную планету, — продолжил за Гнеца Удалов. Он уже все понял.

— Да. Привлекательную планету с умеренным климатом и богатой растительностью. Мы отвезли бы туда два миллиарда ванн, построили бы там дома и косметические кабинеты, разбили бы там скверы и цукенольные поля... Но такой планеты нет.

— А сами принялись бы развивать искусства и литературу, — предположил Удалов.

— Но нет такой планеты, — повторил печально Гнец-18. — Мы разыскиваем ее уже который год, но все напрасно.

— Найдем, — сказал Удалов. — Как не найти! У нас весь отпуск впереди.

Вторая планета

Перед отлетом Удалов с Гнецом изучили звездные карты и решили лететь в сектор 5689-бис. Сектор был неблизкий, триста световых лет, меньше чем за три дня туда не доберешься, но зато в тех краях было отмечено несколько очень перспективных планетных систем.

Премьер-министр приехал проводить разведчиков. На

прощание он сердечно пожал Удалову руку и произнес с надеждой в голосе:

— Сами понимаете, Корнелий Иванович...

— Понимаю, — ответил Удалов. — И постараюсь не обмануть доверие.

Гнеца-18 сразу укачало, чувствовал он себя паршиво, большую часть времени лежал на диване и думал. Удалов готовил пищу, прибирал на корабле, а в свободные минуты любовался пролетающими за иллюминатором разнообразными звездами, планетами, кометами и метеорами. Картины звездного мира доставляли ему несказанное удовольствие. Отпуск начался удачно. Если бы не Максимикина свинка, стоило бы взять мальчишку с собой. Набирался бы впечатлений, чтобы поделиться с товарищами по классу.

К вечеру третьего дня Гнец-18 сказал:

— Тормози, Корнелий.

Удалов перешел на капитанский мостик и начал торможение. Он освоился с управлением и посадку провел гладко, мастерски.

Уже при подлете было видно, что планета попалась спокойная, зеленая, поросшая большей частью кустарником и совершенно необработанная. Ни городов, ни деревень, ни дорог сверху не было видно.

Опустились на берегу реки. Река была широкая, прозрачная, текла медленно и величаво. За рекой начинался невысокий лес, в котором щебетали вечерние птицы и рычали какие-то звери.

— Ура! — обрадовался Гнец-18, когда отдышался после посадки. — Это то, что нам нужно. Климат, растительность и никакой разумной жизни.

— Погоди, — остановил его осторожный Удалов. — С утра возьмем катер, поглядим. Если бы ты на Земле сел в верховьях Амазонки, то тоже решил бы, что населения у нас нет. Был со мной в прошлом году случай. Отправился я затемно за опятами на Выселки. Прихожу, лес пустой, а грибы уже собраны. Оказывается, меня те, кто с ночи выехал, опередили.

— Это так, — согласился Гнец-18. — Я, когда сел в лесу у Великого Гусляра, тоже решил, что Земля необитаема. А потом услышал, что лесопилка работает, и строился.

И космонавты легли спать.

Настало свежее, светлое утро. Белое солнце поднялось на небо. Удалов с Гнецом отправились на разведку. Они перелетели через реку, долго парили над безлюдным лесом, а когда началось поле, поросшее редкими кустами, Гнец сказал:

— Что-то мне летать надоело. Давай пойдем дальше пешком.

Они взяли бластеры, чтобы отбиваться от хищных зверей, и поставили катер на автоматику. Они шли пешком, а катер летел над ними, и это было очень удобно, потому что стало жарко, можно было получить солнечный удар, а под катером всегда была прохладная тень.

Удалов набрал букет душистых цветов и решил засушить наиболее красивые экземпляры, чтобы привезти их сыну для гербария, собрать который задала ему на лето учительница. Шли часа два. Потом Гнец сказал:

— Ну, теперь ты убедился, что здесь никто не живет?

— Нет, — ответил Удалов. — Нужна осторожность. Речь идет о судьбе двух миллиардов людей...

И он оказался прав.

Не успели они пройти и десяти шагов, как увидели, что из травы торчит ржавый железный штырь.

— Это свидетельство разумной жизни, — сказал уверенно Удалов.

— Совсем не обязательно. Может, сюда прилетали с другой планеты и забыли. А может, туристы-межпланетники. Ты же знаешь, какие они неаккуратные. Пробудут день, а напакостят, словно жили три года.

— С туристами бывают трудности, — согласился Удалов, — но туристы таких штук не забывают.

Он раздвинул кусты и показал Гнецу-18 поросшую мхом пушку с изогнутым стволом.

— Да, — подтвердил Гнец-18. — Туристы этого с собой не возят.

— Поехали обратно? — спросил Удалов.

Гнец подумал немножко и сказал:

— Давай получше исследуем. А вдруг они все погибли?

— Как так?

— Воевали до тех пор, пока друг друга не перебили.

Гнец с Удаловым забрались в катер и полетели вперед. Чем дольше они летели, тем больше попадалось им следов

человеческой деятельности. То громадная воронка от бомбы, то взорванный завод, то целый город, разрушенный до основания. И что удивительно — все так заросло кустами и мхом, что если б Гнец с Удаловым не искали эти следы специально, можно было бы принять их за природные образования. С каждой минутой Гнец-18 все больше убеждался, что люди здесь друг друга взаимно уничтожили, но Удалов настаивал доисследовать планету до конца. Может быть, они куда-нибудь эвакуировались?

— Эвакуировались! — возмущался Гнец-18. — И потом сто или двести лет не догадывались вернуться назад! Что же они, дураки, что ли?

— Все бывает, — ответил на это Удалов, которому были свойственны здравый смысл и осторожность.

Они долетели до самого полюса, заглянули на экватор, пересекли океаны. И везде одно и то же. Следы войны и разрушения — и ни одного живого человека.

Удалов был уже готов согласиться с Гнецом. В самом деле, все друг друга перебили. Очень прискорбно, но что поделаешь?

— Для страховки мы сделаем вот что, — произнес вдруг Гнец-18. — Есть у меня на борту Искатель Разума. Специально сконструирован для подобных случаев. Определяет, есть ли разумная жизнь в радиусе тысячи километров вокруг...

Гнец достал белый ящик с антенной и настроил его. Сразу же раздалось гудение и шелканье.

— Вот видишь, — сказал Удалов. — Значит, есть.

— Это на тебя показывает, — заметил серьезно Гнец-18. — И на меня тоже. Придется надеть шлемы, чтобы наши разумы ему не мешали.

Они надели специальные шлемы и посмотрели на прибор. Он продолжал шелкать, хоть и не так громко, как раньше. Еле-еле. Где-то на планете, далеко от них, теплится разум.

Гнец искренне огорчился, а Удалов предложил:

— Побоедаем сперва и полетим отыскивать твоего отшельника. Может, если он один, то сам будет умолять: «Пришлите мне переселенцев, не с кем поболтать длинными осенними вечерами».

Отправились они на поиски после обеда. Направление

показывал сам Искатель Разума. Антенна, направленная куда надо, вела их к цели.

Они спустились к обширной холмистой равнине. Разум обитал где-то здесь. И это было странно. Ни дерева, ни кустика, лишь пахнет полынью и столбиками у своих нор стоят грызуны.

— Может, врет твой прибор? — спросил Удалов.

— Когда он на тебя жужжал и показывал, то не врал, — заметил саркастически Гнец-18. — А когда на других показывает, то врет?

— Ну, тогда ищи сам, — обиделся Удалов. Пребывание на этой планете ему уже надоело, и хотелось отправиться дальше.

Гнец-18 долго бродил по равнине, прислушиваясь к прибору, и забрел далеко. Удалов снова занялся гербарием. Вдруг Гнец обернулся и закричал:

— Корнелий, иди сюда!

Удалов подошел.

Гнец-18 стоял перед грудой камней и металла. Прибор надрывался от обилия разума.

— Здесь, — показал Гнец, — был вход в подземелье.

Теперь входа не оказалось. Он был засыпан. И довольно давно.

— Какой ужас! — воскликнул отзывчивый Удалов. — Они замурованы и не могут выйти наружу!

Он попытался голыми руками расшвырять камни и железки, но его сил на это не хватало.

— Отойди, — сказал Гнец.

Он достал свой бластер и начал плавить преграду смертоносным лучом. Вскоре образовалась воронка, а еще через несколько минут последний камень превратился в раскаленную пыль и перед путешественниками предстало черное отверстие.

— Нам туда, — просто сказал Гнец-18, который не любил тратить время попусту. Он достал из кармана паутинную веревочную лестницу и прикрепил ее верхний конец к еще горячим камням. — Вперед!

Они долго шли по наклонному туннелю. В туннеле было темно и сыро. С потолка свисали небольшие сталактиты, и с них, словно с сосулеч, капала вода. Стены были в ржавых подтеках и блестели в лучах фонарей. Потом они спустились по скользкой лестнице на следующий

ярус, долго ковыляли по шпалам разрушенной узкоколейки и добрались до глубокой шахты. В шахту пришлось спускаться по скобам, укрепленным в стене, и Удалов опасался, что скобы могут сорваться. Маленький водопад срывался с края шахты, струйкой летел рядом, и иногда Удалову попадала за шиворот холодная вода. Спустились они полтора часа, и Удалов с ужасом думал, как они будут подниматься обратно. Потом снова начались переходы и туннели, и лишь после сорок четвертого поворота впереди забрезжил тусклый свет.

— Я думал, что мы их никогда не спасем, — сказал Удалов.

— А ты уверен, что их надо спасать? — спросил Гнец-18.

Теперь они шагали по коридору, в котором были следы жизни. По стенам тянулись кабели и провода, изоляция, испорченная водой, кое-где была починена, обмотана тряпками. В куче земли, свалившейся сквозь большую трещину в потолке, была протоптана тропинка. Спустившись еще на один этаж вниз, они услышали шаги. Навстречу шел человек в изношенном пиджаке и трусах, сделанных из брюк. Он был бледен и тяжело дышал. В руке у него был потертый чемоданчик, подобный тем, какие на Земле носят водопроводчики. Человек несказанно изумился при виде путешественников.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

— Мы ищем население, — ответил Гнец-18.

— Тогда вам ниже, — сказал водопроводчик. — Здесь только я. Чиню проводку. Трубы текут, изоляция никуда не годится, вентили заржавели. Вы там, внизу, скажите, чтобы прислали замазку, изоляцию и новые трубы.

— Обязательно скажем, — пообещал Удалов. — И давно вы здесь живете?

— Испокон века, — ответил водопроводчик. — А где же еще жить?

— Наверху.

— Где? — Водопроводчик поглядел на Удалова как на сумасшедшего.

— Наверху! — Удалов показал пальцем.

— Там нельзя. Там темно и сыро. Там жить невозможно.

— Но я же имею в виду не туннели, а поверхность

вашей планеты, — объяснил Удалов. — Там светит солнце, растет лес, текут реки и ручьи.

— Какой лес? Какое солнце? Вы откуда свалились?

— Именно оттуда.

— Опасные вы слова говорите. Таким, как вы, не место на свободе.

— Пойдем отсюда, — вмешался Гнец-18, — пойдем скорей.

— Правильно, — одобрил водопроводчик. — Только не забудьте про трубы и замазку сказать.

Они спустились еще на несколько этажей и наконец попали в населенные места. Иногда им встречались люди. Двигались они медленно, лица у всех были бледные и тоскливые. В стенах коридоров были выдолблены ниши, в которых эти люди обитали. На перекрестке двух туннелей путешественники увидели человека в блестящей, хоть и поношенной форме.

— Гляди, похож на полицейского, — сказал Удалов. — Он нам и нужен.

— Вы, случайно, не страж порядка? — спросил Гнец-18. — Скажите, пожалуйста, как нам пройти к...

— Одну минутку. — Человек в форме вынул из-за спины палку и ударил по голове проходящего мимо старичка. — Ты где переходишь? — спросил он его.

Старичок послушно вынул из кармана монету и отдал полицейскому.

— Вам чего? — повернулся к ним полицейский.

— Нам надо пройти к вашему начальству, — сказал Гнец-18.

— Зачем? — спросил полицейский, размахивая палкой, как маятником.

— Мы хотим узнать, ваша планета свободная или занятая?

— Это как так? — удивился полицейский.

— Мы побывали наверху, — объяснил Гнец-18. — Там все свободно. Но тут, внизу, занято.

— Что-то твои слова мне не нравятся, — сказал полицейский. — Я бы тебя отправил сейчас куда следует, только ты одет слишком хорошо. Ты, часом, не грабитель?

— Простите, — вмешался Удалов. — Там, наверху, водопроводчик просил прислать ему трубы, а то течет.

— Вечно ему что-то нужно. Обойдется, — ответил полицейский. — А вы зачем туда ходили?

Удалов потянул Гнеца-18 за рукав.

— Идем дальше.

— Нет уж, голубчики, — возразил полицейский. — Вы пойдете только со мной. Или платите шесть монет за переход улицы в неположенном месте.

— А где положенное? — спросил Удалов.

— Это только я знаю, — усмехнулся полицейский. — На то меня здесь и держат.

Тут полицейский поднял палку и повел путешественников вниз через переходы и лестницы до большой ниши, в которой разместился полицейский участок.

В участке они долго не задержались. Там их допросили, для порядка избили палками и на скрипучем лифте отправили ниже, чуть ли не к центру планеты, в пещеру, которую занимал кабинет Начальника № 1.

— Итак, — сказал Начальник № 1, когда ему изложили суть дела, — вы нагло утверждаете, что пришли сверху. Это чепуха, потому что наверху ничего нет. Там никто не живет. Человек не муха, чтобы ползать по потолку. Теперь остается только выяснить, зачем вы лжете.

— Да не лжем мы! — возмутился Удалов. — Погодите, я вам паспорт покажу. Он вообще прописан на другой планете.

— Я не знаю, что такое паспорт, — сказал Начальник № 1, — но в любом случае ваш паспорт здесь недействителен, потому что других планет не существует. Придется посадить вас в тюрьму, пока вы не сознаетесь, зачем пожаловали, кто вас подослал подорвать нашу бодрость.

— Не нужна нам ваша бодрость! — продолжал спорить Удалов. — Мы искали свободную планету. Ваша оказалась нам ненаселенной. А обнаружилось, что вы спрятались под землей и носа наверх не высовываете.

— Для нас это загадка, — добавил Гнец-18.

Тогда Начальник № 1 приказал всем посторонним выйти из комнаты, запер дверь, заглянул под стол — не остался ли там кто-нибудь, поманил путешественников пальцем и сказал шепотом:

— Я-то знаю, что наверху жить можно. Но другим об

этом знать не положено. Триста лет назад на нашей планете бушевала война. Она была такой всеобщей, что абсолютно все было разрушено. И люди сохранились только в глубоких бомбоубежищах. После войны жить наверху было нельзя. Даже выглянуть опасно. Там все было настолько разрушено и заражено, что даже комар через три минуты умирал. Вот мы и переселились под землю. В этом есть недостатки, зато очень удобно держать в руках население. Вот мы и внушаем, что никакого другого мира не существует. А вы для нас — опасные существа и возмутители спокойствия. Так что придется вам провести остаток своих дней в тюрьме.

Закончив речь, Начальник № 1 вызвал стражу, путешественников затолкнули в темный каменный мешок и захлопнули за ними железную дверь.

— Вот попались! — произнес в сердцах Удалов. — У меня же отпуск скоро кончится. Так дело не пойдет.

Он хотел было барабанить в дверь и требовать справедливости, но Гнец-18 объяснил, что ничего из этого не выйдет. Они все равно проникли сюда без разрешения, а раз местные жители думают, что, кроме их мира, никакого другого нет, а если и есть, то он для жилья не приспособлен, значит, Удалов с Гнецом ниоткуда не приезжали, а они — местные жители с вредными мыслями.

— Все равно, — ответил упрямо Удалов, — я этого так не оставлю.

— А что можно сделать? — удивился Гнец-18. — Наш путь завершен. У нас даже ничего нет — ни фонарей, ни бластеров, ничего. Все отобрали полицейские. Жаль только, что мы не выполнили задания и нас будут понапрасну ждать дома. Прощай, друг Корнелий. Прости, что я впутал тебя в эту историю.

— Ни-че-го подобного, — ответил Удалов, глядя в крошечную тьму. — У меня дела дома. У тебя дела дома. А ты собираешься просидеть здесь всю жизнь. Эй! — продолжал он, подходя к двери. — Здесь есть кто?

— Я на страже, — отозвался голос из-за двери.

— Нас скоро выпустят?

— Из этих каменных мешков еще никто не выходил живым, — ответил глухой голос стражника.

— Я так и думал, — прошептал Гнец-18.

— Может, никто и не выходил, — сказал тогда Уда-

лов. — Но все равно я обязан открыть тебе, стражник, глаза. Ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил стражник.

— Мы пришли сверху, — произнес Удалов. — Там наверху светит солнце, растет трава и поют птицы. Там светло и сухо. Планета уже забыла, что на ней была страшная война. Она ждет, когда снова вернутся люди. А вы сидите внизу, как кроты в подземелье.

— Наверху ничего нет.

— Это тебе вдолбили с детства, что ничего нет. Твои начальники боятся, что как только вы выберетесь на волю, то разбежитесь во все стороны.

— Наверху ничего нет, — повторил стражник. — Там пусто. Там смерть. Жизнь кончается на двадцать третьем ярусе. И не понимаю, зачем все эти разговоры? Может, вы сумасшедшие?

— Тогда зачем нас посадили в каменный мешок? Ведь сумасшедших надо отправлять в больницу.

— У нас нет больниц. Мы живем и умираем, когда наступает для этого время.

— Пойдем с нами наверх, — предложил Удалов. — Там тепло, светло и сухо.

— Не соблазняй меня.

— Там поют птицы и журчат светлые реки...

Стражник грустно вздохнул.

— Это похоже на сказку.

— Ты ничем не рискуешь, — сказал Удалов. — Если тебе не понравится, ты вернешься.

— Не соблазняй, — сказал стражник. — Ты говоришь — тепло, светло и сухо?

— И дует ветер. И шелестят листьями деревья. И жужжат пчелы, отыскивая путь к улью, и стрекочут кузнечики.

— Я не знаю, что такое деревья, и не слышал, как жужжат пчелы... А если ты лжешь, незнакомец?

— Тогда ты приведешь нас обратно и никогда не выпустишь отсюда.

— Хорошо, — согласился стражник, — только я вам завяжу руки, чтобы вы меня не убили. Ведь не исключено, что вы сумасшедшие или хитрые преступники.

— Соглашайся, — прошептал Гнец-18. — Соглашайся на все.

Он воспрянул духом.

Стражник связал путешественникам руки и повел их коридорами к скрипучему грузовому лифту.

— Этот лифт поднимет нас на предпоследний ярус, — сказал он, подводя путешественников к ржавой клетки, — а там посмотрим.

Лифт поднимался целую вечность. Гнец боялся, что за ними будет погоня, и спрашивал, нельзя ли поторопить лифт.

— Других нету, — мрачно ответил стражник, который оказался сутулым мужчиной с бледным, рыхлым, как манная каша, лицом.

— Куда дальше? — спросил он, когда лифт через полчаса остановился. Он явно жалел, что поддался на уговоры, и вот-вот готов был повернуть назад.

— Теперь недолго осталось, — сказал Гнец-18, в котором, словно компас, было заложено чувство направления.

Они шли так быстро, что стражник еле поспевал за ними. Его керосиновый фонарь раскачивался как маятник, и оттого казалось, что туннель заполнен прыгающими тенями. Они миновали шахту, поднялись по лестнице, попали в тупик и пришлось возвращаться назад, пробежали через узкий проход, в котором ржавели автомобили и мотоциклы, и в тот момент, когда стражник, запыхавшись, сказал, что больше не сделает ни шагу, увидел впереди пятнышко света.

Удалов первым добежал до входа в подземелье и вскарабкался вверх без помощи рук, которые были связаны за спиной.

— Свобода! — закричал он, как джинн, выпущенный из бутылки.

Следом выбрался Гнец-18.

— Вылезай, — сказал он стражнику, который, зажмурившись, стоял на дне ямы.

— Не могу, слишком светло, — отказался стражник.

Удалов и Гнец-18, повернувшись спинами друг к другу, развязали путы. Потом Удалов лег на край воронки, протянул руку вниз и помог стражнику выбраться на поверхность.

— Открывай глаза понемножку, — сказал Удалов. — Солнце зашло за облака, не страшно.

Стражник стоял на краю воронки, и у него дрожали колени.

Наконец он осмелился открыть глаза и, шурясь, огляделся. Вокруг расстилалась холмистая равнина, поросшая травой и польнью. Далеко, у горизонта, стеной стоял лес и начинались голубые холмы. Это было не самое красивое место на планете, но все равно здесь было в миллион раз лучше, чем под землей.

Но стражник этого не понял. Он ухватился за Удалова и простонал:

— Не могу. Лучше умру.

— В чем дело? — спросил Удалов.

— Слишком много места и слишком много света. Лучше я пойду обратно. Я вам верю теперь, но под землей лучше. Спокойнее и всегда стены под боком.

И как Удалов ни уговаривал стражника осмотреться, подождать, как ни соблазнял его полетом над лесами, тот говорил только:

— Нет, нет, я лучше под землю. Я там рожден и умру в четырех стенах.

— Оставь его, — сказал Гнец-18. — Каждый волен выбирать тот образ жизни, который ему нравится.

— Человеку не свойственно жить под землей. Это место для кротов и червей, — возражал Удалов.

Но стражник был непреклонен.

— Прощайте! — произнес он и прыгнул вниз. Оттуда он крикнул: — Наверно, все это мне приснилось! Я постараюсь обо всем забыть. Только бы не проговориться случайно, а то придется самому вместо вас гнить в тюрьме.

И стражник убежал вниз, в привычную темноту, тесноту и сырость.

Когда Удалов с Гнецом вернулись на корабль, Корнелий сказал:

— Все-таки я надеюсь, что они когда-нибудь сами отыщут выход.

— Возможно, — ответил Гнец-18, — но мы не должны вмешиваться. Спасибо тебе, Корнелий, что ты помог мне выбраться из тюрьмы. Давай искать другую планету. Таковую, чтобы и в самом деле была совершенно свободной.

Третья планета

На следующий день они заглянули на одну плотно заселенную и цивилизованную планету, где заправились гравитонами, купили сувениры и отправились в справочное бюро, чтобы узнать, нет ли по соседству подходящей свободной планеты.

— Точно не скажем, — ответили им. — Мы сами рады бы найти такое место, чтобы построить там дачи и туристские лагеря, потому что спасения нет от собственных туристов. Жгут костры, ломают деревья... Попробуйте, впрочем, заглянуть к звезде Энперон, около которой вращается несколько планет. Мы туда не летаем, потому что боимся космических драконов.

— Драконы — не самое страшное в Галактике, — сказал Гнец-18. — Где у вас ближайший магазин?

В магазине путешественники купили бочку уксуса и распылитель, потому что каждому космическому страннику известно, что космические драконы не выносят уксусного запаха, и полетели к Энперону.

Надо сказать, что им повезло. Единственный дракон, встретившийся на пути, был сравнительно маленьким. Как он ни старался, корабль Гнеца не поместился в его пасти, а когда Удалов распылил уксус, дракон трусливо бросился наутек и спрятался в ближайшей туманности.

— Вот, погляди! — воскликнул Гнец, глядя на первую же планету. — Какая чудесная растительность! Зеленая и яркая! Какие разноцветные озера и реки! Какие сизые и зеленые облака плывут над ней! И вроде бы нет людей!

— Не нравится мне это разнообразие, — сказал Удалов. — Реки должны быть бесцветными или голубыми, в крайнем случае зеленоватыми, но никак не красными и не желтыми. И зеленые облака — тоже ненормальность. Ну что делать, раз уж прилетели, поглядим.

Они опустились на берегу оранжевого озера и вышли наружу. Черная туча надвигалась с запада. Пахло кислой капустой и соляной кислотой. От озера поднимался пар.

Удалов первым подошел к воде, прихватив удочки, потому что решил порыбачить, пока Гнец приходит в себя после посадки. Он закинул удочку с высокого берега. С озера тянуло гнилью, и надежд на хорошую рыбалку было немного. Крючок сразу зацепился за что-то, и Удалов с

трудом выволок на берег ком гнилых водорослей. Он освободил крючок, насадил червяка из земных запасов и закинул снова. Тут же клюнуло. Удалов подсек, потащил осторожно к себе. Показался черный плавник, но это была не рыба. Это был скользкий червь с плавником. Пока Удалов, содрогаясь от отвращения, тащил червя к берегу, из оранжевой воды выскочил еще один червь, вдвое больше первого, и вцепился в добычу Удалова. А когда все это уже было на берегу, вода вздыбилась и из нее выпрыгнул червь втрое больше второго. И проглотил обоих первых. Удалов бросил удочку и побежал наверх. Нет никакой гарантии, подумал он, что следующий червяк не сожрет и самого Удалова.

Навстречу ему шел Гнец-18.

— Ну, что новенького? — спросил он, потирая руки.

— Только черви в озере, — ответил Удалов. — Боюсь, что они всю рыбу сожрали.

— Пустяки, — отмахнулся Гнец-18. — Мы их выведем.

Ему очень хотелось, чтобы планета оказалась свободной.

— Ты лучше доставай свой Искатель Разума, — сказал Удалов.

Он был мрачен, потому что лишился своей лучшей удочки с японской леской. Только Гнец собрался последовать совету товарища, как их накрыла черная туча. Стало темно. Вонючий дождь хлынул сверху, как из помойного ведра. Пока они добежали до корабля, промокли насквозь и покрылись синяками — в дожде попадались гайки, ветки, гнутые гвозди и иная рухлядь.

— Не нужен нам твой Искатель, — сказал Удалов, захлопывая люк и вытаскивая из уха ржавый шуруп. — И без него все предельно ясно.

— Не уверен, — сказал Гнец-18, включив обогреватель, чтобы просохнуть, и обрызгивая Удалова одеколоном. — Может, им не хотелось жить в таком безобразии. Вот они и улетели. А мы эту планету вычистим и приведем в порядок. По крайней мере, леса здесь зеленые.

Но когда дождь кончился и они отправились в лес, оказалось, что листьев на деревьях нет и в помине, зато мириады зеленых тлей обгладывали кору, а жуки и гусеницы терзали стволы — деревья были такими трухлявы-

ми, что, когда Удалов нечаянно задел одно из них плечом, дерево рухнуло и превратилось в пыль.

— Обрати внимание, — сказал Удалов, стряхнув с себя труху и насекомых, — здесь даже птиц нету. Не говоря уже о более крупных животных.

И тут они увидели местного жителя. Это был хилый карлик в рваной накидке, наброшенной на узкие плечики, с грязным мешком в руке. Притом в противогазе.

При виде незнакомцев карлик попытался скрыться в чаще, но ноги его подкосились, и он сел на землю.

— Здравствуйтесь, — сказал Удалов, протягивая вперед руки, чтобы показать, что не взял с собой никакого оружия. — Вы здесь живете?

— Разве это жизнь? — удивился карлик. — Это существование. А вы-то не боитесь?

— А чего нам бояться? — спросил Удалов.

— Как чего? Свежего воздуха, вони, заразы, червей и безнадежности. Вы, наверное, присзжие?

— Правильно, — ответил Гнец-18. — Мы ищем свободную планету. С воздуха ваша нам сначала понравилась. Она кажется такой разноцветной и пустынной...

— Что правда, то правда, — кивнул карлик. — Разноцветная — это да. И пустынная — тоже. Пойдемте лучше ко мне домой, побеседуем, а то опять град собирается. Еще пришибет ненароком.

Путешественники последовали за карликом, который повел их по тропинке, усеянной проржавевшими железками, через черные лужи, в которых шевелились пиявки, мимо пустырей, заваленных смердящим мусором. Удалов просто поражался, как же он не заметил всего этого безобразия с воздуха. Но потом понял: все здесь было покрыто слоем разноцветной плесени, и только вблизи можно было удостовериться, насколько мрачен и безрадостен окружающий пейзаж.

— Городов у нас, простите, не осталось, — сказал карлик, — живем поодиночке.

Он пригласил их в подвал заросшего лишайниками и плесенью когда-то величественного замка. Внутри было множество помещений со сводчатыми потолками, но вонь, которая пронизывала все, была совершенно невыносима. Удалов очень удивился, когда карлик снял противогаз и глубоко вздохнул.

— Можно воспользоваться? — спросил Удалов, протягивая руку к противогазу.

— Пожалуйста, возьмите, носите на здоровье. Вот и запасной для вашего друга, — ответил карлик, и его бесцветные губы искривились в подобии улыбки. — Странные вы люди — в лесу, где дышать трудно, столько там ядовитого кислорода, вы без противогазов обходились, а здесь дышать не можете. Мне, например, от кислорода дурно делается.

Из соседнего подвала вырвался клуб серой пыли. Внутри него кто-то шевелился и хрипел.

— Моя супруга, — объяснил карлик. — Занимается приборкой. Чистюля.

— Простите за нескромность, — сказал Гнец-18, — а почему ваша планета такая, можно сказать, запущенная? Что-нибудь случилось?

— Планета как планета, — ответил карлик. — Жить можно. Бывает хуже. Вот у вас, например.

— Почему вы так думаете?

— Если бы хорошая была, зачем вам другую искать?

— Вы ошибаетесь, — возразил Гнец-18, — наша планета чистая, благоустроенная. У нее только один минус — она перенаселенная.

— Ха-ха! — саркастически произнес карлик и подтянул штаны, которые расползались по швам. — Все это ложь и лицемерис.

— Мы бы рады вам помочь, — сказал Удалов. — Но не знаем чем.

— Так зачем нам помогать? Мы и так довольны.

Не сразу, фразу за фразой, удалось вытянуть из угрюмого карлика историю его планеты. Когда-то она была не хуже других — росли леса, в озерах водилась рыба, летали птицы и так далее. Но карлики, которые населяли планету, были законченными индивидуалистами. Не было им дела до окружающих, а тем более до всей планеты. Они вычерпывали рыбу из озер, не думая, что будет дальше, рубили леса, не заботясь о том, вырастут ли новые. И если один из них выбрасывал в речку мешок со ржавыми железками, то соседи спешили его перещеголять, и тут же каждый выбрасывал туда по два, а то и по три мешка. Когда передохли птицы и звери, расплодились вредные насекомые и принялись безнаказанно пожирать фрукты и

овоши. Нет чтобы карликам объединиться — они даже вытаптывали последние посевы у соседей, чтобы всем было плохо. На месте полей выросли джунгли могучих сорняков, которых ничем не возьмешь — ни химией, ни прополкой. Наконец наступил день, когда на всей планете остались лишь карлики, крысы да вредители сельского хозяйства. С деревьев осыпалась последняя листва, в реках развелись хищные червяки, которые пожирали нечистоты и случайных купальщиков. Но и это никого не смутило. Каждый карлик доживал сам по себе, привыкал постепенно к отсутствию воздуха и даже радовался, что у соседа еще хуже, чем у него.

— И много осталось народу на планете? — спросил Удалов, совершенно потрясенный рассказом карлика.

— А я не интересуюсь, — ответил тот. — Чем меньше, тем лучше.

— А может, эвакуировать их отсюда? — подумал вслух Гнец-18. — Нет, поздно. Они ведь уже нормальным воздухом дышать не могут. Да и как восстановишь животный и растительный мир, если ничего не осталось, кроме чучел и воспоминаний?

— Чучел нету, — сказал карлик. — Чучела жучок съел. Туда им и дорога.

Видно было, что гости ему уже надоели, ждет не дождется, когда уйдут. Но вдруг его осенила мысль.

— Скажите, а не купите ли вы нашу планету? Я вам ее дешево отдам. За кормежку. Будете меня с женой кормить, покуда мы не вымрем.

— Нет, никто вашу планету не купит, — возразил Гнец-18. — Ее же надо продезинфицировать и начать эволюцию сначала, с простейших.

— Так я и думал, — сказал карлик. — Нет добрых людей на свете. А вы пока присядьте в уголке, отдохните, если вам уходить не к спеху. Я обедать буду. Вам не предлагаю. Вы, наверное, сыты.

Из облака пыли выползла карлица. Она несла чашку с теплой водой и тарелку с кашей из плесени.

— Вы чего не раздеваетесь? — спросила она, показывая на противогазы.

— Не приставай к ним, они приезжие, — ответил за гостей карлик.

— Может, все-таки поедите с нами? — предложила карлица.

— Они не хотят! — поспешил ответить карлик.

— Спасибо, — сказали путешественники хором. — Мы сыты.

— Брезгуют, — произнес карлик. — Ничего, нам больше останется.

Карлица тоже присела за стол, и хозяева подвала начали быстро хлебать кашу, заедать глиной и запивать водой.

— А на третье, — сказала карлица, не глядя на гостей, — будут блинчики из лишайников. Очень вкусные.

— Не может быть! — обрадовался местный житель.

Удалов с Гнецом потихоньку вышли наружу, сбросили противогазы и, кашляя от едкого дыма, приползшего в низину как туман, побрели по шевелящемуся лесу обратно к кораблю.

— Хотя эта планета и почти пустая, — сказал Гнец, — но я бы ее и злейшему врагу не предложил.

— И чего же они раньше не спохватились! — горевал отзвучивый Удалов.

— Как же они могли спохватиться, если каждый сидел в своей норе? Поучительно, хоть и горько смотреть на этих эгоистов.

— Надеюсь, — сказал Удалов с чувством, — что это единственный прискорбный случай во всей Галактике. Надо будет обязательно рассказать об этом дома. Знаешь, у нас в Великом Гусляре директор кожевенной фабрики стремится таким же способом Землю загубить. Единственное, что меня утешает, — наша общественность резко выступает против, и не сомневайся, риску Гусь мы погубить не дадим.

— Обязательно Расскажи, — согласился с Удаловым Гнец-18. — Что-то у тебя, Корнелий, по моей вине отпуск мрачный получается.

— Ничего подобного! — возразил Удалов. — Я отпуском очень доволен. Всегда бы так проводил время. Столько новых людей, столько встреч, столько всего поучительного! Нет, я тебе благодарен за приглашение.

Четвертая планета

Следующая планета показалась примерно через полчаса. Она вращалась вокруг той же звезды Энперон.

Удалов прильнул к телескопу, разглядывая ее материки и океаны.

— На вид ничего, — сказал он наконец, пропуская к телескопу Гнеца. — Но я теперь своим глазам не доверяю.

— Я тоже не доверяю. Но, может быть, она все-таки свободная?

Он с такой надеждой посмотрел на Удалова, словно Удалов мог ему помочь.

— Не обещаю, — ответил Удалов. — Городов нету. Заводов не видно. Кое-где в зелени и на полях виднеются черные проплешины. Происхождение их неизвестно.

Во время путешествия Удалов стал экономнее в словах и точнее в формулировках.

Опустились. Вышли. Было очень тихо. Только чуть пахло гарью. Далеко-далеко слышался какой-то стук. Может быть, это стучал дятел?

— Поглядим, — предложил Удалов.

Они пошли вдоль низкорослого леса по зеленому лугу и, когда отошли уже на километр от корабля, наслаждаясь предвечерним миром и спокойствием, Удалов спросил:

— Гнец, а где твой Искатель Разума?

— Опять забыл, — ответил Гнец. — Ты знаешь, Корнслий, мне так хочется, чтобы не было разума, что я все время забываю этот Искатель. Ты не представляешь, как я переживаю за своих соотечественников! Им приходится трудиться не покладая рук, а мы здесь с тобой гуляем.

— Мы не просто гуляем, — возразил Удалов. — Мы проводим разведку.

— Все равно стыдно. Ну что здесь разведывать? Если бы я не боялся сглазить, я бы сейчас сбегал на корабль, взял Искатель и...

— Бег-бег, — добродушно сказал Удалов, усаживаясь на пенск.

«Благодать, — думал он, — если бы у нас в Гусяре места были не лучше, взял бы семью и переехал сюда». Но тут же вспомнил, что скоро в эти мирные места могут

прибыть два миллиарда совершенно незнакомых ему и, может, даже разочарованных людей.

В тишине и спокойствии теплого вечера что-то Удалова смущало. Интуиция подсказывала ему, что здесь не все ладно. Он ощущал, что за ним наблюдают. Удалов подошел к кустам, раздвинул их, но кусты были пустыми. Он вернулся на пенек. Что же неладно? Конечно же, сама тишина, зачарованность леса. Как будто кто-то поджидает, чтобы наброситься... А на чем он сидит? На пеньке. А почему в диком лесу пенек, да еще так ровно спиленный?

Мысли Удалова прервал Гнец-18.

— Так спешил, — сказал он, подбегая, — что не успел включить. Может, нам посчастливилось?

И он протянул Удалову защитный шлем.

— Нам почти наверняка не посчастливилось, — сказал Удалов. — Посмотри.

Гнец долго смотрел на пенек, а потом сказал, не веря собственным глазам:

— Знаешь, тут могут быть животные, которые так ровно отгрызают деревья.

— Бобры?

— У нас они иначе называются.

— Все может быть, — согласился Удалов, но про себя лишь усмехнулся: «Знаем мы этих бобров, с циркулярной пилой».

Включили Искатель Разума. И он тут же защелкал так, словно находился в московском магазине ГУМ.

— Может, это из-за нас? — спросил Гнец с надеждой. — Шлемы испортились?

— Нет. Пойдем посмотрим.

Но в каком бы направлении они ни двигались, щелканье, жужжание и мигание аппарата было совершенно невыносимым. Разум просто кишел вокруг.

— Ничего не понимаю, — сказал Гнец-18.

— А я полагаю, что здесь комары разумные, — ответил Удалов, шлепнув себя ладонью по шее.

— Такое маленькое тело, — серьезно заметил Гнец, — не может поддерживать в себе разум.

— Может, они невидимые?

— Ты веришь в чудеса?

— Скорее, нет.

— И я тоже нет. Невидимость противоречит законам

природы. Все, что мы с тобой, Корнелий, видели и слышали за последние дни, имеет научное объяснение. Но невидимость — это жалкая выдумка фантастов.

Удалов был вынужден согласиться.

И тут раздался строгий голос:

— Невидимость не выдумка. Каждый хороший солдат обязан быть невидимым для противника. Попрошу поднять руки. Вы в плену.

— Ну вот, — вздохнул Удалов. — Второй раз за неделю.

Пенек откинулся, и из-под него вылез солдат с ружьем. Кусты поднялись из земли, и в корнях их обнаружили солдаты с пулеметом. Стволы деревьев распахнулись, словно дверцы шкафов, и из них вышли офицеры и генералы.

Путешественники вынуждены были сдаться в плен.

Их привели в штаб, умело спрятанный под большим муравейником. Единственное неудобство заключалось в том, что муравьи часто падали сверху и больно кусались.

— Вернес всего, вы шпионы, хотя для шпионов вы вели себя очень неосмотрительно, — сказал полковник, который вел допрос.

Чины у них были, конечно, другие, но Удалов для удобства поделил их по числу и величине крестиков на погонах.

— Мы не шпионы, — возразил Удалов. — Мы совершенно штатские лица.

— Это еще не аргумент, — вмешался молодой лейтенант в маскхалате. — Ни один шпион сразу не признается в своих преступлениях.

— Молчать! — рявкнул полковник. — Кто ведет допрос?

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — Лейтенант присел на корточки и превратился в болотную кочку.

— Теперь обратимся к вам. Что вы предпочитаете: смерть на виселице, расстрел или вечное заключение в гюрьме?

— Как вам сказать, — ответил Удалов. — Вечное заключение мы уже испытали. Это очень неприятно. Так что лучше всего расстрел.

— Почему? — удивился полковник. — Вы не хотите жить?

— Хотим, — задумчиво произнес Удалов. — Я передумал. Мы выбираем виселицу.

— Объяснитесь, шпион, — потребовал полковник.

— Я надеюсь, что у вас плохие веревки. И они оборвутся.

— Приготовить тройные веревки, — приказал полковник. — Я сам лично проверю. Я сначала повешу на ней того сержанта, который на прошлой неделе чихнул на посту.

— Знаешь, — сказал Удалов Гнецу-18, — это явно несвободная планета.

— Что? — спросил полковник.

— Я сказал, что планета ваша несвободная.

— Так ты не только шпион, но и клеветник? У нас совершенно свободная планета.

— Если она и на самом деле свободная, — сказал Гнец-18, — то для нас это просто находка.

— Почему?

— А потому, что нам очень нужна свободная планета. Мы уже вторую неделю ищем такую. У нас есть два миллиарда людей, которых негде разместить.

— А где они сейчас живут? — спросил полковник.

— Сейчас они заморожены.

И Гнец-18 чистосердечно поведал полковнику о своих затруднениях. Удалову эта исповедь не понравилась. Он полковнику не доверял. Он с самого начала понял, что под словом «свободная» Гнец и полковник имеют в виду совсем разные вещи. Но перебивать товарища он не стал, хотя и решил уже, что не позволит везти сюда замороженных. Неладно здесь.

— Так, — сказал полковник, выслушал рассказ Гнеца. — В этом что-то есть. Подумаем. Сейчас вас отведут в камеру, а я пока проведу совещание.

По подземному переходу их провели в замаскированную тюрьму. Все это находилось в замечательно замаскированном городе, который ни за что не увидишь сверху. По замаскированным улицам ходили строем дети в военной форме, старушки в военной форме и девушки в полувоенной форме. Все при этом тщательно маскировались, изображая из себя кусты, деревья, камни и прочие неодушевленные предметы.

В камере, замаскированной в дупле старого дерева,

путешественники пробыли недолго. Вскоре их снова провели в штаб, где, кроме полковника, их уже ждали восемь генералов, которые даже кренились под грузом галунов и позументов.

— Покажите документы, — приказал генерал-фельдмаршал.

Удалов показал свой паспорт, а Гнец-18 — свое поисковое удостоверение, но так как генералы не умели читать ни по-русски, ни на языке Гнеца, то они только повертели документы в руках, сверили фотографии с их владельцами и сделали вид, что удовлетворены.

— Если вы не врете, — сказал генерал-фельдмаршал, — вам нужна планета, на которой ваши замороженные соотечественники могли бы приобщиться к настоящей свободе. Что же, мы согласны их приобщить.

— Вы меня не совсем правильно поняли, — ответил Гнец-18, которого Удалов призывал, пока они были в дупле, к крайней осторожности. — Нам нужна планета, где не было бы людей.

— Правильно, — сказал генерал-поручик. — Народу у нас нехватка. Мы всех ваших соотечественников построим к делу. Всех используем.

— Как вы их используете?

— Для защиты свободы. Сейчас у нас перемирие, и мы, и наши противники, жалкие выскочки и коварные предатели, тщательно замаскировались. Потому что и у них, и у нас осталось мало солдат, а детские сады еще не успели подготовить нам достойную смену. У нас каждый человек на учете. У нас больше пушек, чем артиллеристов, больше самолетов, чем летчиков, нам не хватает рабочих на патронных фабриках и пороховых заводах. И если вы отдадите нам своих соотечественников, то мы согласны заплатить за каждого достойно. За стариков и старух по пуле, за женщин по целой обойме, а за здоровых мужчин и подростков не пожалею и винтовок.

— Но нам не нужны пули и винтовки, — возразил Гнец-18.

— Чепуха, — сказал генерал-фельдмаршал. — Не набивайте цену. Всем нужны патроны и винтовки. У нас их сейчас избыток, и потому мы благородно делимся с нашими союзниками.

— Нет, ни в коем случае, — сказал Гнец-18. — Как

вы могли подумать, что мы наших соотечественников отдадим вам в качестве пушечного мяса! Отпустите нас, мы улетим.

— Ну, нет, голубчики, — сказал генерал-фельдмаршал. — Никуда вы от нас не улетите. Вы будете находиться в заточении, на хлебе и воде, до тех пор, пока не согласитесь с нашими справедливыми и законными требованиями.

— Не надейтесь, что вам это сойдет с рук, — возмутился Гнец-18. — Нас найдут, и вас сурово накажут.

— Не найдут, — возразил генерал. — Мы лучшие в мире мастера по камуфляжу. Вы пробыли у нас полдня и не заметили даже простых солдат-новобранцев, которые скрывались совсем рядом с вами. Подумайте, как вы будете через полгода гордиться своими соотечественниками, которые станут такими же мастерами камуфляжа.

— Нет, не уговаривайте нас, мы улетаем.

— Мы не такие наивные, — расхохотался генерал. — Мы вас отпустим, а вы сразу броситесь к нашим противникам. Не думайте, что они вам дадут больше.

— Никуда мы не бросимся.

Но генерал больше не слушал пленников. Он обернулся к полковнику.

— Замаскируйте их так, чтобы родная мать не узнала. И приготовьтесь к допросу восьмой степени.

Снова пленники оказались в дупле. Только на этот раз под сенью дерева рядом с дуплом поставили котел, в котором кипятили смолу, и свалили кучей железные орудия пыток.

— Нам бы дотянуть до темноты, и мы бы убежали, — сказал Гнец-18, который думал, что можно сбежать от генералов.

Но Удалов отнесся к этому трезвее.

— Ничего не выйдет. Пойдем на военную хитрость.

— Нет, это не принципиально. Я этого не позволю.

Тогда Удалов махнул рукой и решил немного поспать. Если тебя собираются пытать, то нет ничего вреднее, чем сидеть и смотреть, как подготавливают к работе орудия пыток.

Его растолкал Гнец.

— Корнелий, — прошептал он, — я в ужасе. Я согласен на все. Только спаси меня.

— Что случилось? — сонно спросил Удалов, которому снилось, что он уже вернулся из отпуска и рассказывает о разных планетах своим соседям, а соседи не верят ни единому слову. Кстати, впоследствии оказалось, что сон был пророческим.

— Ты погляди наружу.

Удалов выглянул из дупла, и его глазам предстало жуткое зрелище. Во-первых, на площадке, хорошо замаскированной сетями и листвой деревьев, уже установили виселицу и дыбу, разложили шипцы, зубья, колья и прочие страшные вещи. В котле кипела смола, а палач в красном мундире, замаскированный под пышный розовый куст, помешивал смолу медным черпаком.

— Хорошо, — сказал Удалов, протирая глаза. — Придется помочь. Только чтобы ни слова. Что бы ты ни услышал, соглашайся со мной, не сомневайся в моем дружеском постоянстве.

— Спасибо, друг.

— Не спеши, — ответил Удалов. — Может, еще ничего не выйдет.

Он высунулся из дупла и, нарушая все правила маскировки, закричал:

— Срочно ведите меня на допрос к генералу!

— Тиш-ше! — рассердился палач, даже затрепетав от такого нарушения маскировки. — Ты нас выдашь своим криком. У меня есть приказ подвергнуть вас первой серии пыток, а когда вы уже кое в чем сознаетесь, вернуть на допрос.

— Эй! — закричал тогда Удалов еще громче. — У меня сведения государственной важности!

Тут же несколько кустов и пней по соседству поднялись и оказались младшими офицерами. Несмотря на ворчание и угрозы палача, лишённого любимой работы, младшие офицеры отвели пленников в штаб. Генералы сидели за столом, обменивались военными воспоминаниями и распивали едко пахнувший местный алкогольный напиток.

— Уже? — удивился генерал-фельдмаршал. — Что-то я не замечаю следов пыток.

— Мы не успели начать, — ответили младшие офицеры. — Они уже сломались.

— Великолпно. Отличная работа! — Генерал-фельд-

маршал пришел в благодушное настроение. — Хотите присоединиться? — спросил он пленников, указывая на стол с напитками.

Удалов наотрез отказался. Гнец-18 последовал его примеру.

— Я, — сказал Корнелий, — готов обсудить с вами условия, но только, чтобы этого, — он указал на Гнеца-18, — здесь не было.

— Ага, раскол! — обрадовался генерал-фельдмаршал. Он просто ликовал. — Все правильно. Может, твоего напарника вообще ликвидировать?

Удалов долго раздумывал. Гнец дрожал и в ужасе глядел на него.

— Корнелий! — взмолился он наконец. — Я всегда был тебе другом.

— Когда дело идет о поставках оружия, — ответил хладнокровно Удалов, — о дружбе и прочих абстрактных чувствах приходится забыть.

— Молодец. Люблю прямоту! — воскликнул генерал-фельдмаршал. — Уведите второго и надежно изолируйте его.

— Не верьте Корнелию! — кричал Гнец-18, когда его вытаскивали из комнаты дюжие лейтенанты. — Он предал меня, значит, предаст и вас! Мы никогда не отдадим вам наших замороженных соотечественников!

— Отдадут, — заметил Удалов цинично, как только крики Гнеца стихли за дверью. — Ну, сами судите, кому нужны два миллиарда древних соотечественников? Так что я вам их с удовольствием уступлю. Только, конечно, не за ту жалкую цену, которую вы предлагаете.

— Что ж, стоит обсудить, — сказал генерал, замаскированный под клумбу незабудок, который раньше молчал и не вмешивался в беседу.

— Во-первых, — продолжал Удалов, присаживаясь за стол рядом с генералитетом, — никаких патронов и никаких винтовок. У нас на Земле есть еще, к сожалению, оружие, перед которым ваши винтовки и патроны — жалкие детские игрушки, даже сравнивать стыдно.

— Какое оружие? — просто взвились генералы.

— Так я вам и раскрыл карты! — усмехнулся Удалов. — Как только сделка состоится, вот и узнаете.

— Ваши условия! — настаивали генералы, сверкая глазами.

И тут оказалось, что условий Удалов придумать не успел. Он сморщил лоб, старался, думал, но озарение не наступало.

Генералы приняли его молчание за преднамеренное. Им казалось, что Удалов хитрит, набивает цену. Они нервно переглядывались.

— Он знает, — шепнул генерал-фельдмаршал генералу-клумбе.

До ушей Удалова долетел этот шепот. Значит, генералам есть что скрывать. Что ж, можно рискнуть.

— Да, я знаю! — сказал он твердо. — И не пытайтесь меня обмануть.

— Но этого же никто не знает! Даже мы чуть было не забыли.

— Неважно, — отрезал Удалов. — Неужели вы думаете, что человек, готовый продать вам два миллиарда ничего не подозревающих живых душ да секретное оружие в придачу, так наивен, что прилетел сюда без предварительной разведки? Уж лучше бы я отправился к вашим врагам.

Генералы послушно закивали. Они поверили Удалову.

— Где это? — спросил Удалов.

— Закопано, — поспешил с ответом генерал-фельдмаршал, — и замаскировано под муравейник.

— Отлично. Везите сюда.

— А где же люди? Где оружие?

— Послушайте, вы мне надоели, — обнаглел Удалов. — Я и так иду с вами на невыгодную сделку. Но я люблю...

«Ну что я люблю?» — лихорадочно думал Удалов.

— Вы любите искусство, — подсказал генерал.

— Не вмешивайтесь, — оборвал его Удалов. — Если бы я не любил искусства, меня бы здесь не было.

— А как вы докажете, что с вашей стороны нет обмана?

— Никак.

— Но мы не привыкли без гарантий.

— Тогда не получите оружия.

— Я придумал выход из положения, — произнес генерал-клумба. — Мы пошлем с вами наблюдателя. На-

блюдатель не отстанет от вас ни на шаг. И если кто попробует крутить, пуля в спину — и готово.

Удалову совсем не нужна была пуля в спину. Но другого выхода не оставалось.

— Я отлетаю через час, — сказал он. — Моего слабо-нервного спутника прошу доставить на корабль в связанном состоянии.

— Будет сделано, — сказали генералы.

— Производство искусства доставить к самой ракете. И чтобы без подделок.

— Ну как можно! — испугались генералы. — Вы же тогда не привезете свой товар.

— Угадали, — согласился Удалов и пожалел, что ему не хватает решительности на Земле. Если бы он так же умел находить выход из любого положения, когда работал в стройконторе, быть бы его конторе лучшей в области.

С Удаловым решил лететь генерал-клумба. Удалов дошел до корабля замаскированными тропинками и проследил за погрузкой связанного Гнеца, который сжигал Удалова презрительным взглядом.

Тяжелый сверток неизвестного назначения тащили восемнадцать замаскированных солдат. Генерал-клумба умудрился добраться от штаба до корабля, скрываясь в траве и иногда зарываясь в землю так, что Удалов, шагавший рядом, периодически упускал его из виду.

Остальные генералы вылезли из подземного хода, чтобы попрощаться с Удаловым, и напоследок генерал-фельдмаршал вежливо спросил его:

— Простите, если мой вопрос покажется вам нескромным, но какой у вас чин?

Удалов хотел было сказать правду, что он младший лейтенант запаса, но решил, что этим может испортить впечатление, и потому ответил просто:

— Маршал танковых войск.

— Я так и думал, — ответил фельдмаршал и пожал ему руку как равному.

А остальные генералы отдали Удалову честь.

Удалов помахал им рукой из открытого люка. За спиной Удалова стоял замаскированный под клумбу генерал и прижимал к его лопатке пистолет. Планета казалась тихой, мирной и совершенно безлюдной. Генералы и солдаты растворились в траве и спрятались в стволы деревьев.

Удалов проследовал на капитанский мостик и поднял корабль в воздух.

Прошло полчаса. Планета превратилась в зеленый кружочек. Удалов отправился в кубрик и развязал Гнеца-18.

— Я вас презираю, — сказал Гнец, но тут ему стало плохо, и Удалову пришлось бежать за водой, чтобы привести товарища в чувство.

Генерал-клумба стоял в проходе, держа пистолет. Из ушей у него торчали цветочки, на плече вырос мухомор.

— Вы так все время будете стоять? — поинтересовался Удалов, проходя мимо со стаканом воды.

— А что делать? — спросил генерал.

— Первым делом снимите с себя эти ветки и траву. Мне за вами убирать не хочется.

— Вы хотите сказать, что можно размаскироваться? — удивился генерал.

Но Удалов его не слушал. Он отпаивал Гнеца.

— Простите, маршал, — настаивал генерал, войдя за Удаловым в кубрик. — Но как я размаскируюсь, если в любой момент могут появиться враги?

— Не могут. Не догонят.

— Вы серьезно?

— Серьезно. Спрячьте пистолет. Еще выстрелит незначай. Шелуху с себя снимите на кухне. И помойтесь немного. Жизнь в лесу вас не украшает.

Гнец пришел в себя.

— Корнелий! — сказал он с горечью. — Как ты мог меня предать?

— Послушай, — ответил Удалов, — мне это надоело. То ты говоришь, что согласен на все, только бы тебя не пытали, то вдруг начинаешь на меня кидаться.

— Но не такой ценой, Корнелий, не такой ценой!

— А какой? — удивился Удалов.

— Ты предал моих соотечественников! Два миллиарда человек!

— Я, правда, выменял их на какое-то произведение искусства, но это была военная хитрость.

— А почему на борту этот тип?

— Чтобы держать пистолет и стрелять при первом моем или твоём подозрительном движении.

Гнец тут же снова потерял сознание.

— Господин маршал! — раздался из кухни голос генерала-клумбы. — А каким полотенцем можно вытираться?

— Ну вот, — проворчал Удалов. — Даже полотенца с собой не взял. Возьмите голубое, — крикнул он генералу. — Это мое. А завтра что-нибудь сообразим. Если нужно белье, то мое вам подойдет. Оно в левом шкафчике.

Удалов не успел снова привести Гнеца в чувство, как вымытый генерал появился в дверях.

— Могу ли быть чем-нибудь полезен? — спросил он.

— Вот так-то лучше, — сказал Удалов, оглядывая генерала.

Перед ним стоял мужчина средних лет, мирного вида, в удаловской ковбойке и черных трусах.

— Сейчас будешь приводить в чувство Гнеца-18. Учти, что он мой друг, а никакой не пленник. Я сам тоже не маршал, а зовут меня Корнелий Иванович. Никаких людей мы продавать вашим милитаристам не намерены. У нас на Земле это не принято. Войны больше не будет. Маскировки тоже. Пистолет можешь выбросить в мусоропровод. А пока я тебя включаю в число членов экипажа в качестве юнги.

— Спасибо, — произнес генерал, и на глаза у него навернулись слезы. — Я и не смел на это надеяться: мир и дружба.

— Мир и дружба, — согласился Удалов, а Гнец, который уже пришел в себя, все слышал и осознал, добавил:

— Ты, Корнелий, настоящий друг моей планеты.

Потом они втроем пошли на капитанский мостик искать новую свободную планету. На полпути Корнелий остановился и хлопнул себя по лбу.

— Забыл! А что же мы от твоих генералов получили?

— Не беспокойтесь, Корнелий Иванович, — сказал бывший генерал, которого Удалов условно решил звать Артуром. — Это генералам совершенно не нужно. Когда на нашей планете еще не было всеобщей перманентной войны, там жил один великий скульптор. И он изваял из изумруда статую женщины. Все знают, какая она прекрасная и ценная, но последние пятьдесят лет она была замаскирована, а недавно мы обсуждали, как бы разбить ее на части и продать какому-нибудь ювелиру.

Тогда они вернулись в багажное отделение и распаковали статую. Она изображала собой женщину изуми-

тельной красоты в человеческий рост и с распущенными волосами. Статуя была зеленой и полупрозрачной.

— Нет, — сказал Удалов. — Статуе не место в багажнике. Поставим ее в кают-компанию и будем ею любоваться в трудные минуты. А потом сдадим в музей или в детский сад, потому что детям тоже надо приобщаться к прекрасному.

Пятая планета

Пятую планету отыскали лишь на четвертый день. Правда, планеты на пути встречались, но некоторые были негодны для жизни, а другие населены. За эти дни Артур стал всеобщим любимцем, потому что отличался добрым характером и изумительно готовил.

— Я, Корнелий Иванович, — произнес он, — всю жизнь хотел стать поваром. Но повара нам не нужны, а нужны только кашевары. Я не люблю обижать других людей, но с детства меня учили быть жестоким. Вот я и терпел. Но больше в этом нет необходимости.

На планету сначала садиться не хотели, потому что с воздуха увидели постройки. Но так как устали лететь без посадки, опустились.

Неподалеку был маленький городок, окруженный садами и полями. На лугу паслось стадо коров. Но никто не вышел встретить путешественников, никто не работал в поле и не пас стадо.

Они прошли к городу по дорожке между полями. В полях выросли сорняки, и васильков было больше, чем ржи. Коровы мычали, завидя людей, будто их неделю не доили. На улицах городка было много мусора, краска облупилась с вывесок, и машины, брошенные у тротуара, были покрыты пылью.

На улицах не было ни единого человека.

— Новая загадка, — сказал Удалов. — Я уже устал от загадок.

Он обернулся к Гнецу-18.

— Ты взял с собой Искатель Разума?

— Взял.

— Тогда давай отыщи, где они скрываются.

Гнец включил Искатель, но он молчал.

В какую сторону ни направляли они антенну, огонек в нем не зажигался. Разума в окрестности тысячи километров не наблюдалось.

— Но это совершенно невероятно, — сказал Артур, выходя из пустого магазина. — Они где-то неподалеку.

— А почему ты так думаешь? — спросил Удалов бывшего генерала.

— Да потому что в магазине есть свежее мясо и огурцы. Его хозяин был здесь по крайней мере сегодня утром.

Они обыскали весь город, заглянули в подвалы и на чердаки, но не нашли ни одного человека.

Уже стемнело, когда они решили вернуться к кораблю и облететь всю планету. Может, таинственные силы перевозили людей на другое полушарие? Гнец все время включал свой Искатель Разума, и Удалов подумал, что его спутник не имел бы ничего против, если бы жители исчезли бесследно. Планета вполне годилась для переселения.

Только путешественники направились к выходу из города, как внезапно раздался шум, и на улицах, в домах — всюду появились люди. Каждый из них тут же прятал в карман какой-то прибор и начинал заниматься своими делами. Люди бурно обменивались впечатлениями.

— Это неповторимо! — слышались голоса.

— Другой такой нету.

— Только бы дожить до завтра!

Удалов подошел к одному из возникших жителей города, почтенному старику в очках, и схватил его за пуговицу.

— Вы где были? — спросил он строго.

— Чудак, — ответил старик, не пытаясь сопротивляться. — А вы где были, позвольте вас спросить?

— Я? — удивился Удалов. — Последние два часа я хожу по вашему городу и удивляюсь, куда все запропастились.

— В последние два часа? — Старик был потрясен. — И вы хотите сказать...

Он обратился к прохожим.

— Люди! — кричал он. — Сограждане! Вы знаете, что эти люди делали последние два часа?

Вокруг собралась толпа.

- Они были здесь, в городе, и искали нас.
- Не может быть! — раздались голоса вокруг.
- Они, наверно, с неба свалились!

Удалов остановил крики, подняв руку.

— Да, — подтвердил он, — мы свалились с неба. Вернее, прилетели с другой планеты. И мы равным счетом ничего не понимаем. Я должен указать, что вы невежливо обращаетесь с гостями, и, вместо того чтобы объяснить, куда пропало население всей планеты, вы над нами смеетесь.

— Никто над вами не смеется, — сказал из толпы толстый мальчик. — Мы вас жалеем.

— Мы выражаем вам искреннее соболезнование.

— Но почему?

— Потому что вас с нами не было.

— А где вы были?

— Придется объяснить, — сказал старик.

— Объясните им, бургомистр, — поддержали старика в толпе.

— Нас не было. Никого не было. Ни в этом городе, ни в соседнем. Ни на дальнем континенте. Нигде. Мы были в прошлом году.

— Да, — раздались голоса, — мы все были в прошлом году.

— Вы умеете путешествовать во времени? — спросил Гнец-18.

— Да, умеем. Но не в этом дело. Мы смотрели даль-нозор.

— Зачем? — Удалов представил себе нечто вроде супербинокля.

— Потому что ровно год назад на нашей планете, в Центральном зале концертов, выступала певица Кавалия Чух.

— Чух! — повторили все слушатели с глубоким волнением.

— Они не знают Кавалию Чух, — заметил толстый мальчик. — Они не дрожат при ее имени.

— Несчастные! — воскликнул старик. — Вы никогда не слышали, как поет Кавалия Чух?

— Нет, — сказал Удалов.

— Тогда вы самые несчастные и самые счастливые

люди на свете. Вы завтра вместе с нами пойдете на ее концерт.

— Так она каждый день выступает? — не понял их Удалов.

— Как вы не понимаете! Она выступала один раз, год назад. После этого улетела дальше, но впечатление, произведенное ее чарующим искусством, было таково, что мы не можем его позабыть. К счастью, у нас есть возможность путешествовать во времени. И вот уже год мы каждый вечер возвращаемся в тот день, когда она пела, и вновь слушаем ее выступление. А самые избранные счастливицы каждый вечер приходят в Центральный концертный зал и внимают ей наяву.

— Теперь понятно, — сказал Удалов. — Отравление искусством.

— Значит, у вас планета не свободная? — спросил Гнец-18.

— Она свободна каждый день с семи до десяти, — ответил старик. — В это время вы не найдете ни одного человека. В прошлое отправляются даже больницы и родильные дома.

На корабле, когда они вернулись, вышел спор. Гнец-18 хотел немедленно улетать дальше, потому что больше на этой планете делать было нечего. Но Удалов воспротивился:

— В конце концов, я в отпуске. И ни одного развлечения. На Земле бы я хоть раза два сходил в кино. Вместо этого я должен бороться с черными полковниками, бегать из тюрьмы и глядеть на орудия пыток. Где справедливость?

— Но мои соотечественники ждут!

— Подождут лишний день.

И тут Удалова неожиданно поддержал Артур:

— Я бы тоже хотел слетать на год назад и послушать Кавалию Чух. Все последние годы я провел в лесу, замаскированный под клумбу. Мне очень хочется приобщиться к искусству.

Гнец понял, что он остался в меньшинстве, и сдался. Сел читать справочник по холодильникам, чтобы не терять квалификации.

На следующий день к вечеру Удалов и Артур переоделись, причесались и отправились в дом к бургомистру. Тот

уже ждал их. Он вручил им по карманной машинке времени и пригласил садиться в приготовленные кресла. По улицам спешили люди, чтобы наскоро закончить свои дела и успеть к дальнотелу, который оказался просто-напросто цветным телевизором.

— В вашем увлечении пением есть и отрицательные стороны, — заметил Удалов бургомистру. — Я, как работник городского хозяйства, должен заметить, что санитарное состояние города оставляет желать лучшего. Любовь к искусству сама по себе благородна. Мы, например, возим с собой на корабле изумрудную статую в человеческий рост. Но если потерять чувство меры, то...

— Тише, — остановил его бургомистр. — Пора.

Они нажали кнопки на машинках времени и перенеслись на год назад, в значительно более прибранный и чистый город. И тут Удалов удивился так, как давно не удивлялся. В комнате возникли сидящие на стульях еще один бургомистр и еще одна жена бургомистра. Бургомистр поздоровался со своим двойником и поцеловал руку своей второй жене. А второй бургомистр поцеловал жену первого.

— С ума сойти, — прошептал Артур. — Я военный человек и ко всему привык, но не к этому.

— Не обращайтесь внимания, — сказал первый бургомистр. — Я тоже привык не сразу. Но потом привык. Это тот же я.

Второй бургомистр согласно кивнул.

— Всюду год назад я уже сидел в этой комнате и смотрел дальнотел. Вот я и сижу. А через год я снова уселся у дальнотела. Так что я дважды сижу. Неужели непонятно?

— Ага, — сказал Удалов и не стал больше спорить.

Так они и сидели. Артур, Удалов, два бургомистра и две жены бургомистра. Тут зажегся большой телевизионный экран, и еще минут через пять Удалов совершенно забыл о странностях этого вечера.

Кавалия Чух не отличалась особой красотой или статностью. Это была скромная женщина из системы Альдебарана. Но она оказалась великой певицей и великой актрисой. Ее искусство так захватывало, увлекало и вдохновляло, что когда в перерыве Удалов смог перевести дух, он искренне пожалел, что Кавалию не слышат его соседи из Великого Гусляра и упрямый рациональный Гнец-18,

который остался на корабле читать справочник по холодильным установкам, потому что на его планете искусство считают недопустимой роскошью, когда у тебя такая гнетущая ответственность перед предками.

К концу концерта Удалов вместе со всеми присутствующими бил в ладоши и кричал «бис!». Ему казалось, что он несется по могучим волнам музыки. А когда концерт кончился, зажгли свет и они попрощались с тем из бургомистров, который остался в прошлом году, все увидели, что в глазах у Артура стоят слезы.

У дома бургомистра уже собралась толпа. Все хотели узнать, понравился ли гостям концерт. Удалов вышел к народу первым. Он поднял над головой сомкнутые руки и сказал:

— Спасибо, товарищи, вы доставили мне неизгладимое удовольствие.

— И только?! — возмутились жители города. — Вы не останетесь с нами, чтобы каждый день уходить в прошлое и вновь переживать сладкие мгновения?

— Я бы рад, — ответил Удалов. — Но у меня дела. Я должен найти свободную планету. Два миллиарда человек ждут от меня помощи. Кроме того, у меня скоро кончается отпуск.

— А я останусь! — крикнул Артур. — Я был генералом на жестокой планете и был замаскирован под цветочную клумбу. Но теперь я понял, что смысл жизни заключается в ином. Я остаюсь.

Все закричали «браво» и захлопали в ладоши.

Один Удалов оставался спокойным. Он не одобрял чрезмерного увлечения Кавалией Чух. Да, она была изумительной певицей, но ведь жизнь продолжается! Он не стал спорить, а сказал Артуру:

— Хорошо. Оставайся. Только проводи меня до корабля. Надо будет обсудить кое-что на прощание.

Артур с готовностью согласился. Он чувствовал себя обязанным Удалову. Они быстро дошли до корабля. Удалов молчал, а Артур объяснялся междометиями:

— Она... — говорил он... — Ах... Вот так... Да-аа!

Гнец-18 все еще читал и подчеркивал ногтем важные места в справочнике.

— Ну как? — спросил он. — Можно лететь?

— Я остаюсь, — сказал Артур. — Это было невыразимо.

Гнец посмотрел на Артура с удивлением.

Удалов развернулся и изо всех сил ударил Артура в челюсть. Артур свалился как подкошенный.

— Закрывай люк! — крикнул Удалов Гнецу. — Немедленно стартуем!

Гнец подчинился, но крикнул Удалову, который поспешил на капитанский мостик:

— Это очень нецивилизованно с твоей стороны. В культурной Галактике так не поступают.

— Он меня еще благодарить будет, — ответил Удалов и дал старт.

Потом привязал Артура к креслу, чтобы не особенно буйствовал, когда очнется. Поступил с ним так же, как древние мореплаватели с Одиссеем, чтобы тот не нырнул в море, наслушавшись сирен.

— Люди, которые только слушают музыку и ничего больше не делают, — сказал он назидательно Гнецу-18, — постепенно деградируют. Меня вообще беспокоит судьба этой планеты. А Артуру надо еще учиться, чтобы стать полноправным членом Галактики.

Кроме того, у Удалова были свои планы в отношении Артура.

Шестая планета, и последняя

Когда Артур пришел в себя, он был ужасен. Он часа два буйствовал в кресле. В конце концов Удалову удалось убедить его, что, если решение Артура слушать каждый вечер один и тот же концерт будет неизменным, на обратном пути Удалов его отпустит. И Артур несколько успокоился, хотя был мрачен и говорил о насилии над личностью, что, впрочем, свидетельствовало о прогрессе в его образовании.

Опять потянулись длинные дни в космосе. Опять были планеты метановые, планеты безвоздушные, планеты обледенелые и планеты раскаленные, планеты, населенные высокими цивилизациями и цивилизациями молодыми.

И вот, когда до конца отпуска Удалова оставалось всего шесть дней и он уже боялся, что придется вернуться

домой, так и не выполнив задуманного, они увидели еще одну планету.

Светлые облака плыли над ней, закрывая легкими тенями озера, реки и сосновые леса. Ни единого города, ни единой деревни. Необитаемый остров!

— Теперь, пожалуй, все в порядке, — произнес Удалов, выходя из корабля и садясь на траву. — Записывай координаты и начинай работу.

— Ой, не доверяю я твоей интуиции, — сказал Гнец-18. — Сколько уже планет мы облетели, и ни одной свободной.

Он достал из кармана Искатель Разума и осторожно включил его.

Искатель зашелкал, и лампочка в нем зажглась.

— Я же говорил. Полетели дальше.

— И все-таки интуиция подсказывает мне, что еще не все потеряно, — настаивал Удалов.

— Смотрите! — Артур показал вверх. — Кто-то летит. Давайте собою.

— Ты свои шутки брось, — строго сказал Удалов. — Тоже мне, поклонник чистого искусства. Сразу сбивать.

Громадная белая птица опустилась рядом с путешественниками и сказала:

— Добро пожаловать в наши края.

— Здравствуйте, — ответил Удалов. — Вы здесь хозяйева?

— Да. Мы хозяйева в небе.

— А мы думали, что это свободная планета, — объяснил Удалов. — Вот товарищ ищет место, где бы разместить своих соотечественников. Если бы знали, не стали вас тревожить.

— Ничего страшного, — успокоила птица. — Мы не возражаем.

— Против чего не возражаете? — спросил Гнец-18.

— Против ваших соотечественников. На что нам земля, раз наша стихия — небо? Если ваши соотечественники обещают не поганить воздух своими заводами и не запустить слишком громких самолетов, мы согласны.

— Конечно, обещаем! — обрадовался Гнец. — За нас вся Галактика может поручиться. Больше того, у нас очень хорошо развиты медицина и холодильная промышленность. Если вы питаетесь, например, рыбой, то мы

можем ее для вас сохранять. И если вам нужно медицинское обслуживание, омолаживание, исправление физических недостатков, всегда рады помочь.

— Нам, по-моему, повезло, — сказала птица и полетела собирать своих товарок, чтобы сообщить им приятную новость.

На следующее утро было заключено официальное и торжественное соглашение между птицами, хозяевами неба, и будущими жителями земли. Удалов вздохнул свободно. Главное дело было сделано.

— Ты прямо домой? — спросил его Гнец, когда они, попрощавшись с птицами, покидали атмосферу планеты.

— Нет. У меня еще несколько дней осталось. Хочу кое-какие дела утрясти.

— Только смотри: главный закон Галактики — невмешательство!

— Что-то ты, Гнец, слишком проницательным стал, — заметил Удалов.

— И сщс, — добавил Гнец-18, — я думаю, что лучше потерю два-три дня, но составлю тебе компанию. В конце концов, наша планета тебе, Корнелий, многим обязана. Я лично тоже. Куда направляемся?

— Сначала завезите меня на планету, где в прошлом году пела Кавалия Чух, — напомнил Артур.

— Успестся. — Удалов обернулся к Гнецу, обнял его и сказал: — Спасибо, друг. Я знал, что ты не покинешь меня. Я постараюсь не особенно вмешиваться, но ты знаешь, как трудно удержаться. И если я не попытаюсь кое-что сделать, меня всю жизнь будет мучить совесть.

— Ладно, располагай мной и кораблем, как считаешь нужным, — сказал Гнец.

— Тогда я должен первым делом вернуться на планету к генералам.

— Ты с ума сошел! — закричал в ужасе Гнец. — Я не имею права рисковать нашими жизнями. Как мои соотечественники узнают, что наша проблема решена, если мы погибнем?

— Тебе и не надо спускаться. Мы с Артуром все берем на себя.

— Ни за что, — сказал Артур. — Я ведь дезертир. Меня повесят, а я не хочу, потому что у меня есть цель в жизни.

— Постыдись! — сказал Корнелий Удалов. — Слушать

музыку — это удовольствие, может, даже наслаждение, но настоящий мужчина не может избрать наслаждение целью жизни. Помогать другим — вот в чем цель жизни. Гнец помогает другим, я помогаю другим. А ты никому не хочешь помогать. Неужели тебе не горько, что все население твоей планеты сидит замаскировавшись и воюет друг с дружкой?

— Мне горько, — сознался Артур.

— И ты устранишься?

— Нет, я не устраниюсь. Но ведь это бесполезно.

— А если я говорю, что не бесполезно?

— Тогда я с вами, Корнелий Иванович.

И корабль взял курс на планету замаскированных генералов.

Снова четвертая планета

— Скажи, Артур, — спросил Корнелий, — а много среди вас таких, как ты?

— Каких?

— Которым надоело воевать и маскироваться.

— Таких большинство, — сказал Артур.

— Так я и думал. И они не смеют в этом признаться.

— Даже самим себе.

— А у ваших противников?

— То же самое.

— Замечательно. Этот ответ я и надеялся услышать.

Ты хорошо разбираешься в маскировке?

— Отлично. Я лучший специалист по маскировке.

Тогда Удалов обратился к Гнецу.

— Сколько, — спросил он, — может взять людей на борт наш корабль?

— Если лететь недалеко, то человек тридцать.

И тогда Удалов поделился с друзьями своим планом.

Перед тем как подлететь к воюющей планете, они изготовили несколько снотворных бомб. Потом Артур показал, как найти главные штабы обеих армий.

Ночью корабль низко опустился над тщательно замаскированным штабом, в котором Удалову пришлось провести несколько неприятных часов, и бросил бомбу прямо в спальню генерал-фельдмаршала. Операция прошла со-

вершенно бесшумно, потому что на той планете не было самолетов и ночью никто не ждал опасности с неба.

Потом корабль опустился на поляне у штаба, второй бомбой Удалов привел в безопасное состояние стражу. Спящих генералов и солдат, общим числом в двадцать человек, погрузили на корабль, в багажное отделение.

Перед рассветом то же самое сделали и со штабом враждебных войск. Всего на борту накопилось около сорока сладко спящих военных. Перегруженный корабль снова поднялся в космос и взял курс к планете, где остатки населения бедовали в подземельях.

Артур с Удаловым тщательно следили, чтобы пленники не проснулись раньше времени, и в багажном отделении стоял туман от снотворного газа.

Когда корабль опустился на холмистой, поросшей полынью равнине у входа в подземный город, пленников поштучно персталили к входу в туннель и опрыскали нашатырным спиртом.

Удивлению солдат и генералов не было конца. Представьте себе: вы заснули в надежном и хорошо замаскированном штабе, а очнулись среди голой равнины, обездуренные, по соседству со злейшими врагами. Некоторые генералы и солдаты попытались зарыться в землю, другие старались превратиться в полынью, но это им не удалось. Удалов и Артур, на всякий случай вооруженные бластерами, приказали им встать.

— Предатель! — воскликнул генерал-фельдмаршал, узнав Удалова.

— Дезертир! — крикнул генерал-поручик, с трудом угадав в загорелом мужчине в ковбойке генерала-клумбу, шефа камуфляжного управления.

— Спокойно, ни с места! — сказал им Артур. — С вами будет говорить сам Корнелий Иванович.

— Маршал танковых войск, — подсказал генерал-фельдмаршал, потому что генералу всегда приятнее, если его побеждает достойный соперник.

— Так вот, господа генералы и товарищи солдаты, — начал Удалов. — Мы привезли вас сюда не случайно. Мы хотим показать вам ваше собственное неприглядное будущее. Здесь, на этой планете, долгие годы бушевала война.

— Не может быть, — прервал его генерал-фельдмаршал. — Здесь негде маскироваться.

— Раньше было где. Вот они и воевали. Довоевались до того, что ни одного живого места на планете не осталось. И пришлось им, бедным, спрятаться под землю, в бомбоубежище. Прошло уже много лет, и они живут там, потому что люди со временем забыли, что есть другой мир, кроме подземного. Они влачат жалкое существование, словно кроты и черви. Им страшно вылезть на белый свет. Вот эта дыра — единственное место, через которое можно проникнуть внутрь. Еще через несколько лет они все вымрут. Такая же судьба ждет и вас. Я ясно выразился?

Генералы и солдаты были поражены, но не поверили.

— Тогда вот что, — сказал Удалов. — Желаящие могут пойти внутрь вместе с Артуром и Гнецом-18. Идите остороженько, чтобы вас не поймали. А мы, остальные, подождем здесь.

Так и решили. Пока часть визитеров пробиралась под охраной Артура по темным коридорам, остальные беседовали с Удаловым о жизни на других планетах и обсуждали актуальные проблемы. Удалов был доволен тем, что среди его слушателей в основном были солдаты, которые рады были не маскироваться и посидеть спокойно на солнышке.

В общем, к тому времени, когда вернулись экскурсанты, Удалов полностью разагитировал солдат, как балтийские моряки разагитировали казаков во время революции. Солдаты тепло братались и уже обсуждали мирные планы.

Экскурсанты вернулись из подземелья мрачные и потрясенные виденным.

— Это невероятно, — проговорил генерал-поручик, который обозвал Артура дезертиром. — С этим надо покончить. Нам стыдно за наших братьев по разуму.

— Долой маскировку! Да здравствует мир! — выкрикнул один из солдат, остававшихся с Удаловым.

— В ваших словах что-то есть, — ответил солдату генерал-поручик, который еще вчера с ним и разговаривать бы не стал.

Артур приблизился к Удалову и встревоженно прошептал ему на ухо, что генерал-фельдмаршала они потеряли. Он скрылся в темноте и убежал к начальству подземного города.

— Плохо дело, — заметил Удалов, не теряя самообладания.

Генералы последовали примеру солдат и сбрасывали с себя маскировочные халаты. Тут и остальные заметили отсутствие генерал-фельдмаршала.

— Он заблудился? — спросил генерал-поручик.

— Нет, — ответил честно Удалов. — Я полагаю, что он сбежал. Для него, кроме войны, других дел не существует. Вот он и хочет объединиться с подземными милитаристами.

— Этого допускать нельзя, — сказал один из солдат.

— Погодите, не в этом дело, — остановил его Удалов. — Многих из вас я, пожалуй, убедил. Но нельзя думать только о себе. Если мы не поможем подземным жителям, они вымрут. Уговорить их выйти наружу подру-поздорову мы не сможем. Они боятся дневного света и отвыкли от свежего воздуха. Но оставлять их внутри тоже нельзя.

— Надо заставить их выйти наружу. Силой, — решил генерал-поручик.

— Но нас ведь горстка, а внутри есть полиция.

Наступило молчание.

— Кстати, — заметил Артур, — генерал-фельдмаршал их наверняка уже предупредил, и они теперь организуют оборону.

— Мне нужны добровольцы, — сказал Удалов.

Десять солдат и пять генералов сделали шаг вперед.

— Остальные остаются здесь и принимают беженцев.

— Но что вы хотите сделать? — спросил генерал-поручик.

— Мы проникнем на самый нижний уровень и взорвем там баллончики с очень вонючим, отвратительным слезоточивым газом. Я случайно обнаружил эти баллончики в корабле. Они предназначены для того, чтобы отгонять хищных зверей. Газ распространится по подземелью, и его жители будут вынуждены отступать до тех пор, пока не выйдут наружу. Мы же пойдем сзади и, если какие-нибудь старики или больные не смогут идти сами, будем им помогать.

Удалов раскрыл чемоданчик и вынул из него подготовленные баллончики, противогазы для десантников и большой пакет с бутербродами.

Все поели бутербродов, потому что операция предстояла длительная, а генерал-поручик произнес так, чтобы все слышали:

— Корнелий Иванович — настоящий стратег.

Удалов покраснел, но ничего не ответил.

Операция прошла, как было запланировано. Восемь часов добровольцам пришлось продвигаться по туннелям и коридорам, идя за волной газа, поднимаясь с уровня на уровень и подгоняя перед собой отстающих. Полиция была дезорганизована и не могла оказать сопротивления. На пятый час, прикрывая глаза от мягкого предвечернего света и обалдевая от свежего воздуха, показались первые жители подземелья. Солдаты встречали прибывших и успокаивали их.

Удалов выбрался из подземелья последним. Он гнал перед собой генерал-фельдмаршала и Начальника № 1. Они сдаваться не хотели, сопротивлялись, и пришлось их на ночь связать.

А утром, на первом собрании жителей двух планет, стало ясно, что пути назад нет, что война на одной планете и подземный плен на другой заботами неутомимного человека с Земли закончились. Лишь фельдмаршал и Начальник № 1 сказали, что жить в новых условиях не могут. На что их подданные заявили, что жить с ними не хотят.

— Ладно, — сказал тогда Удалов. — Я знаю, чем им заняться. Мы их будем перевоспитывать трудом.

— Расскажите, Корнелий Иванович! — попросили его.

— Есть тут одна планета, — сказал Удалов. — Я все мучился, что с ней делать. Люди на ней вели себя неразумно и полностью ее испакостили. Там предстоит большая работа, пока удастся ее очистить и как-то приспособить для нормального житья. Я на обратном пути намерен заглянуть в космический трест по очистным сооружениям. Они, конечно, дадут технику и подкинут кое-какие кадры. Но с людьми у нас всегда трудности. Все хотят быть или космонавтами, или врачами, или певцами. Я думаю, что для перевоспитания генералу и начальнику стоит потрудиться в ассенизационном обозе галактического значения. И специальность полезную заодно приобретут.

И все одобрили предложение Удалова, лишь будущие ассенизаторы воздержались высказать свое мнение.

В эту последнюю ночь перед возвращением домой Удалов не спал. Было много дел. Плакали детишки, стояли старики и старухи, непривычные к свежему воздуху. Где-то перед рассветом, когда солдаты и генералы уже

собирали вещи, чтобы грузиться на корабль и спешить домой, устанавливая там мир и убирать маскировочные сетки, Удалов случайно столкнулся с Артуром.

— Ну, как? — спросил он. — Тебя закинуть поближе к телевизору? Небось ждешь не дожدهшься сладкого момента.

— Куда? — не сразу понял Артур. — Нет, мне домой пора. Работать надо.

— Хорошо, — согласился тогда Удалов. — Обещаю тебе взамен, что если встречу певицу Чух, приглашу ее на твою планету дать концерт.

— Спасибо, Корнелий Иванович! — сказал с чувством Артур.

— Да, еще одна вещь, — вспомнил Удалов. — Там, на корабле ценная статуя. Вернуть бы ее надо.

— Ни в коем случае! — возмутился Артур. — Это наш скромный дар чудесному человеку и великолепному организатору от населения всей планеты. Не отказывайтесь, Корнелий Иванович.

Корнелий искренне пожалел, что нет рядом товарищей из горсовета, часто журивших Удалова за недостаток организаторских способностей. А что, подумал он, может, просто масштабы на Земле для меня мелки? А здесь задачи как раз по плечу. И он внутренне улыбнулся.

Заключение

После того как завезли домой солдат и генералов и попрощались с Артуром, Гнец-18 высадил Удалова на межзвездном космодроме в Силярии. Сделал он это потому, что оттуда через день летел в сторону Солнечной системы пассажирский корабль. Он будет пролетать в каком-нибудь парсеке от Земли, и капитан обещал выделить для Удалова посадочный катер. А Гнец-18 спешил с добрыми вестями домой.

Он долго жал на прощание руку Удалову, обещал прилететь, как только выпадет возможность, расстраиваясь, что ничего не может подарить на память. Потом вдруг вспомнил.

— Держи, — сказал он, — наверняка тебе пригодится в будущем.

Он протянул Удалову Искатель Разума.

Удалов сначала отнекивался, не хотел брать такую ценную вещь, но пришлось согласиться. Может, и в самом деле пригодится, подумал он.

Они обнялись. Гнец пригласил Удалова в следующий отпуск побывать у него в гостях и, лукаво улынувшись, выразил надежду, что Удалову где-нибудь поставят памятник.

Потом Гнец-18 улетел, и Удалов остался один. До отлета был еще час, так что можно было выпить чашечку кофе и купить на память сувенир для Максимки. Максимка уж, наверно, выздоровел от свинки, а Ксения себе места не находит, волнуется, куда делся Удалов, что за рыбалка длиной в месяц? Ревнует, наверно, а может, в милицию заявила.

Но подарка Удалов купить не успел. Когда он проходил мимо ряда кресел, в которых отдыхали транзитные пассажиры, одно лицо показалось ему знакомым. Где же он его видел? В доме отдыха или на работе? И тут же Удалов понял бессмысленность подобных подозрений. Ну как мог человек из дома отдыха оказаться в другом конце Галактики?

— Вам автограф? — спросила его просто одетая женщина, заметив настойчивый взгляд.

— Вспомнил! — воскликнул Удалов. — Вы Кавалия Чух. Я только на днях видел вас по телевизору.

— Вы не могли меня видеть, — ответила знаменитая певица. — Я уже три месяца не выступаю.

— А что случилось?

— Вы присаживайтесь, — улынувшись очаровательной, но усталой улыбкой, сказала Кавалия. — Сами-то вы откуда?

— С Земли.

— К сожалению, там не бывала. Даже не слышала о такой планете. Так вот, у меня творческий кризис. Бросаю петь. Да, я знаю, что знаменита, что мне аплодируют, присылают цветы. Но глубокой, искренней любви к моему искусству я не ощущаю.

— Ясно, — сказал Удалов. — Такое случается с работниками искусства. Это и у нас называется — творческий кризис. Но вы неправы — вас помнят и ценят.

Кавалия Чух печально покачала головой.

— Не утешайте меня, незнакомец. Вы меня не пере-

убедите, потому что ваши слова объясняются добротой вашего сердца, а не действительным положением вещей.

— Еще как переубежу! — возразил Удалов. — Я отлично знаю, как вас излечить от меланхолии. Послушайте, в секторе 5689-бис есть одна планета, мне там пришлось недавно побывать. На этой планете каждый вечер все население, включая стариков и детей, уходит на год в прошлое. И знаете, почему? Потому что они не в состоянии жить без вашего искусства...

И Удалов, не жалея времени, подробно изложил Кавалии Чух события, которые имели место на планете, одурманенной ее искусством.

Кавалия Чух слушала, затаив дыхание. Она была так растрогана рассказом Корнелия, что прослезилась, и только минут через десять смогла взять себя в руки и заявить:

— Я сегодня же, немедленно, откладываю все дела и лечу на ту планету. Вы мне открыли глаза, Корнелий Иванович! Как я могла настолько заблуждаться в людях? В благодарность за такое теплое отношение я готова петь там двое суток подряд...

— Ни в коем случае! — прервал ее Удалов. — Именно этого делать вам не следует. Они же вообще переселятся в прошлое! Поймите же, что планета находится на краю гибели!..

— А что же делать?

— Вы должны поступить иначе. Я предлагаю вам объехать по очереди все их крупнейшие города и спеть на стадионе в каждом из них. И взять с них слово, что они перестанут ездить в прошлое, а будут заниматься своими текущими делами и терпеливо ждать, когда вы приедете к ним собственной персоной.

— Хорошо, вы правы, — тут же согласилась великая певица.

В этот момент объявили посадку на космический лайнер, который должен был отвезти Удалова домой, и он тепло попрощался с певицей, которая тут же побежала к кассе, чтобы взять билет в другую сторону.

— Погодите!

Удалов вырвал листок из записной книжки и написал на нем адрес Артура. Догнав певицу, он передал ей листок с адресом.

— Дорогая Кавалия, если у вас выдастся свободная

минутка, слетайте, будьте добры, на эту планету. Там у вас тоже есть верные ценители. Кроме того, планета только что пережила тяжелую и длительную войну, и ее обитатели очень тянутся к настоящему искусству.

Певица поцеловала Корнелия в щеку и на прощание подарила ему свою объемную фотографию с трогательной надписью.

А еще через два дня посадочный катер незаметно приземлился в лесу на окраине Великого Гусляра.

Было раннее дождливое утро. С елей осыпались холодные брызги. Из травы торчали оранжевые шапки подосиновиков. Вслед за Удаловым на траву спустили изумрудную статую, и катер улетел.

Идти было трудно. Удалов волочил за собой статую по земле и чуть не надорвался. Ему удалось дотащить ее только до городского парка.

Ну что ж, рассудил он, значит, здесь ей и место. Он остановился у детской площадки с качелями, гигантскими шагами и теремком, развернул драгоценную реликвию и взгромоздил ее на пустой постамент, где раньше стояла гипсовая девушка с веслом. Под голубым рассветным освещением статуя мерцала, словно сотканная из теплой тропической ночи.

Все. Дела сделаны. Отпуск прошел удачно, поучительно и интересно.

— Это я сделал, это я сказал, это я предупредил... — произнес вслух Удалов, вспоминая свои обязательства перед Галактикой.

Теперь оставалось лишь спрятать куда-нибудь подальше фотографию великой певицы Кавалии Чух, чтобы жена Ксения чего не подумала, и предупредить сына Максимку, чтобы не отдавал ребятам во дворе Искатель Разума для всяческих детских конструкторских затей.

Удалов бросил последний взгляд на статую.

Статуя улыбалась загадочной неземной улыбкой.

— Я пошел домой, — сказал Удалов статуе. — До свидания.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОБ

Глава первая,

*в которой Корнелий Удалов получает приглашение на
СОС и принимает решение*

Утренняя почта доставила Корнелию Ивановичу Удалову авиаконверт, в котором было письмо следующего содержания:

«Уважаемый Корнелий!

Ты приглашен на первый СОС делегатом от Земли с правом решительного голоса. Твое явление обязательно. В случае неявления ответственность делит вся Земля, которая будет дешифиширована сроком на 34 про-ку-ла.

Первый СОС состоится с 21 по 36 июля с.г. по адресу: 14ххХХ-5:‰=ъ34.

Транспорт, сопровождение, кормление, погребение (в случае необходимости), приемлемую температуру и влажность обеспечивает Оргкомитет СОС.

Созывающий секретарь ОК СОС

Г-Г»

Удалов дважды прочел приглашение, потом подошел к окну и с грустью поглядел на двор. Двор был зеленым, уютным, старуха Ложкина развешивала белье, тяжелые капли воды падали с белых простыней на траву, рыжий петух взлетел на раскрытую дверь сарая и громко хлопал крыльями, из окна Гавриловых доносилась джазовая музыка, а по голубому утреннему небу плыли розовые облака, под которыми с пронзительными криками носились стрижи. И вот этот мирный, обжитой и родной мир при-

дется покинуть ради неизвестного СОС, ради сомнительных наслаждений и реальных опасностей космического путешествия.

— Придется ехать, — сказал Удалов, отворачиваясь от окна и с нежностью глядя на Ксению, которая собирала на стол завтрак. — Какое сегодня число?

— Восемнадцатое, — ответила Ксения, поглядев на стенной календарь. — Куда собрался? Опять на рыбалку?

— Три дня всего осталось, — задумчиво произнес Удалов. — Не на рыбалку, а на первый СОС.

— И не мечтай, — возмутилась Ксения. — Хватит с нас. Небось опять пришельцы? Опять жертвовать своим временем и нервами ради галактической дружбы?

— Надо, Ксюша, — сказал Удалов и сел за стол.

Позавтракав, он пошел к Николаю Белосельскому.

Глава вторая,

*в которой Удалов беседует с Николаем Белосельским и
выслушивает возражения*

Николай Белосельский учился в одном классе с Корнелием Удаловым. Закончив школу с золотой медалью, уехал в область, где с отличием завершил высшее образование, а затем, заслужив уважение своими способностями и любовью к работе, был направлен в родной город на руководящий пост.

Белосельский возвращался в Великий Гусляр с большой неохотой. Он был человеком принципиальным, серьезным и объективным, а потому предчувствовал неизбежность конфликтов. Живое воображение подсказывало ему, что при известии о его скором приезде многие жители города начнут говорить: «Как же, помню Кольку Белосельского! Я с ним в детском саду баловался». Или «Колечка? Белосельский? Близкий человек! Моя двоюродная сестра Леокадия была замужем за его дядей Костей». Беда небольшого города в том, что все всех знают.

Предчувствия Белосельского оправдались. На улицах к нему подходили незнакомые люди, напоминали об общем счастливом детстве, а затем приглашали в гости или

просили протекции. В кабинет проникали троюродные бабушки, желавшие улучшить жилищные условия, и приятельницы по пионерскому лагерю, лгавшие о непогасшей любви.

Белосельский стал нелюдим, избегал людей, страхась неожиданного крика: «Колька, друг!», был строг к родственникам и похудел. Он мечтал о переводе в далекий Петропавловск-Камчатский. Но своей принципиальности он не изменил.

Удалов знал о драме Белосельского и поэтому, хоть сидел с ним шесть лет за одной партой и совместно владел голубятней, ни разу не зашел к нему домой, а, встречаясь на совещаниях, сдержанно здоровался, избегая прямого обращения. Белосельский тосковал по старой дружбе и рад был как-нибудь посидеть с Удаловым, вспомнить далекое детство, но сдерживался. Борьба с фаворитизмом не должна знать исключений.

Удалов вошел в кабинет Белосельского и с порога сказал:

— Доброе утро. Я по делу.

— Здравствуй, Корнелий, — ответил Белосельский. При виде Удалова взгляд его смягчился и ему захотелось сказать бывшему другу что-нибудь теплое. — Погода хорошая в этом году. Радует нас июль.

— Да, жарко, — согласился Удалов.

— Ты садись. Как в стройконторе дела? План сделаете?

— Постараемся, — сдержанно пообещал Удалов, сел и вытащил из кармана приглашение.

— Когда в отпуск? — спросил Белосельский.

— Уж и не знаю. Собирался в августе, да вот... Надо посоветоваться.

Он ладонью перегнал по столу к Белосельскому приглашение и стал ждать.

Белосельский внимательно прочел письмо, кинул на Удалова быстрый взгляд, затем вынул из деревянного высокого стакана хорошо заточенный карандаш и стал читать письмо вновь, помечая галочками ошибки и ставя в непонятных местах на полях вопросительные знаки. Удалов глядел в окно, за которым ворковали голуби, и мечтал о рыбалке.

Дочитав письмо вторично, Белосельский задумался,

не поднимая глаз. В письме таилась каверза. Не стоило распускаться и радоваться при виде Удалова. Ведь он друг детства и потому вдвойне опасен. Недаром он все эти месяцы держался на расстоянии и проявлял тактичность. И ты, Брут, — расстроился Белосельский. Уж лучше бы попросил новую квартиру. Думая так, он нечаянно встретился взглядом с чистыми голубыми глазами Удалова, увидел его гладкий выпуклый лобик, полные розовые щеки, курчавую поросль вокруг ранней лысины и неожиданно для себя спросил:

— СОС — это что такое?

— Ума не приложу, — честно признался Удалов.

— Ясно, — сказал Белосельский. Потом добавил: — Как известно, в июле тридцать один день.

— У них, видно, система отсчета другая, — сказал Удалов. — Так, может, не стоит ехать?

— Не стоит, — согласился Белосельский.

— И жена будет рада. Недовольна она моими космическими связями. Ревнует.

— О семье тоже подумать надо, — сказал Белосельский. — О семье мы зачастую забываем.

— Значит, решили? Мне же посоветоваться надо было. А с кем посоветуешься по такому вопросу? Я пошел? А то в контору опоздаю.

— Иди. Работай спокойно.

— Спокойно не получится, — возразил Удалов. — Спокойно нельзя, потому что буду тревожиться за судьбу Земли.

— А что такое?

— Дешифрировкой грозят. На тридцать четыре прокляты.

— Про-ку-ла, — поправил Белосельский, заглянув в приглашение. — Чепуха какая-то.

— Конечно, чепуха, — согласился Удалов. — Может, обойдется.

Белосельский подчеркнул слово «дешифрирована» красным карандашом.

— В словарь иностранных слов заглядывал? — спросил он.

— Там нету. У них своя терминология.

Белосельский посмотрел в окно. Ворковали голуби, облака сгустились, в отдалении гремел гром. Белосельско-

му очень хотелось уехать в Петропавловск на далекую Камчатку, где нет друзей детства.

— Значит, игнорируем? — переспросил Удалов. Он стоял посреди кабинета, переминался с ноги на ногу. Ему было не по себе, что он поставил Колю Белосельского в неловкое положение.

— А если это не шутка? Нам бы ясность.

— Откуда ей быть?

— А как ты планировал туда ехать? Адрес неразборчивый.

— Для них понятно. Для них это все равно, что для нас Малые Кочки.

Друзья детства немного помолчали. Удалов подумал, что если удастся отделаться от СОС, надо будет позвать Колю на рыбалку.

— Если приедут, — решил Удалов, — я им скажу, что заболел. Или теща заболела. Дипломатично, и никто не в обиде.

— Это разумно, — согласился Белосельский. Он понял, что Удалов искренен и прост. — Так и скажешь.

— А это... насчет рыбалки... — но завершить приглашение Удалов не успел. Посреди кабинета, как раз между Удаловым и столом Белосельского, возник человек в черном трико. В облике его было что-то неземное.

— Простите, — сказал человек быстро, с легким инопланетным акцентом. — Я из СОС. Ищу Удалова Корнелия. Корабль на орбите. В чем задержка?

— Я не еду, — быстро произнес Удалов. — Я заболел.

— Поедешь, — просто ответил человек в трико. — Надо, Корнелий.

— Погодите, — вмешался в разговор Белосельский. — Во-первых, это мой кабинет...

— При чем здесь кабинет? — удивился человек в трико. — Я должен доставить Удалова на первый СОС, а у нас пересадка на Альдебаране. Времени в обрез.

И посланец СОС властно положил руку на плечо Удалову.

Удалов метнул отчаянный взгляд на Белосельского. Что еще придумать?

— Может быть, произошла ошибка? — спросил Белосельский. — Может быть, вы ищете другого Удалова?

— Именно этого, — сказал посланец. — Он уже вычислен и по всем параметрам подходит для СОС.

— Так хоть скажите, кто такой этот СОС! — взмолился Удалов, пытаясь высвободить свое мягкое плечо от железной хватки человека в трико.

— Съезд Обыкновенных Существ.

— Я недостойн!

— Правильно, — поддержал Удалова Белосельский. — Почему представлять Землю на международном форуме должен именно Корнелий Иванович? Мы могли бы порекомендовать вам более достойных представителей. Например, инженера Сидорова. Общественник, спортсмен, рационализатор, выдающийся человек...

— Правильно! Сидорова! — крикнул Удалов.

— Нам не нужен Сидоров, — сказал посланец. — Нам нужен Удалов.

— Странно, — сказал Белосельский, и в этот момент зазвенел телефон.

Белосельский взял трубку, не согнав хмурой складки со лба. А Удалов, воспользовавшись паузой, спросил посланца:

— Домой за вещами можно зайти?

Удалов уже понял, что от СОС ему не отвертеться.

— Некогда. — Посланец подхватил Удалова за пояс и сильно повлек вверх, к потолку.

Последнее, что Удалов увидел в кабинете Коли Белосельского, было запрокинутое вверх, встревоженное лицо старого друга. Лицо пропало, и через секунду Удалов, подлетая к небольшому летающему блюду, уже смотрел на Великий Гусляр с высоты километра.

А Белосельский, проводив глазами Удалова, произнес в телефонную трубку:

— Повторите, что вы сказали?

— Не пускайте Удалова на СОС, — ответил странного тембра далекий голос с инопланетным акцентом. — Это может трагически кончиться для Земли.

— Кто вы?

— Доброжелатель.

— Удалов уже улетел, — сообщил Белосельский. — Назовите свое имя и причины, по которым вы не желаете присутствия Корнелия Ивановича на международном съезде.

— Жаль, что упустили, — ответил инопланетный голос. — Пеняйте на себя.

В трубке что-то шелкнуло, и затем женский голос известил:

— Разговор с Омегой Дракона закончен. Три минуты.

Белосельский сказал: «Спасибо» и медленно положил трубку.

Глава третья,

*в которой Удалов совершает пересадку
на Альдебаране*

Космический корабль набрал скорость. Земля скрылась из глаз, и Солнце превратилось в незначительную желтую звезду. За иллюминатором клубились туманности. Удалов отошел от окна и похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли документы. Посланец поставил корабль на автопилот и обратился к Удалову:

— Повезло. Успели.

— А что? — спросил Удалов.

— Могли задержать. Что-то твоя, Удалов, скромная персона вызывает повышенный интерес в определенных кругах.

— Вот это лишнее, — сказал Удалов. — Я к вам на СОС не напрашивался, лечу из чувства долга. В любой момент согласен вернуться. Тем более что на Земле миллионы более достойных.

— Может быть, — согласился посланец. — Достойных миллионы, а Удалов один.

— Ну что ж, — не стал спорить Удалов. — Будем считать, что мне повезло. Увижу новых братьев по разуму.

— Садись, перекуси, — уклончиво ответил посланец. — На Альдебаране буфет паршивый.

Они пообедали и начали торможение перед Альдебараном.

Любознательный Удалов был потрясен зрелищем космопорта на Альдебаране. В громадных залах гуляли, сидели, отдыхали, парили, висели вниз головами, спори-

ли, ожидали, стояли в очередях за билетами, питались в буфете десятки тысяч альдебаранцев, сирианцев, дескасийцев, тори-тори, прулсй, кофкриавфеев, 45/67-цев, молчаливых испужников, всгиан, плетчиков, моссадеров, антропоидных локов, порников, апрст-тт-воинейцев и многих других, имен которых Удалов не запомнил. И ни одного обитателя Солнечной системы.

Посланец быстро провел обалдевшего от разнообразия разумной жизни Удалова сквозь толпу, протолкнул его в узкую дверь с непонятной надписью и сказал:

— Жди здесь. Рекомендую не покидать помещения. Иначе пеняй на себя. А я билеты закомпостирую.

Посланец удалился, а Корнелий Иванович осмотрел помещенис. По здешним меркам оно было невелико, от изящного фонтана распространялся мускусный аромат, вокруг стояли мягкие кресла. Большинство кресел пустовало. В остальных сучали существа в странных одеждах.

Удалов прошел к свободному креслу и сел. Он старался вести себя так, словно космические путешествия ему не в диковинку. В общем, это так и было, хотя Удалов уже три года не попадал в дальний космос, а на великом пересадочном вокзале Альдебарана оказался впервые.

Остальные обитатели кресел кинули в сторону Удалова равнодушные взгляды и вернулись к своим занятиям. Было тихо. Порой динамик под потолком начинал урчать на чужих языках, видимо, объявляя посадку. Удалов подумал: как там Ксения, наверное, волнуется? Послать бы ей телеграмму, да разве здесь отыщешь телеграф? На всякий случай он обратился к своему соседу, который снизу и до плеч был схож с человеком, но книжку, которую он читал, держал в цепких щупальцах, склонив к странице изысканную пернатую голову с клювом вместо носа.

— Простите, — сказал Удалов. — Вы не знаете, здесь телеграммы на Землю принимают?

Существо отложило книжку, склонило голову на бок и сказала:

— Чир-чрик-чири-пипити.

— Простите?

— Не обращайтесь внимания, — послышался голос с другой стороны. — Он по-русски не понимает.

Удалов с чувством облегчения повернулся в сторону

голоса и увидел подтянутого, стройного и хорошо одетого кузнечика метрового роста.

— А вы понимаете?

— Я понимаю, — сказал кузнечик. — Я синхронный переводчик. Лечу на первый СОС.

— И много языков знаете? — спросил Удалов.

— Трудно сказать, не считал, — ответил кузнечик. — А вы, судя по нерешительности манер, провинциальному виду и глуповатому лицу, из города Великий Гусляр?

— Угадали! — обрадовался Удалов. Он даже пропустил мимо ушей нелестные высказывания кузнечика. — Откуда вы про мой город знаете?

— И зовут вас Корнелий Иванович, — добавил кузнечик. — Не отказывайтесь. Очень приятно. Я проглядывал списки делегатов, а у меня феноменальная память. Так что, пойдем, отправим телеграмму вашей супруге Ксении?

— А на корабль не опоздаем? — встревожился вдруг Удалов.

— Задержат, — ответил кузнечик. — Без нас не полетят. Я забыл представиться. Меня зовут Тори, с планеты Тори-Тори, из города Тори, с улицы имени Тори.

— Столько совпадений сразу? — осторожно спросил Удалов, который понимал, что в Галактике что ни планета — свои обычаи, и порой невежливым вопросом можно нанести смертельное оскорбление или даже вызвать войну.

— Нет, — ответил синхронный переводчик. — У нас все Тори, и все города Тори, и все улицы имени Тори.

— А не путаете?

— Наоборот. Просто. Не спутаешь.

— Это верно, — согласился Удалов. — Так где же телеграф?

Кузнечик быстро вскочил с кресла, потянул Удалова острым коготком к двери, затем завел за угол, и они оказались в низком белом помещении, у стены которого были установлены рукомошники различного размера, формы и высоты.

— Здесь мы можем говорить спокойно. Никто не подслушивает, — прошептал кузнечик Тори. — У тебя есть что на продажу?

— Не понял, — сказал Удалов. — Я на телеграф хочу.

— Нет здесь связи с Зсмлей. Я тебя серьезно спрашиваю. Что везешь? Драгоценности? Сувениры?

— Ты меня удивляешь, — произнес Удалов. — Откуда у меня драгоценности? Я сюда так спешил, даже домой зайти не успел, плаща не взял.

— Жаль, — огорчился кузнецик.

— Странно, — вздохнул Удалов, наблюдая, как какой-то транзитник моет свои семь лап. — Ты языки знаешь, наверное, зарабатываешь неплохо. А решил спекуляцией заняться.

— Я авантюрист, — сказал кузнецик просто. — Ничего не поделаешь. А мои языковые способности на конференции никому не нужны. Тебе знание всех языков вместе с мандатом выдадут.

— Так ты говоришь, нет здесь телеграфа?

— Откуда ему быть? Кто отсюда шлет телеграммы на Землю? Наивный ты, Удалов.

— Нет, — сказал Удалов. — Я доверчивый.

В этот момент динамик, который висел у них над головами, прервал лopotание на неземном языке и заговорил по-русски:

— Удалов Корнелий Иванович, вас ждут у статуи Государственного колена в центре восьмого зала. Повторяю, делегата первого СОС Удалова Корнелия Ивановича ожидают в центре восьмого зала у статуи Государственного колена.

— Вот видишь, — сказал Удалов кузнецнику. — А ты говорил.

— Погоди, — встревожился кузнецик. — Один не ходи.

— Так пойдем вместе, — предложил Удалов.

Через две минуты Удалов и Тори стояли возле внушительного бронзового памятника Государственному колону. Удалов огляделся. Вокруг все так же кипела толпа. «Кто бы это мог быть? — думал Удалов. — Неужели Коля Белосельский прилетел?»

— Корнелий! — раздался рядом девичий голос.

К Удалову спешила девушка ослепительной красоты и редкого обаяния, одетая легко, в серебристый купальный костюм. При виде Корнелия девушка широко раскрыла голубые глаза и лукаво улыбнулась, показав множество жемчужных зубов в обрамлении полных розовых губ.

— Осторожно, Корнелий! — предостерег кузнечик.

— Я понимаю, — согласился Корнелий, не в силах отвести взгляда от красавицы.

— Я счастлива, — сказала девушка, тонкими пальцами дотрагиваясь до руки Удалова. — Я мечтала встретиться с тобой. Пошли. Наш уютный летающий рай ждет у второго причала. Мы проведем с тобой отпуск у журчащего ручья возлюбленных, под сенью бананов забвения. Идем, мой кролик!

И Удалов, ровным счетом ничего не понимая и ни о чем не думая, покорно последовал за красавицей. И может быть, дошел бы с ней до второго причала и добрался бы до бананов забвения, если бы его не перехватила жесткая рука посланца в черном трико.

— Делегат Земли, — произнес посланец твердо. — Вы забываетесь.

— Он мой, — сказала красавица нежно. — Ты мой, подтверди.

— Я твой, — кивнул Удалов.

Кузнечик бросился вперед и вклинился между Удаловым и красавицей.

— Удалов! — сказал он, оглядываясь на посланца. — С нашей точки зрения эта особь не представляет интереса. Возможно, она синтетическая...

— Не верь им, Корнелий, — возразила красавица, — сами они синтетические.

Посланец подхватил сопротивляющегося Корнелия под руки и быстро повлек за собой. Удалов рванулся из рук посланца, красавица громко рыдала и зывала к Удалову:

— С первого взгляда! — кричала она. — Я полюбила. На всю жизнь. Я не перенесу разлуки!

— Я тоже! — ответил Удалов.

Транзитные пассажиры с любопытством смотрели на эту сцену, полагая, что наблюдают чей-то национальный обычай.

Через десять минут кузнечик с посланцем посадили потерявшего от любви рассудок Удалова в космический корабль и привязали его к креслу, а Удалов все еще не мог прийти в себя и повторял:

— С первого взгляда... с первого взгляда и на всю жизнь...

Глава четвертая,

в которой Удалов прилетает на место проведения первого СОС

Вскоре после взлета посланец дал Удалову таблетку, и Корнелий заснул. Когда он проснулся, корабль уже подлетал к планете 14ххХХ-5: %—ъ34, где проводился СОС. Голова у него болела, конечности дрожали. Удалов увидел перед собой прекрасные голубые глаза, но глаза эти были подернуты дымкой прошлого. Он услышал, как рядом тихо разговаривают его спутники, но ни слова не понял, кроме знакомой фамилии — Удалов. С трудом Корнелий вспомнил, что это его фамилия.

— Вам лучше? — спросил синхронный кузнецик. — Припадок любви миновал?

— Плохо, — ответил Удалов. — В жизни со мной такого не случалось, с десятого класса средней школы.

— И как в десятом классе? — спросил синхронный кузнецик. — Обошлось?

— Я уж не помню деталей, — сказал Удалов. — Но было нелегко.

Кузнецик задумался, приставив коготок ко лбу, а сопровождающий посланец сказал:

— Нам это не нравится. Слишком пристальное к тебе, Удалов, внимание.

— И то правда, — согласился Удалов. — Она же меня по имени знала. Может, фотографию где-нибудь видела?

— Ты что думаешь, она тебя на фотографии увидела, влюбилась и начала за тобой по космосу гоняться?

— Но ведь бывает, — сказал робко Удалов. Ему хотелось верить в любовь.

— А скажи, Корнелий, — спросил посланец. — Ты по земным меркам красавец? Герой? Любимец женщин?

— Пожалуй, так не скажешь, — признался Удалов. — Я скорее обыкновенный.

— Так и должно быть. Иначе бы тебя на СОС не отобрали. А лицо той женщины тебе знакомо?

— Нет. Только если в мечтах...

— Тем более это меня тревожит, — заключил посланец.

И тут корабль начал тормозить, а за иллюминатором появилась частично покрытая облаками планета.

Корабль с Альдебарана пристал к спутнику медицинского контроля. Когда Удалов вслед за кузнечиком и посланцем сошел с корабля, он оказался в длинном белом зале, где его и других пассажиров поджидали медики в халатах и масках. Медики поделили между собой пассажиров и принялись их обследовать.

Удалов достался солидной женщине, которая приказала ему раздеться, а потом напустила на свою жертву с десяток шустрых механизмов, которые опутали Удалова проводами, искололи иглами, промыли желудок, сделали рентген — и это за какие-то две минуты. Исследуясь, Удалов не терял присущей ему любознательности и наблюдал, как обрабатывают остальных пассажиров. В сплетении проводов и иглок поблескивал желтый живот кузнечика, а у посланца под черным трико оказались смятые розовые перья.

Механизмы, завершая работу, извлекали из себя длинные листочки желтой бумаги и передавали их врачихе. Врачиха читала их и накалывала на штырь, к которому уже была прикреплена неизвестно когда сделанная цветная и малопохожая фотография Корнелия Ивановича.

Врачиха взглянула на очередной бумажный листочек, громко присвистнула и сказала:

— Ну и дела!

Удалов встревожился.

Врачиха нажала на кнопку в подлокотнике кресла и отъехала от Удалова метров на пять.

Кузнечик и посланец уже спокойно одевались. Видно, для них осмотр закончился благополучно.

Врачиха свистнула погромче, и рядом с ее креслом появились еще два врача. Все трое начали внимательно изучать листочки, пересвистываясь и бросая на Удалова укоризненные взгляды.

— Тори, — позвал Удалов. — Чего они у меня нашли?

Кузнечик, застегивая свой элегантный костюм, подошел поближе и свистнул врачам на их языке. Врачи в ответ высвистели целую песню, а механизмы с новой силой принялись вертеть, колотить и мять Удалова.

— Ты учти, — предупредил Удалов, — я долго не выдержу. Они меня терзают.

— Потерпи, — сказал кузнецик. — Плохо твое дело.

Удалов так испугался, что закрыл глаза. Этого делать не следовало, потому что перед его внутренним взором сразу возникла прекрасная незнакомка и начала любовно вздыхать. Удалов задрожал и тут услышал голос посланца.

— Корнелий, слушай меня внимательно. Тебе придется пройти дезинфекцию. Ясно?

— Ничего не ясно. — Удалов раскрыл глаза, увидел, что врачи смотрят на него строго и опасливо. — В чем дело?

— А в том, что ты прибыл с отсталой планеты, на которой масса микробов и вирусов. Среди них абсолютно неизвестные галактической науке и, возможно, опасные для окружающих.

— Может, домой отпустите? — спросил Удалов. Но голос его прозвучал неискренне. И не потому, что ему хотелось заседать на СОС, а потому, что в нем жила надежда еще раз встретиться с прекрасной незнакомкой. Он понимал всю губительность такого намерения, но его душа жаждала встречи и страдала.

— Домой возвращаться поздно, — сказал посланец. — По вашим, земным, варварским меркам, ты здоров. По нашим же ты — заповедник заразы.

— Что делать, — лицемерно вздохнул Удалов. — Такие уж мы уродились.

Больше он ничего не сказал, потому что сверху на него опустился металлический колпак, и в полной тьме Удалову показалось, что его разбирают на части. Так оно и было. И пока карантинный контроль не промыл каждую клетку его тела, Удалова как личности не существовало. Затем его собрали вновь, к счастью, точно таким, как прежде, вернули костюм и прочую одежду. Одежда воняла карболкой, а ботинки сделались жесткими. Внутри тела все чесалось. Жизнь стала такой некомфортабельной, что Удалов забыл о красавице.

Посланец повел Удалова к выходу из зала, а врачи смотрели им вслед и громко пересвистывались.

— Они такого в своей практике не видали, — перевел кузнецик.

За первым залом поджидала вторая проверка. Удалова измерили, сверили с фотографией в паспорте. Тут он не выдержал и сказал:

— Вижу, что здесь у вас неладно. Чего-то опасаетесь, кого-то боитесь. Поделитесь со мной опасениями.

— Не могу, — ответил посланец. — Не имею полномочий. Все в свое время.

Глава пятая,

в которой Удалов прибывает на СОС и старается обжиться на новом месте

До гостиницы доехали быстро, в основном туннелями, так что Корнелию не удалось полюбоваться местной архитектурой.

В холле гостиницы, украшенном множеством флагов и лозунгов на неизвестных языках, посланец подвел Удалова к длинной стойке, передал его милой пожилой даме с тремя глазами и в очках. Потом вежливо, но без душевности, распрощался.

Дама близоруко водила носом по спискам делегатов, наконец отыскала его фамилию.

— Удалов, — сказала она, — Корнелий Иванович. Место обитания — Земля. Возраст средний, социальное положение среднее, достаток средний. Я правильно излагаю?

— Не спору, — согласился Удалов.

В гулком холле звучали, переплетались голоса, различного вида существа собирались небольшими группами, общались между собой, порой пробегали организаторы разных рангов, а роботы-официанты разносили подносы с жидкостями в бокалах.

— Так, — продолжала пожилая дама. — Вы двуногий, кислорододышащий, размер средний, температура средняя. Вот вам ключ от комнаты триста два-двенадцать. Лифт на тридцатый этаж, северное крыло по коридору вправо. Теперь держите мандат и папку. Проверьте, все ли на месте.

Старушка передала Удалову папку делегата. Папка была черной, пластиковой, с тиснением, а в ней нашлись следующие вещи:

1. Блокнот, авторучка, которая, как вскоре догадался

Удалов, меняла цвет чернил в зависимости от настроения владельца, ластик, стирающий не только написанное, но и память о нем.

2. Таблетки, они же талоны на питание в столовой для кислорододышащих. В случае нужды их можно было принимать от несварения желудка.

3. Папка докладов, запланированных заранее, путеводитель по гостинице со встроенным компасом, аппарат для записывания мыслей, три объемные видовые открытки, значок.

4. Брошюра «СОС — надежда Галактики».

5. Бланк для голосования.

6. Приглашение на заключительный банкет и текст тоста-экспромта, который Удалов должен произнести от имени земного человечества.

7. Билет до Земли с пересадкой в Альдебаране.

— Ознакомились? — спросила дама.

— Да, — подтвердил Удалов. — Интересно.

— А теперь снимите пиджак и закатайте рукав сорочки. — Дама держала в руке большой шприц.

— Это еще зачем?

— Вакцина для преодоления языкового барьера, — объяснила пожилая дама и вкатила Удалову два кубика раствора.

Было больно. Но действие вакцины сказалось сразу. Многочисленные неразличимые голоса стали разделяться по смыслу и, что самое удивительное, стали понятны все вывески и плакаты, висевшие вокруг.

Удалов потер уколотое предплечье, надел пиджак, вежливо поблагодарил даму на ее родном языке и пошел искать лифт.

По дороге он уже не стеснялся, спрашивал встречающих, те его понимали, словно разговор происходил на родной улице в Гусяре, но в объяснениях путались, потому что сами были приезжими. Удалов хотел было уже вернуться к даме, но и обратного пути отыскать не смог. В результате поднялся на лифте, который остановился только на пятидесятом этаже, переехал эскалатором в другое крыло, спустился по лестнице и оказался в прачечной, оттуда служебным подъемником добрался до большого бассейна, где резвились дети делегатов, попал в помещение для тихих игр, в кабаре для сухопутных осьминогов, потом в

библиотеку и лишь к исходу второго часа, многое повидав и страшно утомившись, отыскал номер триста два-двенадцать.

Дверь в номер Удалову не понравилась. Она была круглой и находилась на уровне груди. Удалов с трудом отворил ее и втиснулся в люк. Он оказался в длинной и темной трубе, по которой скользнул головой вниз. Сзади щелкнула, закрываясь, дверь, тьма сгустилась, и Удалов, прорвав головой некую мембрану, влетел в теплую, сладкую на вкус, липкую среду, к сожалению, лишенную воздуха.

Погружаясь на дно, Удалов стал барахтаться, надеясь отыскать входное отверстие, но в темноте он не мог определить не только направление к двери, но и такие элементарные понятия, как верх и низ. Сознание его помутилось, и он безжизненно опустился на дно.

И в этот момент в ушах Удалова, открытых теперь пониманию любого галактического языка, прозвучали отчаянные проклятия:

— Кто посмел нарушить мой покой? Кто не дает мне спать? Я буду жаловаться.

Удалов хотел было ответить, что нуждается в срочной помощи, но в рот хлынула сладкая жидкость, и он потерял сознание.

Очнулся Удалов в коридоре, куда его вышвырнул разозленный сироподышащий обитатель номера триста два-двенадцать. Пухлая женщина с добрым лицом делала ему искусственное дыхание. Когда Удалов окончательно пришел в себя, женщина, оказавшаяся уборщицей, объяснила Удалову его ошибку, чуть не ставшую трагической: вместо северного крыла он попал в западное. Затем она любезно проводила его до нужного номера.

По дороге женщина обещала Удалову выстирать и погладить одежду, а также достать новую папку и мандат взамен потерянных.

Они благополучно добрались до нужной комнаты, небольшой, уютной, с окном во двор. Уборщица отвернулась, пока Удалов раздевался и закутывался в одеяло, а Корнелий, передав ей вещи, спросил растроганно:

— Скажите, добрая женщина, как я могу вас отблагодарить?

— Я рада помочь человеку, — улыбнулась женщина. — Ведь мы, земляне, здесь в ничтожном меньшинстве.

— Как же так? — не понял Удалов, который полагал, что он первый землянин в этих краях.

— Мы с Атлантиды, — сказала простодушно женщина. — Когда наши тонули, давно это было, мимо пролетала летающая тарелочка. Тех, кто еще плавал, они подобрали. А потом сюда переселили. Мы прижились, сельским хозяйством занялись, размножились. Но порой по родине скучаем. Как там у нас? Нашли Атлантиду?

— Честно скажу, нет. Даже сомневаются, была ли она, — ответил Удалов.

— Была, милый, была, как не быть, — сказала уборщица и покинула Удалова, который за время ее отсутствия принял душ, привел себя в порядок и даже внутренне улыбнулся своему приключению. Ведь расскажешь такое на Земле — засмеют.

Когда Удалов вышел из ванной, его белье и костюм уже висели в чистом, отглаженном виде на спинке кресла. Уборщица стояла, отвернувшись к окну.

— Вы так добры... — сказал Удалов.

— Не надо благодарности... Вот только...

— Продолжайте, продолжайте, — поторопил женщину Удалов.

— Дочка у меня пропала, — сообщила женщина, заливаясь слезами. — Единственная моя радость, девочка моя драгоценная. Полетела в соседнюю звездную систему в институт поступать и пропала. Дорогой Корнелий Иванович, памятью наших общих предков прошу, погляди на фото моей Тулички, а вдруг?

И женщина, не оборачиваясь, протянула Удалову небольшую любительскую фотографию, на которой несложно было узнать таинственную красавицу, которая объяснялась Удалову в любви на Альдебаране.

— Ах! — сказал Удалов и замолк от взорвавшихся в нем чувств.

— Что? — воскликнула несчастная мать, обернувшись к Корнелию. — Я чувствую, что вы ее видели.

— Да. Она подошла ко мне на Альдебаране и объяснялась в любви.

— Так просто и подошла?

— Это и удивительно.

— Первая подошла?

— Первая.

— Мерзавец ты, Удалов, — возмутилась уборщица. — Хоть и земляк по происхождению. Моя дочь думает только о генетико-математической лингвистике в области футурологии и никогда, повторяю, никогда не подойдет к незнакомому мужчине.

— Вы, конечно, извините. Я, может, и заблуждаюсь. Может, просто очень похожая девушка. Но на меня она произвела неизгладимое...

Уборщица из Атлантиды вырвала из рук Удалова фотографию и выбежала из номера.

Удалов постоял посреди комнаты, тяжело вздохнул, пожал плечами и сказал вслух:

— Нет, это не ошибка...

Голубые призывающие глаза стояли перед его мысленным взором.

Впервые в жизни Удалову захотелось написать стихотворение о любви.

Он даже стал искать бумагу и карандаш, но в этот момент в дверь постучали.

Глава шестая,

в которой Удалов продолжает пребывать на конференции и вступает в сделку

За дверью стоял знакомый кузнечик, который успел переодеться в фиолетовый наряд, схожий с фракком. В твердые блестящие уши он вставил по цветочку, пахнущему пряно и сильно, а носки его башмаков непрерывно шевелились.

— Очень модно, — сообщил Тори Удалову. — В них электромоторчики. Хочешь купить?

Кузнечик был оживлен, вел себя, как старый приятель, сразу уселся в кресло и спросил, нет ли чего выпить прохладительного.

Удалов ответил, что и сам бы не отказался.

— Ах ты, провинция, провинция, — засмеялся кузнечик-синхронист.

Он нажал на кнопку в ручке кресла, и в стене откинулась дверца, за которой, подсвеченные оранжевым, стояли бокалы и сосуды разной формы.

— Мне только не крепкого, — предупредил Удалов. — Я чуть не утонул. К тому же женщину обидел.

— Рассказывай, — произнес кузнецик, разливая прохладительные напитки.

Рассказ Удалова вызвал в новом приятеле смех, сочувствие и понимание.

— С этой красавицей загадка, — сказал он наконец. — Хотя я предпочитаю брюнеток. Я этим займусь. Но вообще-то я пришел тебе кое-что показать. Ведь должен же ты, Удалов, интересоваться диковинами дальнего космоса или по крайней мере сувенирами.

— Я сказал, мне расплачиваться нечем, — ответил Удалов. — Денег я с собой не захватил, сувениров тоже, а в нелегальные сделки я, прости, не вступаю. Не забудь, что я представитель небольшой, но гордой планеты.

— Ах, уж этот мне патриотизм! Как приобщиться к благам космической цивилизации, на Землю и смотреть не захочешь.

— Это как сказать, — возразил Удалов. — Вот я тут разговаривал с простой женщиной, уборщицей. Ее предки покинули родину много столетий назад. А как увидела земляка, бесплатно костюм отгладила.

— И мерзавцем обозвала, — заметил ехидно кузнецик.

— За дело. Надо было мне промолчать. Зачем трепать материнские нервы? Ведь, может, ее дочь испортилась в дальних странах, попала в дурную компанию, а для матери она всегда остается отличницей, скромницей, студенткой.

— Значит, ты теперь думаешь, что если женщина полюбила тебя, Удалова, значит, она из дурной компании?

— Не знаю, не знаю, — вздохнул Удалов, печально глядя в большое зеркало, которое отражало его округлую невысокую фигуру. — Трудный мир, чуждые нравы...

— Ладно, смотри, — сказал кузнецик.

Он достал из кармана бутылочку сложной формы с чем-то зеленым внутри.

— Что это? — спросил Удалов.

— Могу продать. Средство от всего.
— Как так от всего?
— В зависимости от потребностей.
— И от насморка?
— И от насморка. И от любви. И от комаров. И от дождя. Большая редкость. В промышленное производство не поступило. Делается из корня, который растет только на одном астероиде. Сам понимаешь.

— Так на что мне такое средство? — спросил Удалов равнодушно, но глаза его загорелись и выдали Корнелия опытному прохоже Тори.

— А ты не для себя, для народа, — предложил демагогически кузничик.

— Нет, — отказался Удалов. — Ты с меня что-нибудь нереальное попросишь.

— Не беспокойся, я щедрый.

— Средство-то ценное?

— Но я тебя люблю.

— Прости, — сказал Удалов. — Не верю. Чего бы тебе меня любить? Я не заслужил.

— За заслуги уважают. Любят за недостатки.

— Я и недостатков тебе не показывал.

— Они очевидны, — коротко ответил кузничик. — Берешь средство?

— Сколько? — спросил Удалов.

— Восемнадцать, — сказал кузничик.

— Много.

— Шестнадцать и ни одной меньше.

— Пятнадцать и по рукам.

— Только из любви к тебе, — сказал кузничик.

Он протянул Удалову бутылочку, тот принял и спросил:

— А действовать будет?

— У нас без обмана. Ты попробуй.

Удалов огляделся, на что бы употребить средство.

— У тебя прыщ на лбу, — подсказал кузничик.

Удалов подошел к зеркалу. Прыщ был. Правда, не-большой.

— Да ты не бойся, — сказал кузничик. — На палец возьми, помажешь. Самую малость.

Удалов послушался. Он вытащил пробку, намочил палец и прикоснулся ко лбу. Палец приятно холодило.

Так он и стоял с пальцем у лба. Эта поза навела его на новые размышления.

— Погоди, — сказал он. — А как же?

— Ты чего?

— Как же я расплачиваться буду?

— Как договорились. Сам же сказал — пятнадцать.

— Сказал, да не знаю, чего.

— Ну и дурак. Когда торгуешься, обязательно надо знать, что отдаешь.

— Так что я отдал?

— Причастность к искусству, — ответил кузнецик. — В объеме пятнадцати минут.

— Я к искусству не причастен.

— Послушай, Удалов, я о твоём благе пекусь. Но и себя не забываю. Когда я узнал, что ты человек обездоленный, даже зубная щетка здесь у тебя казенная, я стал голову ломать, как тебя облагодетельствовать, чтобы не разориться. И придумал. У тебя, как у каждого разумного существа, есть ненужные воспоминания. Тяжелый груз твоему и без того натруженному мозгу. Вот их я у тебя и возьму. Лишнего трогать не буду, здесь за это судят.

— А на что тебе воспоминания, связанные с незатейливой жизнью в небольшом городе Великий Гусляр? — спросил Удалов.

— Для тебя это обыденно, — сказал кузнецик, — а для нас странная экзотика. Ты бы хотел посмотреть фильм из жизни моих соседей, как они по утрам демонстративно круфают, потом уходят в трагические прцэки и рискуют в лофэ улытиться от проговоркифы?

— Не понял, — ответил Удалов. — Но любопытно.

— Вот и нам любопытно. Надеюсь получить за твои ненужные воспоминания некоторую мзду. Я делец честный. И если заплатят больше, чем стоит эта драгоценная бутылочка, сдачу принесу тебе. Да отними ты палец от лба!

Удалов послушно отвел палец и увидел, что прыщик исчез. Средство действовало.

— А как я тебе ненужные воспоминания отдам?

— Сейчас все сделаем.

Кузнецик кинулся в коридор, прискакал обратно, катя перед собой заранее заготовленную тележку с приборами — все предусмотрел, хитрец!

— Сначала посмотрим, какие воспоминания у тебя переместились за ненадобностью в мозжечок. Из них я отберу, что подойдет. Сам понимаешь, дружище, я ведь тоже рискую. А вдруг у тебя воспоминания скучные?

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель встала папка, за ней мандат.

— Держи, клеветник! — послышался голос доброй уборщицы. — Достала я тебе все новое.

— Я не хотел обидеть вашу дочку Тулию! — воскликнул Удалов. — Я к ней тепло отношусь.

— Не верю! — послышался ответ, и дверь захлопнулась.

Удалов печально вздохнул, а потом произнес с беспокойством:

— Только чтобы воспоминания о ней не трогать!

— И не подумаю, — сказал кузнецик. — Они у тебя свежие, замкнутые на слуховой аппарат и глазные нервы. Как их вытащить?

Кузнецик ловко подключил Удалова к приборам, а сам при этом глядел в глазок, направленный на мозжечок Удалова. Больно не было, лишь немного щекотало в затылке. Удалов сидел послушно и размышлял, как бы получше использовать универсальное лекарство у себя дома, чтобы не размениваться на мелочи. Например, надо попытаться избавить жену Ксению от склонности к попрекам. Удалову уже пятый десяток, но его все равно дома считают почти ребенком, требуют отчета, где был, с кем был и так далее, даже стыдно. Но как только Удалов подумал о жене Ксении, вместо грусти по оставленной семье его охватило тревожное и свербящее чувство к красавице Тулии, он даже пожалел, что не попросил у ее матери фотографию. Хоть какая память бы сохранилась. Погоди, а если с помощью этого средства внушить Тулии настоящее чувство к Удалову? Она сказала о любви, а сейчас уже, может, забыла обо всем, смотрит такими же расширенными глазами на какого-нибудь инопланетянина с персональной летающей тарелочкой...

— Все, — сказал кузнецик. — Операция закончена. Большое спасибо.

— Нашел чего-нибудь на продажу? — спросил Удалов.

— Гарантии дать не могу, — ответил кузнецик. — Но надежды не теряю.

— И на том спасибо. Бутылочка моя?

— Твоя, пользуйся.

И кузнечик принялся сворачивать оборудование, будто опасался, что Удалов спохватится и передумает. Но Удалов этого не заметил. Он нежил в ладонях бутылочку, связывая с ней различные планы на будущее.

Глава седьмая,

*в которой Удалов присутствует на открытии первого
СОС*

Первый Галактический Съезд Обыкновенных Существ торжественно открылся 21 июля по земному календарю, что, разумеется, не соответствует прочим календарям Вселенной.

В гигантском зале конгрессов разместились в креслах те делегаты, которые привыкли жить в кислородных атмосферах, а таких в Галактике большинство. За прозрачными стенами круглого зала расположились сотни камер, наполненных водой, метаном, пропаном, бутаном, соляными и кислотными растворами, паром, гравием, вакуумом, ватой, туманом, мхом, сероводородом — теми атмосферами, в которых существуют остальные обитатели разумной части Галактики.

В президиуме сидели члены Оргкомитета и руководители планеты 14ххХХ-5: %—ъ34.

Удалову досталось место в амфитеатре, удобно, хорошо видно.

— Дорогие гости, — обратился к делегатам двухголовый председатель оргкомитета Г-Г. — Мы собрались сюда с разных концов Галактики для того, чтобы упорядочить судьбу нашей Вселенной. Есть проблемы, которые оказались не по зубам гениям и правительствам. Для того чтобы их решить, мы отобрали на каждой из обитаемых планет самого среднего индивидуума...

Речь председателя Удалову понравилась, но занятый разглядыванием соседей по залу и тех существ, что томились за стеклянными перегородками, он не заметил, как выступившего Г-Г сменил на трибуне председатель ман-

датной комиссии. Речь его Удалов захватил где-то в середине:

— ...На съезде присутствуют две тысячи шестьсот восемь делегатов с решающим голосом от двух тысяч шестисот двадцати двух планет и планетных систем. Отсутствуют по уважительным причинам четырнадцать, в том числе умерло в пути три, убит в стычках с космическими гнирами — один, распочковались и впали в детство — два, оказался гением и возвращен как самозванец — один, либустировался — один, дезертировал — один, пропало без вести — пять...

Когда мандатная комиссия отчиталась, Удалов подумал, что пора бы устроить перерыв. Он оглянулся, размышляя, не сходить ли ему в буфет, и тут ему показалось, что он видит синхронного кузнечика. Удалов помахал ему рукой, но это оказалось ошибкой, потому что председатель Г-Г заметил этот жест и неправильно его истолковал.

— Слово для приветствия, — сказал он, — просит делегат Земли Корнелий Удалов.

Удалов хотел было возразить, но его возражения утонули в аплодисментах, и пришлось идти через весь зал на трибуну, не представляя, о чем говорить.

Удалов поднялся на трибуну, сделал рукой знак, чтобы прекратить аплодисменты, и решил, что его опыта пребывания на совещаниях достаточно, чтобы не опозорить родную Землю перед столь важным собранием.

— Товарищи, — начал Удалов, — дамы и господа. И те господа, которые не имеют пола. Я прибыл к вам с небольшой планеты Земля, о которой некоторые из вас и не слыхали. Но это не так важно, потому что я тоже не слыхал о некоторых ваших планетах, что никак не уменьшает моего к вам уважения.

Раздались аплодисменты и другие звуки, которые заменяют аплодисменты у существ, не обладающих ладонями.

— Я летел сюда, не зная, чем мы должны заниматься. Хотя надеялся, что займемся делом. Сегодня утром я прочитал программу съезда, а также брошюру «СОС — надежда Галактики». И должен сказать, что меня вдохновила идея, лежащая в основе нашего съезда. Давно пора объединиться обыкновенным людям всего мира. Их больше всего, и они самая здоровая часть разумного человечества.

ства. Какие бы опасности ни угрожали Вселенной, они никогда не исходят от средних людей, а от умных или от дураков. А что умные или дураки могут сделать без нас, обыкновенных?

Вновь раздался шум и аплодисменты.

— Кому решать судьбы Вселенной, как не нам? — продолжал Удалов, все более вдохновляясь. — Мы положительное большинство. Кто чаще всего женится и рождает детей? Обыкновенные люди. Кто реже всех разводится? Обыкновенные люди. Что бы делали другие, если бы не было обыкновенных? Вымерли бы, ручаюсь, от глупости или от излишнего ума. Кто начинает войны? Наполеоны. А кто их кончает и заключает мир? Мы, обыкновенные люди. Да и как бы мы могли оценить величие и опасность того же Наполеона, если бы не было множества обыкновенных полководцев, с которыми мы его сравниваем? Как бы стали великими выдающиеся писатели, если бы не было множества обыкновенных писателей, которые делают свое скромное дело, оттеняя величие Льва Толстого? Как бы мы могли оценить прелесть некоторых красавиц, если бы рядом не было обыкновенных женщин — наших жен?

Тут снова раздался аплодисменты, а также отдельные свистки и гневные возгласы, потому что не все были согласны с Удаловым. Удалов смешался, покраснел и поныл, что персборшил. Потому он закончил свою речь кратко:

— Я передаю приветствие нашему первому СОС от имени обыкновенных людей Земли и надеюсь, что мы совместными усилиями многого добьемся. Середина непобедима!

При громе оваций Удалов сошел с трибуны, а некоторые делегаты тут же на больших листах бумаги начали рисовать последние слова делегата с Земли: «Середина непобедима!» К перерыву в зале уже покачивалось несколько плакатов с такой надписью, а к вечеру лозунг появился и на стенах города, жители которого немало гордились тем, что он дал прибежище такому славному съезду. А еще через день в продаже появились большие круглые значки с изображением улыбающегося Удалова и надписью «СЕРНЕП», что означало, естественно, — «Середина непобедима!»

После речей организаторов и приветствий от Сириуса, Альдебарана и неизвестных Корнелию планет начались прения. Удалов с удивлением отметил, что средние существа довольно разнообразны. Например, средний человек с Просидоры был по земным меркам математическим вундеркиндом, а любой Тори с Тори-Тори — талантливым лингвистом. Средний ярк был чуть умнее пятилетнего земного ребенка и куда более вздорен, чем дворняжка Ложкиных из соседней квартиры.

Завязалась горячая дискуссия о том, как обыкновенным существам выработать среднюю программу и установить в Галактике мир и покой. И вскоре основное внимание сосредоточилось вокруг планеты Кэ, с которой была связана неприятная тайна.

Дело в том, что еще несколько лет назад эта планета ничем не отличалась от прочих передовых и миролюбивых миров, но затем все ее жители заболели непонятной болезнью и лечиться отказались. Это было бы еще терпимо, если бы общение с обитателями планеты Кэ не заражало всех, кто находился с ними в контакте. Вроде бы человек оставался совершенно здоровым, но характер его менялся к худшему, он рад был оправдать любую гнусность, обман и предательство, совершенные своими новыми друзьями, а затем исчезал. Внезапно отупевшие мужья не узнавали своих жен и детей, били их и бежали на космодром. Государственные деятели забывали о своих задачах и обязанностях, пытаясь объявить свои миры колониями планеты Кэ, а когда им это не удавалось, тоже пропадали. Лучшие умы Галактики бились над этой проблемой, но разрешить ее не смогли. В результате решено было объявить карантин и не пускать жителей Кэ в другие миры. Но те проявляли удивительную изобретательность, подсылая вместо себя обращенных в свою веру, зараженных существ из других миров. К счастью, один медик придумал анализ, по которому известное вещество триэтилмононуклеон становилось зеленым, если на него дышал человек, зараженный болезнью Кэ. Именно по этой причине так тщательно проверяли пассажиров, прилестевших с Альдебарана.

В некоторых выступлениях название планеты Кэ проносилось с тревогой и даже страхом. Все понимали, что

в числе первоочередных задач СОС — спасение жителей Кэ.

В перерыве Удалов пообедал по талону в столовой, разделенной на отсеки по образу питания. Питание было сносным, хоть и непривычным. К сожалению, из-за перегородки несло сероводородом — там стоял столик с планеты, где сероводород пьют вместо чая. Когда Удалов, насытившись, встал из-за стола, к нему подошел оранжевый шар на тонких ножках в галошах, чтобы позвать ему руку и поздравить с удачной речью. Поблагодарив шар, Удалов увидел бегущего к нему кузнечика. Кузнечик был одет еще шикарнее вчерашнего, в золотой смокинг с бриллиантовой застежкой у ворота, в золотые лосины и красные сапожки, носки которых шевелились сильнее, чем раньше. Цветы в ушах были усыпаны самоцветами.

— Удалов! — закричал он и бросился к приятелю так быстро, что чуть не попал под ноги шестипопу сиреновому слону, который нес ведро с сосисками.

— Я здесь, — откликнулся Удалов, идя ему навстречу, потому что полагал, что кузнечик хочет поздравить его с удачным выступлением.

Но кузнечик Тори думал о другом.

— Слушай, Корнелий, — сказал он громким шепотом. — У тебя не осталось лишних воспоминаний?

— Ты разве не все вчера забрал?

— Не уверен. Но взял бы и такие, что тебе вроде и не нужны, хотя кажется, что могут пригодиться.

— Что-то ты активный! Наверное, удачно мои вчерашние воспоминания продал?

— Какое там! — быстро ответил кузнечик и отвел в сторону круглые глаза. — Еле-еле окупил расходы.

Его лапка совершила незаметное путешествие к горлу, прикрывая бриллиантовую застежку. Удалов внутренне улыбнулся. Он понял, что его подозрения обоснованны, но спорить не стал. На что человеку лишние воспоминания? Все равно что вчерашний снег. Тем более что нехватки их Удалов не ощущал.

— Тогда почему интересуешься? — спросил Удалов.

— Нашел для тебя нужную вещь, — сказал кузнечик. — Отойдем, покажу. Только дорого просят.

Когда они отошли в сторонку, кузнечик достал из-за пазухи зеленый шарик, чуть побольше грецкого ореха.

— Видишь? Дали поддержать на время.

— Объяснись, — сказал Удалов.

Тут зазвенел звонок, собирая делегатов на послеобеденное заседание.

— Одна минута. — Кузнечик поддел коготком орех сбоку. Там обнаружилось маленькое отверстие. — Вот здесь, — продолжал Тори, — можно жить. И живут.

— Кто? Блохи? — сообразил Удалов, продвигаясь к выходу.

— В том-то и секрет, что люди. Это растение. Растет оно на далекой планете Сапур. Сначала оно вот такое, через год — с футбольный мяч, а через три года будет с тебя, Удалов, ростом.

— Ну и пусть растет, — сказал Удалов, шагая по коридору. Неловко опаздывать, особенно если ты уже пользуешься известностью.

— Это саморастущий дом, — продолжал кузнечик. — Пока растение маленькое, в него детишки поселяют своих кукол, когда подрастает, получается комнатка, в которой живут холостяки и невесты. Еще через год-два комната внутри становится такой большой, что можно городить на две. Семья увеличивается, дом растет, и никаких жилищных проблем.

— А оно не возражает? — спросил Удалов.

— Чего же ему возражать? Ты же в школе учил: растения поглощают углекислоту и выделяют кислород. Чем сильнее ты в нем дышишь, тем ему приятнее. И воздух всегда свежий, проветривать квартиру не надо. Уже лет двадцать прошло, как эти растения завезли на Сапур, все население там переселилось в живые дома. С виду лес, а на самом деле город. И природа в порядке, и людям не тесно.

— А вдруг на Земле дома не приживутся? — спросил Удалов.

— Приживутся. На Сапуре климат, как под Москвой. Не веришь, слетаем, проверим. Представляешь, никаких проблем в жилищном строительстве. Каждому ребенку выдаешь дом, ребенок растет и дом растет...

Тем временем они вошли в зал заседаний. Кузнечик, убедившись, что Удалов снова попался ему на крючок,

побежал наверх, к синхронным будкам, а Удалов прошел к своему месту. И сильно задумался, даже не слышал выступлений первых ораторов. Ведь можно принести громадную пользу Земле! Может, в самом деле пожертвовать еще какими-нибудь воспоминаниями?

Глава восьмая,

в которой Удалов идет в кино и удивляется

Удалову было приятно слушать, как некоторые делегаты в своих выступлениях ссылались на его речь, а другие заканчивали выступления лозунгом «Середина непобедима!». Так что заседание прошло для него незаметно и интересно, к тому же он узнал массу любопытного о жизни в других мирах и даже пожалел, что не обладает писательским даром, чтобы запечатлеть услышанное для земных читателей. Хотя, подумал он, скептики на Земле, которые до сих пор даже не верят в летающие тарелочки, наверняка сочтут его правдивые рассказы за лживую выдумку.

Наконец прозвенел гонг председателя, и заседание завершилось. Было объявлено, что завтра съезд начинается после обеда, потому что некоторые делегаты не привыкли так много заседать и должны отдохнуть. Желающих пригласили посетить магазин путеводителей для иностранных гостей, пригородные озера или раскопки подземного города. Удалов поднялся со своего места и отправился искать председателя Г-Г. Ему пришла в голову интересная идея: а не поехать ли завтра на пригородные озера и не порыбачить ли до обеда? Надо только узнать, как здесь с удочками и наживкой.

Но председателя он не нашел. Не успел. Как демон-искуситель рядом возник кузнецик Тори.

— Ты подумал о жилищной проблеме? — спросил он Удалова.

— Трудно решить, — сказал Удалов. — Надо ознакомиться с начинанием на месте. Может, эти дома для нас, земных жителей, совершенно не годятся. Неизвестно, как они проблемы канализации и водопровода решают, как с

отоплением и освещением. Не могу я воспоминаниями разбрасываться.

Кузнечик задумался.

— Ты прав, — согласился он наконец. — Сапур недалеко. Завтра за полдня управимся. Только учти, стоимость поездки я включу в общий счет. Забота о тебе недешево обходится. Просто не представляю, почему я тебя так люблю. Может, в самом деле в тебе недостатков много?

— Может быть, — сказал Удалов.

— Тогда я за тобой в шесть утра зайду, — предупредил кузнечик.

И ускакал.

Теперь уже не было смысла искать председателя. Все равно рыбалка пропала. Не везло Удалову с рыбалкой. «Ну, ничего, — подумал он, — зато произведу переворот в строительной технике».

Он решил пойти погулять по городу, благо выдался хороший, теплый вечер. У выхода из гостиницы его окликнули.

Это была милая уборщица, мать удаловской возлюбленной.

— Корнелий Иванович, вам телеграмма с Земли. Только что получили.

— Спасибо. — Удалов развернул телеграмму. Он думал, что телеграмма от Ксении, но предчувствие его обмануло. Телеграмма оказалась от Коли Белосельского.

«Поздравляю открытием съезда, — звучала телеграмма. — Надеюсь, что не посрамишь чести нашей планеты. Семья здорова. Желаю успеха. Николай»

Сердце Удалова преисполнилось благодарности к другу детства, который раздобыл его адрес и поздравил. Удалов решил тут же ответить и потому спросил уборщицу:

— Телеграф далеко?

— Он закрыт уже, — ответила уборщица. — Завтра откроется.

— Как жаль, — сказал Удалов. — Спасибо, что меня отыскиали.

— Для меня это не труд, а удовольствие, — сказала уборщица. — Хоть вы меня и обидели подозрениями в адрес моей дочери, но все-таки вы мой земляк и приятный

человек. А сегодня так хорошо выступали, я вас по телевизору смотрела!

Уборщица была еще не старой, миловидной женщиной, и, если бы не всегдашняя печаль и готовность к слезам, она была бы похожа на свою прекрасную дочь.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Удалов. — И тем более обидеть вашу дочь.

Разговаривая так, они пошли по ярко освещенной праздничной улице, через которую уже висели транспаранты: «Середина непобедима!». Некоторые из прохожих узнавали Удалова, кланялись ему или жали руку. Настроение у Корнелия было приподнятое, он вежливо и дружелюбно разговаривал с уборщицей из Атлантиды, хотя о красавице Тулии они не упоминали. Так они дошли до какого-то ресторана. Удалов пригласил было уборщицу поужинать, но уборщица возразила, что в ресторане дорого, и этим напомнила Удалову о его стесненном имущественном положении. В чем Удалов и признался ей со смущенной улыбкой, которая очень красила его простодушное курносое лицо.

— Я тут мог денег заработать, — сказал он. — Но вместо денег уникальную штуку получил.

И Удалов рассказал уборщице о бутылочке, которую получил за ненужные воспоминания. Потом достал и бутылочку.

Уборщица вдруг нахмурилась, повертела бутылочку в пальцах и сказала со вздохом:

— Провели тебя, Корнелий Иванович. Воспользовались твоей простотой. Это не средство от всего на свете, а только лекарство для сведения прыщей. Хорошее лекарство, только ничего, кроме прыщей, им не вылечишь. В любой аптеке продается.

Удалов было опечалился, но взял себя в руки.

— Хорошее средство от прыщей тоже нелегко найти. А я с ним прошлогодним снегом расплатился. Значит, получается, что вор у вора дубинку украл.

Они как раз проходили мимо кинотеатра.

— Пойдем в кино, — предложила уборщица. — Здесь билеты недорогие, а вы, когда будет возможность, мне деньги за них вернете.

Удалов был тронут такой прямоотой, и они пошли в кино.

Сначала показывали фильм про космическое путешествие. Уборщица шепотом объяснила ему, что фильм документальный, других здесь не знают, и записан он с памяти одного известного космонавта. Потом начался фильм «Первая любовь». И тут Удалов сильно удивился.

На экране в цвете и реальном объеме возникла пыльная, странно знакомая Удалову улица. По сторонам ее тянулись одноэтажные домики с палисадниками, в палисадниках цвели флоксы и астры, лениво перебрехивались псы, просунув носы в штакетник. Было знойно и покойно. Над домами, в конце улицы, горел под закатным солнцем золотой купол...

— Земля... — радостно прошептала уборщица из Атлантиды.

— Земля, — отозвался Удалов. И добавил: — Великий Гусляр, улица Кулибина.

Это было удивительно, словно Удалов погрузился в сон, древний, почти детский. Ведь он, как руководитель стройконторы, отлично знал, что эта улица выглядит теперь иначе, что домики с правой стороны частично снесены и на их месте построен двухэтажный детский сад и стеклянная химчистка.

...По улице шла девушка, почти девочка в голубом ситцевом платье, с косичками до плеч. Девочка улыбалась своим мыслям, и она показалась Удалову чем-то схожей с красавицей Тулией. Видно, это сходство не укрылось и от уборщицы, потому что она всхлипнула: «Моя тоже такой была... отличницей».

Девочка посмотрела прямо в экран и обрадованно воскликнула:

— Здравствуй!

— Здравствуй, — откликнулся юношеский голос, и на экране появился невысокого роста молодой человек с круглым лицом, маленьким носом, кудрявый и загорелый. Чем-то молодой человек был Удалову знаком, но воспоминание промелькнуло по краю памяти и исчезло. Удалова больше интересовали виды родного города, и он с гордостью хозяйственника отмечал, что нынче эта улица уже покрыта асфальтом и тем избавлена от пыли, а деревья по сторонам выросли и дают густую тень.

Девушка и юноша взялись за руки и пошли к скверу, который зеленел неподалеку.

— Теперь здесь детский городок, с качелями, — сообщил Удалов своей соседке, но та отчужденно взглянула на него и отвернулась.

Кадр сменился другим. Тот же молодой человек и та же девушка купались в неширокой голубой речке. Ивовые кусты опускались к самой воде, а в глубине золотыми тенями проскальзывали рыбы. Юноша плыл на тот берег, к соснам, а девушка стояла по пояс в воде и кричала ему:

— Вернись, потонешь!

Следующий кадр. Вечер. Неподалеку играет оркестр. Девушка и юноша идут по темной аллее, и вдруг девушка останавливается и смотрит на юношу в упор. В темноте ее глаза горят как звезды. Они растут, заполняют весь экран... Зрители затаили дыхание.

— Теперь, — прошептал Удалов уборщице, — мы обеспечили в парке освещение, и темных аллей практически не осталось.

— Отстаньте, — прошептала раздраженно уборщица, и Удалову стало даже обидно из-за такого невнимания к его деятельности по благоустройству.

Юноша осторожно дотронулся губами до щеки девушки, она резко повернулась и побежала прочь. Он за ней... Вот они вбежали в освещенный круг у танцевальной веранды, где играл маленький, из четырех человек оркестр, толпились, шелкая семечки, парни и стайками щебетали девушки.

— Да, — вздохнул Удалов. — Здесь и я когда-то бывал...

...Вот юноша и девушка плывут по веранде в танце танго. Юноша робко прижимает к себе тонкий стан девушки и смотрит на нее влюбленными глазами.

Оркестр замолкает, но они продолжают стоять посреди веранды, не замечая, что музыка кончилась.

И тут к ним подходит высокий парень и произносит срывающимся баском:

— Уходи отсюда. Чтобы ноги здесь твоей не было. И чтобы тебя рядом с ней я больше не видел.

— Да я что, — робеет юноша. — Я же ничего.

— Пошли, — говорит девушка юноше и берет его за руку, отважно глядя в глаза высокому парню.

— Ты с ней не уйдешь, — предупреждает высокий парень.

— Он уйдет со мной, — настаивает девушка. — И учти, что я тебя не боюсь. И он тоже. Ты не боишься?

Но юноша молчит.

Разыгрывается напряженная немая сцена. Словно шпаги, скрещиваются взгляды. И, не выдержав взгляда девушки, высокий парень отступает.

Зал с облегчением вздохнул. Кто-то неподалеку плакал. В этой сцене была жизненность, понятная всей цивилизованной Галактике.

— Все-таки хулиганство, — сказал Удалов сам себе. — Пристают к девушке.

...Юноша с девушкой медленно сошли с веранды. Что-то произошло в их отношениях, что запрещало прикоснуться другу к другу... Внизу, в темной аллее, их поджидал тот высокий парень.

— Разъединитесь! — приказал он.

— Не смей! — крикнула девушка, глотая слезы.

— А я его не трону, — усмехнулся парень. — Он сам уйдет. Ты уйдешь?

И после долгой паузы, которая показалась зрителям почти бесконечной, юноша вдруг сказал сдавленным голосом, обращаясь к девушке:

— Я к тебе завтра зайду.

— И не мечтай, — захохотал высокий парень. — Беги.

— Если ты сейчас уйдешь, ты меня никогда больше не увидишь, — сказала девушка.

Но юноша уже уходил по аллее, низко склонив голову и приподняв плечи, словно опасался, что его ударят сзади.

Потом возник еще один кадр: берег реки. На берегу, в траве, сидит и всхлипывает юноша. Он один. Только луна смотрит на него с черного неба...

Зрители встретили конец фильма аплодисментами. Удалов не аплодировал. Он думал. Он никак не мог понять, почему здесь показывают фильмы о Великом Гусляре. К тому же пессимистические. Не хлопала и уборщица. Только посмотрела на Удалова внимательным взглядом и спросила:

— Может, уйдем?

— Уйдем, — согласился Удалов. Он устал за день и хотел спать.

Когда они вышли на улицу, уборщица спросила:

— Ну и что вы об этом думаете?

— Трудно ответить, — признался Удалов. — Есть, конечно, отдельные случаи неправильного поведения подростков. Но мы с этим непрерывно боремся...

— Он вам ничего не напомнил?

— Нет. Правда, я удивился. Я же в этом городе всегда живу. Город узнал, улицы узнал, изменения в нем угадал правильно, а вот этих молодых людей помню смутно. Наверное, они младше меня были. В таком возрасте один год уже играет роль.

— А я узнала.

— Что?

— Вас узнала, Корнелий Иванович. В молодости.

— Кто же там меня играет?

— Да не играет! Это про вас фильм. Это ваши воспоминания, которые вы загнали в мозжечок, чтобы забыть, а потом продали кузнечнику за средство от прыщей.

— Нет! — возмутился Удалов. — Не мог я такого забыть. Не было этого!

— Теперь для вас этого нет, — подтвердила уборщица, и слеза скатилась по ее щеке. — Что продали, того нет.

— Так не бывает, — сказал Удалов.

— А может, вам без такого воспоминания легче будет? Только беднее... Не надо меня провожать.

И уборщица быстро пошла по улице, прочь от Удалова. Удалов вздохнул, не убежденный словами уборщицы, и вернулся в гостиницу. Хотя, конечно, червь сомнения в нем остался. Лицо юноши было знакомым.

Глава девятая,

*в которой Удалов выясняет отношения и тайком от-
правляется на Сапур*

Может, Удалов и забыл бы о вечернем приключении, если бы не газета. Кто-то подsunул ему в щель под дверь местную газету, в которой красным карандашом были отчеркнута заметка: «Успех нового фильма».

«В мнемотеатре «Открытое сердце» демонстрируется новый мнемofilm «Первая любовь» из воспоминаний юности землянина У. Правдивость, искренность и ду-

шевная боль этого интимного зрелища не оставляет равнодушными многочисленных зрителей. Так и хочется воскликнуть: «До чего душевные проблемы едины во всех уголках Галактики!» Организатор и продюсер фильма Тори (Тори-Тори) отказался встретиться с нашим корреспондентом ввиду крайней занятости на СОС, однако мы получили интервью у владельца сети мнемотеатров, который сказал, что ввиду большого художественного и воспитательного значения фильма продюсер получил за него тройную оплату и выплатил бескорыстно всю рекордную сумму владельцу воспоминаний землянину У. Мы надеемся, что столь значительное вознаграждение склонит землянина У. к дальнейшему сотрудничеству с нашими кинозрителями. Мы ждем новых, не менее трогательных и правдивых фильмов! Хватит нам питаться тоскливыми поделками не знающих чувств спекулянтов от искусства!»

Удалов отложил газету. Настроение у него несколько упало. Получалось, что уборщица не ошиблась. Если землянин У. это и есть Удалов, то получается, что Корнелий заработал репутацию дельца и стяжателя...

Открылась дверь, и вбежал оживленный кузнецик.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Все готово! Мы летим!

Тут его острый взгляд упал на развернутую газету.

— Ты уже прочел? — спросил он живо. — А я как раз хотел тебе принести, но забыл. Видишь, как мы с тобой прославились! Приятно, да? Нас ждут дальнейшие творческие успехи!

— Значит, так, — сказал Удалов жестко. — Значит, торгуем моими интимными моментами, позорим меня на всю Галактику?

— Не будь наивным, Корнелий, — ответил кузнецик. — Ты мне это воспоминание продал и не заметил его отсутствия.

— Прогнал, — саркастически произнес Удалов. — За бутылку средства от прыщей.

— А разве плохое средство? — нашелся кузнецик. — Разве не выводит?

— А кто мне сказал, что это средство универсальное? От всего?

— Не исключено, — сказал синхронист. — Его еще

никто не пробовал употребить с другими целями. Кто может гарантировать, что оно не помогает от любви? Я лично не могу. Но не в этом дело. Собирайся живее, нас ждут растительные дома. Ты забыл?

— Кукольные? — спросил Удалов. — Как я могу верить человеку, дважды меня обманувшему?

— Почему дважды?

— А деньги? Рекордную сумму получил, бриллиантовую заколку купил, а за перелет с меня содрать хочешь!

— Клевста! — возмутился кузнецик. — Ты попал в дурную компанию! Завистники склоняют тебя к вражде с другом и благодетелем. Этот выжига, хозяин мнемотеатров, ввел в заблуждение прессу. Я с трудом покрыл расходы.

Круглые глаза кузнецика сверкали. Он был оскорблен в лучших чувствах. Но Удалов пересилил возникшую было жалость и решил кузнецнику не верить. В конце концов Удалов не первый день как на свет родился. То, что он средний, не значит, что он глупый. Поэтому Удалов притворно вздохнул и сказал:

— Ладно, не будем ссориться. Я должен признаться, что получил предложение сотрудничать в постановке фильмов. Вся выручка пополам. Через полчаса ко мне придут с авансом.

— Ты с ума сошел! — закричал кузнецик, и Удалов понял, что одним ударом выиграл битву. — Это же жулики! В лучшем случае они отдадут тебе треть!.. Ты их просто не знаешь! Тебе нужен искренний друг и защитник. Без меня ты погибнешь.

Кузнецик нервно вскинул коготки и проговорил совсем другим голосом:

— Кстати, Корнелий, я все забываю. Таскаю с собой твои деньги, да забываю отдать.

Лапка кузнецика исчезла на мгновение за пазухой золотого смокинга и выскочила обратно с пачкой денег. Кузнецик хлопнул стопкой о стол.

— Возьми, это твоя доля.

— Не надо, — ответил Удалов. — Я уже договорился.

— Да ты посчитай, посчитай... Неужели я тебя обману?

— Не хочу считать. Клади деньги обратно.

Кузнечик замер будто в задумчивости, потом внезапно ахнул:

— Как же так! Моя проклятая рассеянность! Я же остальные твои деньги в другой карман положил!

Кузнечик запустил лапку в тот же самый карман и вытащил оттуда еще одну пачку банкнот, вдвое толще первой.

— Все правильно, — сказал он. — Как камень с души упал. Теперь я беден, ты богат, и мы квиты. Чего только не сделаешь ради друга!

Кузнечик взмахнул лапками, но так неудачно, что из-за пазухи у него посыпались денежные купюры в таком количестве, что, даже упав на них, кузнечик не смог прикрыть их тельцем.

— Что делать! — воскликнул он. — Помоги мне, Удалов, собрать наследство, полученною мною сегодня утром от погибшей в извержении вулкана тетушки Тори.

Удалов помогать не стал. Он уже видел этого жулика насквозь. Но, честно говоря, не обижался. Жулики похожи, в каком бы месте Галактики они ни действовали. Обижаться на них нельзя. С ними надо планомерно бороться.

Удалов собрал деньги со стола, не считая сложил в бумажник и, пока кузнечик ползал по полу, причесался, аккуратно уложив последнюю прядь поперек лысины, поправил галстук и произнес:

— Ну что ж, пора ехать. Проверим, сохранились ли в тебе остатки совести.

— Конечно, сохранились! — обрадовался кузнечик, поняв, что его простили. — Ты не думай, дорогу в оба конца я оплатил, билеты в кармане. Кстати, возьми от меня небольшой подарок. Обожаю дарить тебе подарки.

Кузнечик достал небольшую коробочку, прозрачную сверху.

— Только не выпускай, — сказал он.

В коробочке сидел, шевеля клешнями, маленький скорпиончик.

— На что мне такой подарок?

— Ах, Удалов, Удалов, — вздохнул кузнечик. — Не знаешь своего счастья. Я вчера этого звереныша в карты выиграл. Незаменим в жару или ненастье. Все знатные люди в этой части Галактики с ними не расстаются.

— Объясни, — сказал Удалов строго.

— Как известно, — ответил кузнечик, — скорпиончики живут на планете, где мягкий климат и множество фруктов. Но во время брачного сезона они пересобираются на соседнюю планету, для чего проделывают несколько миллионов километров в вакууме и ищут своих подруг среди вулканов и песчаных бурь. Чтобы выжить, они научились менять в свою пользу окружающие условия. В радиусе метра. Там, где скорпиончик, всегда прохладно и приятно пахнет. Попробуй, испытай...

— Где я его испытаю? — спросил Удалов. — Здесь и так хорошо, прохладно.

— Проще простого.

Кузнечик убежал в ванную и пустил там горячую воду. Через минуту ванную заволокло клубами пара. Из клубов возник влажный Тори и сказал Удалову:

— Иди сюда, не бойся.

Удалов подчинился. Пар встретил его в дверях ванной, старался оглушить, обжечь и поглотить. Впечатление было отвратительным, но Удалов терпел. Он сделал еще один шаг в глубь помещения и вдруг увидел, как пар вокруг его головы и верхней части тела рассеивается, как будто Удалова поместили в шар, в центре которого была ладонь Корнелия с коробочкой на ней. Запахло свежими цветами. Скорпиончик зыркнул на Удалова маленькими глазками.

— Ладно, — согласился Удалов, — беру подарок в счет будущих расплат. А он не кусается?

— Как же ему кусаться, если он в коробочке? — Тут кузнечик взглянул на часы и обеспокоился. — Побежим, только осторожно, чтобы нас не заметили. Если будут спрашивать, мы идем гулять.

— Почему такая тайна? Не люблю тайн.

— Здесь все экскурсии запланированы, а поездка на Санур не запланирована. Пока мы ее будем планировать, обед наступит, — объяснил кузнечик.

Но в глазах его Удалов не увидел искренности и потому решил быть начеку.

— Хорошо, — сказал Удалов. — Пошли, только сначала мне надо отправить телеграмму домой.

Кузнечик согласился, они зашли на телеграф, и Удалов, благо теперь у него было достаточно валюты, отправил сразу две телеграммы. Одну Белосельскому с благодарно-

стью и сообщением, что работа съезда проходит на высоком уровне, другую домой, чтобы семья не беспокоилась. Он бы послал и третью, прекрасной Тулии, но адреса Тулии Удалов не знал.

Глава десятая,

в которой Удалов летит на планету Сапур для обмена опытом в области жилищного строительства

— Вот наш корабль, — сказал кузнецик, подходя к небольшой летающей тарелочке, стоящей в стороне от звездных кораблей, там, где бетон летного поля уступал место зеленой траве и подорожникам.

— Долетит? — спросил Удалов, смущенный скромными размерами судна.

— А что с ним сделается? Не бойся. Я тоже жить люблю.

Удалов подумал, что кузнецик на этот раз говорит правду, и первым вошел в тесное, но комфортабельное нутро тарелочки.

— Лететь до Сапура полчаса. Управление автоматическое, — сказал кузнецик. — Предупреждаю, там меня слушайся беспрекословно. Чужая страна, чужие нравы. Если понравится, закупим семена.

Кузнецик уверенно сел у руля, а Удалов устроился в другом кресле и пристегнулся ремнями. Ему было приятно думать, что одолел межпланетного жулика, и потому он с удовольствием пощупал в кармане растолстевший бумажник. Потом вынул коробочку и подмигнул скорпиончику, отчего в салоне тарелочки запахло земляникой и подул легкий бриз.

Тарелочка медленно поднялась над космодромом и, набирая скорость, помчалась на соседнюю планету.

Кузнецик уверенно действовал рычагами, тарелочка неслась за пределы атмосферы — и вдруг кто-то оглушительно чихнул.

— Это ты чихнул? — спросил Удалов.

— Нет. Разве не ты?

Они замолчали. Стало тревожно. На корабле таился кто-то третий.

— Здесь кто есть? — повысил голос Удалов.

Молчание.

— Выходи или стреляю, — пригрозил кузнецик.

И тогда послышалось шуршание, дверь шкафа, в котором хранились посуда и скафандры, открылась и оттуда робко вышло узкое существо, схожее с грибом-мухомором в трауре. На существе была тесная одежда с бахромчатым поясом и мягкая широкая шляпа черного цвета с белыми круглыми пятнами. Руки его были в белых перчатках, в правой руке саквояж.

Существо откашлялось, сняло шляпу, обнаружив под ней совершенно голую голову без следов растительности, и спросило:

— Я вам не помешал?

— Мы не пассажирский корабль, — невежливо ответил кузнецик. — Что, денег на билет не было?

— А куда мы летим? — спросил мухомор.

— А куда вам надо?

— Подальше, — сказал мухомор.

Удалов понял, что лицо мухомора густо покрыто белой и голубой краской, по которой нарисованы скорбные синие брови, а под глазами черным намазаны большие пятна.

— Признавайся, зачем забрался в нашу тарелочку, а то высажу тебя в вакуум, — пригрозил кузнецик Тори.

— Человеколюбие не позволит, — ответил мухомор, — хотя мне это уже все равно. Одним мертвецом больше...

— Успокойтесь, — сказал Удалов. — Здесь нет врагов. Вас кто-то преследует?

— Нет. Хуже. Я преследую. Но безуспешно.

— Несчастливая любовь? — спросил Удалов сочувственно.

— В своем роде, — согласился мухомор. — Я, понимаєте, могильщик.

— Я сразу почувствовал в нем что-то зловещее, — заметил кузнецик.

— Продолжайте, — сказал Удалов. — И у могильщиков могут быть переживания.

— Спасибо, — кивнул могильщик. — Вы добрый че

ловек. Хотел бы я узнать ваше имя. Вы первый, кто сказал мне доброе слово за последний год.

— Меня зовут Корнелий Удалов. Кто же вы такой, несчастный могильщик?

— Моя история ужасна, — сказал могильщик, усаживаясь в кресло, уступленное ему Удаловым. — Я прожил свою жизнь на далекой отсюда планете шесть-Г в созвездии Кита.

— Как же, знаю, — вмешался кузнецик, который не скрывал своего раздражения появлением пассажира. — Паршивое место. Я там лихорадку подхватил.

— Я сын могильщика и внук могильщика. Это наша наследственная специальность. Я не представляю себе иного ремесла, зато в своем я профессионал. Ко мне специально приезжали умирать с соседних континентов.

— Ты ближе к делу, — сказал кузнецик. — Самореклама нас не интересует.

— Тори, ты нетактичен! — упрекнул его Удалов.

— Я продолжаю, — сказал мухомор. — В последние годы наша планета переживает экологический кризис. Стало меньше лесов, сказывается недостаток древесины, бумаги, дорожают естественные продукты.

— И повышается смертность, — вставил сочувственно Удалов.

— Ах, не в этом дело! — возразил могильщик. — Дело в том, что сегодня достойно похоронить человека стоит в три раза дороже, чем десять лет назад. Мы, могильщики, чтобы не разориться, вынуждены поднимать цены.

— Во сколько раз? — спросил кузнецик.

— Нет, только так, чтобы покрыть расходы. Главное — честь фирмы. Мы постепенно разорялись и беднели и все же старались обеспечить нашим согражданам достойное погребение в пределах их бюджета. Правда, нам не всегда это удавалось. И вот в обстановке экономического кризиса нам был нанесен предательский удар в спину.

— Правительство прижало? — спросил кузнецик ехидно.

— Хуже. Началась всеобщая забастовка населения планеты.

— Они сами себя хоронили? — догадался Удалов.

— Еще хуже. Они отказались умирать. Представляе-

те, все вплоть до древних стариков забастовали и перестали умирать с одной лишь коварной целью — разорить людей, которые озабочены тем, чтобы обеспечить людям достойную встречу с вечностью.

— И не умирают? — захихикал кузнечик.

— Уже полгода.

— И даже штрейкбрехеров нет?

— Было два, — признался мухомор. — Из числа наших родственников.

— Вы бы снизили цены, — посоветовал Удалов. — Везде людям тоже трудно — полгода без единой смерти.

— Нет, дело в принципах, — сказал мухомор. — Мы эмигрировали. Я, в частности, прилетел сюда.

— И здесь не умирают?

— Умирают, но здесь свои могильщики, которые не пустили меня в свой профсоюз. Поэтому я забрался в ваш корабль, чтобы отыскать планету, где живет население, достойное услуг моей древней фирмы.

— Да, история, — сказал Удалов. И понял, что никак не может вызвать в себе сочувствие к горю могильщика.

Кузнечик продолжал хихикать, повторяя:

— Никто не умирает! Вот молодцы!

Мухомор подобрал ноги, надел шляпу и спросил:

— Завтрак будут подавать?

Удалов вынул бутерброды, угостил спутников, пожевал сам. «Вот, лечу я с одной планеты на другую, — рассуждал он, — в отдаленном пункте космоса жую спокойно бутерброд даже не с маслом, а с неизвестным жиром и с колбасой, которая сделана из чего-то, о чем лучше и не думать. Лечу как будто в командировку, ничему не удивляюсь, гляжу в иллюминатор на неизвестные мне созвездия, а в бесконечной дали пространства затерялась моя родная Земля, и на ней незначительной точкой разместился город Великий Гусляр, мало кому известный даже в пределах нашей необъятной родины. А на другом конце Галактики, может быть, тоскует обо мне незнакомая, но любящая девушка Тулия, у которой такая милая и добрая мама родом из Атлантиды. Вот так сближаешься с людьми, перестаешь удивляться, как переставал в свое время удивляться путешественник Марко Поло, обойдя Землю, а ведь нельзя не удивляться, иначе и нет смысла пускаться в дальние странствия. Не удивляться можно и

дома, у экрана телевизора...» За иллюминатором, двигаясь параллельным курсом, мигала какая-то точка.

— Погляди, Тори, — сказал Удалов, — кто-то за нами летит.

— Ничего интересного, — ответил кузнецик. — Блуждающая звезда.

— Не похоже на блуждающую звезду, — сказал могильщик. — Я много по космосу летал, спецпогребения обслуживал, а таких блуждающих звезд не видел. Помому, и в самом деле за нами кто-то гонится.

— Не обращайтесь внимания, — поспешил возразить кузнецик. — Мало ли дряни в космосе летает. Лучше доедайте и готовьтесь к посадке.

Могильщик смерил кузнецика недоверчивым профессиональным взглядом, но промолчал, а Удалов снова пустился размышлять о странностях своей судьбы.

— Надо ездить, — сказал он, наконец, вслух. — Надо больше ездить и смотреть.

— Нет, — возразил могильщик. — Лучше не ездить и умирать дома.

Глава одиннадцатая,

в которой с Удаловым происходят неприятные события на планете Сапур и его постигает разочарование

Кузнецик сверился с картой и посадил корабль в поле, неподалеку от растительного города.

— Ты, Удалов, — сказал он, — вперед не лезь. Торговаться буду я. А то тебя надуют. Подсунут негодные семена.

— Хорошо, — согласился Удалов. — Ты опытней, ты и действуй. Только я буду за тобой, прости, наблюдать, потому что тебе не доверяю.

Кузнецик снисходительно отмахнулся и быстро пошел по тропинке в лес. Он был озабочен, все поглядывал на часы, и Удалов предположил, что синхронный переводчик боится опоздать к дневному заседанию СОС.

Мухомор шагал сзади, оглядывался, принимался и своим обликом придавал экспедиции прискорбный отте-

нок. А уж как он раздражал кузнечика, даже трудно представить.

— Отстань, — говорил кузнечик. — Чего за нами плетешься? Топай в другую сторону, там, я слышал, кладбище есть.

— Извините, но кладбище меня не интересует, — отвечал могильщик. — Меня интересует не результат, а процесс. Я в некотором смысле олимпиец.

Удалов поглядывал на высокие деревья, мимо которых пролегал их путь, но деревья были самые обыкновенные, стволы без дверей.

— Потерпи, — сказал кузнечик, заметив интерес Удалова к природе. — Еще пять минут.

Лес был привычный взгляду, лиственный, с птицами и насекомыми, дорожка тоже была обычной, и Удалов от такого мирного окружения даже стал напевать песню... И вдруг кузнечик замер, а его спинка задрожала от волнения.

— Ничего не понимаю, — признался он. — Только на той неделе я сюда прилетал... Где же город?

Они вышли к краю громадного изрытого ямами поля. Меж ям тянулись тропинки, у тропинок стояли столбы, и на них были указатели с названиями улиц.

— Могу поклясться... — сказал кузнечик, а Удалов, почувствовав неладное, спросил его прямо:

— Опять, Тори?

— погоди! — Тори увидел лежащую на траве человеческую фигуру.

Они подбежали к человеку. Тот был в беспамятстве и тихо стонал. Могильщик наклонился над ним, достал из саквояжа флакон и дал человеку понюхать. Тот со стоном открыл глаза.

— Что случилось? — спросил нервно кузнечик. — Где весь город?

— Это ужасно, я скоро умру, — ответил человек и смежил веки.

— Он еще не сейчас умрет, — сказал могильщик. — Поверьте моему опыту. Он еще немного протянет.

— Говори же, что случилось с вашим городом? — настаивал кузнечик.

— Несчастье. И мы сами виноваты, — простонал человек. — Мы поселились в домах-растениях, полагая, что

комфорт нам обеспечен навсегда. Так прошло двадцать лет. Наши квартиры послушно росли, мы не знали жилищного кризиса и всегда дышали свежим воздухом. Новые семьи отпочковывались вместе с деревьями. Но мы не учли...

Человек закатил глаза, и могильщику пришлось снова поднести к его носу флакон.

— На чем я остановился? — спросил умирающий. — Ах, да! Мы забыли узнать у путешественников, которые привезли нам семена, как эти деревья размножаются.

— И как же? — поинтересовался Удалов.

— Мы узнали об этом сегодня ночью. С вечера наши квартиры зацвели громадными пахучими цветами, а ночью деревья вытащили корни из земли и побрели искать своих подруг. Оказалось, что у нас в городе обитают лишь деревья мужского пола, а для того, чтобы продолжить род, они должны опылить женские цветы.

— Но где же женские деревья?

— Их забыли импортировать, — прошептал человек. — Теперь наши квартиры вместе со всем населением бредут неизвестно куда и неизвестно когда остановятся... А я нечаянно выпал из своей квартиры и разбился...

На этих словах несчастный житель ушедшего города окончательно потерял сознание.

— Пошли догонять, — сказал Удалов. — Там же жители волнуются, дети...

— А как мы их найдем? — спросил кузнецик.

— По следам. Они же следы оставляют. Как стадо слонов.

— Нет, подождем здесь. Может, нагуляются, возвратятся.

— Идем, идем, — настойчиво повторил Удалов и потянул переводчика за рукав.

— Я останусь, — крикнул им вслед могильщик. — Возможно, этот страдалец помрет. Я уж похороню его бесплатно, для практики. Соскучился без дела.

Не успели Удалов с кузнециком пробежать и ста метров, как нечто круглое и огромное закрыло свет солнца. Удалов поднял голову и понял, что прямо на них опускается космический корабль.

Приятели бросились в сторону, но, не долетев до

земли, корабль завис, и из открывшихся люков принялись прыгать на траву тяжело вооруженные десантники.

Еще через минуту Удалов сдался в плен. Неизвестно кому.

Удалова подвели к офицеру, который командовал десантом. Справа от Удалова стоял, понурившись, кузнецик. Слева — могильщик, которого оттащили от потенциального мертвеца.

— Здравствуйте, ваше Преимущество, — сказал неожиданно кузнецик. — Ваше задание выполнено.

— Где город? — спросил офицер спокойно и даже вяло. Лицо его было неподвижно, зрачки замерли посреди белков, словно у слепого.

— Случилось непредвиденное осложнение, — объяснил кузнецик виновато. — Оказывается, город ушел искать своих самок.

— Не шутить, — сказал строго офицер и тонким хлыстом ожег плечо кузничку, отчего золотой смокинг франта с планеты Тори-Тори разорвался, обнаружив зеленое покато плечо.

— Город был растительный, — объяснил Удалов, чтобы рассеять недоразумение. — Он был весь из деревьев, и деревья ушли.

— Они издеваются над нами. Деревья категорически не ходят, — сказал вяло офицер. — По сто плетей каждому.

— Погодите! — вскричал могильщик. — Вон там лежит пострадавший местный житель. Он в таком состоянии, что лгать не будет. Допросите его и поймете, что мы вас не обманываем.

Офицер приказал солдатам стеречь пленников, а сам, помахивая хлыстом, направился к умирающему.

— Скажи мне, Тори, — обратился Удалов к кузничку. — Откуда тебе знаком этот офицер и какое задание ты выполнил?

— Это тебя не касается, Удалов, — сказал Тори. — Но скрывать не стану. Его Преимущество — энтомолог. По его просьбе я наблюдал за ночными бабочками.

— Кстати, — заметил могильщик, — в космосе нас преследовал именно этот корабль.

— Совпадение, — ответил кузнецик, но никто ему не поверил.

Офицер вернулся к ним и сказал:

— Ваш местный житель так быстро умер, что мы не успели его пытать. Но он успел признаться, что выпал из уходящего дома. А где Удалов? Тори обещал его сюда доставить.

— Но не бесплатно, — нагло, но притом трусливо заметил подлый кузнецик.

— Не рекомендую упрямиться, — посоветовал офицер, помахивая хлыстом.

— Я Удалов, — признался Корнелий. — Что вам от меня нужно?

— Узнаешь, когда доставим. А кто второй?

— Я могильщик, — сообщил мухомор. — Но в данный момент я без работы. По вашему воинственному виду я полагаю, что мне в вашем уважаемом мире найдется достойная работа. Я согласен лететь с вами.

— Берите и его, там разберемся.

— Ваше Препосудство, — настаивал кузнецик. — Мне пора возвращаться на СОС. Расплатитесь со мной, и я уеду.

— Задание ты выполнил только наполовину, — сказал офицер. — Города ты мне не обеспечил, а за одного Удалова платить не имею полномочий.

— Тогда я не буду больше на вас работать, — сказал кузнецик, — и вы лишитесь лучшего агента в сердце СОС.

— Другого найдем, — ответил офицер. — Не такого склочного. Попроще, поисполнительней.

Солдаты заготовали.

— Ах так! — воскликнул кузнецик. — Я буду жаловаться! Я немедленно возвращаюсь на СОС и сообщаю, что вы украли одного из самых популярных делегатов, любимца всего съезда, Корнелия Ивановича Удалова. Берегитесь, разбойники!

— Взять мерзавца! — приказал офицер своим солдатам, и те с нескрываемым удовольствием подхватили кузнецика под локти.

Через несколько минут кузнецик вместе с Удаловым и могильщиком оказались в стальной утробе космического корабля. К тому же надо отметить, что в ходе этой операции и Удалов, и кузнецик лишились своих сбережений, а могильщик — саквояжа.

Дверь в утробу задвинулась, зажужжали двигатели, и космический корабль взял курс неизвестно куда.

— Предатель, — сказал Удалов без особой обиды, хоть и с отвращением. — Заманил меня на планету...

— Ты не понимаешь, — оправдывался кузнецик. — Я из принципиальных соображений. Я идейный предатель. Деньги только символ моей предательности. Учти, они разберутся, и наглый офицер будет жестоко наказан.

— Но прежде я накажу тебя, — сказал Удалов.

— Правильно, — обрадовался могильщик. — Не удалось мне похоронить лесного жителя, совершу погребение этого негодяя.

Поверив в серьезность намерений Удалова, кузнецик бросился к стальной двери и принялся стенать и ударяться о нее телом, однако никто не откликнулся на его жалобы.

Могильщик тем временем вытащил из кармана рулетку, легкими, буквально незаметными движениями обмерил кузнецика и сообщил Удалову:

— Это обойдется недорого, можно использовать детский гробик. Оркестра заказывать не будем. Венок один, из желтых лютиков.

Спокойный и деловой тон могильщика произвел на кузнецика удручающее впечатление, и его вопли достигли такого накала, что в корабле началась опасная вибрация и стали образовываться трещины, сквозь которые со свистом уходил воздух. Сирена тревоги частично заглушила крики кузнецика, и Удалов подивился, какая сила жизни, какое стремление к благополучию заложены в этом небольшом теле.

Могильщик протянул руку в направлении к Удалову и, повернув большой палец к дребезжащему полу корабля, сделал известный на аренах Древнего Рима жест, который употреблялся, когда общественность требовала добить поверженного гладиатора.

«Нет», — покачал головой Удалов. Он вспомнил, что представляет здесь гуманистическое передовое общество.

— Может, он еще исправится! — закричал Удалов, но крик его затерялся в прочем шуме.

Так жизнь коварного кузнецика, уже висевшая на волоске, была спасена — неизвестно еще, на благо действующих лиц нашей драмы или им во вред.

Постепенно кузнецик перестал вопить и лишь тихо

рыдал, сжавшись в комок у двери и бросая опасливые взгляды на спутников. Могильщик, разочарованный милосердием Удалова, рисовал карандашиком на стене проекты коммунальных катафалков, а Удалов расстраивался из-за того, что нечаянная задержка заставит его пропустить вечернее заседание съезда.

Глава двенадцатая,

в которой Удалов оказывается в плену и узнает о странной судьбе населения планеты Кэ

Вскоре пленникам приказали покинуть стальную комнату и привели их к выходу из корабля, который опустился на планете Кэ.

Планета встретила Удалова легким грибным дождем, капли которого выбивали веселую дробь по листве деревьев и лепесткам роз. За пределами выжженной и умятой кораблями бетонной площадки местность была покрыта ковром разнообразных цветов, из которого поднималось массивное здание космовокзала. Несказанный аромат обволакивал тело и нежил органы чувств, а мириады бабочек оживляли общую картину, соперничая с цветами яркостью и неожиданностью расцветок.

— Неплохо, — сказал Удалов, который умел ценить заботу о красоте и экологии. — Просто замечательно: если они любят цветы, значит, у них открытые сердца.

Кузнечик почему-то хихикнул, а шедший сзади солдат больно толкнул Удалова прикладом.

Здание вокзала оказалось давно не крашенным, штукатурка осыпалась, но вьющиеся растения придавали руинам живописный и романтический вид.

Над входом в здание висела потрепанная дождями и ветрами выцветшая вывеска:

«Добро пожаловать на планету Кэ, где вас ждут всегда!»

В здании космодрома было душно и влажно, как в оранжерее. Горшки с резедой и ящики с ландышами стояли на полу, и порой приходилось через них прыгать.

Навстречу офицерам вышел исхудалый толстяк с ко-

жей, обвисшей, как у голодающего слона, и в башмаках не на ту ногу. Толстяк был небрит, нестрижен, нечесан. Он жевал ландыш.

— Привезли? — бросил он коротко.

— Только Удалова, — ответил офицер. — Город успел сбежать.

— Удалов сопротивлялся? — спросил толстяк, почесываясь.

— Куда он денется?

Удалов обратил внимание на странную особенность губ толстяка. Они двигались не в такт словам, будто толстяк не очень умело дублировал кого-то другого. Удалов даже оглянулся, заподозрив какой-нибудь фокус, но рядом никого, кроме солдат, не оказалось.

Кузнечик оттолкнул Удалова и сделал шаг вперед.

— Прошу немедленно провести меня к его Нсобозримости, — потребовал он. — Имею секретное донесение.

Неопрятный толстяк удивился, приподнял брови и замер, словно прислушиваясь.

— Нет, — сказал он после паузы. — Сначала разглядим Удалова. Здравствуйте, Удалов.

— Здравствуйте, — кивнул Корнелий. — Я весь на виду.

— Где мое уменьшительное стекло? — спросил толстяк.

Никто не смог ему помочь. Толстяк принялся копать в складках своей широкой мятой одежды, наконец вытащил откуда-то стекло, приставил его к глазу, отчего глаз нескладанно увеличился, и уставился на Удалова. Он рассматривал делегата с Земли минуты две. Удалову даже надоело стоять, и он переступил с ноги на ногу.

— Не производит впечатления, — произнес толстяк разочарованно. — Накормите их и приготовьте к церемонии.

Солдат отвел пленников в столовую. Столовая была недалеко, за перегородкой из ящиков и чемоданов, оплетенных диким виноградом. Стены ее были покрыты коричневой краской, пол заплыван, окна запылены, сквозь трещины в полу пробивалась трава.

Кухни при столовой не было. Только стойка, на которой лежали груды мятых лепестков роз и букетики гиацинтов. Повар с помощником рубили лепестки широкими

ножами, а мальчишки-на-побегушках перемалывали гиа-
цинты в мясорубках. Удалов подумал, что цветочные
запахи ему начали понемногу надоедать. Очень захоте-
лось селедки.

Народу в столовой было немного. Ели одно и то же —
салат из рубленых лепестков, на второе — кашу из про-
вернутых лепестков. Ели быстро, скучно, равнодушно,
хотя порой из уст вырывались удовлетворенные возгласы.

Солдат подтолкнул пленников к стойке, где повар
шлепнул им в тарелки по горсти салата, а мальчишки-на-
побегушках положили на блюдца по ложке цветочной
кашки.

Взяв свои порции, пленники отыскивали свободные ме-
ста за длинным столом. Могильщик принялся к пище и
сказал:

— Как у нас на кладбище!

— Вы тоже так едите? — удивился Удалов.

— Нет, только нюхаем, а венки потом выкидываем.

Удалов покачал головой, внутренне осуждая черный
юмор, а потом посмотрел на соседа по столу. Им оказался
небритый молодой человек с тупым взглядом, в пиджаке
задом наперед. Ел он размеренно и тихонько ухал. Напро-
тив Удалова питалась старуха в скатерти, накинутой на
плечи. Удалов протер грязную ложку носовым платком,
зачерпнул салата и осторожно поднес ко рту. Как он и
опасался, салат из лепестков оказался горьковатым.

— Нет, — вздохнул Удалов. — Так не пойдет. Хоть
бы подсахарили.

— Не нравится? — враждебно спросила старуха в
скатерти. — Вы только посмотрите — ему нектар не нра-
вится.

— А вам нравится? — удивился Удалов.

— Вздор, — рявкнула старуха. — Всем нравится.

— Я не спорю, — смутился Удалов. — Красиво, эле-
гантно, пахнет приятно. Но ведь это чтобы нюхать, а не
чтобы жевать.

— А эфирные масла? — строго напомнил молодой
человек в пиджаке.

— Эфирные масла для одеколона и бабочек, — не
согласился Удалов. — Хотя с чужими обычаями спорить
не буду.

— Странно, — не успокаивалась старуха. — Господам

нравится, а ему, видите ли, не нравится. Так что же тебе, любезный, подавать прикажешь?

— Хлебушка бы, — признался Удалов.

— Он хочет хлеба! — воскликнула старуха, не двигая губами. — Мерзавец!

Но при этом глаза старой женщины увлажнились, а молодой человек так шумно и судорожно проглотил слюну, что Удалову стало ясно — от хлеба они бы не отказались.

Наступила тишина. Будто кто-то невидимый, но властный приказал всем замолчать. И тут же люди, словно забыв о еде, стали подниматься со своих мест, выстраиваться в колонну по два и пустились по залу, скандируя, сначала робко и разрозненно, а потом все громче и горячее:

— Да здравствует цветочный салат! Да славятся эфирные масла! Долой хлеб и ненавистные эскалопы!

— Долой! — катилось по залу.

Звенела посуда. Повара, помощники поваров и мальчишки-на-побегушках аплодировали и кричали оскорбления в адрес белков и углеводов.

Правда, губы у всех двигались невпопад.

Приплясывая, охваченные энтузиазмом люди продвигались к дверям и исчезали. Наконец последний из них покинул столовую, и остались лишь обслуживающий персонал, солдат и пленники. Солдат как ни в чем не бывало продолжал уплетать цветочную кашу.

Кузнечик презрительно поглядел на него и сказал:

— Они себя заживо губят.

— Исхудали, — согласился с ним могильщик. — Готовый материал для меня. Не планета, а золотые прииски.

— Если вы их переживете на этой диете, — заметил Удалов.

— Не переживет, — криво усмехнулся кузнечик. — Всех вас психически уничтожат.

— А тебя?

— Меня нет. Я подлец, а законченные подлецы дефицитны. Я иногда сам себе поражаюсь. Феноменальная атрофия совести: всех готов продать.

— Удалов, — проговорил могильщик, — надо было нам его ликвидировать на корабле. Похоронили бы давно и никаких забот.

— Вот видишь, Тори, — сказал Удалов. — Могильщик, может быть, и прав. А если еще не поздно?

— Поздно, — хихикнул кузнецик, показав выпуклыми глазками на солдата.

Солдат вылизал тарелку, потом понюхал ее, подобрал упавший на стол лепесток, встал, подошел к пленникам и сказал:

— Пора, потенциальные!

Следующий час пленники провели в бывшей комнате матери и ребенка, переделанной в изолятор с помощью решеток на окнах.

В изоляторе было пыльно и зябко. Здесь хранились мешки с цветочными семенами. Могильщик храбрился и говорил, что профессионально наслаждается в атмосфере кладбищенского склепа. Удалов быстро ходил, перешагивая через детские стульчики и ломаные игрушки. Вдруг кузнецик воскликнул:

— Ты плохой товарищ, Удалов. Ты эгоист!

— Почему? — удивился Корнелий.

— Коробочка со скорпиончиком где? В кармане?

— Я совсем забыл. Прости, — сказал Удалов.

Он вынул из кармана скорпиончика. Скорпиончик принялся к холодному воздуху и тут же создал вокруг нормальную атмосферу. В изоляторе потеплело, запахло розами, и узники сбились в кучу, чтобы на всех хватило тепла.

— Странная планета, — сказал Удалов, когда согрелся. — Глаза у всех пустые, едят цветочки, говорят, что хлеба им не нужно, эскалопы, говорят, долой, и вообще вид неопрятный.

— Это объяснимо, — ответил кузнецик. — Весь цивилизованный мир бьется над тайной планеты Кэ, все считают их больными загадочной болезнью. А дело просто — планета попала в плен.

— Так что же ты раньше не сказал? Давно бы уж меры приняли.

— А ты забыл, что я им продан? — спросил кузнецик.

— Не очень выгодно продан, — заметил могильщик.

— Я уже от них отрекся. Поэтому и сообщаю страшную тайну. Тебе, Удалов, первому.

— Ну, рассказывай.

— Рассказывать недолго. Забрели как-то на эту планету микробы. То ли забрели, то ли сами вывелись — в общем, неважно. Отличаются эти микробы от обыкновенных тем, что они мыслящие. Казалось бы, что такого — занимайся созидательным трудом, участвуй в общем братстве Галактики. Так нет, они сами созидать не хотят, а паразитируют в других существах...

— Значит, паразиты! — воскликнул Удалов.

— Ничего подобного, — раздался голос, и дверь в изолятор открылась.

Неопрятный бывший толстяк, который встретил пленных на космодроме, вошел, тяжело ступая по куклам и погремешкам.

— Ничего подобного, — повторил толстяк. — Никакис не паразиты, а глубокоуважаемые господа микроорганизмы.

— А я так и сказал, — поспешил исправиться кузнечик. — Так именно и сказал. Глубокоуважаемые и милостивые господа благородные микроорганизмы.

Что-то внутри толстяка треснуло и заверещало. Толстяк стоял с открытым ртом и покорно ждал, пока эти звуки прекратятся.

— Мы смеемся, — сказал он, когда все смолкло. — А ты, продажный Тори, продолжай. Секретов здесь нет. От нас еще никто не уходил таким же, как пришел. Говори!

Кузнечик отошел от своих товарищей, неловко поклонился и сказал:

— В общем, остальное понятно. Господа микроорганизмы по просьбе жителей планеты Кэ поселились здесь, и тогда жители планеты Кэ обратились с просьбой к уважаемым микроорганизмам, чтобы для большего единения между населением планеты и уважаемыми микроорганизмами последние внедрились внутрь жителей планеты Кэ. С тех пор в каждом жителе планеты Кэ обитает уважаемый микроорганизм и подсказывает ничтожному жителю планеты Кэ ценные мысли. Я правильно излагаю?

— Нет, конечно, — ответил неопрятный толстяк. — Какое уж тут единение! Мы, микроорганизмы, или паразиты, как сказал дорогой Удалов, да не простится ему это хамство, — хозяева. Мы приказываем, а люди слушаются. И никакого равноправия. Все делается так, как удобно

нам, кхе, паразитам. Это мы, кхе-кхе, паразиты, любим эфирные масла душистых цветов. Поэтому все на планете любят только эфирные масла, разводят цветы, нюхают цветы и жуют цветы. Мы никогда не убиваем пленных. Зачем? Каждый новый человек — домик для одного из нас. Ведь мы быстро размножаемся. У нас уже очередь на новые тела. Вот теперь и в вас вселимся.

— Только не в меня, — проговорил быстро кузнец. — Я добровольно и сознательно служу благородному делу.

— А почему не в тебя? Будет в тебе жить мой брат или внук, будет, как ты сам сказал, с тобой в единении, будете вы дружить и будет он тебе подсказывать, как думать, о чем думать, о чем не думать, когда чего говорить, а когда лучше промолчать. Твоя же цена как агента втрое повысится. Радуйся, дурак!

— Я, конечно, радуюсь...

— Радуйся молча. И ты, могильщик, нам пригодишься. Нам могильщики нужны. Мы все время распространяемся, а наши человеческие тела так несовершенны! Живут мало,дохнут как мухи. Работы тебе хватит.

— Спасибо, — произнес могильщик с чувством. — Мне все эти споры о единении и подчинении чужды, я аполитичен. Мне нужен созидательный труд и заслуженное вознаграждение.

— А вот о вознаграждении забудь, — сказал неопрятный толстяк.

А так как губы толстяка были неподвижны, Удалов уже сообразил, что говорит хозяин толстяка — уважаемый микроорганизм. И понятно стало Удалову, почему люди здесь так плохо одеты, небриты и немывы. Зачем? Микроорганизмам это неинтересно. Они-то голые.

— Я не могу забыть о выгоде. Я деловой человек, — объяснил могильщик.

— А вот вселится в тебя мой дядя, и станет тебе безразлично, за деньги ты копаешь могилы или для собственного удовольствия. Вставайте, пора.

— Куда? — спросил Удалов.

— Во дворец. Там нас ждет Его Необозримость Верховный микроб. Он лично намерен вселиться в тебя, Удалов. В торжественной обстановке. Тело у него хоть и

почетное, но старое, малоценное. А твое нам подходит. Особенно ввиду твоей будущей роли в Галактике.

— Моя роль самая скромная, — сказал Удалов. — Не вижу причин обращать на меня особое внимание. К тому же должен вас официально предупредить, что я не какой-нибудь бродяга без рода и племени, а представитель Земли. За мной стоят шесть миллиардов земляков, которые никогда не дадут в обиду своего товарища. Так что, поднимая руку на меня, учтите: вы поднимаете руку на свободолюбивую Землю!

Удалов говорил громко и торжественно. Он даже пожалел, что рядом нет Коли Белосельского и товарищей по работе, которые бы смогли оценить правильность и убедительность его речи.

Неопрятный толстяк терпеливо дождался, пока Удалов кончит, потом криво усмехнулся и сказал:

— Хорошо излагаешь. Нас не обманули. Верховный микроб будет рад поселиться в твоём теле. А что касается шести миллиардов жителей Земли, то нам приятно слышать о таком количестве носителей. Какие перспективы для нашего размножения! Так что Землю мы тоже покори́м! Может быть, даже с твоей, Удалов, помощью.

Глава тринадцатая,

*в которой Удалов встречается с Его Необозримостью
Верховным микробом и с девушкой Тулией*

— Перед Его Необозримостью вести себя культурно, — предупредил неопрятный толстяк, ведя пленников по коридорам космопорта к выходу на улицу. Сзади топали солдаты. — Его Необозримость не выносит хамства.

— А почему вы его называете Необозримостью? — спросил Удалов.

— Во-первых, из уважения к его уму и талантам, — ответил толстяк. — А во-вторых, он воистину огромен. Ты не поверишь, но Верховного микроба можно разглядеть невооруженным глазом.

— Не может быть! — подобострастно воскликнул кузнечик.

— И он продолжает расти, — добавил толстяк.

Полдороги они проехали в старом открытом автомобиле, но на одном из поворотов двигатель заглох, и завести его не удалось. Шофер лениво копался в моторе, потом задремал на дороге, а когда солдаты принялись его лупить, микроб, который жил в шофере, потребовал прекратить избиение, потому что от этого в теле шофера возникала неприятная для микроба вибрация.

Пришлось вылезать из машины и идти дальше пешком, что было нелегко, так как с улиц давно уж никто не убирал сор и отбросы. На одном из перекрестков пришлось остановиться. По улице медленно двигалась демонстрация. Демонстрация состояла из нескольких сот кое-как одетых и полуодетых женщин в цветочных венках и гирляндах, которые несли коряво написанные плакаты и лозунги. Кое-какие из них Удалов запомнил:

«Мой микроб всегда со мной», «Ни шагу без микроба», «Порадуем хозяев повышенной рождаемостью!» Многие несли круглые щиты с тремя буквами П. Буквы по-разному располагались на щитах.

— Что это значит? — спросил Удалов у неопрятного толстяка.

— Послушание-Прилежание-Простота. Наш главный лозунг. Нравится?

— Не нравится, — честно ответил Удалов.

— А мне нравится! — сказал кузнечик. — Я просто счастлив видеть такую стройную организацию населения, такое единодушие, такую любовь к микробам!

— Попробовали бы они иначе, — заметил толстяк. Потом он поднял руку и закричал: — Старайтесь, дорогие женщины! Мы с вами!

— Ура! — закричали нестройно женщины.

Как только демонстрация миновала, толстяк поспешил через дорогу. Солдаты лениво семенили сзади, нюхая розочки, вставленные в дула автоматов.

Дворец бывшего Президента планеты Кэ, как нетрудно догадаться, был в плачевном состоянии. Штукатурка осыпалась, некоторые колонны рухнули, их обломки загораживали подъезд ко дворцу, отчего туда проходили по выходящей тропинке, поглядывая наверх, не свалится ли еще что-нибудь.

Никто не охранял входа, да, видно, на этой планете в

охране не было смысла, потому что в каждом преступнике сидел бдительный наблюдатель, а к борьбе за власть между собой микробы еще не приступили.

В коридорах и холлах дворца слонялись тусклые люди, человек, на котором были только ботинки, спал на ступеньках, большой бак с цветочным отваром стоял на лестничной площадке, лакей в рваной ливрее мрачно жевал гладиолус. При виде поднимающихся по лестнице солдат с пленниками он вскочил, изобразил на лице радость и слишком громко закричал:

— Не желаете ли нектара? Нет ничего вкуснее нектара!

— Спасибо, на обратном пути, — вежливо ответил Удалов.

Наконец они вошли в центральный зал, где их ожидал предупрежденный заранее Верховный микроб. Увидеть его невооруженным глазом Удалов не мог, потому что микроб был спрятан в теле немощного старика, бывшего Президента планеты. Старик, хранивший в себе микроб, сидел на возвышении в золотом потертом кресле, а вокруг толпились сановники.

Неопрятный толстяк, обогнав пленников, прошел прямо к креслу и объявил:

— Корнелий Удалов с Земли и взятые с ним лица просят разрешения приблизиться.

— Молодец, молодец, — произнес добрым голосом старик, поглаживая морщинистой рукой белоснежную жидкую бороду. — Значит, ты и будешь Удалов?

Глазки старика уперлись в лицо Удалову, и тому показалось, что за зрачками таится крупный микроб. Но, разумеется, это было не так.

Удалову было трудно смириться с мыслью, что старик перед ним не настоящий, а только оболочка, и сановники, стоящие по бокам, тоже только оболочки. Он не удержался и задал неделикатный вопрос:

— Простите. А вот вы, человек, в котором сидит паразит, как вы это ощущаете?

И к его удивлению старик ответил совершенно другим голосом.

— Погано... — И тут глаза его остекленели, губы сжались, и через ноздри прозвучало окончание фразы: —

Я наслаждаюсь постоянным присутствием Его Необозримости. Я счастлив быть оболочкой.

— Понимаю, — вздохнул Удалов, — как же, понимаю.

И только теперь до него дошел весь ужас его положения. Раньше все было не очень реально. Ну, попал в плен, с кем не бывает, ну, привезли во дворец, понятно... Но когда он увидел, как остекленели, застыли глаза несчастного Президента, когда заговорил в нем микроб, Удалов сжался. Даже сердце застучало с перебоями...

— Как доехали? — спросил Президент, подергивая бороду. — Вас хорошо разместили?

— Что? — спросил Удалов, почти не слыша.

За него отвстил кузнечик:

— Мы отлично доехали и удобно устроились, Ваша Необозримость. Мы рады, что увидели лично вас!

— Меня не видно, — сообщил Президент. — Мне говорили, что ты продажный и несумный агент. Это так?

— Не умен, — поспешил согласиться кузнечик. — Совершенно недостоин быть оболочкой уважаемого микроба.

— А нам твой ум ни к чему, — раздался мелодичный женский голос.

Сановники засмеялись.

Удалов вздрогнул и обратил взор в направлении голоса.

В толпе придворных, не замеченная раньше, стояла его возлюбленная.

— Тулия! — закричал Удалов. — Дорогая! Мы встретились! — Он сделал шаг к девушке и простер вперед руки.

— Что с ним? — удивился Президент.

— Он влюблен в меня, — ответила со смехом прекрасная Тулия. — Когда я выполняла твоё задание на Альдебаране и попыталась выкрасть Удалова с пересадочной станции, мне пришлось изобразить некоторую заинтересованность в этом барашке. Вот он и попался.

Сановники, сам Президент, солдаты и даже неопрятный толстяк чуть не умерли от хохота. Оказалось, что и у микробов бывает чувство юмора. Захихикал даже кузнечик, и мрачно, не поднимая опущенных углов губ, улыбнулся мухомор-могильщик.

Удалов был готов провалиться сквозь землю. Он опустил руки, и они плетью повисли вдоль тела. Он чувствовал, как позорная алая краска залила ему щеки. Он судорожно проглотил слюну и, когда смех немного стих, произнес:

— Тулия, ваша мама не имеет от вас никаких известий и очень беспокоится.

— Мама! — воскликнула девушка, но тут же гнездящийся в ней микроб перехватил ее голос и сказал: — У меня нет отца и нет матери. Мы все родственники Его Необозримости Верховного микроба.

И Удалов понял, что больше ему разговаривать с этой девушкой не о чем. И понял другое: если удастся ему, если повезет избавиться от ужасной угрозы стать оболочкой для микроба, он сделает все, что в его силах, чтобы спасти и вернуть к матери и к учебе в университете эту несчастную девушку. И, конечно, спасти остальных жителей планеты Кэ.

Глава четырнадцатая,

*в которой Удалов вступает в нечаянное единоборство с
Верховным микробом*

— Ну что ж, начнем, пожалуй, — сказал скрипучим голосом Президент.

— С кого начнем? — спросил неопрятный толстяк.

— Со второстепенных персонажей, — решил старик. — Например, с вашего неудачливого агента.

— Я удачливый! — закричал кузнечик. — Я вам доставил Удалова! Совершенно бесплатно, из идейных соображений. Меня можно отпустить.

— Сейчас ты и получишь награду, — ответил Президент. — Высшую награду. Ты возводишься в высокий чин носителя моего двоюродного брата, который только вчера потерял предыдущее тело. Приступайте.

Неопрятный толстяк с одним из солдат прошел в угол зала, где за колоннами лежало нечто, покрытое коврами. Они приподняли ковер за угол, оттянули на себя, и под ковром обнаружилось несколько мертвых тел.

— Какой из них ваш кузен? — спросил толстяк.

— По-моему, первый справа, — сказал Президент.

Вдруг к ужасу Удалова из второго слева мертвеца послышался голос:

— Нет, я здесь.

Толстяк вытащил из своего воротника иголочку и нагнулся к мертвецу. Удалов отвернулся, чтобы не видеть этого зрелища. Кузнечик потерял сознание и с хрустом упал на пол. Прекрасная Тулия мелодично смеялась.

Неопрятный толстяк возвратился к пленникам, осторожно неся перед собой иголку и прикрывая ее ладонью, как огонек свечи. Удалов зажмурился. Раздался отчаянный крик Тори. Потом была пауза. Корнелий открыл глаза, и увидел, что кузнечик медленно поднимается с пола.

Кузнечик отряхнул пыль с золотых штанов, потянулся, его лицо исказилось неестественной улыбкой, и он сказал, почти не шевеля губами:

— Спасибо, кузен, все в порядке, а то я за три дня соскучился без движения.

И, подчиняясь приказу своего нового хозяина, кузнечик пустился в пляс.

Раздались аплодисменты сановников и солдат.

— Тори! — воскликнул Удалов. — Тори, ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил Тори, не переставая плясать. — Я счастлив. Теперь я буду спокойно наслаждаться нектаром и ни о чем не думать.

— Браво, — сказал Президент. — Следующий!

Операция с могильщиком заняла всего минуту, потому что иголочка с микробом была уже подготовлена. Могильщик пытался сопротивляться, и Удалов даже рванулся, чтобы прийти к нему на помощь, но солдаты быстро подавили бунт, и еще через пять секунд могильщик объявил, что он тоже счастлив.

Остался один Удалов. Один несчастливый во всей этой большой удовлетворенной компании.

— Я займусь им лично, — сказал Президент, сходя с возвышения.

Солдаты подперли Удалова автоматами в спину, чтобы он не отступил, и Удалов решил, что не уронит своего

достоинства даже в такой критической ситуации. Он замер и высоко поднял голову.

Старик шел с трудом, сановники поддерживали его под локти, и Удалов даже успел подумать, что, наверное, нельзя кормить одними лепестками такого пожилого и привыкшего к разносолам господина.

Не доходя до Удалова двух шагов, старик вдруг остановился. Внезапная тревога исказила его лицо.

— А вы уверены, что это тот самый Удалов? — спросил он.

— Совершенно уверены, — ответила прекрасная Тулия и достала из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги. — Вот что написано в предсказании Острадама: «И прибудет на съезд делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он...»

— Хватит, — прервал девушку Президент. — До сих пор Острадам не обманывал. Хотя предсказания его туманны. Тебя зовут Корнелий? Ты с Земли?

— Меня зовут Корнелий Иванович Удалов, — сказал пленник. — Я прилетел с Земли, из города Великий Гусляр, и я клянусь посвятить все свои силы освобождению Галактики от паразитов.

— Тот самый, — сказал Президент. — Без сомнения. Ты от нас на Земле ушел, ты от нас на Альдебаране ушел, но здесь тебе деваться некуда.

Президент подошел вплотную, сложил губы трубочкой и завершал:

— Скорее! Я хочу в новое тело. Мое старое умирает.

Тут Президент начал покачиваться, и ноги его подкосились.

Но Удалова это не спасло. Падающий Президент успел обнять Удалова старческими руками и вцепиться с такой силой, что стряхнуть его не было никакой возможности. Президент потянулся мертвеющими губами к губам Удалова. Несмотря на протестующие крики сановников, Удалову удалось отклонить голову, но что-то мелкое и шустрое пробежало у него по щеке и нырнуло в поздрую. Тело Президента, лишенное хозяина, сползло на пол, и умирающий старик прошептал:

— Уничтожайте паразитов... пить!

— Воды! Дайте ему воды! — закричал Удалов. — Человеку плохо!

Он начал нагибаться к бездыханному Президенту, но что-то случилось с его позвоночником, что-то замкнулось в его грудной клетке, и Удалов замер в неудобной позе, услышав внутренний голос:

— Не надо, Удалов, не беспокойся. Все в порядке. Ты теперь не одинок в этом мире. В тебе есть верный и неотлучный друг. Угроза существованию микробов ликвидирована. И мы с тобой вместе будем бороться за счастье и благоденствие паразитов.

— Нет! — закричал было Удалов, но крик исчез, не долетев до рта, а вместо этого кто-то удаловским голосом сказал:

— Отличное тело. Подвижное, крепкое, вполне достойное меня.

Раздались радостные крики сановников, к которым присоединились счастливые кузнецик и могильщик, а больше всех радовалась прекрасная Тулия, в которой, как узнал Удалов, жила сама Верховная матка племени микробов.

— Погодите, — мысленно сопротивлялся Удалов. — Вы не имеете права! Я буду жаловаться!

Но в ответ внутри Удалова, зарождаясь где-то в районе гайморовой полости, раздался тихий удовлетворенный смех, который перешел в убеждающий, мягкий и чем-то даже добрый голос Верховного микроба:

— Отныне, Удалов, мы с тобой будем жить безмятежно, питаться нектаром и беспрекословно выполнять все мои приказания. Мы будем кричать на всех перекрестках, что мы счастливы. Мы будем ратовать за «послушание, прилежание и простоту». И ничего нам не надо, кроме моего счастья... А задумайся, как хорошо беспрекословно подчиняться, сколько это снимает с тебя проблем и забот. За тебя думает паразит, решение за тебя принимает паразит, даже зубы по утрам чистить необязательно, потому что паразиту плевать, чистые у тебя зубы или грязные... Мы с тобой, Удалов, покорим всю Вселенную, мы принесем счастье Галактике, мы принесем спокойствие Земле... Что такое? Что такое? Кто сюда идет?

Вдруг внутренний голос Удалова замолк, и Корнелий, все еще скованный волей Верховного микроба, обрел

способность глядеть по сторонам и видеть, что творится вокруг.

Сановники о чем-то беседовали, могильщик принялся снимать мерку с трупа Президента, хотя, видно, в этом не было нужды, потому что солдаты уже приготовили ржавые крючья, чтобы оттащить труп старика на свалку. Прекрасная Тулия, не подозревавшая о том, что Верховный микроб столкнулся с какими-то неприятностями в недрах удаловского организма, подошла к нему и сказала:

— Полагаю, что моя оболочка все еще вызывает в тебе нежные чувства. Так что можешь пользоваться. И пока вы с Тулией будете любить друг друга, мы с Его Необозримостью займемся плодотворным обсуждением вопросов дальнейшей экспансии.

Глаза Тулии были пусты и показались Удалову совсем не такими прекрасными, как прежде.

— А как же любовь? — спросил он.

— Зачем тебе любовь? — удивилась Тулия. — Главное — простота.

— Прекратите! — произнесли губы Удалова помимо его воли. Видно, внутри него творилось что-то неладное. — Сейчас же отпустите меня!

— Что случилось? — всполошилась Тулия. — Что с тобой?

— На меня напали! Здесь полчища бандитов! На помощь! Спасите!

Тулия ударила Удалова по голове кулачком.

— Прекратите, подрыватель! — закричала она. — Оставьте в покое моего сына! Ты на кого поднял руку, подлец!

— Я совершенно ни при чем! — воскликнул в ответ Удалов, но слова получились смятыми и неубедительными, потому что сквозь рот Удалова рвались отчаянные вопли страдающего паразита. Боль Верховного микроба передалась Удалову, и его начало корчить и мотать, разболелись одновременно все зубы, ломило голову и взрывалось в ушах. Удалов помимо своей воли совершал нелепый танец, закидывая руки, выпячивая живот и стуча ногами. Успела мелькнуть мысль, что он сейчас со стороны, наверно, похож на древнего шамана, но тут же эта мысль исчезла и наступило помутнение сознания. И как будто сквозь туман к Удалову тянулись гневные руки

сановников и его бывших товарищей — кузнечика и могильщика, все вокруг вопили, грозились убить Удалова и даже старались его убить, но мешали друг другу, и это Удалова спасло. А тем временем изо рта Удалова продолжали вырываться страшные проклятия.

— Я гибну! — вопил Верховный микроб. — Меня окружили! Здесь хищные враги! Они едят меня! На помощь... Я не могу вырваться... Предательство... измена! Ааааа...

И последний крик Верховного паразита угас, превратившись в невнятные всхлипывания. В ужасе сановники отшатнулись от Удалова, и он, избитый, измученный происходившей в нем борьбой, лишился чувств.

Глава пятнадцатая,

в которой Удалов попадает в подземелье и встречается с предсказателем Острадамом

Когда Удалов пришел в себя, оказалось, что он лежит на холодном грязном полу тронного зала. В зале слышался гул голосов, но никто более Удалова не бил.

Удалов с трудом сел. Голова болела, все члены тела были измучены и не хотели подчиняться. Когда удалось сфокусировать зрение, оказалось, что сановники столпились вокруг золотого кресла, на котором сидела Тулия, и обсуждали создавшееся положение. На Удалова никто не обращал внимания.

Кузнечик суеился у трона, а могильщик стоял с солдатами неподалеку и с сочувствием смотрел на Удалова.

В этот момент сановники отошли от трона, и Тулия, обратив строгий, начисто лишенный любви взгляд к Удалову, сказала:

— Мы пришли к выводу, что в тебе, Удалов, несмотря на дезинфекцию, сохранились враждебные нам бактерии и вирусы... Разумеется, мы могли бы поместить в тебя для проверки еще одного из наших братьев, но риск его гибели слишком велик и потому лучше тебя уничтожить. Надеюсь, ты согласен с нами, что такое решение разумно?

— Нет, — возразил Удалов. — Совершенно дикое решение.

— Но ведь ты убил лучшего из нас!

— Я никого не убивал. И никто не просил его в меня соваться.

— Удалов, нам, микробам, суждено покорить всю Галактику, и не пытайся встать на пути исторического регресса. Ты приговорен к уничтожению, однако исполнение приговора откладывается. Мы рассудили, что если ты нам опасен, то еще опаснее вся Земля. Вместо одного врага мы получили теперь шесть миллиардов врагов. А это нас удручает. Следовало серьезнее отнестись к предсказанию Острадама и уничтожить тебя на Альдебаране.

— Опоздали, — согласился Удалов. — Ваше дело проиграно. Учтите, что я самый средний землянин, а у нас есть очень умные люди.

— Мы учитываем, — сказала прекрасная Тулия. — Поэтому перед уничтожением ты подвергнешься пыткам для добровольной выдачи информации, которая позволит нам ликвидировать Землю. Увести его!

Солдаты знаками показали Удалову, чтобы он двигался к выходу, и Удалов не стал сопротивляться. Он так устал, что мечтал только об одном — немного поспать. А там видно будет.

И он спокойно пошел к выходу.

На улице так же светило солнце,плыли кучевые облака, по соседней улице шла очередная демонстрация за увеличение потребления нектара, и никому не было дела до одинокого человека, который попал в переплет и вполне мог сгореть на костре подобно Жанне д'Арк, Джордано Бруно и Тарасу Бульбе.

Персйдя площадь, Удалов оказался перед входом в тюрьму. Предупрежденный о его приходе, тюремщик открыл двери, а сам опасливо отошел, и это было понятно, так как на планете Кэ не было смысла держать преступников в тюрьме, когда их можно было использовать и перевоспитывать более надежным образом.

Скрипели ржавые двери, пыль поднималась с лестничных ступенек, и путешествие показалось Удалову бесконечным.

Наконец он добрался до нижнего этажа подвалов. Железная дверь с глазком отворилась перед ним, и Удалов

оказался в холодном каменном мешке, освещенном голой лампой под потолком. Здесь стоял табурет, на полу валялась куча гнилой соломы да в углу виднелась черная дыра в полу — простейшее туалетное устройство.

— Ну что ж, — сказал Удалов сам себе, — еще не вечер.

Глазок в двери приоткрылся, и женский голос произнес:

— Нет, вечер.

Удалов узнал голос прекрасной Тулии и крикнул в ответ:

— Я требую справедливого суда!

— Суд уже состоялся, — заявила Тулия. — Ты приговорен к сожжению на костре за убийство Президента этой планеты.

— Постойте! — возмутился Удалов. — Но ведь суда не было, и я ни в чем не признавался! И Президента я не трогал. Вы его сами лепестками уморили.

— Неважно! — ответила Тулия из-за двери. — Копия приговора после вынесения наказания будет послана на СОС и на Землю, чтобы все морально осудили убийцу.

Четкие шаги Тулии удалились, и наступила тишина, которую нарушали лишь капли, падавшие с потолка каменного мешка. Удалов вытащил из кармана коробочку со скорпиончиком. Скорпиончик посмотрел на Удалова с осуждением, видно, никогда еще не попадал в такую ситуацию. Потом мелко задрожал хвостом и начал согревать промозглый воздух. Запахло флоксами, и Удалов немного приободрился.

Согревшись, Удалов свернулся калачиком на соломе и задремал, во сне увидел родной город, жену Ксению в процессе приготовления блинов, сына Максимку, бегающего по зеленой лужайке перед церковью Параскевы Пятницы с сачком для ловли бабочек в руке, а также школьного друга Колю Белосельского, который уверенно говорил: «Не падай духом, Корнелий! Мы не оставим тебя в беде! Мы не поверим клевете, которые распространяют о тебе злые силы реакции! Вся Земля, затаив дыхание, следит за твоей неравной борьбой за справедливость и национальное освобождение трудолюбивых обитателей планеты Кэ от жестоких угнетателей. Мы с тобой, Корнелий!» Застучали барабаны, и Корнелий проснулся.

Оказалось, что кто-то негромко стучит в стену. Но не равномерно, а прерывисто, словно это азбука Морзе, которую Удалов, к сожалению, не знал.

Удалов протянул руку к стене и, отогнав мокрицу, постучал в ответ.

— Не падай духом! — услышал он незнакомый голос.

Удалов поднял голову и увидел, что в дыре под потолком камеры появилась человеческая голова. Голова подмигнула Удалову и повторила:

— Главное, не падать духом.

— Это вы стучали? — спросил Удалов.

— Я. — Человек оглушительно чихнул и сказал: — Извините, у меня насморк.

— Что вы здесь делаете?

— Я не делаю, я сижу в соседней камере и жду смерти.

— Кстати, я тоже, — сказал Удалов. — Удивительное совпадение. Вы тоже кого-нибудь убили?

— Нет, — ответил человек. — Я самоубийца. Разрешите, я к вам слезу, а то мне очень неудобно разговаривать на весу.

— Разумеется, — согласился Удалов. — Я буду рад.

— Тогда подойдите поближе и подставьте мне спину. Вы же не хотите, чтобы я сломал ноги?

— Ни в коем случае, — сказал Удалов и подошел к стене.

Человек протиснулся в дыру, тяжело прыгнул на спину Удалова, съехал по ней на пол и оказался коренастым карликом с пышной смоляной шевелюрой.

— Спасибо, — поблагодарил карлик, запахиваясь в парчовый халат и усаживаясь на единственную табуретку. — Мне очень приятно с вами познакомиться, Корнелий Иванович, потому что я, до определенной степени, виновник всех ваших несчастий.

— А я думал, кто же во всем виноват? — сказал Удалов. — Зачем же вы так?

— Исключительно из-за тщеславия и любви к роскоши. У вас закурить не найдется?

— Не курю.

— Знаю. Это я так, для того, чтобы переменить неприятную для меня тему. Я ненавижу доставлять людям неприятности, всю жизнь с этим борюсь. И вы представить

себе не можете, сколько неприятностей я им доставил. И себе тоже.

— А вы кто будете по специальности?

— Предсказатель.

— Что-то вроде фокусника?

— Хуже, — вздохнул карлик.

Они помолчали. Потом Удалов сказал:

— Вот меня здесь все знают, а представиться забывают.

— Мой псевдоним — Острадам. А имя мое никому не известно.

— Очень приятно. А меня откуда знаете?

— Ничего удивительного. Вы, Корнелий, личность известная и перспективная.

— Если бы я был необыкновенным, — возразил Удалов, — меня не пригласили бы на СОС. В обыкновенности моя сила.

— Тоже правильно. Но вы же самый обыкновенный из всех обыкновенных. Это уже уникальность. У вас закурить не найдется?

— Я не курю.

— Знаю. Простите. Измучился без курева. Третью неделю держат меня здесь на одном цветочном нектаре. Скорей бы уж казнили.

Карлик расчихался, и прошло чинуты две, прежде чем он смог продолжить разговор.

— Погодите. — Удалова посетило страшное подозрение. — А как же вы?

— Чего?

— Как же вас казнить, если в вас сидит уважаемый паразит?

— Нет во мне паразита, — ответил карлик.

— Наверное, это провокация, — сказал Удалов. — Здесь во всех паразиты. Даже во мне был, только я его уколошил.

— Знаю. Вся планета знает. Хотя твоей заслуги, Корнелий, в этом не было. Случайность, скажем, отсталость Земли. Во всей Вселенной вирусы и прочие микроорганизмы побеждены, а на Земле еще существуют.

— А вы подумайте, — возразил Удалов, — кому в результате лучше? У меня иммунитет такой, что даже

Верховного микроба победил. А вы все сдаетесь на милость паразитов.

— Я не сдаюсь, — ответил Острадам. — Я предпочел смерть.

— Что-то не верится, — сказал Удалов. — Паразиты бы этого не допустили.

— Как видишь, допустили.

— А можно, я тебя одним вопросом проверю? — спросил Удалов.

— Валяй.

— Ты любишь цветочные лепестки?

— Хуже дряни в Галактике еще не придумано.

— Да, похоже, что нет в тебе микроба. Так почему же они в тебя не залезли?

— Это долгая история. А у нас времени мало.

— А ты вкратце расскажи. Конспективно.

— Постараюсь. Дело в том, что в молодости я любил путешествовать. И однажды за черной дырой, в двойной туманности, у белого коллапса угодил в водоворот времени, где перепутано прошлое и будущее.

— Ну и что?

— Я из этого водоворота полгода выбраться не мог. Чего только не насмотрелся! Кое-что запоминал, в блокнот записал. А дальше все просто. С твоим, Удалов, жизненным опытом и проницательностью тебе нетрудно понять, как велик был соблазн прославиться, когда я вернулся и увидел одного нескрупного политического деятеля, о котором я в водовороте подсмотрел, что лет через пять он станет премьером своей страны...

— Так ты все про будущее знаешь? — спросил Удалов.

— Какое там! Ничего подобного. Случайные клочки. Даже не всегда известно, что уже было, а что будет. А уж тем более сомнительно, где происходит действие.

— Так как же ты с такой недостаточной информацией в предсказатели полез?

— А чем я хуже других предсказателей?

— А разве лучше? Людей обманываешь.

— Не скажи, Удалов. Ведь другие предсказатели вообще ничего не знают, а я недостаточную информацию имею. Вот и преуспел.

— Как же тебе с такой информацией удалось преуспеть?

— Про премьера я угадал. Кос-что еще вспомнил. Тоже угадал. Известность моя росла. Ну, и опыт ширился. Ведь людям надо давать, что они хотят. Они и довольны. Если я угадывал, они мне верили, запоминали, а если ошибался, находили мне оправдания, забывали. И стал я постепенно гордостью моей планеты.

— Сомнительная слава, — сказал Удалов.

— Не спорю. И должен тебе сказать, что слава моя особенно выросла, когда я занялся предсказаниями в космическом масштабе. В моем блокноте накопилось множество имен и названий. Некоторые я расшифровал, другие нет, и стал я употреблять их в своих предсказаниях. И тоже не без попадания в цель. Представляешь, Удалов, неожиданно-негаданно приходит нота из какого-нибудь инопланетного посольства: какое вы имеете право предсказывать трагическую гибель нашему любимому диктатору? Я молчу, а диктатор вскоре попадает в автомобильную катастрофу. Кто об этом предупреждал? Я предупреждал. Но погубил я себя тем, что переоценил свои силы. Обленился, устал, захотел свободной и вольготной жизни и решил покончить с будущим одним ударом. Составил общее предсказание на двадцать лет вперед. Войны предсказал, смерти, художественные выставки, полярные сияния — в общем, побаловался на славу. И в конце пошутил: предсказал собственную смерть. Ха-ха!

Но Удалов не засмеялся. Он спросил серьезно:

— А основания у тебя к этому были?

— Ровным счетом никаких оснований, — сказал карлик. — Но пойми меня, к своей работе я относился халтурно, а двадцать лет показались мне гигантским сроком.

— Нет, — возразил Удалов, — двадцать лет — это совсем не такой большой срок. Я, как сегодня помню, влюбился в одну девушку...

— Ты чего замолчал? Говори. Я не выдам.

Удалов покачал головой. Нахмурился.

— Нет, я просто забыл. Вроде бы влюбился, но в кого, почему и чем это кончилось... забыл.

— Бывает, — сказал предсказатель. — У меня хуже получилось. Из-за моей великой славы и непоколебимой репутации. Поверили мне, размножили мое всеобщее предсказание в миллионах экземпляров, развешали во всех общественных местах и в частных жилищах, осы-

пали меня золотом, предоставили все жизненные удовольствия. Растолстел я страшно. У тебя закурить не найдется?

— Я не курю, — сказал Удалов.

— Почему же мне кажется, что ты куришь? Странно. И вот началась на моей планете нелепая жизнь. Допустим, предсказал я на июнь войну с соседями. Наше правительство послушно собирает армию и начинает войну. Даже никому в голову не приходит, что я могу ошибиться. Только война кончится, а по моим предсказаниям — проливные дожди и наводнение. И хоть ни одного дождя не намечается, открывают плотины и заливают поля и города. Предсказал я, допустим, смерть председателя землевладений. И что же ты думаешь? Он с горя проводит ночь перед смертью в кабаках, нажирается как свинья и помирает от несварения желудка. Не предсказал бы я, жил бы он и сегодня. Понимаешь, куда я клоню?

— Грустную историю ты рассказываешь, — сказал Удалов. — Историю о человеческом легковесии и твоей безответственности.

— Все это я понимал, не такой уж дурак. Но ты и меня пойми! Даже если бы я вышел на площадь и сказал народу: обманываю я вас, родимые, не верьте мне, грешному! Что бы из этого вышло?

Удалов задумался и ответил правдиво:

— Полагаю, ничего бы не вышло. Но поверили бы тебе. А твои предсказания всей Галактики касались?

— С другими планетами я осторожнее был. Опасался конфликтов. Но некоторые туманные сведения поместил в свою сводку, не удержался. О тебе, например.

— Что обо мне? — спросил Удалов.

— А разве тебе микробы не зачитывали?

— Читали. Что я им угроза и так далее.

— Так у меня написано следующее: «И прибудет на съезд СОС делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он...»

— А дальше что?

— А дальше я и сам не знаю. Понимаешь, Корнелий, в водовороте времен увидел я тебя в каком-то большом зале. Там все кричат: «Слава делегату Земли Корнелию

Удалову! Изберем его! Он достойный! Он — гроза микробов...» И так далее в этом роде. Полная абракадабра с точки зрения моего тогдашнего положения.

— А может, еще чего увидел? — спросил Удалов недоверчиво.

— Может, и увидел, — улыбнулся карлик, показав мелкие желтые зубы. — Но считай, забыл.

Удалов не стал настаивать. Настояшь, а окажется, что карлик видел твою смерть. И будешь ты переживать... Нет, лучше не знать своего будущего.

— Жил я безмятежно девятнадцать лет и несколько месяцев. Вдруг, ощущаю, стали на меня как-то странно посматривать окружающие. И дружат уже не так горячо, и девушки меня меньше любят, а родственники с каждым днем все настойчивее намекают, что пора бы мне составить завешание. Проснулся я однажды утром, и на меня снизошло озарение! Ведь моя смерть надвигается! Они ее все ждут — не дождутся. Я им за последние двадцать лет осточертел до безумия. Представляешь, все время поглядывай в мой список: то на войну идти, то на похороны... Ой, подумал я, если сам в назначенный день не погибну, они меня задушат! Ни минуты лишней не дадут прожить. Ни друзья, ни родственники, ни общественность. Смотрю на календарь — а жизни мне осталось чуть больше месяца. У тебя закурить... Ах да, ты не куришь.

Карлик замолчал, задумался. Удалов не посмел его то-ропить, хотя стал нервно прислушиваться, не приближаются ли к двери шаги. В любой момент могли войти палачи.

— В тот же день вышел я из дому, будто бы за сигаретами, купил в ближайшем театральном магазине темные очки и рыжий парик — и прямым ходом на космодром. Сел в первый же корабль и был таков. Только мы вышли в открытый космос, как нас догнал военный корабль и взял меня в плен. Оказалось, это была работорговая экспедиция микробов с планеты Кэ. Соплали всех пассажиров в салон и начали внедрять в нас микробов. Дошла очередь до меня, я стал сопротивляться, потерял в борьбе очки и парик. И тут меня узнали. Видели в газете мою фотографию. Я тогда не знал, что микробы, как прочли мое туманное предсказание об угрозе Удалова, всполошились. Пожелали со мной встретиться. И, представляешь, я попадаюсь к ним в лапы!

«Ты что это летишь инкогнито?» — спросили они меня. Я ответил честно: «Поглядите в мое комплексное предсказание. Жить мне осталось три недели». Тогда они привезли меня сюда и посадили в подвал. Пригрозили, что если не скажу им все, что знаю об удаловской угрозе, они приблизят мою смерть. Конечно, это все шутки. Мою смерть они приблизить не смеют. Зато и внедриться в меня не пытаются. Кому хочется занимать свободную квартиру всего на три недели?

Карлик закончил. Удалов подошел к двери. В коридоре было тихо.

— Значит, эти микробы меня с самого начала опасались?

— Мне все верят, — произнес гордо карлик.

— Ну уж не все, — сказал Удалов. — В Великом Гусляре я ни одного не видел.

— Земля — окраина Галактики, — сказал карлик, который в гордыне своей бывал неделикатен.

— Тогда чего ж они на Земле меня не задержали?

— Не успели. Они, как я слышал, позвонили какому-то Белосельскому, чтобы он тебя на съезд не пускал.

— Я с ним в школе учился, — сказал Удалов. — Хороший человек, не подведет. Если бы он здесь был, наверняка бы придумал, как нас с тобой спасти. Он и в школе был отличником.

Далеко, в недрах тюрьмы, послышались шаги палачей.

— Ну вот, — вздохнул Удалов. — Придется, видно, погибать.

— Нет, погибать нельзя, — решительно заявил карлик. — Не могу я этого допустить. Профессиональная гордость не позволяет.

— Ну при чем тут твоя профессиональная гордость, когда тебе со дня на день помирать пора?

— Не обо мне речь. Я предсказал, что ты прославишься на съезде большими делами? Я предсказал, что от тебя будет страшная угроза микробам? Если тебя замучают, мое предсказание не сбудется. Это позор, который будет преследовать меня и после смерти. Пошли. Будем тебя спасать.

— Как? — спросил Удалов, прислушиваясь к шагам палачей.

— Лезь в дыру, через которую я сюда проник. Давай я подсажу тебя, а ты потом мне руку дашь.

Так они и сделали. И вовремя. В тот момент, когда ноги карлика скрывались в дыре, дверь в камеру Удалова открылась, и вошли палачи в водолазных костюмах.

Глава шестнадцатая,

в которой рассказывается о событиях, вызванных исчезновением Удалова

Удалов, переползавший, обдирая колени, в соседнюю камеру подземной тюрьмы на планете Кэ, и не подозревал, что его исчезновение уже вызвало цепную реакцию значительных событий в разных местах Галактики.

На самом СОС, когда Удалов не появился на вечернем заседании, его отсутствие было замечено. Все-таки не последний человек на съезде.

Послали в гостиницу. В гостинице Удалова тоже не обнаружили.

Начали всех опрашивать, а так как делалось это организовано, в масштабе всей планеты, то поговорили и с уборщицей из Атлантиды. Уборщица рассказала, что Удалов сгорает от любви к ее пропавшей дочери и вполне мог отправиться на поиски своей возлюбленной. Заглянули в кино и увидели там фильмы из юношеских воспоминаний Корнелия Ивановича, принялись искать кузнечика. А кузнечик тоже пропал. Поиски продолжались до вечера, а вечером на планете Сапур обнаружили покинутый корабль, в котором туда прилетали Удалов с кузнечиком. В корабле еще сохранились микроследы пропавших и следы неизвестного третьего лица, которос в материалах следствия именовалось «Х», хотя на самом деле это был могильщик.

Загадка исчезновения Удалова встревожила весь съезд. Специальные группы обыскивали планету Сапур, другая группа улетела на Альдебаран, чтобы искать там следы красавицы Тулии, остальные следователи и добровольцы из делегатов разыскивали Удалова на планете, где проходил съезд. Оргкомитет съезда подал в отставку, которая не была принята. Под сомнение встал один из основных принципов съезда — безопасность его участников.

Ночью руководство съезда в качестве последней меры

связалось с Землей. Телефонный звонок поднял с постели Николая Белосельского.

— Нет, — сказал он твердо, когда выслушал тревожное сообщение из космоса, — Удалов домой не возвращался, да и не мог он возвратиться за один день. Для того чтобы долететь от центра Галактики до Земли, надо потратить как минимум двое суток. Вы это знаете лучше меня.

— Но мы решили не упускать никаких шансов.

— Правильно, — согласился Белосельский. — Тем не менее чудес не бывает. Ищите Удалова в вашем районе. Желаю успеха.

Руководители СОС заверили Николая Белосельского, что будут приняты все возможные меры, и повесили трубку.

— Чепуха какая-то, — сказал сам себе Белосельский, спуская ноги с кровати и закуривая. Спать, естественно, расхотелось. — Все беды происходят от друзей детства. Как бы я хотел работать в Петропавловске-на-Камчатке...

Но рассуждения рассуждениями, а Белосельский был человеком действия. И хотя шансов найти Удалова в Гусляре практически не было, он докурил сигарету, оделся и пошел на Пушкинскую улицу, к дому № 16, в котором раньше жил Удалов.

Город спал, нежась в объятиях летней ночи. Звезды, мигавшие сквозь темную листву, казались декоративными украшениями. Во дворе двухэтажного дома Белосельский остановился и поглядел на знакомое по детским годам окно. Его вдруг посетила странная надежда, что все, чему он был свидетелем в последние дни, — дурной сон. И Удалов сейчас мирно спит или читает, не подозревая ни о каких СОС. К сожалению, Белосельский вынужден был отогнать эту эфемерную надежду. Он знал, что чудес не бывает. Он знал, что, к сожалению, действительность сурова и обыденна: Удалов улетел на съезд в другой сектор Галактики и пропал там без вести.

Белосельский вздохнул, посмотрел на часы, которые показывали уже первый час, и, стараясь не скрипеть ступеньками, поднялся на второй этаж, к квартире школьного друга.

Ксения открыла почти сразу. Она не спала. Ее круг-

лое, чем-то схожее с удаловским лицо было сковано тревогой.

— Коля! — воскликнула она громким шепотом. — Ты!

Колю Белосельского она знала по школе, а также по пионерскому лагерю. Тогда она была тонкой смешливой девчонкой с косичками, как крысиные хвостики, а Коля был высоким тонким подростком, который проводил все свободное время с книгой в руках, хотя при этом неплохо играл в гандбол, отлично катался на лыжах и исключительно бегал стометровку.

— Коля, — сказала Ксения, — заходи. Дети спят. Что случилось с Корнелием?

Она так уверенно произнесла эти слова, что Белосельский понял, что он совершил ошибку, придя к Удаловым домой. Лгать подруге детства он не сможет.

— Удалов пропал, — сказал Белосельский.

— Я так и знала, — прошептала Ксения. — Не надо было нам его отпускать.

Ксения первой вошла в комнату и без сил опустилась на диван. У нее хватило духу лишь протянуть руку к буфету и показать Белосельскому, где стоит валерьянка.

Накапав лекарства, Белосельский сел на стул и подождал, пока Ксения окончательно возьмет себя в руки. Все в этой комнате возбуждало в нем детские воспоминания. Сколько проказ было задумано здесь, сколько шпаргалок написано, сколько томов энциклопедии прочитано!

— Извини, Коля, — сказала Ксения. — Но пойми меня правильно...

— Я все понимаю, Ксения.

— Он бросает меня одну с двумя детьми, уматывает неизвестно куда ради сомнительной космической дружбы. А теперь вот это! Он себе новую бабу нашел! — произнесла вдруг Ксения громко и ударилась в слезы. — Стонет мое раненое сердце.

— Ну, погоди, при чем тут баба? — возразил Белосельский. — Твой муж уехал делегатом на съезд, прошло всего четыре дня, а пропал он только сегодня утром...

— Что, мало ему времени? Достаточно. И не утешай. Не утешай. Если не баба, значит, он погиб!

— У тебя все крайности, — сказал Белосельский. —

Я-то подумал, что он по дому стосковался, уже вернулся. Иначе бы и не стал тебя так поздно тревожить.

Но Ксения не слушала утешений Белосельского. Она решительно поднялась, распахнула дверцы шкафа, достала оттуда выходное платье, бросила на диван и приказала Белосельскому:

— Отвернись.

— Ты чего задумала? — спросил Белосельский.

— Лечу туда. Без меня им не обойтись. Если уж я его не найду, никто его не найдет. Окрутит она его, как пить дать.

— Но как же так, ночью, без договоренности...

— Вот ты сейчас и договорись. Гуманист ты, в конце концов, или нет?

— Гуманист, — согласился нехотя Белосельский.

— Тогда звони им, чтобы присылали транспорт. Без замедления. Не смогли моего мужа сберечь, будут со мной сотрудничать.

— Ксюша, Ксюша... — пытался урезонить ее Белосельский, но Ксюша уже повернулась к другу детства округлой спиной и приказала:

— Застегни молнию. Надо бы мне поменьше мучного есть.

И, застегнув молнию, Белосельский пошел к телефону. Он знал, что с разъяренной Ксенией Удаловой ему не справиться.

Глава семнадцатая,

в которой предсказатель ведет Удалова к иным мирам

— Я не зря провел две недели в подземелье и выдержал пытки этих мерзавцев, — сказал карлик, когда они оказались в его камере. — В камере нашлась лопата, которую забыли унести после ремонтных работ. Я выкопал подземный ход и совершенно случайно попал прямо в подвал лаборатории знаменитого профессора.

— А где профессор? — спросил Удалов, прислушиваясь к тому, как взволнованно переговариваются за стеной палачи.

Через минуту они обязательно увидят дырку под потолком.

— Профессор не выдержал в себе микроба и умер от стыда и унижения. К счастью, его лаборатория была закрыта на ключ, и микробы не догадались ею воспользоваться. Я полезу первым, я потоньше тебя, а если будешь застревать, я тебя буду тянуть. Но тебе придется раздеться.

— А если там холодно?

— В одежде ты застрянешь. Я сам копал, точно знаю.

Удалов колебался. Ему было неловко остаться без верхней одежды в чужом мире. Но в голосе карлика звучала такая уверенность, что Удалов подчинился, сбросил пиджак, рубашку, начал снимать брюки и замер, услышав прямо над головой торжествующий крик:

— Вот он! Держите его!

Удалов взглянул наверх. Там, в дыре, торчали две головы в водолазных шлемах. Палачами оказались бывший могильщик и прекрасная Тулия.

Карлик уже нырнул в подкоп и позвал оттуда:

— Скорее!

Удалов наступил на брючину, чуть не упал. Его спасло лишь то, что преследователи в желании скорее пробраться сквозь дыру мешали другу другу и застряли.

Удалов нырнул в черный зев подкопа. Впереди слышалось частое дыхание карлика. Стены подкопа сжимали тело Корнелия, и он мысленно поблагодарил карлика за то, что тот посоветовал раздеться. В пиджаке Удалов давно бы застрял. Впрочем, он и без пиджака раза три застревал, и карлику приходилось тащить его за уши.

Через несколько минут, измаранный в земле, исцарапанный, измятый, с горящими ушами, Удалов стоял в подвале лаборатории покойного профессора. Вокруг висели приборы и аппараты, горели светильники — все, к счастью, осталось таким же, как в тот момент, когда профессор попал в плен к микробам.

— Что теперь? — спросил Удалов.

— Профессор занимался проблемой мгновенных путешествий, — сказал карлик. — Проблема еще совсем не исследована. Вот из этой машины можно ступить в один из миллионов миров Галактики. Только не знаю, в какой попадем.

— А может быть, нам здесь остаться? Доберемся до космодрома, залезем в корабль...

— Доберешься! — возмутился карлик. — На этой планете все начеку, все с микробом в сердце. Мы и двух шагов по улице не сделаем, как попадемся. Единственный шанс — поискать по другим планетам какой-нибудь выход к нормальным людям. Нам нужна планета, куда прилетают космические корабли. Может, не сразу, но мы ее отыщем.

Из подкопа послышалось тяжелое дыхание.

— По-моему, там кто-то застрял, — сказал карлик.

— Не уходи, — послышался из-под земли глухой голос Тулии. — Поговорим по-дружески.

— Знаем мы вашу дружбу, — ответил печально Удалов.

Сердце его было беспокойно. Он не мог окончательно изгнать из него любовь к несчастной красавице. Поэтому, пока карлик готовил приборы, чтобы перейти в параллельный мир, Удалов склонился к подкопу и сказал:

— Тулия, я тебе обещаю, что приму все меры, чтобы освободить тебя от паразита и вернуть маме.

— Спаси... — послышалось в ответ, но тут же вырвавшаяся из сердца девушки благодарность оборвалась, и Верховная матка микробов сказала тем же сладким голосом: — Доберусь я до тебя!

— Сюда, Корнелий! — позвал карлик. — Путь открыт.

И Удалов, не дожидаясь, пока Верховная матка приведет свою угрозу в исполнение, кинулся к карлику, который раскрыл люк в сложной и громоздкой машине. Удалов последовал за карликом и мгновенно оказался на какой-то другой планете.

Неизвестная планета показалась Удалову гостеприимной и мирной. На ней свежий ветер шуршал сосновыми иглами, пели птицы, журчали ручьи и парили стрекозы.

— Ну прямо как дома, — сказал Удалов. — Даже жаль, что фотоаппарата нет. Вот бы знакомые удивились такому сходству.

— Пошли, не теряй времени даром, — сказал карлик. — В любой момент может показаться погоня.

— Разве ты дверь за нами не закрыл?

— А как закроешь? — спросил карлик сварливо. — На

ней не написано. К тому же, если мир не тот окажется, нам придется возвращаться и искать другой.

— А если они засаду устроят?

— Надеюсь, что нет. Надеюсь, что они за нами побегут.

Удалова эти слова мало успокоили. Но может, они с первого раза попали в подходящий мир, откуда есть сообщение с СОС?

— Далеско отходить не будем, чтобы не заблудиться, — сказал карлик.

Они оглянулись. Машина, сквозь которую они сюда попали, вылезала черным боком на поляну, и ее было видно издаലെка. По узкой тропинке путники сошли к реке.

Удалов опустил на корточки, чтобы вымыть в прозрачной воде руки и лицо. Тут он увидел свои обнаженные ноги и вспомнил, что он в одних трусах. Стало неловко.

Вдали слышались выстрелы.

— Ого! — воскликнул карлик. — Ладно, пошли. Там разберемся.

Но пойти сразу не удалось. Из машины выскочили палачи. Карлик оказался прав. Тулия была в серебристом купальном костюме, могильщик в балахоне, шляпа в руке. Водолазные костюмы они сняли, иначе бы им никак не пролезть в подкоп.

Преследователи оглядывались, размышляя, куда могли скрыться беглецы. В руках у них поблескивали пистолеты.

Не обнаружив следов, носители микробов быстро пошли к лесу.

Удалов с Острадамом, подождав, пока палачи скроются из глаз, перебежками, пригибаясь и даже иногда падая на землю, побежали в другую сторону.

Когда беглецы решили, что опасность миновала, они выпрямились и помчались со всех ног. Они так спешили, что ничего не слышали и не видели. И это их чуть не погубило.

— Жжик! — просвистела пуля у самого уха Удалова.

— Жжик! — другая пуля вонзилась в ствол дерева рядом с карликом.

Беглецы упали в траву.

— Это что такое? — спросил Удалов.

— Это разумные существа, — ответил с сарказмом карлик. — С разумными всегда надо быть настороже.

В чаще леса затрещали ветки, и через несколько секунд на прогалине появились двое мужчин. Удалов сразу угадал, что это охотники. Он немало насмотрелся на них дома, хотя сам относился не к охотникам, а к рыбакам. Охотники огляделись, потом один из них произнес:

— Он, наверно, в кусты ушел. Я его подбил.

— А я моего точно ранил. Далеко им не уйти. Славная добыча.

— Что-то он мне показался незнакомым, — сказал первый охотник.

— Моего я тоже не встречал.

— Смотри, как бы нам случайного не угрохать.

— Да не должно быть. Случайные в сезон сюда не сунутся.

Охотники собрались было уходить, и тогда карлик достал носовой платок и принялся им размахивать, прячась за поваленным деревом.

Охотники заметили этот сигнал и подняли ружья.

— Мы сдаемся! — крикнул карлик. — Мы случайные прохожие, а не дикие звери!

— Тогда вставайте, только руки держать над головой, — приказал один из охотников. — А то мы рисковать не хотим.

Беглецы медленно поднялись из травы, держа руки над головами.

— Так вы, говорите, случайно здесь оказались? — спросил охотник, подходя поближе и не спуская их с прицела.

— Мы даже не с этой планеты, — пояснил Удалов.

— В самом деле, на охотников не похожи, — сказал второй охотник.

— И на дичь тоже, — постарался улыбнуться Удалов.

— А при чем тут дичь? — удивился охотник.

— Так вы же нас чуть не подстрелили!

— Правильно! А при чем здесь дичь?

— Но вы же охотники? — спросил Удалов.

- Разумеется, охотники. Самые настоящие.
- Значит, вы охотитесь на дичь. Или на зверя.
- С чего вы это взяли?
- Не стоит на него время тратить, — сказал его товарищ. — Они же приезжие. Сами говорят, что из другого мира.
- Ну, тогда идите куда шли, — разрешил первый охотник.
- А стрелять не будете? — спросил Удалов.
- Мы-то не будем, — заверил второй охотник. — Другие могут подстрелить.
- Больше я никуда не пойду, — сказал Удалов Острадаму. — Хватит с меня. Убьют — и не сбудутся твои липовые предсказания.
- Удалов уселся на траву. Ему все это надоело.
- Объясните невежественным пришельцам, — попросил карлик, — почему в нас могут стрелять? Разве мы похожи на птичек или на медведей?
- Объясни ему, — сказал второй охотник. — Они же в самом деле ни при чем.
- Все просто, — начал первый охотник. — У нас охота — самый популярный вид спорта и отдыха. На планете чуть ли не каждый третий — охотник. Вот мы и охотились тысячу лет, пока не перебили большинство животных. Некого стало бить. Наши жены стали возмущаться — леса опустели, экология нарушается — и объединились с друзьями живой природы, чтобы запретить охоту.
- А как запретишь охоту, — вмешался второй охотник, — если мы с детства другого развлечения не знаем? Нельзя у нас запретить охоту. Национальная катастрофа.
- Тогда и нашли компромисс, — сказал первый охотник. — Решено было, что охотники разделятся на две половины. И будут охотиться друг на друга.
- Но это же бесчеловечно! — воскликнул Удалов.
- Я с тобой не согласен, — сказал Острадам. — Это очень разумно. И люди развлекаются, и звери целы. И много охотников погибает?
- Бывает, — сдержанно ответил первый охотник. — А вы здесь с какой целью?

— Ищем дорогу к цивилизации. Скажите, от вас корабли летают к другим планетам?

— К другим планетам от нас никто не летает. Космических путешествий мы еще не изобрели. О чем очень жалею. Когда изобретем, тут же отправимся охотиться на другие планеты.

— Тогда не спешите изобретать, — посоветовал карлик.

В этот момент неподалеку раздались выстрелы. Удалов с карликом привычно нырнули в траву, а их знакомые охотники начали отстреливаться.

— Бежим отсюда, — сказал Удалов. — Убьют.

Острадам согласился, и короткими перебежками они бросились обратно к машине. По дороге они чуть не натолкнулись на костер. У костра сидели в кружок охотники, а на громадном вертеле что-то жарилось.

— Ой! — испугался Удалов. — Ты посмотри! Они не только взаимно уничтожаются, но и поедает друг друга.

— Да, это ужасно, — согласился карлик. Он осторожно приподнялся, пригляделся и потом, улыбнувшись, заметил: — Никогда не видел у охотников рогов.

— Рогов?

Удалов присмотрелся и понял, что ошибся. На вертеле жарился самый обыкновенный олень.

— Но как же так? Они же постановили? Они же должны только друг за другом... Ведь экологический баланс, животный мир, защита окружающей среды...

— Это все для общественности, — сказал цинично Острадам. — Если они и пристрелят кого-нибудь, то таких вот дураков, как мы с тобой. Чтобы их жены видели, что они зря патронов не тратят. Побежали!

И они побежали дальше.

Но не успели пробежать и ста шагов, как услышали сзади топот. Раздался выстрел.

— Охотники! — крикнул Удалов. — Скорее, мой друг!

Удалов оглянулся и понял, что их настигают не охотники, а палачи.

К счастью, могильщик и Тулия были никуда не годными стрелками.

Глава восемнадцатая,

в которой продолжается путешествие Удалова по другим планетам

Даже не успев отдышаться, беглецы снова нырнули в машину и перескочили на следующую планету, лишь на минуту опередив преследователей.

Планета сначала испугала.

Такого мрачного запустения, такой экологической безнадежности путешественникам встречать не приходилось, несмотря на то что оба побывали в различных космических местах.

Черные озера источали отвратительные промышленные запахи, бывшие леса поднимались скелетами бывших стволов, горы давно уже превратились в карьеры и холмы отработанного шлака, воздух был приспособлен для чего угодно, только не для человеческого дыхания.

Зажимая нос рукой, Удалов произнес:

— Давай дальше полетим. Пока живы.

— Погоди, — хладнокровно ответил Острадам. — То, что мы видим, — следы деятельности развитой, хотя и не очень разумной цивилизации. Настолько развитой, что они использовали на планете все, что можно использовать. Допускаю, что они строили космические корабли.

— Если и строили, — разумно возразил Удалов, — то их корабли так воняли, что далеко не улетишь.

— Ах, Удалов, — сказал Острадам, — ты не представляешь, до чего изобретательны разумные существа. Пока окончательно не вымрут, они продолжают жить, размножаться и даже смотреть кино.

Удалов тем временем огляделся и обратил внимание на то, что леса заводских труб не выделяют никакого дыма, развалины бетонных сооружений лишены признаков жизни, а по дорогам, заваленным бумагой и консервными банками, никто не ездит.

— У меня подозрение, что они уже вымерли, — сказал Удалов. — Так что на кино рассчитывать не приходится.

— Или возьмем оптимистический вариант, — поправил его Острадам. — Оптимистический для них и грустный для нас.

— Какой?

— Улетели они отсюда. Эвакуировались. Нашли другую планету и улетели. Из чувства самосохранения. Но все-таки надо пройти немного вперед, проверить.

Удалов покорно поплелся за предсказателем, стараясь не дышать. Но дышать приходилось, и от этого кружилась голова.

Они прошли шагов сто, чуть не провалились в заброшенную канализационную систему, как вдруг в огрызке бетонной стены распахнулась дверь и оттуда вышел прилично одетый человек, по внешнему виду инопланетянин. Он был сравнительно чист, сравнительно умыт и производил благоприятное впечатление, если не считать волнения, отражавшегося на его лице.

— Простите! — закричал он. — Извините. Я запоздал. Установка сломалась! Какое счастье, что вы меня дождались.

— Здравствуйте, — произнес Острадам осторожно.

— Добрый день, — сказал Удалов, который заподозрил, что их с кем-то спутали. — Вы кого ждете?

— Вас, — откликнулся абориген. — Но нашу планету так трудно отыскать, что мы почти отчаялись.

— Зачем же вы нас ждете? — спросил Острадам.

— Для консультации. Вы разве нашего письма не получили?

— Нет. Мы вообще попали к вам случайно.

— Так вы не специалист по первобытным водорослям?

— Ни в коем случае!

— Значит, вы специалист по первобытным водорослям? — обратился абориген к Удалову.

— Нет, я по жилищному строительству, — признался Удалов.

— Но может быть, вы что-нибудь понимаете в водорослях?

— Понимаю, — вдруг сказал Острадам. — Мне пришлось как-то полгода прожить на планете Оксан и питаться только морской капустой. Очень укрепляет здоровье, но портит настроение.

— Все! — обрадовался абориген. — Поехали!

— Нам некогда.

— Клянусь, мы задержим вас на полчаса, зато наградим за консультацию лучшими жемчужинами Вселенной.

Неужели у вас нет родственников или любимых, кому вы хотели бы привезти по жемчужине?

Этот аргумент сразил Удалова. Ему очень захотелось привезти по жемчужине жене Ксении и... нет, о другой женщине он заставил себя не вспоминать.

— Прошу за мной, — сказал абориген, открывая дверь в бетонной стене.

Эта дверь не вела никуда. За ней в кривом проеме были видны те же черные трубы мертвых заводов и испарения, поднимавшиеся над отравленными ручьями.

Абориген смело шагнул в ложную дверь и исчез.

— Подземные жители, — сказал Удалов, который уже все понял. — Там у них лифт. — И ступил вслед за аборигеном.

Неведомая сила подхватила его и понесла по бесконечному неосвещенному туннелю, среди разноцветных разводов и искр. Это путешествие продолжалось неопределенное время, потому что время перестало существовать. Потом в глазах Удалова что-то сверкнуло, и раздался приятный голос аборигена:

— Промежуточная станция.

Удалов открыл глаза и обнаружил, что стоит в дверном проеме, в окружении пейзажа, очень напоминающего тот, что он только что покинул. Труб, правда, меньше и расположены они иначе, испарения несколько иного цвета, воздух пахнет гадко, но по-другому, чем минуту назад.

— Что случилось? — спросил Корнелий у аборигена. — Куда мы переехали?

— Простите, — сказал абориген. — Это еще не конец пути. Надо спешить. Следуйте за мной.

Он снова шагнул в пустой проем двери и исчез.

Не останавливаться же на полпути. Удалов последовал его примеру. И все повторилось вновь — ощущение пустого туннеля, мелькание цветов и искр...

Они стояли у проема двери в окружении опустошенного пейзажа. Воздух здесь был куда более сырым, хоть и не менее вонючим, желтый туман скрывал окрестности, а из него торчали заводские трубы, развалины домов были крупнее, но тем не менее оставались развалинами...

— Ну все? — спросил Острадам. — Приехали?

— Простите, — сказал абориген. — Попрошу следовать за мной.

И снова шагнул в дверь.

Острадам поглядел на Удалова, Удалов на предсказателя, они согласно пожали плечами — что остается делать в таких случаях? — и шагнули в дверь.

На этот раз опустошение казалось не таким полным. Может, потому, что неподалеку шумело море, горы на горизонте были не настолько разрушены, как в предыдущих пейзажах, однако полное безлюдье и господство пыльных запахов приводило к мысли, что и в этом мире жить человеку противопоказано.

— Все? — спросил Удалов. — Надоело по вашим туннелям летать.

— Почти все, — заверил абориген. — Последний виток.

И он юркнул в дверь, опасаясь, что гости будут возмущаться.

На этот раз абориген не обманул.

Мир, в котором они оказались, был кое-как пригоден для дыхания. Свидетельством тому были люди, встречавшие их у двери. Они собрались там небольшой толпой, кое-кто в противогазах, кое-кто в скафандрах... На склоне горы виднелась зелень, в воздухе пролетела странная птица, похожая на летучую мышь...

Удалов, пожимая руки хозяевам, сделал несколько шагов вперед и тогда только понял, что находится на небольшом острове. Зеленое море, усеянное нефтяными вышками и отдельными платформами искусственного происхождения, тянулось к горизонту.

— Специалист приехал... специалист приехал... — прокатывался по толпе встречавших шепот.

Грустные лица несколько оживились.

— Так что же вы хотели нам показать? — нетерпеливо спросил Острадам. — Где ваши водоросли?

— Сначала пообедаем, — сказал их проводник. — Потом вы выберете себе по жемчужине...

За обедом, скромным, без спиртных напитков, состоящим в основном из даров моря и синтетической картошки, хозяева планеты поделились с гостями своими проблемами и тревогами.

— Вы видели, в каком состоянии находится наш мир? — спросил сидевший во главе стола президент планеты.

— Видели, — вздохнул Удалов. — Безобразие.

— А что можно поделаться? Мы же цивилизация. А цивилизация — это уничтожение природы.

— Не совсем так, — поправил Удалов. — Это зависит от нас.

— Правильно, — согласился президент. — Но если вы далеко зашли по порочному пути, остановиться трудно, а порой уже невозможно. Мы не смогли.

— Жаль, — сказал Острадам. — Значит, все погубили, а потом эмигрировали?

— Да. Иначе нечем было дышать, нечего было копать, нечем было питаться.

— И вы стали осваивать другие континенты, — сообщил Удалов.

— Все не так просто, — вздохнул президент. — Континенты к тому времени, когда мы спохватились, были уже опустошены.

— Так это мы путешествовали по другим планетам! — догадался Острадам.

— Нет, мы на своей планете. Куда перевезешь пять миллиардов жителей?

— Сейчас нас уже меньше, — вмешался проводник. — Сейчас нас и миллиона не наберется.

— Все равно... Все в природе взаимосвязано.

Наступила грустная пауза, и Удалов не посмел ее прервать. Наконец, президент смахнул набежавшую слезу и продолжал:

— Нас спасло путешествие во времени. Временные туннели, которые мы открыли в самый критический момент. Мы научились перемещаться в прошлое и догадались, что можно эвакуироваться в те времена, когда людей на планете еще не было. И вот мы взяли личные вещи, детей и ценности и перевезли нашу цивилизацию на миллион лет назад. Это было великолепно. Первые годы мы не жили на лужайках и купались в море... А потом...

Тяжелый вздох пронесся над обеденным столом.

— И вы погубили собственную планету за миллион лет до вашей эры? — спросил Острадам.

— Разумеется. Мы оказались верны своим привычкам.

— И двинулись дальше в прошлое?

— И двинулись дальше. И с каждым разом мы губили природу быстрее, чем прежде. В конце концов мы попали

в такое отдаленное прошлое, что суши стало недостаточно, чтобы прокормить население. И вот мы стоим на пороге отступления в первобытный океан. В океан, в котором лишь зарождается жизнь, в котором господствуют водоросли и мелкие амебы. Обратного пути для нас нет — все будущее уже безнадежно загажено...

— Вы умудрились погубить собственную планету пять раз! — в ужасе воскликнул Удалов.

— Если бы пять... — сказал президент. — Мы ее загубили восемнадцать раз!

— Но вы же загубите и океан!

— Весьма возможно. Тогда нам придется отступить в момент возникновения планеты...

— И пожить в вулканах? — В голосе Острадама прозвучал сарказм.

— Боюсь, что так. — Президент был серьезен.

— А пока этого не случилось, — натянуто улыбнулся проводник, изображая исторический оптимизм, — мы просим вас слетать с нами на разведку в первобытный океан, куда мы переселяемся в будущем году, и помочь нам наладить производство продуктов питания из водорослей и амеб...

Острадам, сжавшись над обреченной цивилизацией, натянул водолазный костюм и отправился в океан. Но Удалов так и не узнал, были ли советы предсказателя полезны. Настроение у него испортилось, и даже тот факт, что ему позволили покопаться в коробке с жемчугом, чтобы выбрать самую красивую жемчужину для жены, его не утешил. Конечно, ему хотелось дать хорошие советы аборигенам, поделиться с ними положительным опытом, накопленным на Земле, но иногда хорошие советы только раздражают.

И когда через несколько часов, миновав в обратном порядке все временные двери и вернувшись в современность, они попрощались с аборигеном, Острадам сказал:

— Чует мое сердце, докатятся они до вулканов.

— Сюда экскурсии возить надо, — ответил Удалов. — Ну ладно, погубить свою планету раз, это каждый может, но восемнадцать раз...

Глава девятнадцатая, *в которой уменьшаются тираны*

Попав вновь в машину мгновенного перемещения, Удалов опять провалился в темный бесконечный туннель, опять закружилась голова и сперло дыхание. Привыкнуть к таким ощущениям было трудно, и Удалов утешал себя некогда прочитанными словами полярного путешественника Амундсена: «К холоду привыкнуть нельзя, но можно научиться терпеть его».

Путешествие закончилось благополучно. Удалов вышел из кабины неподалеку от величавого, застроенного помпезными зданиями, инопланетного города. Было тихо, над головой парили птицы и курчавились розовые облака.

— Знаешь, что мы сейчас сделаем? — спросил карлик.

— Пойдем в город, — ответил Удалов. — Искать космодром.

— Сначала мы отыщем какое-нибудь скромное кафе и пообедаем. И только потом купим билеты на межпланетный корабль.

Удалов не возражал, и они направились по лугам к городу.

Уже на подходе к нему путникам стало очевидно, что и на этой планете не все ладно. Уж очень она была пустынна.

Улица, по которой они вошли в город, была покрыта толстым слоем пыли, штукатурка с домов кое-где обвалилась, кусты и деревья разрослись, взломав асфальт. И ни одной живой души...

Таинственная, зловещая тишина подавляла и уговаривала бежать отсюда, пока жив.

— Здесь никого нет, — прошептал Удалов.

— И давно никого не было, — откликнулся шепотом Острадам.

— И они ушли в прошлое, — предположил Корнелий.

— Или умерли от эпидемии.

— Или перебили друг друга в атомной войне.

— Или улетели на другую планету.

— И много лет назад...

Силы сразу покинули утомленных путешественников.

Одно дело — оказаться у цели и предвкушать скромный обед и мирный полет на космическом корабле, совсем иное — осознать, что и здесь нельзя надеяться на спасение.

После короткого приглушенного совещания путники решили поискать космопорт, не осталось ли там случайного корабля.

Через несколько минут они вышли на большую площадь, и их взорам предстало удивительное зрелище.

Центр площади был застроен множеством игрушечных домиков, словно здесь когда-то резвился детский сад, сооружая жилища для кукол. Домики во всем были схожи с настоящими: у них были стекла, вывески, печные трубы, возле одного даже стояла игрушечная автомашина.

Удалов заглянул в окошко четвертого этажа, которое располагалось как раз на уровне его глаз, и внутри разглядел комнатку с диваном, столом, миниатюрными тарелочками и чашечками на нем и даже недопитой бутылкой вина. Но никаких следов пребывания живых существ ни в комнатке, ни в домике, ни на всей площади не обнаружилось.

— Они любили детишек и устраивали им игры на площадях, — неубедительно предположил Острадам.

Удалов покачал головой.

— Нет, — сказал он, — этот игрушечный город был бы слишком большой помехой для городского транспорта.

От площади они взяли курс по той улице, что вела вверх, к холму, увенчанному дворцом с множеством башен и башенок.

Оттуда они намеревались обозреть весь город.

Путь вверх занял около получаса. За это время Удалов убедился в том, что некогда этот город процветал и мог похвастаться культурой и искусствами. Но к разгадке он так и не приблизился.

Войдя в покинутый, запущенный, пыльный дворец, путешественники некоторое время бродили по его залам и комнатам, и никто их не окликнул, никто не встретился. Они поднялись наверх, на галерею, что окружала одну из дворцовых башен, и принялись глядеть на город с высоты.

— Удалов! — воскликнул Острадам. — Там стоят корабли!

Корнелий обратил взор в том направлении. Не надо

было обладать особо острым зрением, чтобы понять: космодром давно мертв и заброшен. Большой лайнер, стоявший посреди поля, был покрыт ржавчиной, люки его раскрыты...

— Может, это не космодром, — предположил Удалов, — а музей?

Все же они решили дойти до космодрома и поглядеть на запустение вблизи.

На этот раз улица вела вниз, к широкой реке, разделившей город надвое. На набережной возле каменного моста они увидели еще один игрушечный городок.

По масштабу он был меньше прежнего раза в два. В таком могли жить только оловянные солдатики — куклы бы не уместились в домиках. Этот городок также был покинут и покрыт пылью.

Там путешественники задержались ненадолго. Тайну этой планеты разгадать они не в силах, пока не встретят кого-нибудь, кто согласится их просветить. Минут через двадцать утомленные до предела путники вышли к окраине города. Дома здесь были одноэтажными, не столь долговечными, как в центре, многие покосились, а то и вовсе рассыпались. Улица была завалена гнилыми досками, штукатуркой и обломками мебели. Так что продвижение к космодрому сильно замедлилось.

Внимание Удалова привлек воробей или схожая с ним мелкая птичка. Воробей летел над самой мостовой, словно искал насекомых. Неподалеку от Удалова птичка ринулась вниз, и взгляд Корнелия непроизвольно проследовал за ней.

К удивлению Удалова обнаружилось, что птичка пытается схватить не паучка или жучка, а махонького человечка, который метался по выщербленной мостовой.

— Кыш, людоед! — гневно крикнул Удалов воробью. — Разве тебе неизвестно, что даже самый мелкий человек — все равно царь природы?

То ли испугавшись, то ли усовестившись, воробей сиганул к облакам.

Острадам не понял, в чем дело, и спросил:

— Ты чего на птиц кричишь?

— Отыскал человечество, — ответил Корнелий, опускаясь на колени. Тихонько, чтобы не оглушить брата по

разуму, он сказал дрожащему человеку ростом в два сантиметра: — Не беспокойся, ты среди своих.

Человечек заткнул уши, а Удалов взял его двумя пальцами и поставил себе на ладонь, как это проделывают с лилипутами литературный герой Гулливер.

Сообразив, что опасность ему более не угрожает, человечек оправил свою одежду, приосанился и тонким голоском произнес:

— Человек, которому я несказанно благодарен за спасение моей недостойной жизни, откуда ты прибыл? Ведь космические путешествия у нас давно отменены.

Удалов вкратце поведал лилипуту о своих приключениях, а затем не удержался от прямого вопроса: что же случилось со старинным городом?

Лилипут в ответ на это попросил донести его до соседнего квартала. И пока это недолгое путешествие продолжалось, человечек поведал Удалову и Острадаму о трагической истории планеты.

Оказывается, планета жила, как и положено цивилизованным мирам, развивалась, шагала по пути прогресса и имела контакты с другими планетами. И так продолжалось до несчастного дня, когда власть захватил человек, которого в народе прозвали Тираном. Этот Тиран некоторое время подавлял свободу, искусства и науки, но затем мания величия толкнула его на радикальные действия.

Сам Тиран был невелик ростом, что с тиранами случается нередко. Из-за этого он смотрел на своих подданных снизу вверх и удручался.

— Мне прискорбно сознавать, — признавался он в узком кругу приближенных, — что я превзошел остальных в свирепости, интригах, злодействе и понимании искусства, но уступаю ростом даже среднему подданному. Это несправедливо и должно быть исправлено.

Самый простой путь к исправлению несправедливости был подсказан министром безопасности: отрубить головы всем жителям планеты и этим превратить Тирана в самого высокого человека. Но гуманизм Тирана не позволил ему воспользоваться таким простым ходом. Тем более что население планеты было значительно прорежено репрессиями, отчего происходили сбои в экономике.

Тиран созвал ученых и приказал решить проблему без излишнего пролития крови. И намекнул при этом, что

если проблема не будет решена к Новому году, придется всех ученых казнить.

Перед лицом такой опасности ученые трудились день и ночь, пока не изобрели способ уменьшать вдвое рост человека уже в утробе матери.

Тиран все-таки казнил ученых и стал дожидаться, пока на планете народится достаточно младенцев нового типа. Затем он перебил их родителей и родственников, а также всех нормальных людей и стал самым высоким человеком в своей державе. С тех пор придворные живописцы могли, не кривя душой, писать групповые портреты, на которых окруженный народом или соратниками стоял Тиран, возвышаясь над прочими на три головы.

В те годы пришлось пустить на слом старые машины, трамваи, мебель и даже зубные щетки, так как они стали велики новому населению планеты. От этого происходили большая экономия и прогресс, который, правда, затормозился через несколько лет, потому что малочисленное уменьшенное население не могло справиться с работой, что была по плечу его предкам.

Миновали еще годы, Тиран скончался, и жители планеты вздохнули свободно. Но, к сожалению, ненадолго. Тирания заразительна, а на планете уже стала складываться тираническая традиция.

Так что власть там захватил некий мерзавец, которого именовали Диктатором. Этот Диктатор из нового плюгавого племени был страшен, злобен и решителен. Одно его беспокоило — почему это опять все жители планеты выше его ростом? И он вызвал к себе новое поколение ученых и приказал им сделать так, чтобы младенцы в утробах матерей стали вдвое меньше, чем было принято...

На этом месте рассказа наши путешественники достигли малюсенького городка, обосновавшегося на бывшей волейбольной площадке. Этот город вдвое уступал размерами тому, покинутому, что Удалов видел у моста, зато был оживлен. По улицам, поглядывая на небо и страшась птичек и стрекоз, пробегали лилипутики, а на центральной площадке маршировала рота солдат.

Опуская спасенного человечка на землю, Удалов спросил шепотом:

— И это все, что от вас осталось?

— Да, — ответил человечек. — Ведь за Диктатором,

который повторил опыт Тирана, последовал Деспот, затем Деспот Второй, затем три Угнетателя и один Узурпатор, а сейчас нами правит Душегуб, которого вы имеете счастье видеть...

Человечек указал на правителя городка, который как раз вышел из своего игрушечного дворца. Ростом Душегуб достигал трех с половиной сантиметров и грозно возвышался над своим народом. Увидев на окраине столицы двух неизвестных гигантов, Душегуб ничуть не оробел, а приказал палить из пушек. Пушечки развернулись против путешественников и начали кидать в них ядра размером с перочное зерно. Ядра небожно ударялись в щиколотки Удалова.

— Это ужасно! — воскликнул Острадам, имея в виду не артиллерийскую канонаду, а судьбу города и его обитателей.

— И с каждым разом нас все меньше! — откликнулся спасенный человечек, который уже нырнул в траншею, прокопанную через площадь. — С каждым новым тираном у нас все больше врагов! Любой воробей нам смертельно опасен! Любой жук — враг! Моего брата до смерти высосал комар!

Лилипутик умирился, лег на дно траншеи и замер.

— Ну прямо бы раздавил этого Душегуба! — в сердцах вскричал Острадам.

— Могут пострадать невинные, — возразил Удалов. — К тому же индивидуальный террор мы отвергаем.

— Это не индивидуальность, а плод генетического безумия! — сказал Острадам.

— Не упрощай, — вздохнул Удалов. — Ты плохо знаешь историю. Если существуют условия для процветания тирана, если продажная бюрократия и жестокая полиция держат в узде общественное мнение, если задавлена демократия, то тираны будут вырастать здесь, как грибы после дождя. Но они не могут затормозить исторического развития. Со временем народ опомнится и начнет новую жизнь.

— А за это время люди превратятся в микробов и их сожрут амебы, — усмехнулся Острадам.

— Нет, — сказал Удалов. — Людей мы вернем в исходное состояние. И я знаю, как это сделать.

Он осторожно вошел в город, остановился на площади

прямо перед палящими пушками, наклонился и схватил бросившегося было в укрытие Душегуба.

— Спокойно, — приказал Корнелий, поднимая Душегуба к своему лицу. — Ничего тебе не грозит. Но выслушай мое конструктивное предложение.

Душегуб был мелким лилипутом, но ему нельзя было отказать в храбрости и хладнокровии, что помогло ему пережить шесть заговоров и три восстания.

— Я вас слушаю, — сказал он Удалову, становясь в позу на его ладони.

— Интересно ли вам, — прошептал Удалов, — править муравьишками, когда вокруг возвышаются громадные каменные здания?

— Это нам не по зубам, — с тоской произнес Душегуб.

— Сегодня не по зубам. А завтра?

— А что изменится завтра?

— Вы и ваши предшественники-тираны, — сказал Удалов, — думали только о том, как сделать прочих ниже себя. Занятие достойное тиранов, но ведущее к стагнации.

— Не выношу, когда кто-то выше меня, — признался Душегуб.

— Молодец, — проговорил Удалов. — Так будь выше всех!

— И выше тебя?

— Значительно выше!

— Но как?

— Прикажи увеличить все население страны в десять раз! В сто раз!

— А я?

— А себя увеличь в сто пятьдесят раз!

— Опусть меня вниз! — приказал Душегуб.

Удалов подчинился.

— Ученых ко мне! — громко пискнул тиран.

В мгновение ока сбежались ученые.

Удалов слушал, как тиран дает им рабочес задание, смотрел, как разбегаются по своим лабораториям обрадованные ученые, а сам в это время отгонял от возбужденного города мух и стрекоз.

Острадаму надоело ждать, и он пошел обратно к машине мгновенного перемещения. От угла он обернулся и крикнул:

— Корнелий, идем, они сами разберутся.

Корнелий кивнул и вскоре догнал товарища.

Дальше они шли молча, занятые своими мыслями. Через три часа город остался позади. У машины Удалов вынул из кармана Душегуба и поставил его на землю.

— Что ты наделал! — охнул Острадам. — Ему же до города три месяца идти. Да и дорога опасная...

— Дай ученым потрудиться в свое удовольствие, — сказал Удалов. — Дай отдохнуть населению. Глядь, и перерастут тирана...

Глава двадцатая,

в которой бушует гражданская война

Следующая планета встретила путешественников утробным гулом и раскатами жестяного грохота. Шум настолько въелся в ее атмосферу, что воздух, насыщенный пылью, сажей и газами, постоянно колебался, дрожал, отчего очертания предметов были неясными и обманчивыми.

— Опять экологические беды? — закричал Удалов, стараясь перекрыть гул.

Острадам кивнул. Хотя вскоре обнаружилось, что он ошибся.

По низине, затянутой туманом, где среди редких гнилых пней валялись ржавые станки, рваные шины, сплюснутые консервные банки и прочие ненужные вещи, путешественники добрались до широкого разбитого шоссе. Они вскарабкались на выступавшую из тумана насыпь и оттуда смогли обозреть окрестности.

В пределах видимости обнаружилось несколько строений. Насколько можно было разобрать сквозь пелену дрожащего воздуха, это были странные гибриды между феодальными замками и промышленными предприятиями. Из-за высоких стен над вершинами зубчатых башен поднимались фабричные трубы, выплескивая в серое небо разноцветные струи дыма.

Пока Удалов с Острадамом рассуждали, к какому из замков им направиться, грохот усилился. По шоссе надвигалась колонна машин.

Отступив на обочину, путешественники ждали приближения колонны.

Шествие открывало сооружение, схожее с бронепоездом. Оно состояло из нескольких бронированных вагонов и платформ. Из вагонов торчали дула пулеметов, на платформах стояли длинноствольные орудия.

Одно из орудий развернулось, показав Удалову черную внутренность ствола, но тот стоял неподвижно, памятуя из книжек, что хуже нет, чем убегать от крупного хищника. На неподвижных хребцах тигры и медведи обычно не нападают.

Бронепоезд миновал Удалова. Сквозь грохот до Корнелия донесся дробный мелкий стук — это колотились зубы Острадама, которого пришлось крепко схватить за руку, чтобы он не кинулся бежать и не погубил этим себя и своего товарища.

За бронепоездом ехали самоходные орудия грозного, но примитивного облика, затем десятка два тяжелых грузовиков. Кузова их были пустыми, а в кабинах находились строгие автоматчики в надвинутых на глаза серых касках.

За грузовиками следовал штабной броневедомоцикл.

И надо же было так случиться, что именно в тот момент, когда он поравнялся с путешественниками и Удалов решил, что встреча с боевой колонной закончилась благополучно, у броневику лопнула шина. Накренившись, он скатился к обочине и замер.

В узкой щели над дверью показались глаза.

Глаза строго смотрели на Удалова. Удалов несмело улыбнулся и кивнул — ему не хотелось портить отношения с владельцем глаз, у которого под рукой был спаренный пулемет.

Броневику тревожно загудел, и по колонне прокатились ответные гудки. Грузовики и самоходки тормозили, поднимая густую пыль.

Дверца броневику распахнулась, оттуда выскочили два автоматчика в серых касках и взяли путешественников на прицел. Острадам снова было рвануло в бега, но Удалов ухитрился в последний момент удержать его.

Вслед за автоматчиками из броневику тяжело выбрался толстый, ответственного вида мужчина в полувоенной одежде и начищенных сапогах.

За мужчиной следовал бравый адъютант с аксельбан-

том, при эполетах, в фуражке с пышным гербом. Под мышкой он держал папку для бумаг.

По знаку адъютанта автоматчики шустро обыскали Удалова и Острадама, но ничего подозрительного не нашли, о чем и доложили начальнику.

— Шпионы? — произнесло начальство, пронзая Удалова взглядом.

Непроизвольно вытянувшись, Удалов ответил:

— Никак нет. Путешествуем.

— Общественность? — спросило начальство еще строже.

— Но не местная, — поспешил с ответом Острадам. — Пролетная.

Удалов протянул документы, и адъютант, изучив их, доложил начальству, что Удалов — существо с другой планеты.

У Острадама документов, конечно, не было, но Удалов за него поручился.

Тем временем водитель с помощью автоматчиков менял колесо, а прочие военнослужащие рассыпались по обочинам шоссе и отдыхали.

— Простите, — спросил Удалов, воспользовавшись паузой. — А что у вас происходит? Война?

Этот вопрос вызвал в начальстве вспышку подозрительности.

— Может, они из газеты? — предположило оно, обращаясь к адъютанту.

Слово «газета» вызвало неожиданную и довольно резкую реакцию со стороны автоматчиков и даже экипажей соседних машин. Все схватились за автоматы и пистолеты.

— Нет, — заверил Удалов. — Мы проездом. Сейчас осмотримся и дальше. Нам тут нечего делать и, честно говоря, не нравится.

— Не нравится, — задумчиво произнесло начальство. Оно сняло шляпу, вытерло ею лицо и село на складной стул, который адъютант вынес из броневика. — Мне тут тоже не нравится. Вы у себя там какую должность занимаете?

На Острадама оно не глядело. Может, по причине малого роста, а скорее, как догадался Удалов, оттого, что у Острадама были длинные волосы, чего начальство на дальних планетах не выносит.

— Руковожу стройконторой, — честно ответил Удалов.

— И трудно? — спросило начальство. Оно говорило усталым голосом немолодого человека, обремененного обязанностями.

— Когда как. Сейчас я в отпуске.

— А я вот четвертый год без отпуска, — сообщило начальство.

— Дела? — догадался Удалов.

— Дела.

Помолчали.

Адъютант принес начальству стакан воды. Удалову и Острадаму не предлагали. Они и не обижались. В Удалове боролись два чувства: любопытство и опасение. Любопытно было узнать, что творится на этой незнакомой планете. Опасно было оставаться долго в обществе начальства, которое направляется в военный поход.

— Я бы не назвал ситуацию критической, — сказала начальство, допивая и возвращая стакан адъютанту. — Войны у нас нет. Но работаем в трудных условиях.

— Простите, но нам, пришельцам, это непонятно. Что за работа?

— Вот там, видишь? — перейдя незаметно на «ты», начальство показало рукой на отдельный замок, увенчанный заводскими трубами. — Там мое графство.

— Какое графство?

— В переводе на ваш земной язык оно именуется Главтяжпрокатконструкцией.

— А зачем такие стены?

— А как же без стен?

Удалов кивнул, будто согласился, что без стен графству нельзя.

— Значит, делаете конструкции, — продолжал он. — А сейчас куда собрались?

— В поход, — ответил граф. — Вон против них.

Он показал вперед, где несколько в стороне от шоссе возвышались стены другого замка и дымили другие трубы.

— А кто они? — спросил Удалов.

— Наши заклятые поставщики, — ответил граф. — Княжество Главтяжлитейпрокатлист.

— А зачем в поход?

— А как иначе нам добиться поставки листового про-

ката? Уже второй квартал мы задыхаемся, а они игнорируют все наши требования. После прошлой трехмесячной войны, в которой с нашей стороны выступали герцог Главстанкострой и боевые дружины Главсельхозмашины, они обязаны выдать нам контрибуцию в объеме...

— Триста тонн листа ежемесячно, — подсказал адъютант.

— Но эти мерзавцы втянули в свою коалицию три баронства и одно герцогство, переманили посулами и жалкими подачками Главхолодильмонтажбыт и дезавуировали мирный договор. И теперь мы идем жестоко мстить этим лицемерам и обманщикам. Неужели мы не правы?

— Конечно, правы! — искренне согласился Удалов. — Они же вас лишили сырья. У вас стоят станки. Народ ждет от вас продукции... Я разделяю ваше возмущение.

— Вот насчет народа, ты эту демагогию брось, — поморщился граф. — Народ это мы. Наш славный народ Главтяжпрокатконструкции в едином порыве сплоченно идет за мной.

— Но ведь вы же выпускаете продукцию.

— Разумеется. В этом смысл существования нашего замка.

— А какие это конструкции?

— Да вот они — на шоссе стоят. — И начальство показало обескураженному Удалову на вереницу самоходок, бронегрузовиков и другой военной техники.

— И когда вы отвоюете этот прокат...

— Тогда мы устроим наши силы и пойдем в бой на остальных поставщиков!

Удалов растерянно кивнул. Он еще не до конца осознал особенности экономической структуры этой планеты.

— А впрочем, Удалов, — произнес граф, изобразив на лице отеческую улыбку, — я вижу, что ты прилетел с очень отсталой планеты. Тебе еще учиться и учиться. Так что предлагаю — присоединяйся к нам, поглядишь в деле молодцов из Главтяжпрокатконструкции. Все готово? По машинам!

— Я бы с удовольствием, — ответил Удалов. — Но, к сожалению, дела требуют присутствия...

Он не успел договорить, потому что Острадам внезапно дернул его за рукав.

— Смотри.

Удалов оглянулся.

По низине, скрываясь по пояс в пыли и тумане, к ним спешила Тулия с могильщиком.

Удалов сразу принял решение.

— Спасибо, — сказал он графу. — Мы согласны. Куда садиться?

— Давай ко мне в броневик, — пригласил граф.

Они мгновенно нырнули в открытую дверцу боевой машины, надеясь, что преследователи не успели их разглядеть среди сотен сотрудников и бойцов Главтяжпрокат-конструкции.

В броневике было душновато и тесно. Граф уселся в обитое бархатом кресло, остальные устроились на ящиках с боеприпасами. Колонна медленно двинулась вперед.

Глянув в узкую смотровую щель, Удалов увидел, что могильщик и Тулия семят вдоль шоссе, заглядывая в боевые машины. Удалов облегченно вздохнул. Теперь оставался пустяк — избежать прямого участия в конфликте с поставщиками.

— Значит, — Удалов обратился к графу, — все предприятия на вашей планете такие... автономные.

— Каждое блюдет свои интересы, — согласился собеседник. — Интересы расширенного воспроизводства. Иначе наступит анархия.

— А за пределами ваших замков...

— За пределами — моральная пустота, — резко ответил граф.

— Общественность! — воскликнул, поморщившись, адъютант.

— Пресловутая якобы общественность, — уточнил граф.

Броневик подпрыгивал в рытвинах, пыль пробивалась в щели.

— А впрочем, — граф лукаво улыбнулся, — нет худа без добра.

Они с адъютантом засмеялись, и тут же граф пояснил:

— Почему мы едем за поставками именно сегодня? Потому что гарнизон противника сильно ослаблен. Разведка донесла, что вчера при попытке отравить для заводских нужд последнее в этих краях озеро мелиоративный батальон Главтяжлитейпрокатлиста попал в засаду, уст-

роснную так называемой общественностью соседнего города.

— Исторически объяснимо, — вмешался адъютант. — Может, в учебнике читали: конфликт между городами и баронами?

— Это было при феодализме! — резко оборвал его граф. — Мы же вырвались далеко вперед.

И он похлопал пухлой ладонью по рукояти пистолета.

— И что же было дальше?

— Прокатлист подтянул основные силы. С ночи идут упорные бои на берегах озера. И пока они конфликтуют с общественностью, мы ударим в тыл! — торжествующе воскликнул граф. — В этом наша стратегия!

— Вы добудете прокат и будете из него делать броневики, чтобы добывать прокат и делать броневики? — постарался осмыслить ситуацию Острадам.

Но граф игнорировал вопрос длинноволосого карлика. Он приподнялся и смотрел в щель — видно, цель похода была уже близка.

Вдруг впереди послышались грохот, выстрелы, лязг и визг тормозов. Адъютант начал задавать вопросы в рацию, но рация лишь трещала и ничего не выдавала в ответ.

— В разведку! — крикнул граф.

Адъютант шумно вздохнул. Автоматчик открыл дверцу броневика и первым выскочил на шоссе. Адъютант последовал за ним. И тут же в открытую дверь влетело несколько небольших белых снарядов.

«Все! — мелькнуло в голове Удалова. — Конец!»

Он бросился на пол. Сверху на него навалился визжащий граф. Но взрыва не последовало. Лишь легкий треск, заглушаемый криками... И страшная вонь...

Удалов попытался освободиться из-под графской туши. Прямо перед глазами было что-то знакомое... Конечно же! Разбитое тухлое яйцо.

Дышать было невозможно. Все новые тухлые яйца и иные некогда съедобные, а ныне разложившиеся предметы влетали в дверцу броневика. Граф сполз с Удалова и хрипя рванулся к двери. Его туша застряла в ней, и это оказалось роковым для экспедиции. Покрытая плесенью, невероятно вонючая и скользкая палка вареной колбасы, выпущенная, как потом понял Удалов, из катапульты,

установленной в засаде у дороги, поразила графа в переносицу, и он без чувств вывалился на шоссе.

Удалов с Острадамом, отделавшись малыми ранами, скатились в кювет.

Там скрывались остатки армии графства Главтяжпрокатконструкция. Рядом с ними, задыхаясь от миазмов, корчился адъютант.

— Кто это? — спросил у него любознательный Удалов. — Чья засада?

— Негодяи! — прохрипел адъютант. — Ничтожные выродки из Главмясяйцомолока!

— Сдавайтесь! — послышался голос, усиленный рупором. — Ваш граф в плену. Если не сдадитесь сейчас, задохнетесь!

— Пора сдаваться, — с горечью произнес адъютант.

— Но что им нужно? — настаивал Удалов.

— Наша боевая техника, — ответил адъютант, с поднятыми руками выползая из кювета. — У них ведь тоже есть поставщики и потребители...

— Бежим! — шепнул Удалов. — Пока они пленных считают...

И они с Острадамом быстро уползли в туман.

Через два часа, чуть не попав в центр боя между батальонами Главтяжлитейпрокатлиста и общественностью, чудом избежав трех засад и двух перестрелок, они вернулись к машине мгновенного перемещения.

Глава двадцать первая,

в которой путешественники попадают на планету, не достигшую цивилизации

Еще один мир удалось увидеть на бегу. Преследователи буквально наступали на пятки.

Он был населен существами, склонными заниматься не своим делом.

Как раз возле того места, где Удалов с Острадамом высадились на планете, располагалось поэтическое издательство, где редакторами служили свинарки, а авторами были ассенизаторы. Редакторы же выкармливали свино-

маток, а поэты чистили нужники. Но никого это не удивляло.

Чуть дальше путешественники увидели балетный театр, в котором танцевали бухгалтеры и дискоболы, потому что балерины были по горло заняты выведением слонов, в то время как погонщики слонов добивались успехов в теоретической алгебре. Все были при деле, все были страшно заняты, но все же Удалову посчастливилось: обнаружились люди, которые сооружали космический корабль. Со строителями удалось поговорить. Они даже показали тот корабль. Их детище оказалось пышным по форме и многоцветным. Строители клялись, что сооружение корабля будет завершено в ближайшие дни и звали гостей присоединиться к созидательному труду. Но путешественники от приглашения отказались: строители космического корабля оказались по специальности кулинерами.

Несмотря на очевидную ненормальность такого перераспределения труда, тамошняя пресса и телевидение не уставали воспевать живописцев, что высиживали за пингвинов яйца, и врачей, отдававших все силы выпиливанию по дереву. Впрочем, в газетах трудились большей частью умельцы по гибридизации ананасов.

— Как же вы? — спрашивал Удалов у аборигенов.

— А то как же? — говорили некоторые.

Другие говорили:

— Еще как!

Но глаза Удалова открылись только после случайной встречи с бабусей, на которую он натолкнулся в густом кустарнике, когда пробирался обратно к машине мгновенного перемещения, таясь от преследователей.

Бабуся, по ее признанию, собирала лечебные травы для аптеки.

— И попадают? — спросил Удалов.

— Откуда мне знать, — ответила бабуся. — Я председатель местного общества слепых.

— Разве вы не зрячая?

— А у нас в обществе все зрячие. Настоящие слепцы из луков стреляют. Но траву эту я не выношу, и по мне эти травинки все на одно лицо.

— Так и отравить кого-нибудь можно, — сказал Острадам.

— Не без этого, — призналась бабуся.
— Но кто же это позволяет?
— Король наш. По специальности он спелеолог и третий год живет в пещере без связи с внешним миром.

— Как же ваше государство существует? — изумился Удалов.

— А нам все равно, — ответила бабуся.
— Всем все равно?
— Абсолютно всем.
— Ну если всем, — согласился мудрый карлик Острадам, — тогда без разницы.

Тут в кустах зашуршало. Похоже, приближалась неустоимая Тулия.

Удалов с Острадамом еле успели нырнуть в машину...

Через несколько мучительных минут перелета они вылезли на планете, которая вначале внушила им надежды.

В оранжевых закатных облаках, собравшихся над холмами у горизонта, пролетело космическое тело. За ним тянулся дымный след. Карлик, уже отчаявшийся выбраться из этого лабиринта чужих миров, схватил Удалова за рукав:

— Корнелий, мы спасены!

— Хорошо бы, — сказал Удалов. — Пора возвращаться. Опасаюсь, что слухи о моем исчезновении достигнут Ксении, а в стрессе она ужасна.

— Тогда поспешим, пока не выскочили эти дьяволы. Никак они след не потеряют.

— Что поделаешь, микробы, примитивные существа. Пока нас не прикончат, не успокоятся.

— С ними не договоришься, — согласился карлик. — Не найдешь разумного компромисса. Погляди, что там за рощей?

За рощей располагалось первобытное поселение, обнесенное высоким тыном. На углах ограды возвышались деревянные башни.

— Неужели и здесь графы и бароны промышленности ведут войну? — произнес Удалов. — Хотя надюсь, что нет здесь еще никакой промышленности. И воздух чистый. Но тогда и кораблю взяться неоткуда.

— Корнелий, перестань сомневаться! — осерчал Ост-

радам. — Разве ты собственными глазами не видел, как по небу пролетело что-то современное?

Они выбрались на пыльную проселочную дорогу с глубокими колеями, оставленными телегами или колесницами. Солнце припекало. Удалову докучали слепни и мухи, которые то и дело садились на его обнаженные плечи и безжалостно жалили его.

Корнелий отломил хворостину и принялся стегать себя по плечам и груди. От ударов оставались красные полосы. Конечно, было больно, но лучше, чем когда тебя жалят. Удалов стегал себя столь усердно, что местный поселянин, который увидел Удалова, воскликнул:

— Святой человек! Плоть истязает!

И с этой вестью, не замеченный усталыми беглецами, поселянин бросился короткой дорогой к замку, чтобы сообщить о достойном страннике.

А беглецы не дошли до замка. В километре от него карлик вдруг остановился и сказал:

— Кажется, это то, что мы ищем.

Удалов перестал себя стегать и осмотрелся. Никаких следов космического корабля или хотя бы космодрома.

— Ты что имеешь в виду? — спросил он.

Острадам, который сохранил куда больше сил, чем его спутник, резво сбежал с дороги и, пробравшись сквозь бурьян, выскочил на голое поле.

— Сюда, Удалов! — крикнул он. — Мы и вправду спасены!

Удалов с трудом перебрался через канаву, угодил в крапиву и, чуть не плача, подошел к карлику.

— Ты посмотри, где стоишь! — торжествовал Острадам. — Ты погляди под ноги.

Удалов посмотрел под ноги и ничего не увидел. Земля как земля, твердая, голая...

— Она же прокалена! — Карлик топнул ногой, и раздался гулкий звук, словно он стучал по обожженному горшку. — Сюда садятся космические корабли! Никакого другого объяснения я не нахожу и искать не намерен.

— Так где же корабли?

— Не понимаешь? Это отсталый мир, связь с которым поддерживают только экспедиции. Они прилетают обменивать промышленные товары на местное сырье. Обычная система в Галактике. Никакого вмешательства во внут-

рение дела развивающихся планет, но ограниченное экономическое сотрудничество.

Площадка была невелика, круг диаметром метров в сто. Значит, сюда прилетали не очень большие корабли. Ну что ж, у Острадама есть опыт космических путешествий. Ему лучше знать, куда садятся космические корабли.

— Я посижу, подожду, — сказал Удалов. — Устал очень.

— И не мечтай! — ответил предсказатель. — Ты что, забыл, что за нами гонятся микробы? Затаимся в кустах.

— Затаимся, — покорно согласился Удалов. — Хорошо бы корабль поскорее прилетел. А то ведь и от голода можно помереть.

Послышался стук копыт.

По дороге от замка к путникам неслась кавалькада. Деваться было некуда, прятаться поздно.

Всадники, одетые в плащи и куртки из звериных шкур, вооруженные короткими мечами и копьями с бронзовыми наконечниками, неслись на Удалова так стремительно и грозно, что Корнелий зажмурился, размышляя о том, как обидно погибнуть от руки дикаря после всех приключений и чудесных избавлений.

Но стук копыт прервался у края площадки, и послышался густой бас:

— Какой из них святой человек?

— Вот этот!

Удалов раскрыл глаза и увидел, что оборванный поселянин указывает на него солидному, облаченному в львиную шкуру мужчине с зеленой бритой головой и длинными, спадающими на грудь фиолетовыми усами. В руке у мужчины была тяжелая палица.

— Ты свою плоть изнурял? — спросил мужчина Удалова.

— Она у меня изнурена до крайности, — признался Удалов. — Скоро кончится.

Гигант с усами подъехал поближе и разглядел шрамы, царапины и крапивные ожоги на обнаженном теле Удалова.

— Смотри, как ты себя, — произнес он с уважением. — А чего пожаловали?

— Ищем спасения, — сказал Удалов.

— Правильно, — ответил усач. — Мы все на этой

земле гости. Мы все должны искать спасения. Мне наш жрец об этом говорил.

— Это очень разумно, — вежливо согласился Острадам.

— Слишком абстрактно, — возразил усач. — Лучше бы конкретными делами помогал своему племени. А то не мог хорошей погоды к страде обеспечить. Пришлось его убить.

— Но ведь это не в его силах, — сказал Удалов. — Даже на очень передовых планетах предсказания погоды еще недостаточно надежны.

— Мне плевать, что творится на так называемых передовых планетах. Но как вождь племени я несу ответственность за наше земледелие. И если я не найду виновного в плохом урожае, виноватым буду я. Что же, прикажете меня, что ли, убивать?

Возмущенные возгласы диких наездников, которые сопровождали вождя, были ответом на эти слова. Ясно было, что наездники не дадут вождя в обиду и не позволят его убивать.

— Так что я теперь без жреца, — сказал усач. — Вдруг мне сообщают: идет по дороге святой человек, стегает себя прутом. Ну, думаю, если он без зрителей это делает, значит, настоящий жрец. Придется тебе перейти ко мне на службу.

— Нет, спасибо, — ответил Удалов. — Я строитель, а не агроном. Вот, может, мой товарищ согласится? Только, говорят, ему завтра-послезавтра умирать. Сам себе предсказал.

— Это так, — поклонился вождю Острадам. — Я с удовольствием остался бы у вас и занялся предсказаниями на примитивном уровне. Но на что вам жрец, который так скоро помрет?

— Да, если бы сейчас у нас была жатва, тогда такой предсказатель в самый раз. Убили бы тебя за неурожай, и дело с концом. А у нас сейчас только-только сев закончили. Рано...

Усач задумался, потом предложил.

— Пошли, что ли, ко мне, святые люди?

— Нельзя, — ответил карлик. Он обвел рукой вокруг себя, показывая на обожженную землю. — Ждем.

— Кого?

— Корабль, — объяснил Удалов.
— Космический шлюп, — уточнил Острадам.
— Зачем его ждете? — спросил усач подозрительно.
— Нам улететь на нем надо.
— Так прямо на нем и летаете?
— Как же еще?
— О! — раздалась возгласы в толпе наездников. — Это великие чародси. Не отпускай их, вождь!

— И не страшно? — спросил вождь.
— Чего бояться? Мы привыкли.
— А я вот в моем должностном бесстрашии никогда бы не полетел, — сказал усач.

Все замолчали. Дикие воины почтительно ждали, к какому решению придут чародей. В отдалении послышались шум, выстрелы, затем звон оружия и крики.

— Что там еще? Кто нас отвлекает? — возмутился вождь. — Мы же беседуем. Выясни!

По приказу вождя один из наездников прищипорил коня и поскакал за холмы узнавать, в чем дело. Удалов с карликом переглянулись. Похоже было, что их палачи близко.

— Враги нас преследуют, — сказал карлик вождю. — Может, укроете нас, пока суд да дело?

— Не понимаю, — пробасил усач. — Как же так, такие чародей и кого-то боитесь?

— А у нас и враги соответствующие. По нашим масштабам подбираем, — сказал карлик. Говоря так, он выпятил покрытую черной шерстью грудь и засверкал глазками.

— Это правильно, — согласился вождь. — Врагов надо выбирать по уровню. Дрянной враг может подорвать престиж.

«Интересная личность, — подумал Удалов, глядя на зеленую голову и фиолетовые усы вождя — Как стремиться к цивилизации! По его речи и манере выражаться видно, что, прежде чем убить очередного колдуна, он с ним ведет поучительные беседы».

— Но даже от сильных врагов таиться стыдно, — произнес вождь.

— Мы безоружны, — ответил карлик. — Вооружимся, сами за ними начнем бегать.

— За оружием дело не станет, — заверил вождь. — Дать им коней и мечи!

Затем он обернулся к беглецам и добавил:

— Я с искренним интересом буду наблюдать за вашей битвой с врагами. Даже буду за вас переживать. А если вы погибнете, над вами будет насыпан почетный курган, а врагов ваших мы убьем и съедем. Так что сражайтесь спокойно.

— Нет, — возразил карлик, принимая копье из рук всадника. — Таким оружием с нашими врагами не справиться. У них оружие заколдованное, действует на расстоянии.

— Ну и что? — удивился усач. — Заколдуйте свое оружие, и оно тоже будет действовать на расстоянии. Да я и без колдовства могу.

С этими словами вождь метнул свое копье, оно пролетело метров пятьдесят и вонзилось в ствол большого дерева, расщепив его пополам.

— Славный бросок! — закричали наездники. — Слава вождю!

Из-за расщепленного дерева показалась небольшая процессия. Впереди плелись, понукаемые всадниками, избитые и несчастные девушка Тулия в измаранном землей серебристом купальном костюме и могильщик, длинный балахон которого порвался, сквозь прорехи виднелось костлявое тело, а поля мухоморовой шляпы опустились на уши, скрывая лицо. Прекрасная Тулия была не причесана, глаза были не подведены, а губы не накрашены.

Один из воинов подскочил к вождю, бросил перед ним на землю пистолеты пленников и сказал:

— Великий вождь, эти ничтожные возмутители тишины бегали по твоим владениям, искали какого-то Удалова, напали на вашего уважаемого дедушку и попытались заставить его признаться, где Удалов.

— Ай-ай-ай, — огорчился вождь. — Какая наглость! Мосму дедушке сто три года. Могли бы и пожалеть. И чем все это кончилось?

— Чем и должно было кончиться, — ответил древний старик, похожий на вождя, только усы у него были белыми и доставали до пояса. Старик крепко сидел на коне и держал в руке концы веревок, которыми были связаны руки пленников. — Очень я на них рассердился. Сiju,

размышляю о нетленном, вечном, о праве любой букашки на неприкосновенность, солнышко светит, орлы прилетели, из моих рук зерно клюют, вдруг эти мерзавцы подбегают и начинают шумно требовать, чтобы я им выдал Удалова. Машут перед моим носом этими палками, — старик показал на пистолеты, лежащие на земле. — Я им говорю: отойдите, я думаю. А они угрожают. Вот и пришлось их скрутить.

Старик легко прыгнул с коня и добавил:

— Их счастье, что я так стар и немощен. А то бы невзначай придушил.

— Да здравствует дедушка нашего вождя! — закричали наездники.

— Ну, что вы мне скажете? — спросил вождь у пленных. — Зачем пожаловали?

— Произошла ошибка, — сказала Тулия. — Мы просто заблудились... — И в этот момент ее взгляд упал на Удалова. — Ах, вот ты где! — воскликнула девушка. — Вот ты мне попался!

Тулия рванула к Удалову, и тот от неожиданности даже отступил на шаг. Старик дернул веревку на себя. Тулия не удержалась и упала. Могильщик тоже на всякий случай упал.

— Погоди! — взревел вождь. — Чародей Удалов! Не ваши ли эти могущественные враги?

— Они самые.

— И не их ли чародейское оружие лежит у наших ног?

— Оно самое, — сказал Удалов.

— Какие же вы чародеи, если мой немощный дед с вашими врагами справился? И я хотел такого ничтожного человека сделать своим личным жрецом! Да ты знаешь, каких я жрецов уже уничтожил? Героев! Мастеров своего дела!

— Простите, но я не просился к вам в жрецы, — возразил Удалов. — Я даже отказывался.

— И правильно делал, — сказал вождь. — Твое счастье. Что с этими наглецами будем делать? Дедушка, тебе рабы нужны?

— Не нужны мне рабы, — ответил дедушка — Я теперь думаю о вечности. Незлобивый я стал, неспритязательный.

— Тогда придется их в жертву принести, — решил вождь. — А то дождей вторую неделю нет.

— Правильно, — поддержал вождя карлик Острадам. — Только близко к ним не подходите, когда в жертву будете приносить. Они очень заразные.

— Не исключено, — произнес вождь. — Мне один жрец, вечная ему память, рассказывал, что есть на свете разносчики заразы ростом меньше комара. Невероятно, но допустимо. А вы как думаете?

— В миллион раз меньше комара, — сказал карлик. — Я сам видел.

— Вот и врешь, дурак. Как же ты их видел, если и комар с трудом поддается наблюдению?

— Не дурак я, — обиделся Острадам. — Если не умру послезавтра, пришлю прибор, именуемый микроскопом. В нем все видно.

— И не обманешь? — спросил вождь. — А то мне один жрец, чтобы я его не убивал, обещал Прибор раздобыть. Я его отпустил за Прибором, а он не вернулся. Может, наврал он мне? Может, и нет на свете Прибора?

— Есть Приборы, — заверил вождя карлик. — Привезет. Может, у вашего жреца трудности с транспортом.

— Ну, ладно. Постарайся не умирать, — сказал вождь. — Я очень заинтересован в этом самом микроскопе. А чтобы зараза нам не грозила, давай поскорее принесем твоих врагов в жертву. Как их лучше умертвить?

— Сжечь, — предложил карлик, — самое гигиеничное.

— Правильно, — согласился вождь, — мы же стремимся к культуре и гигиене. Молодцы, собирайте сучья, а мы пока перекусим.

Удалов был страшно голоден, но вдруг аппетит пропал. Он всегда такой, Удалов. Казалось бы, не должно быть пощады врагам...

— Пощадите нас, — проговорила тихо Тулия. — Мы обещаем никогда больше вас не беспокоить. Мы ошиблись.

— Не могу. Я другу обещал, — ответил вождь, усаживаясь на подушки и внимательно наблюдая, как слуги расставляют на шкуре кувшины с вином и миски с пищей. — Он мне микроскоп достанет. Я ведь страшно

любопытный. Мне до цивилизации осталось каких-нибудь два шага.

— Три микроскопа! — закричала Тулия. — Четыре микроскопа! Целую микробиологическую лабораторию!

— Ах, не надо меня соблазнять! — раздраженно ответил вождь. — Я человек простых устоев и стойкой морали. Следовательно, своих обещаний не отменяю. Если я буду продаваться за микроскопы, какой пример я подам моему народу? Все вокруг начнут продаваться за микроскопы. Ну, гости, садитесь за стол. Выпьем за знакомство.

Удалов послушно сел вместе со всеми, но на душе у него было беспокойно. Он то и дело оглядывался на Тулию и думал о том, что если не считать отвратительного микроба, это простая, добрая и очень красивая девушка, несмотря на то что у нее не подведены глаза и не подкрашены губы. А Тулия, перехватив сочувственный взгляд, возвала к состраданию Удалова:

— Корнелий, мы же любили друг друга.

— Это был обман, — отметил Удалов. — Я полюбил тебя без начинки.

Могильщик сказал негромко:

— Может, дадут мне выпить немножко? Перед смертью.

— Дайте ему кубок, — сказал вождь.

Тулия тихо плакала. Могильщик поднял кубок и произнес:

— Похоронить меня здесь будет некому. Такой позор. Я могильщик в десятом поколении, а меня некому похоронить.

Отпив половину вина, могильщик протянул кубок вождю. Вождь, приняв из рук могильщика недопитый кубок, задумчиво понес его к губам. Он уже готов был отхлебнуть из него, как, почувствовав неладное, Удалов неожиданно бросился к вождю и отчаянным ударом выбил кубок из его руки.

— Что такое? — Вождь вскочил и выхватил меч. — Ты умрешь раньше, чем они! Такого оскорбления...

— Погодите, уважаемый, — слышался голос могильщика. — Удалов сейчас спас вас от участи худшей, чем смерть. Мой микроб в опасении моей гибели перепрыгнул на край кубка и готов был уже внедриться в вас через рот. Благодарите Удалова, что не заразились.

— Вы можете меня убить, — сказал Удалов. — Но я вас спасал.

— Если оба так говорят, то я предпочитаю верить. А где же тот микроб, который хотел меня заразить?

— Он очень мал, — объяснил Удалов. — Его не увидишь без микроскопа.

— Так почему же вы медлите с доставкой микроскопа?! — возмутился вождь. — Я даже не могу разглядеть своих врагов!

В этот момент Острадам заметил, что Тулия потянулась к краю шкуры, заменявшей скатерть.

— Назад! — крикнул карлик, а сообразительный дедушка вождя дернул за веревку.

Рука Тулии повисла в воздухе.

— Она хотела его подобрать, — сказал карлик, становясь на четвереньки и водя носом над самой скатертью. — Он где-то здесь.

Карлик так спешил и волновался, что ногой опрокинул миску с жареным гусем и кувшин с самогоном. Но никто не обиделся. Все были захвачены стремительным ходом событий.

— Кипяток! — приказал карлик, протягивая руку назад. — Быстро!

В голове и манерах его было что-то, напоминавшее Удалову хирурга, который в детстве вырезал ему гланды.

Слуга, державший в руках медный чайник, послушно передал его карлику, и карлик принялся поливать кипятком край шкуры. Вдруг раздался громкий писк. И прервался...

Тулия подняла руки к вискам и сказала скорбно:

— Вечная слава тебе, мой двоюродный племянник! Ты погиб в войне с коварными врагами.

— Все, — проговорил карлик, выпрямляясь и возвращая чайник слуге. — С одним врагом покончено. И я советую поскорее уничтожить второго.

— Что вы там медлите? — прикрикнул вождь на слуг. — Костра разжечь не умеют!

И вождь, будучи человеком первобытным, потер ладони, предвкушая жестокое развлечение.

— Корнелий, — взмолилась девушка, — ты же знаком с моей мамой.

— Да, — подтвердил Корнелий.

— Корнелий, мои чувства к тебе не изменились. Я только вынуждена была их скрывать. Теперь больше не буду. Я твоя. Делай, что хочешь. Хочешь — убей своими руками.

— Нет, — сказал Корнелий. — Мне трудно в это поверить. Я знаю, насколько коварная Верховная матка сидит в тебе и говорит твоими устами.

— Мы вместе говорим, — ответила Тулия. — Мы совершенно солидарны в любви к тебе, Корнелий. Мы скроемся на дальней планете и будем жить в любви и согласии.

Корнелий поднялся с места и сделал шаг к девушке. Чувства в нем воспалились. Бывает так в жизни! Корнелий отчетливо понимал всю пагубность любви к этой девушке, внутри которой таился злобный и равнодушный к Удалову микроб. Нельзя ее любить! Но и разлюбить ее Удалов не мог.

— Придется его связать! — воскликнул Острадам. — Он сейчас опасен. Он подобен спутникам Одиссея, которые слышали сирен и попрыгали в море.

— Про Одиссея ты нам расскажешь потом, — произнес вождь. — А Удалова мы свяжем. Я не выношу, когда ради красивой бабы мужчины теряют чувство собственного достоинства.

По знаку вождя слуги навалились на Удалова и собрались уже его вязать, как в голову Корнелию пришла светлая мысль.

— Я знаю! — закричал он, барахтаясь под сильными молодыми телами диких воинов. — Я попытаюсь спасти Тулию!

— Хитрит, — сказал карлик. — Безумие любви.

— Хитрит, — согласился вождь.

— Я тоже когда-то любил, — припомнил дедушка. — И меня тоже вязали.

Только могильщик не сказал ничего. Он сидел в сторонке и обгладывал кость. Он истосковался по настоящей пище.

— Ну что сделать, чтобы получить право приблизиться к девушке? — спросил Удалов в отчаянии.

— Нельзя тебе приближаться, — сказал карлик.

— Но для меня микробы не опасны.

— Потом поздно будет разбираться.

— Я бы выкупил у вас девушку, — предложил Удалов вождю.

— Я не продаю лиц, предназначенных на убой, — сказал вождь с чувством собственного достоинства.

— Неужели нет никакого выхода? — кричал Удалов, извиваясь под молодцами.

— Думай, Удалов, думай! — поддерживала его девушка Тулия. — Я всегда с тобой!

— Есть выход, — сказал вдруг дедушка.

— Ну, это не выход, а самоубийство, — ответил вождь, который понимал своего дедушку с полуслова.

— Это древний обычай, — произнес дедушка, — и не нам отменять обычаи. Без традиций общество деградирует.

— Какой обычай? — спросил Удалов.

— Вот если он прилетит, тогда, считай, тебе повезло. Или не повезло.

— Кто прилетит? — вмешался Острадам.

— Тот, кого вы ждете. Сами же сказали, что хотели на нем отсюда улететь. И не боитесь.

— Мы хотели на космическом корабле улететь.

— О космических кораблях по причине низкого уровня нашей цивилизации мы не подозреваем, — заявил вождь. — Нет у нас космических кораблей.

— Но кто же у вас по небу летает? Кто же тогда это поле выжег? — удивился карлик. — Чья это посадочная площадка?

— Известно, чья, — сказал вождь, — дракона.

— Еще дракона не хватало, — возмутился Острадам. — Зачем вы нас вводили в заблуждение?

— Никто не вводил, сами ввелись, — заметил вождь.

— А что я должен сделать с драконом? — прохрипел придавленный Удалов.

— Что обычно с драконами делают? Убить. Отрубить все три головы. Кстати, это еще никому не удавалось.

— Это несерьезно, — сказал карлик. — Удалов нам нужен живой.

— Обычай есть обычай. Наши предки постановили. Если герой хочет получить в вечное пользование девушку, он может выйти на бой с драконом. И погибнуть. Но если он победит дракона в честном бою, то девушка достанется герою и он должен на ней жениться.

— Великолепный обычай! — произнесла Тулия так сладко, что если у Корнелия и возникли какие-то сомнения или опасения, то они при звуке этого голоса тут же пропали.

— Я готов! — сказал Удалов. — Где дракон?

Глава двадцать вторая,

в которой Удалов вступает в смертельный бой

Дракон не заставил себя долго ждать. То ли услышал, что его зовут, то ли почуял запах жареной пищи, но вскоре он, застияя перепончатыми крыльями солнце и вытянув вперед три огнедышащие головы, спланировал на свою посадочную площадку. Слугам пришлось срочно собирать остатки пищи, и пировавшие отступили под защиту деревьев.

Дракон не спеша обошел площадку, прожег ее огнем из ноздрей, смахнул пыль шиповатым хвостом и, подлизав остатки пиршества, собрался спать.

Удалов понял, что боится. Смертельно боится. Он никогда раньше не видел драконов и не подозревал, что они бывают такими большими и неуязвимыми.

— Отпустите его, — приказал вождь. — Пусть приведет себя в порядок, подготовится. Пускай коня выберет, оружие по руке.

Молодцы разошлись, помогли Удалову подняться. Все смотрели на него с нескрываемым уважением. Кроме, разумеется, карлика.

— Дурак ты, Удалов, — сказал карлик с чувством. — Всю репутацию мне погубишь. Международный деятель, руководитель стройконторы, отец семейства, наконец, а бросаешься в бой с непобедимым драконом ради девицы сомнительной репутации.

— Репутацию мою не задевай, — строго оборвала его Тулия.

— Она права, — сказал печально Удалов.

Он рад бы сейчас и не сражаться с драконом, но если ты, человек Земли, дал слово, то должен его сдержать. А Удалов дал слово дважды. Во-первых, обещал матери-

уборщице найти и вернуть дочь, во-вторых, дал слово освободить девушку от власти микробов. Не говоря уж о личных чувствах.

Удалов поглядел на коня, которого подвели к нему, и отрицательно покачал головой. На конях он сроду не ездил. Меч он, правда, принял. Меч был тяжеловат, но нельзя же идти на дракона совсем без оружия.

Карлик передал Удалову лежавший на земле пистолет.

— Вот, — сказал он. — Единственная твоя реальная надежда.

— Спасибо, — без особой надежды ответил Удалов.

— Целься в глаз, — посоветовал карлик.

— В какой? — спросил Удалов.

Глаз у дракона было шесть, и все маленькие.

— Ну, пошел! — сказал вождь, положив руку на плечо Удалову. — Желаю тебе счастья. Очень тронут твоим отважным поступком. Когда достигнем нужного уровня цивилизации, поставим тебе памятник.

— Я тоже когда-то любил, — сказал дедушка, — но на дракона пойти не посмел.

— И хорошо, — заключил вождь. — Женился на моей бабушке, и родили вы моего папу. А то как бы мне без вас?

— Может быть, может быть, — тихо ответил дедушка, и глаза его затуманились воспоминаниями.

Вождь лгосько подтолкнул Удалова в спину, и, не чувствуя под собой ног, Корнелий пошел к дракону. Дракон его не замечал, он мирно похрапывал, выпуская из ноздрей зловонный дым, хвост его порой судорожно колотил по земле — видно, дракону снился тревожный сон.

По мере того, как Удалов приближался к дракону, чешуйчатый бок чудовища вырастал все выше. Вскоре он уже заслонил половину неба. Бок медленно надувался и опадал. Когда Удалов подошел совсем близко, дракон перевернулся во сне, почесал когтистой лапой бронированную грудь, при этом раздался страшный скрежет. Удалов еле успел отскочить.

Черт с ним, подумал Удалов малодушно. Все равно я его не убью. Да и неловко убивать дикое и наверняка редкое животное, которое тебе не причинило никакого вреда. Удалов хотел было вернуться к людям и сообщить

о своем решении, но тут до него донесся ласковый голос возлюбленной:

— Корнелий, смелее! Если ты умрешь, я умру вместе с тобой! И умру ужасной смертью, сожженная на костре на забаву дикарям.

И Удалов, придя в себя, широко размахнулся и ударил мечом дракона в бок. Меч отскочил от бронированной чешуи и чуть не вылетел у Корнелия из рук. Дракон бы и не заметил этого удара, если бы не дружный крик зрителей, которые приветствовали отважный жест Удалова.

Дракон удивленно поднял одну из голов и осмотрелся. Не сразу, но он увидел Удалова. Брови дракона удивленно приподнялись. Наверное, с высоты пятиэтажного дома, на которой находились глаза чудовища, Удалов показался ему ничтожным и не стоящим внимания.

— Ах так! — воскликнул Удалов, увидев, что дракон снова закрывает глаза и намеревается игнорировать врага. — Ну, держись! — И Корнелий, отыскав щель в стальной чешуе, вонзил в нее конец меча.

Тут уж дракон сильно удивился. Он даже приподнял лапу, чтобы смахнуть вредную букашку. Но Удалов был готов к этому, отбежал на десять шагов и достал пистолет. Дракон поднял все три головы и дунул огнем из ноздрей в Удалова. Удалову опалило брови и ресницы, а некогда белые трусы — единственная одежда Корнелия — стали коричневыми. Было больно.

Удалов поднял пистолет и выпустил в дракона всю обойму, целясь в глаза. Пули отскакивали от морды чудовища, лишь одна попала в цель. Дракон поднял лапу и извлек пулю из глаза, словно соринку.

Теперь Удалов был почти безоружен, а дракон обижен и разозлен. Он решил разделаться с обидчиком одним ударом, для чего поднял лапу, и, хотя промахнулся, так как с возрастом потерял ловкость и точность движений, комьями взметнувшейся земли Удалова избило, как картечью.

Но это Удалова не остановило. Каждого, даже самого обыкновенного и робкого человека, можно довести до такой степени отчаяния, когда он становится героем. И в то время, как все зрители этого захватывающего поединка отбежали подальше, Удалов снова поднял меч и пошел на

дракона с самоубийственной отвагой. Он был готов к смерти, но не согласен на поражение.

И неудивительно, что Удалов не заметил, как на него опустилась густая тень. Не заметил ее и дракон, вставший на дыбы и всерьез бросившийся навстречу человеку.

Но со спускавшегося космического корабля вся эта сцена была видна, как на ладони, и торговцы, прилетевшие на планету, схватились за фото- и кинокамеры и принялись лихорадочно снимать это редчайшее зрелище.

Все три головы дракона выпускали струи огня и дыма, лапы разрезали воздух в миллиметрах от тела героя, но Удалов прорвался сквозь все препятствия и вонзил свой меч в брюхо дракона.

Дракону стало щекотно, он прижал лапы к брюху и начал чесаться. И в это время увидел нависший над ним космический корабль.

У дракона не было опыта общения с космическими кораблями, так как он вырос и провел жизнь на отсталой планете. Поэтому неудивительно, что он ошибся, приняв корабль за другого дракона. Забыв об Удалове, дракон тяжело взмыл кверху и попытался сбить космический корабль, который с трудом выдержал такую атаку. В борту его появилась гигантская вмятина, и он начал быстро терять высоту.

Но дракону пришлось еще хуже. Грудь его была разбита, крыло погнуто, головы оглушены... И дракон, признав поражение, медленно и неверно полетел к горам, чтобы зализать свои раны.

Удалов с трудом поднялся с земли, куда его швырнуло порывом ветра при взлете дракона, и огляделся. Он еще ничего не понимал и не знал даже — победитель он или побежденный.

Но никто не обращал на него внимания. Все смотрели на космический корабль. С самыми различными чувствами.

Дикари в изумлении и страхе.

Карлик с надеждой, что это мирные торговцы, которые помогут Удалову добраться до цивилизованной планеты. А Тулня тоже с надеждой, что ей на выручку прилетели оболочки микробов.

Удалов, несмотря на раны и усталость, быстро оценил

обстановку и сразу направился к Тулии. Почти никто не обратил на него внимания.

Тулия спохватилась только тогда, когда Удалов заключил ее в свои объятия.

— Ты что? — пыталась сопротивляться она, отталкивая Корнелия обеими руками. — Сейчас не время для любви!

Но Удалов не выпускал девушку.

— Один поцелуй для борца с драконом, — сказал он. — Ты обещала.

— Ах, какие глупости! — произнесла красавица. — Целуй, только поскорее. Теперь, надеюсь, мне не грозит костер. А ты, голубчик, все равно погибнешь.

Но глаза Тулии, контроль над которыми Верховная матка временно упустила, выдали истинные чувства девушки — благодарность к мужественному человеку. И поцелуй получился длительным и нежным.

— Молодец, заслужил этот скромный дар, — заметил дедушка вождя, который был романтиком и потому смотрел на Удалова, а не на космический корабль. — Жаль, что я в свое время не сразился с драконом.

Переведя дух, Удалов отошел от Тулии, и могильщик, который по роду своей деятельности и характеру относился к людям с недоверием, сказал:

— Непохоже на тебя, Удалов.

Могильщик отправил в рот еще кусок мяса и запил вином. Он пользовался тем, что внимание окружающих отвлечено кораблем.

— Не понимаю, — сказал Удалов, но на губах его играла странная улыбка.

— Все понимаешь, — вздохнул могильщик, оглядываясь, не осталось ли съестного. — Но замыслил какую-то каверзу. Я верю, что ты влюблен в эту девушку, и потому тем более недопустима мысль, что ты можешь броситься к ней с поцелуями так вот просто, без приглашения.

— погоди, — сказал Удалов, поглядывая краем глаза на взволнованную Тулию, которая, прижав к груди обнаженные, испачканные землей руки, глядела, как космический корабль выпускает пандус.

И вдруг страшная судорога исказила ее лицо.

— Что такое? — спросила она. — Кто на меня нападает? Спасите...

— Что? — переспросил деловито могильщик. — Пора хоронить?

— Не спеши, — ответил Удалов, не скрывая торжествующей ухмылки. — Если хоронить, то надо делать очень мелкий гробик.

— Я все поняла! — воскликнула, корчась от мучений, девушка. — Это твое коварство, презренный Удалов. Ты воспользовался тем, что я отвлеклась, и поцеловал меня в губы.

— Правильно, — ответил Удалов. — А известно, что при гриппе и других заразных заболеваниях поцелуи совершенно противопоказаны. Вернейший путь перехода инфекции из организма в организм. Вот я и рассудил, что ко мне в организм Верховная матка перелезть не посмеет. Она знает, что это для нее верная смерть. Но о том, что мои микробы могут перебраться в Тулию, она в суматохе не подумала.

— О горе, горе! — причитала Тулия. — Они жрут меня живьем! Спасите... на помощь...

Голос паразитки слабел, и Тулия неверными шагами устремила к кораблю, питаемая последней надеждой на то, что прилетели ее земляки. Но веревка, которую держал наблюдавший за этой сценой дедушка, ее не пустила.

— Все ясно, — сказал дедушка, глядя, как Тулия клонится к земле. — Несчастная одержима бесом, и сейчас он с помощью чародейства Удалова из нее выходит.

— В общих чертах правильно, — согласился Удалов.

Двери корабля раскрылись, и по наклонному пандусу на землю спустились аккуратные, модно одетые, завитые и умытые торговые работники. Увидев их, Тулия прошептала: «Не те!», пошатнулась, пискнула предсмертным криком Верховной матки и упала без чувств.

— Разрази меня небо! — раздался громовой вопль вождя, подскакавшего поближе к кораблю. — Кого я вижу! Мой предпоследний жрец! Где мой Прибор?

— Одну минутку, — ответил пожилой строгий мужчина в расшитой тоге.

Он широким жестом указал на двери корабля. По наклонному пандусу торжественно съехал цветной телевизор.

— Вот он обещанный Прибор! — сказал жрец.

— О господин Прибор, ты прекрасен! — закричали дикари, падая ниц перед телевизором.

— Шарлатан, — пробормотал Удалов, склоняясь над Тулией.

— Теперь они добьются подъема цивилизации, — заключил старый циник могильщик-мухомор, обгрызая ногу барана.

Глава двадцать третья,

в которой Удалов появляется на СОС и встречается со своей женой

Руководители СОС, его делегаты, правительство планеты, не говоря уже о друзьях и родственниках Удалова, пребывали в полном отчаянии, когда Удалов сошел с попутного корабля на спутнике планеты и такой же, как и прежде, веселый и жизнерадостный, полный сил и энергии направился к медицинскому контролю.

Его узнали прежде, чем он успел открыть рот.

Сначала по залу прокатился шепот:

— Удалов! Удалов вернулся! Неужели он жив? Какое счастье для человечества!

Затем шепот перешел в громкие возгласы и радостные крики.

— Удалов! — прокатывалось по залу.

Врачи и таможенники поднимали пропавшего без вести делегата на руки и пронесли к катеру, который взял курс к планете.

Может быть, не исчезни Удалов так драматически, не стань он центром интриг и беспокойства, значение его для делегатов и судеб СОС не было бы столь громадным. Но теперь, когда никто не надеялся на его возвращение, встреча Удалова вылилась во всенародный праздник.

Удалов стеснялся, краснел, утверждал, что не нуждается в таких шумных знаках внимания, но, разумеется, никто его даже не слышал.

Апогей радости пришелся на тот момент, когда смущенный Удалов вошел в зал съезда.

Делегаты встали. Ведь за время отсутствия Удалова

все только о нем и говорили, его скромная речь в день открытия съезда превратилась в воспоминаниях очевидцев в кардинальный и основополагающий доклад. Лозунг «Середина непобедима», брошенный Удаловым с трибуны, стал самым распространенным словосочетанием на планете, и уже несколько городов боролись за право поставить Удалову памятник в случае, если его не отыщут, а одна небольшая безответственная планета Пршекай официально объявила, что Удалов родился на ней, в небольшом городке, и в младенчестве был выкраден землянами.

Напрасно отговаривался Корнелий усталостью и нездоровьем. Под шум аплодисментов его вынудили подняться на трибуну и сказать речь.

Удалов откашлялся, одернул полы пиджака и проговорил таким знакомым всем присутствовавшим высоким застенчивым голосом:

— Здравствуйте, дорогие коллеги, дорогие средние существа Вселенной. Мне приятно вновь вернуться в лоно родного съезда.

Раздались бурные аплодисменты, которые во время речи Удалова стихали лишь изредка.

— Вас всех, — сказал Удалов, — явно волнует вопрос: где я был в это время, куда я исчез и почему никого не предупредил? Разрешите мне начать с самого важного. Я был на планете Кэ.

В зале грянула тишина.

— Я знал об опасности, угрожающей всему человечеству. Я знал о тайне, связанной с этой планетой, и счел своим долгом лично направиться туда в сопровождении моего друга синхронного переводчика Тори. Мы решили, что либо разгадаем тайну и ликвидируем опасность, либо погибнем.

Когда аплодисменты стихли, Удалов продолжал:

— С большими трудностями и приключениями добравшись до планеты Кэ, мы обнаружили, что наши опасения оправдались. Планета Кэ была захвачена микроорганизмами, которые внедрили во всех свободолюбивых жителей планеты и намеревались расширить агрессию, чтобы населить своими потомками тела всех жителей Галактики и таким образом поработить Космос. К счастью, мне удалось найти способ обезвредить микробов, хотя наша

борьба, о которой я расскажу подробнее при первой же возможности, была тяжелой и повлекла жертвы. От рук микробов смертью храбрых пал наш общий друг, синхронный переводчик Тори с планеты Тори-Тори. Прошу почтить его память минутой молчания.

Голос Удалова дрогнул. Председатель СОС Г-Г налил ему воды из графина и подвинул под локоть. Но Удалов отрицательно покачал головой. Он продолжал:

— Трудно представить, каким мучениям и издевательствам подвергались разумные существа на планете Кэ. В каждом из них сидел микроб, который говорил, что им надо делать, каким нектаром питаться и как размножаться.

Вопль негодования пронесся по залу съезда. У многих на глазах выступили слезы.

— И хотя тайна разгадана, — продолжал Удалов, — и меры принимаются, население планеты Кэ истощено, лишено моральной поддержки и совершенно деморализовано. Надо спасти наших друзей. Как это сделать, как помочь братьям по разуму, я еще не решил и прошу вашего совета.

Удалов сел и скромно отвернулся от урагана, вызванного рукоплесканиями.

С мест раздавались возгласы, славившие Удалова, а также советы, как спасти планету Кэ. Шум стоял невообразимый, и никто не заметил, как в зал вбежала запыхавшаяся и растрепанная, уставшая от пересадок и нервного напряжения Ксения Удалова, которую поддерживал под локоть Николай Белосельский.

Ксения тут же увидела своего мужа и помахала ему рукой. Но, разумеется, в этом гаме и мелькании конечностей ее не заметили.

— Видишь? — крикнула Ксения на ухо своему спутнику. — Сидит! Нарочно меня волновал. Может, куда и не исчезал.

— Вот и хорошо, — сказал Белосельский с облегчением. — Значит, нам можно возвращаться. Подойдем к нему в перерыве, пожелаем счастья и успехов в работе, а потом домой.

— Нет, — произнесла Ксения твердо, — не для того я его догоняла, чтобы оставить в одиночестве. Полетим домой все вместе. Так я решила.

И Белосельский с ужасом понял, что ничего поделаться с этой женщиной он не может. И понял другое: хоть он и уехал от Гусляра дальше, чем расположен город Петропавловск-на-Камчатке, все равно никуда не делся от тяжелого груза прошлого.

— Погляди, Коля, — продолжала между тем Ксения, которая умела быстро успокаиваться. — Всюду портреты моего мужа, плакаты на непонятных языках — тоже в его честь. Уважают Корнелия. Приятно это. Пойду, пожалуй, скажу народу, что я его жена.

— Ты неправа, Ксюша, — остановил ее Белосельский. — Это уважение оказывается не лично Удалову, а всему населению нашей планеты. Мы же с тобой рядовые ее граждане и не должны зазнаваться.

Председатель съезда Г-Г поднялся на трибуну и постукал карандашом о графин.

— Тишина! — потребовал он.

Тишина наступала медленно, делегаты с трудом успокаивались. Наконец председателю удалось утихомирить зал, и он сказал:

— Мы тут посоветовались с уважаемым делегатом Удаловым и пришли к положительному решению, которое я выношу на голосование. Мы предлагаем всем делегатам, кто может и хочет передвигаться в кислородной атмосфере, провести, — конечно, приняв необходимые меры предосторожности, — заключительное заседание на несчастной планете Кэ, этим продемонстрировав нашу солидарность с ее населением, а также на месте найти реальные меры помощи пострадавшим.

Удалов вскочил с места и крикнул:

— Я всем сердцем поддерживаю это предложение. Да здравствует наш председатель Г-Г !

Зал взорвался шумной овацией, диссонансом в которой прозвучали лишь возмущенные протесты неокислородышащих делегатов, которые тоже хотели немедленно лететь на планету Кэ.

Ксения далеко не все поняла, так как знала только русский язык, но была горда своим мужем и громко воскликнула:

— Да здравствует мой муж Корнелий Удалов! Так держать!

Крик ее прорвался сквозь общий шум, и многие обер-

нулись, а по залу прокатилось известие о том, что жена Удалова прилетела с Земли, чтобы присутствовать при историческом моменте.

— Проходите в президиум, — кричали делегаты, и Ксения с удовольствием последовала этому совету.

Она хотела взобраться наверх, но тут ее остановил голос Удалова:

— Ксения, опомнись! Ты меня ставишь в неловкое положение.

— Это ты меня поставил в неловкое положение, когда сбежал из дома! — огрызнулась Ксения, но в президиум не пошла, а остановилась в нерешительности на ступеньках.

— погоди, — сказал ей Удалов. — Сейчас организуем поездку на освобожденную мною планету, и я с тобой воссоединюсь.

Председатель обратился к делегатам с предложением голосовать за идею Удалова. Делегаты единодушно подняли руки, лапы, щупальца, когти и прочие конечности.

— Предложение принято, — известил председатель. — Корабли ждут. Немедленно начинаем погрузку.

Делегаты принялись вставать со своих мест, спеша и толкаясь, чтобы скорее успеть на планету Кэ. И в этот момент от двери послышался хриплый голос:

— Остановитесь!

Глава двадцать четвертая,

в которой все разрешается, герои вознаграждены, а злодеи наказаны

Голос, прозвучавший от двери, принадлежал странному существу.

Существо было в одних трусах, страшно измаранных землей, на плечах существа была чья-то чужая куртка, лицо было исцарапано и изранено, а волосы, венчиком вокруг лысины, настолько спутаны и грязны, что невозможно было даже определить, к какому виду или типу живых существ относится обладатель хриплого голоса. Достаточно было поглядеть на окровавленный меч в его

руке, чтобы понять, что существо первобытно и агрессивно, что никак не соответствовало общему благодушному настроению съезда.

Два других существа, стоявших по обе стороны дикаря, также были грязны, оборваны и совершенно неопознаваемы. Справа от дикаря стояла несчастная дикая девушка в серебристом купальном костюме, слева совсем уже непонятный феномен в страшно мятой шляпе, схожей со шляпкой мухомора, по которому долго ходили ногами, и в жалких остатках некогда черного одеяния, бахрома которого волочилась по полу.

— Кто такие? — раздались крики. — Почему их пустили?

Грязный голый человек, не опуская меча, прошел к сцене, уверенно забрался на нее и сказал:

— Никуда вы не поедете. Ни на какую планету Кэ. Там вас уже ждут. И сделают из вас таких вот безвольных рабов.

И голый дикарь указал мечом на Удалова.

— Клевета! — раздались вопли в зале. — Бандит! Уберите его! Благородный Удалов освободил планету Кэ от угнетателей! Мы все едем туда, чтобы помочь пострадавшим!

— Благородный Удалов ничего не смог поделать с микробами, — ответил, ухмыляясь, дикарь. — Он еле от них сбежал.

И эти неуважительные слова в адрес известного героя были встречены громовым хохотом зала.

— Покиньте помещение, хулиганы! — велел председатель, оглядываясь на настоящего Удалова. — А то мы прикажем вывести вас. Не мешайте нам готовиться к перелету на планету Кэ.

— Ничего подобного, — сказал нахальный дикарь и, подняв меч, направил его конец на председателя съезда. — Этот меч обагрён кровью дракона, этот меч поднимается только на правое дело. А я, кстати, и есть Удалов.

— Долой! — кричали делегаты. — Это издевательство!

Одетый Удалов поднялся со своего места и развел руками, как бы говоря: «Ну что ты будешь делать!»

— Кто ты, я еще не знаю! — воскликнул дикарь в трусах. — Но сильно подозреваю, что ты подослан пара-

зитами, чтобы заманить делегатов на свою планету и там поголовно заразить их.

— Какая наглая клевета! — закричал одетый Удалов.

Ругаясь, Удалов и дикарь приблизились друг к другу, и тут некоторые из наиболее наблюдательных делегатов обратили внимание на явное сходство дикаря и одетого Удалова.

Председатель встал на пути голого дикаря и, жертвуя собой, перекрыл дорогу к отступившему перед нападением одетому Удалову.

— Он прав! — воскликнула вдруг непричесанная девушка в серебристом купальном костюме. — Он настоящий Удалов! Он прошел сквозь страдания и битвы, чтобы предупредить вас об опасности, он лишился всего, даже одежды, а вы верите самозванцу!

Председатель сделал знак, и в зал вошли служители. Они умело подхватили голого дикаря под локти, чтобы вывести его. Меч звякнул о пол.

С точки зрения возмущенных и законопослушных средних делегатов, уже собравшихся было на планету Кэ с благородной миссией, все было ясно. Справедливость восторжествовала, хулиган укрощен. Но оказалось, что не все еще кончено.

Высокий стройный человек в темном костюме и со вкусом подобранным галстуке решительно прошел к сцене, легко вскочил на нее и обратился к залу.

— Главное, — сказал он, — не сделать роковой ошибки.

— Да что там думать! — откликнулся кто-то из зала. — Все ясно.

— А вдруг этот жалкий дикарь и есть настоящий Удалов? Каких только не бывает случайностей.

— Правильно говоришь, друг моего детства Николай Белосельский! — воскликнул дикарь, которого крепко держали охранники. — Надо разобраться.

Одетый Удалов повторил как эхо:

— Да, друг моего детства Николай Белосельский, надо разобраться. Только меня удивляет, что ты еще сомневаешься в моей личности.

— Скажу тебе честно, — ответил Белосельский, — тот человек тоже похож на Удалова. Поэтому я предлагаю

спросить мнение присутствующей здесь жены Удалова Ксении. И таким образом мы себя гарантируем от случайностей.

— Правильно! — закричал голый дикарь. — Где ты, Ксюша?

— Я здесь, — отозвалась массивная супруга Удалова.

— Вот это лишнее, — проговорил одетый Удалов. — Зачем впутывать в плохой детектив мою уважаемую жену? Зачем нашей семье такая гласность?

Слова одетого Удалова вызвали сочувствие и понимание большинства делегатов, но любопытство все-таки пересилило, а так как это был съезд средних существ, которым, как известно, свойственна склонность к сенсациям, Ксении разрешили выйти на сцену.

Два Удалова стояли перед женщиной.

Один был неплохо одет (Ксения сама покупала ему этот костюм), причесан и положителен. Другой вызывал сомнение и даже раздражение. В глазах его сверкала дикость, как в далекие годы юности, он был гол, изранен и жалок. Но и он будил в ней какие-то родственные чувства.

— Ксения, — солидно сказал одетый Удалов. — Скажи свое положительное мнение, и вскоре мы вернемся с тобой обратно, к нашему семейному очагу.

— Хочется домой? — спросила Ксения.

— Мечтаю воссоединиться.

— Тогда ты и есть мой, — сказала Ксения, но палец ее, направленный было на одетого Удалова, замер, не поднявшись. Потому что она заметила на боку голого Удалова знакомую и любимую родинку. — Нет, — добавила она. — Раздетый тоже мой.

В зале поднялся гул.

— Да что же это получается! — не выдержал раздетый. — Мы теряем время, а микробы его не теряют. Тулия, скажи им, что я настоящий. Скажи, милая!

Девушка, поднимавшаяся на сцену, несмотря на растерзанность внешнего вида, была прекрасна и молода. Она сказала уверенно:

— Со всей ответственностью повторяю. что раздетый Удалов настоящий.

— Ты сама ненастоящая! — крикнул одетый Удалов. — Ты микробная шпионка.

— погоди, Корнюша, — остановила его Ксения. — А ты, голубушка, кем приходишься Корнелию Удалову?

— Я его друг, — ответила девушка.

— Друг, значит? — В голосе Ксении трепетал мороз. — А сама откуда родом?

— Я отсюда. Моя мама работает в гостинице...

— Дочурка! — раздался женский голос.

По проходу к Тулии бежала, обливаясь слезами, ее несчастная мать.

— Мама! — Девушка кинулась матери навстречу.

Ксения остро взглянула на голого Удалова и уловила в его глазах томление. Томление относилось к девушке Тулии.

— Такой мне не нужен, — сказала Ксения. — Даже если настоящий. Мне отдайте положительного.

И, сделав выбор в пользу одетого Удалова, Ксения села на свободный стул, рядом со своим мужем.

— В дорогу, в дорогу! — призвал одетый Удалов делегатов. — Теперь-то все сомнения разрешены.

— Нет, не все, — вмешался тогда Николай Белосельский. Он-то знал Удалова с детства, и потому голый и буйный Удалов вызывал в нем куда большие симпатии, чем положительный. — Разрешите, я тоже кое о чем спрошу.

— Разрешим? — спросил председатель.

— Только чтобы это был последний вопрос, — согласились делегаты.

— Скажи мне, Корнелий-одетый, — обернулся к нему Белосельский. — Как звали нашего учителя физики?

— Ах, какие мелочи! — быстро ответил одетый Удалов. — Я даже не помню.

— Карабасом мы его звали! — закричал голый Удалов. — А химичку Кислотой, а историка Иваном Александровичем...

— Хватит, — сказал Белосельский. — Еще один вопрос. Теперь к голому Удалову. Где я познакомился с твоей женой?

— Всю жизнь мучаюсь, — ответил Удалов. — Вернее всего, в пионерском лагере. Или в кружке юных натура-

листов, где ты резал лягушек, а Ксюша разводила гладиолусы.

— Я ненавижу резать лягушек, — сознался Белосельский и пожал израненную руку голому Удалову. — Мы познакомились в кино.

— Безобразие! — заявил одетый Удалов. — Я протестую.

Но в этот момент Ксения, которая сидела, ласково положив руку на плечо одетому Удалову, совершила резкое движение, рванула пиджак на себя, и тот соскочил с Корнелия. И под пиджаком обнаружился золотой смокинг кузнечика Тори, синхронного переводчика. Вторым движением Ксения стащила с кузнечика маску и парик.

Кузнечик совершил громадный прыжок, стараясь скрыться от преследования, но голый Удалов был начеку. Еще мгновение — и Тори, затрепетав в руках Удалова, запричитал:

— Я ни в чем не виноват! Я жертва обстоятельств.

— Вызывайте врачей, — сказал Удалов. — Пусть они вынут из Тори паразита и исследуют его. Тогда нам легче будет найти способ бороться с этой опасностью.

— Не смейте! — закричал микроорганизм голосом кузнечика. — Я представитель суверенного народа!

Но к нему уже спешили врачи в масках и защитных халатах.

Удалов вернулся к Ксении. Ксения плакала.

— Ты когда догадалась, кисочка, что я настоящий? — спросил Корнелий у жены.

— А тогда догадалась, — ответила Ксения, — когда тебя эта тварь с длинными ногами стала всенародно защищать. Дон Жуан немытый!

И на глазах всего съезда Ксения отвесила любимому мужу оглушительную пощечину.

Разумеется, эта пощечина не помешала делегатам СОС избрать на последнем заседании Удалова почетным председателем Союза Обыкновенных Существ. Удалов был признан единогласно самым достойным и самым средним из всех средних существ Галактики. С тех пор его даже на самых дальних звездных системах официально именуют Председателем Космоса и Сокрушителем дракона, а любовно — Победителем паразитов.

Глава двадцать пятая,

заключительная

Вечером, перед отъездом домой, когда закончились ликования по поводу избрания Удалова на ответственный пост, а манифестация, карнавальные шествия и концерты самодеятельности уже догорали на улицах, Удаловы уединились у себя в номере.

Ксения зашивала мужу пиджак, порванный во время разоблачения кузнечика. Удалов разбирал бумаги: те, что пригодятся на Земле, откладывал направо, а те, что без надобности, — налево.

— Теперь мне с тобой сладу не будет, — сказала Ксения, откусывая нитку. — Что ни день — в космос, то на заседание, то на совещание.

— Нет, — ответил Удалов. — Пускай сами ко мне приезжают. У меня в стройконторе дел много.

— Будешь, будешь в космос гонять. К своей возлюбленной.

— Она мне не возлюбленная, Ксюша, — возразил Удалов. — Она только выполняла задание.

— А ты и распустил перья.

— Извини.

— Никогда. А то женись на ней, я не возражаю. Поселяйся здесь, занимайся общественной работой, воюй с драконами. Из-за меня, небось, ни разу с драконами не воевал.

— У нас, кисочка, драконов нет, — напомнил Удалов.

Но голос его был невесел. Какие-то рецидивы страстного увлечения Тулией сохранились. И хотя еще по дороге домой Тулия объяснила Удалову, что испытывает к нему чувство благодарности, чувство дружбы и чувство почтения, но не больше, что теперь она полностью отдастся учебе, чтобы забыть об ужасных и позорных месяцах плена, Удалову трудно было забыть, как Тулия расширяла прекрасные глаза при виде Корнелия и повторяла: «С первого взгляда... и на всю жизнь!»

Неужели, мысленно вздыхал он, некоторые женщины могут так легко и убедительно притворяться? Как трудно поверить... и как не хочется верить.

Удалов искоса взглянул на Ксению и принялся шустрее раскладывать бумаги, опасаясь, как бы по своему обыкновению Ксения не прочла его мыслей. Но Ксения прочесть их не успела, потому что в дверь постучали и вошли Белосельский с Тулией. При виде Тулии Ксения поморщилась, Удалов тоже. По разным причинам. Ксении вообще Тулия внешне не нравилась, а Удалову не понравилось, что Тулия шла, положив золотую головку на плечо Николаю, как будто это была для нее самая привычная поза.

— Мы с печальной новостью, — сообщила Тулия.

— Говорите.

Удалов пытался преодолеть в себе остаточную ревность к другу детства. Пора было привыкать. Тулия уже третий день ходила, положив голову на плечо Николаю.

— Пришла телеграмма с дикой планеты. Вождь и дедушка передают привет, желают счастья в личной жизни. Они глядят Прибор и ждут высоких урожаев.

— А что же в этом печального? — спросил Удалов.

— Предсказатель умер. Умер наш Острадам.

— Не может быть! — Удалов отошел к окну и прижался лбом к прохладному стеклу. — Значит, он был прав в последнем своем предсказании.

— Да. Он проснулся утром в день своей смерти бодрый и совершенно здоровый и сказал, что, видно, ему не удастся умереть от естественных причин. Потом написал записку Удалову, ушел в поле, отыскал дракона и обозвал его жалкой лягушкой.

— Где письмо? — спросил Удалов.

— Вот.

Тулия протянула Удалову небольшую записку. Удалов прочел:

«Дорогой Корнелий!

Я вспомнил еще одну деталь из твоего будущего, которую я от тебя скрыл, потому что она указывала на то, что ты останешься жив. А это нарушило бы естественность твоего поведения. Когда я находился во временном водовороте, я видел, что ты не выполнишь годовой план и по инициативе Белосельского тебе будет вынесен выговор в приказе.

Прощай, Корнелий, ты мне полюбился. Если сам не умру, попробую довершить твой бой с драконом. Что-то мне этот дракон неприятен.

Не забудь выслать вождю микроскоп»

Записка была без подписи.

— Все ясно, Острадама погубило тщеславие... И чувство ответственности. — Удалов передал записку Белосельскому, чтобы тот ознакомился.

Белосельский прочел и сказал:

— Все может быть. В конце года посмотрим.

В комнату заглянула уборщица из Атлантиды.

— Ты здесь, Туличка? А то я уже беспокоюсь. Боюсь тебя отпускать даже на полчаса.

— Не беспокойтесь, — произнес Белосельский. — Я возьму на себя заботу о вашей дочери. Она будет в надежных руках.

— Ах, да, мамочка, — тем самым ласковым голосом, посылавшим когда-то Удалова на бой, произнесла Тулия. — Мы с Колей решили пожениться.

Ксения сказала:

— Слава Богу, что от моего отвязалась.

Уборщица из Атлантиды пошатнулась, собираясь упасть в обморок, и Удалову пришлось броситься за водой. А сам Удалов ничего не сказал, все и так было понятно. Зря он побеждал дракона. Он мог бы победить десятерых чудовищ — все равно красавицы достаются отличникам. Но кто бы догадался, какие они красивые, если бы не было обыкновенных женщин, наших жен, с которыми мы и сравниваем красавиц? К тому же у наших жен есть свои преимущества. И Удалов нежно посмотрел на Ксению.

Дверь снова открылась. В комнату въехала машина, за которой шел, толкая ее, кузнечик. Рядом, помогая ему, шествовал председатель оргкомитета Г-Г.

— Дорогой Корнелий, — проговорил он, пока кузнечик вешал на стену небольшой экран, — из уважения к твоим заслугам перед галактическим населением СОС выкупил у киномагнатов миомофильм, снятый без твоего ведома синхронным переводчиком Тори на основе твоих воспоминаний.

— Виноват, — сказал кузнечик. — Я уже раскаялся.

— Так как мы полагаем, что даже забытые воспоми-

нения важны для полноты личности, особенно для такой ценной в масштабах Галактики, как личность Корнелия, этот фильм будет продемонстрирован таким образом, что по мере показа его события будут возвращаться в память Удалова, исчезая с пленки.

После этого присутствующие расставили кресла и стали смотреть фильм. Удалов старался на экран не смотреть. Он достал коробочку со скорпиончиком, чудом сохраненную в странствиях и приключениях, и начал кормить его крошками.

Через несколько минут фильм закончился, и кузнечик зажег свет.

— Все, — возвестил он. — Пленка пуста, а воспоминание вернулось к владельцу.

— Я вспомнил, — откликнулся Удалов. — Даже странно, что мог забыть. Это про то, как мы с Ксенией познакомились и как чуть было не расстались.

— Из-за меня, — улыбнулся Белосельский. — Это я был тем верзилой, который тебе угрожал. Но я бы никогда тебя не побил.

— Помню, — сказал Удалов. — К тому времени мы с тобой уже не так дружили, как в детстве.

— Нас с тобой всегда разлучали женщины, — сказал Белосельский, поглаживая плечо прижавшейся к нему Тулии.

— Коля, как тебе не стыдно! — укорила Ксения. — Подождал бы до загса.

— Эх, Тори, Тори! — вздохнул Удалов. — Не принесло тебе богатства предательство. Злые дела никогда не окупаются.

— Знаю, — улыбнулся в ответ кузнечик. — Жизнь меня многому научила. Теперь я зарабатываю на нее честным путем.

— Каким же? — спросил Удалов, который не очень доверял кузнечику.

— Я купил у торговых работников документальный фильм о бое Удалова с драконом. С завтрашнего дня начинается демонстрация во всех кинотеатрах. Билеты раскуплены на год вперед. Рассчитываю без лишней скромности стать миллионером.

— А это не повредит моей репутации? — спросил

Удалов, который в последние дни относился к себе куда серьезнее, чем прежде.

— Твоей репутации все на пользу, — честно ответил кузнецик. — Достать тебе билет на премьеру?

— Даже не знаю... — Удалов колебался.

Он взглянул на Тулю, но Тулия смотрела на Колю. Он посмотрел на жену, и Ксения сказала:

— Иди, иди, только домой после этого не возвращайся.

— Прости, Тори, — сказал Удалов. — Не придется мне побывать на премьере. Дела.

И еще раз открылась дверь. Вошел могильщик в новой шляпе и новом балахоне.

— Поздравьте меня, — произнес он. — Я возвращаюсь. Забастовка на моей планете кончилась.

1978 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Космический десант	5
Свободный тиран	12
Титаническое поражение	19
Спонсора!	30
Ответное чувство	37
Кладезь мудрости	61
Надо помочь	76
Разум в плену	86
Родимые пятна	108
Соблазн	120
Технология рассказа	136
Повесть о контакте	152
О любви к бессловесным тварям	163
Паровоз для царя	173
Связи личного характера	184
Обида	194
Копилка	204
Они уже здесь!	213
Прощай, рыбалка	218
Свободные места есть	238
Районные соревнования по домино	249

Повести

Нужна свободная планета	261
Глубокоуважаемый микроб	321

